МЕМУАРЫ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ДНЕВНИК П. А. ВАЛУЕВА МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Том I. 1861–1864 гг.

ДНЕВНИК

П. А. Валуева

МИНИСТРА ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

в двух томах

Том I

1861-1864 гг.

Москва
Берлин
2020

УДК 94(47).082
ББК 63.3(2)522-36
Д54

Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел. В 2-х т.
Д54 Т. I. 1861-1864 гг. – Москва ; Берлин : Директ-Медиа, 2020. – 567 с.

ISBN 978-5-4499-1250-3

Дневник Петра Александровича Валуева (1815—1890 гг.), министра внутренних дел при дворе Александра II, будет интересен не только историкам и литературоведам, но и широкому кругу читателей, т. к. в нем освещается деятельность правительства в особый период истории России, насыщенный важнейшими историческими событиями. Отмена крепостного права (1861 г.), преобразования по пути превращения Росси в буржуазную монархию, покушение на Александра II (1866 г.), волна мощного революционно-демократического движения — все это освещено в дневниках П. А. Валуева. Записи почти целиком относятся к периоду деятельности автора в качестве министра внутренних дел (1861–1868 гг.) В издание вошла первая часть дневниковых записей с 1861 по 1864 гг.

Особый интерес представляют авторские комментарии, называемые П. А. Валуевым «Примечаниями».

УДК 94(47).082
ББК 63.3(2)522-36

ISBN 978-5-4499-1250-3

Дневник графа
Петра Александровича Валуева
1847—1860 гг.

В начале 1880-х годов покойный граф П. А. Валуев передал нам в копии выдержки из своего «Дневника» за время с 1847 по 1860 г. включительно.

Как увидят читатели, граф Петр Александрович уже в 1847 г. был недоволен своим дневником. В позднейшие же годы граф предал уничтожению значительную часть прежнего дневника. Мы имели случай видеть оригинал, писаный в переплетенных томах небольшого in-quarto. Вырваны и сожжены были графом П. А. Валуевым не только начало (за 1845) и 1846 гг.), но и многие десятки листов из всей остальной первой части дневника, т. е. не 1861 г.

Ред.

1847 г.

Steinsee, june the 20-th 1847. More than six months are over since J wrote the preceding lines. J had nothing worth relating. For my own part J can only remark that the foresaid six months were rather dull. But J have experienced that dull times are much better than some others, J have lived through. Thanks to Him, Whose mercy bestowed upon me some serene and quiet days after a long and dangerous illness, and Who did allow a whole half year of my life to pass without new misfortunes and without new pains.

(Перевод). Штейнзэ (Курляндск. губ., в 15 в. от Калкун), 20-го июня 1847 г. Прошло более нежели шесть месяцев с тех пор, когда писаны предыдущие строки. Не случилось ничего достойного записи. Лично о себе могу только заметить, что эти шесть месяцев были для меня довольно монотонны. Но я

испытал, что такие однообразные дни гораздо лучше многих других, мною пережитых. Благодарю Того, Чье милосердие ниспослало мне ряд ясных и спокойных дней после продолжительной и тяжкой болезни и Кто даровал мне прожить полгода без новых несчастий и нового горя.

Рига, 1-го ноября 1847 г. В предпринятой мною лифляндской современной хронике снова пробел, и пробел годовой. Перелистывая прежние мои заметки, я сознаю обязанность предпослать всему последующему некоторые извинительные объяснения.

Сознаю, что не только в писанном, но и в думанном мною нет надлежащей последовательности. Многое обсужено поверхностно, многое односторонне; во многом встречаю какие-то лишние оговорки, как будто выторгованные безмолвными упреками рассудка в неудовлетворительности или незрелости моих суждений. Разность обстоятельств и событий слишком отражается в высказанных мнениях. Хотя я и могу несколько оправдывать себя, во-первых, тем, что смотрел на дело более en homme préoccupé d'affaires personnelles, чем en homme occupé d'affaires publiques, во-вторых, тем, что дела постоянно шли бессвязно или сбивчиво, но при всем том стоило лишь подливать по временам поболее холодного рассудка в чашу мгновенных впечатлений, чтобы не дать нескольких промахов, мною данных. Например, в конце. 1845 г. не следовало придавать такой важности личностям Опочинина и гр. Толстого и лабрюйерствовать через меру; в начале 1846 г. не следовало повторять за г. Г-м, что немцы погибли, а в конце того же года не следовало считать чем-то значительным дело о кирхенконвентах и т. п.

5-го ноября. Итальянцы-композиторы черпают звуки из моря чувств, но чтобы уразуметь немецкую оперу, недос-

таточно слуха и сердца, нужна умственная работа. Мне всегда кажется, что немцы-лирики искусно и замысловато придумывают, как бы принарядить чувство так, чтобы с первого взгляда его не узнали. Они пишут оперы für wenige. Это нерассудительно. Симфонии, квартеты и т. п. пишите, как хотите и для кого хотите; но театр создан для масс, а не для немногих. Следовательно, и лирическая музыка должна быть писана для масс, а не исключительно для знатоков генерал-баса.

7-го ноября. Изобретать изобретенное есть лишний труд, — однако, к тому несколько склонны славянофилы.

9-го ноября. Недавно в Палермо были шумные беспорядки в театре, во время представления. Публика негодовала на дирекцию за набор плохих primi. Дирекция пожаловалась начальству и представила засвидетельствованный полициею список зачинщиков беспорядка. Luogotenente duca di Majo просмотрел список, вписал свое собственное имя и внушил дирекции озаботиться лучшим выбором театральной труппы. Весьма дельное различение беспорядков не политических и политических.

10-го ноября. День рождения старика Фелькерзама. Быстро проходит время и быстро переменяются или, лучше, сменяются обстоятельства. Для него с прошлогоднего 10-го ноября переменились все условия внешней жизни.

Для меня три 10-х ноября могут служить заглавиями или вывесками различных жизненных моментов. В 1845 году я был еще нов в здешнем крае, разъезжал на перекладных по делам религиозного переворота, и именно к 10-му ноября только что успел вырваться из дерптской западни, известною рукою мне состроенной. Довольно странный и продолжительный эпизод

моего рижского быта еще был в первоначальном разгуле. В 1846 г. эпизод был кончен, и в самом ноябре месяце, принимая деятельное участие в движении официальных ничтожностей, я с трудом пересиливал начало болезни, вскоре затем меня на долгое время пересилившей. В 1847 г. какая-то тишь в моих служебных и общественных отношениях. Перед ненастьем ли тихо, перед ясным ли днем? Увидим!

Вечером видел M-me Sehröder-Devrient в Romeo[1].

О пении и речи нет, но игра превосходна.

11-го ноября. Обедал у гражд. губернатора. Кроме меня, были А. Фелькерзам, ландрихтер Унгерн, А. Криденер, полицмейстер, прокурор и Фегезак. Essen pousse jusqu'à la bonhomie ses soins à faire les honneurs de chez lui. У него был какой-то комитет после обеда. Мне забавно было встречать, выходя от него, с докуриваемой сигарой, членов комитета, съезжавшихся в мундирных фраках и без сигар. У них, особливо у Кубе и у Лилиеифельда (гос. имущ.), на лице написано было: «Как это он меня не позвал?»

12-го ноября. Сегодня я слышал от Ханыкова, что экспедиция Обручева в киргизскую степь имела полный успех. Он устроил при Сырь-Дарье крепость на 1,000 чел. гарнизона и возвратился, не потеряв ни одного солдата. Необыкновенно влажная весна содействовала успеху. Войска везде находили воду и подножный корм для лошадей. Не знаю, напечатано ли что-нибудь о реченной экспедиции. Я давно не читаю полицейско-отечественных газет. Слышал о ней в первый раз от Языкова, который писал о том ко мне в Штейнзэ, в июне месяце.

---

[1] Т. е. Montechi e Capuletti, опера Bellini.

23-го ноября. Безрассудные поступки понятны. В них есть произвол и сознание. Но глупость невольна и бессознательна. Может ли бессознательно анормальное быть столь общим? Может ли оно быть принадлежностью большинства? Если нет, то оно не анормально. Если же не анормально, то почти выходит, что следовало бы переставить, в каталоге наших понятий, понятие об уме и о глупости, и считать недугом не глупость, а ум. Глупостью я называю здесь не совершенную непонятливость, но плоскость умственную, — тот уровень, на котором никогда ничего не заметишь, ничего не подберешь и ничего своего не оставишь.

29-го ноября. Большой обед у гражд. губернатора. В се власти, даже духовная, в лицах епископа и ген.-суперинтендента. Ландрат Симсон рассказывал за обедом, что Наполеон всегда смешивал слова armistice и amnistie. Я отвечал, что это довольно понятно: toute amnistie n'est qu'un armistice.

Кончил записку об определениях лифляндского ландтата вчера по утру, а сегодня, до обеда, отправил ее к ген.-губернатору.

Madame de Mandcrstjerna est morte dans la nuit, presque subitement. Cela m'a fait une peine sincère. J'ai été voir le général quand j'ai appris que d'autres y étaient allés. Il pleure à faire pleurer avec lui. Les filles ont une douleur plus calme. La faculté de la douleur est, comme celle de l'affection, d'une intensité inégale selon les individus, et presque toujours l'une est, directement en rapport avec l'autre.

Quelle que soit la part qu'un étranger prenne à un événement pareil, une visite de condoléance est presqu'une profanation de la douleur. J'en ai fait une cependant et j'en ferai d'autres. Je blesserais, si je m'en abstenais. Mais cela ne me froisse pas moins de me croiser, dans une maison de deuil, avec d'autres étrangers. Il y a toujours plus ou moins de contrainte, d'expression composée dans les traits du visage,

d'hypocrisie, — pour nommer la cliose par son nom véritable. Ceux qui montent et ceux qui déscendent l'escalier sont presque comme les auguras romains et presque plus faux que les augures, car ils sesidsimulent, même entr'exu, leur pensée intime.

(Перевод). Г-жа Мандерштерн скончалась сегодня ночью, почти скоропостижно. Я искренно опечален. Навестил сегодня генерала, когда узнал, что другие у него побывали. Он плачет так, что самому плакать хочется. Скорбь дочерей его спокойнее. Способность горевать, как и способность любить, смотря по индивидуальным особенностям, не у всех одинаково развита, но почти в каждом из нас степень интенсивности одного из этих чувств прямо пропорциональна степени интенсивности другого, — кто искреннее умеет любить, тот более страдает и скорбя.

Как бы искрение ни было участие, принятое лицом посторонним в семейном горе, «соболезновальный» визит является все-таки почти осквернением чистоты печали. Однако, я такой визит сделал, и не раз еще придется выражать соболезнование в такой же форме. Воздержаться — значило бы обидеть. Тем не менее меня коробит встреча с другими посторонними посетителями в доме, где покойник. Каждый придает своему лицу какое-то неестественное, сочиненное, или — чтоб сказать правду — лицемерное выражение. Подымающиеся по лестнице, встречаясь с уходящими, приводят на память римских авгуров. Они кривят душою даже более, нежели авгуры, потому что и в разговоре между собою скрывают то, что у них действительно на уме.

30 ноября. «Но речет кто: ты веру имаши, аз же дела имам; покажи ми веру твою от дел твоих, и аз тебе покажу от дел моих веру мою». (Соборное послание Иаковле, 2, 18.)

Жаль, что на ряду с цитатами из. Четвероевангелия нам редко напоминают сказанное в других Писаниях Нового Завета.

1 декабря. Читаю в «Times» какие удобства дают железные дороги. Недавно в одном из вагонов, прибывших на какую-то станцию между Лондоном и Лапкастром, нашли 4-х летнего ребенка с ярлыком to be left till called for (до востребования). Ребенка оставили при одном из служащих. Вечером явился отец, приехавший с другим поездом.

Там же читаю про political measures of a parenthetical character. Не знаю как перевести это на наш канцелярский язык, но многие из наших правительственных мер мне кажутся «междускобочными».

2-декабря. Прочел записку ландрата Симсона, поданную им, анонимно, в опровержение принятых ландтагом определений. Кое-что есть дельного, но не много. Записка писана не только желчно, но даже avec emportement. Странно, что нет русского верного переводного слова, — в самой вещи у нас нет недостатка. Достойно замечания, что Симсон нападает на некоторые положения ландтага, им же самим предложенные и проведенные. Это лишь в доказательство любви к прямым дорогам.

3 декабря. Вчера генерал-губернаторский обед у Вёрмана. Недаром упоминаю так часто об обедах. Это чисто рижская черта. Общественность здесь начинается с закуски и кончается карточным столом. There is conviviality, no sociability. Женская стихия редко переступает за домашний порог. Бледна жизнь общественная, где все краски налиты в графины или разложены на блюдах. Мне веет холодом от камина, обсаженного пищеварящими торговыми фирмами.

Они мне чужды; они для меня замкнутый круг. Я смотрю на них, но извне их области, и смотрю один, с тем же чувством одинокого особнения, с которым один, у себя дома, пишу эти строки. Я сказал: дома! Разве я дома? Я там был когда-то. Теперь кочевий мой дом, и даже кочевье не привольное, не вольно избранное, но указанное.

4 декабря. Пять дней тому назад начал перевод проекта «Положения о крестьянах», составленного лифляндским ландтагом, но дело медленно идет вперед[2]. Ханыков пишет всеподданнейший рапорт о положениях Эстляндского и Лифляндского ландтагов. Говорил с ним об этом. Не понимает дела. Он все привык улаживать на рысях. А этих вопросов на рысях не раскусить. У него в голове решительно каша.

---

[2] Собственноручный оригинал этого капитального переводного труда гр. П. А. Валуев незадолго перед смертью принес в дар библиотек Кодификационного отдела, состоящего при Государственном совете.

1848 г.

С.-Петербург, 10 марта. Встретился у моего хозяина с Шуваловыми, Б. Голицыным, Воронцовым и принцем Гессенским. Сей последний quite a gentleman, что редко для германских принцев.

16 марта. События идут так быстро, что все догадки, ожидания и рассчеты на будущее остаются далеко позади. Третьего дня в 7 ч. утра гр. Виельгорский привез известие о Берлинской катастрофе. Вверху все в крайнем смущении. Наши псевдогосударственные мужи не знают за что взяться. Другие придумывают сумасбродные распоряжения. Д. И. Бутурлин, напр., советует закрыть все университеты и гимназии. В городе разносят уже бесчисленные нелепости о дальних областях самой империи. Вчера утверждали, что Тифлис и Варшава вспыхнули и что в Риге в каком-то клубе из мебели состроили баррикады. Кн. Суворов внезапно уехал по приказанию государя. Приходится и мне торопиться за ним на свое место.

О будущем не загадываю. Всякие догадки, все толки о сбывшемся в Европе также не могут быть довольно отчетисты. Отсрочиваю те и другие. Но занимательно следить за разнообразием впечатлений, ими производимых. Власти будто не могут еще опомниться от изумления при виде бессилия других властей и при ежедневных доказательствах ошибочности своих предположений. Между сановниками и политиками одни в безмолвном страхе, — говорю безмолвном потому, что они ничего не сказывают толковитого, хотя и говорят много, — другие в озлоблении думают лишь о способах давить все, что смеет думать о них и не льстить им. Внутренние якобинцы, каков, напр., Скрипицын, душевно радуются об урагане, поднявшемся на привилегированные сословия, и

не без удовольствия замечают, что со дня на день можно перерезать или дать перерезать горло немецких и польских помещиков. Que deviendront les honnêtes gens! говорит кн-ня Варшавская, сложив руки крестом. Il faut écraser ces scélérats, говорит гр. Нессельрод, нахмурив еще более вечно нахмуренное лицо.

Рига, 24 марта. Вчера вечером около 9 часов до 10 тыс. чел. зрителей собрались перед замком. Здешняя Liedertafel приветствовала кн. Суворова факельцугом, песнями и речью, произнесенною от имени общества одним из старшин, адвокатом Бинеманом, бывшим студентом в геттингенском университете в одно время с князем.

С.-Петербург, 14 декабря, едучи сюда, кн. Суворов говорил, что дал бы себя изрубить на куски, дабы отстоять свой взгляд на Балтику, но что его голова не послужит благим советом в тот час, когда благие советы нужны. Теперь он ликует. Все (в высших сферах в С.-Петербурге) одинаково отзывались в его духе о балтийских делах. С наибольшею горячностью говорила великая княгиня Елена Павловна. Замечательно сказанное сею последнею: «Il n'y a rien d'aussi peu monarchique que le despotisme; l'Empereur est démocrate sans s'en outer».

Такие фразы и блистательный прием сильно подействовали на кн. Суворова. Он уже не на земле и парит превыше седьмого неба. Этого улетучивания крайне жаль. Победа в руках князя, он в состоянии ее выпустить из рук, если не предостережется от преждевременных победных возгласов и чрезмерного самодовольствия, всегда сопряженного с нерассудительными ожиданиями и требованиями. М-р внутрен. дел I'a comblé de prévenances, а князь в ответ говорил ему о тех misérables, которые причиной их несогласий. Гр. Пратасову

князь писал, что он позже объяснит ce qu'il vent, ce qu'il exige etc., и тут же не забыл о «ключаре». Все это иррационально.

10 декабря. Седьмое небо спускается на землю. Вел. кн. Михаил Павлович, когда кн. Суворов представлялся, ограничился тем, что упрекнул его в ношении сардинской аннунциады, о которой князь, при настоящих обстоятельствах, говорит, что он носит ее «en l'honneur de la maison d'Este», хотя получил ее от Карла Альберта, son cousin de Carignan.

Впрочем, дела до сих пор идут хорошо, т. е. не идут вовсе. Я не выхожу из дому и перевожу заключение ландтага по делу Будденброка. Что делает легконогий Торнау — не знаю.

Кн. Чернышев и гр. Блудов недовольны, говорят, вводною частью всеподданнейшего рапорта. Сначала я думал, что догматика не понравилась, et il y aurait eu du vrai, car l'introduction est positivement doctrinaire. Обстоятельства, по моему мнению, того требовали. Но выходит, что эти господа недовольны тем, что рапорт n'est pas assez antithèse avec le compte rendu Golovine etc. Князь также сожалеет, по-видимому, что признал пред государем долю правды в отчете своего предместника и не напал на сего последнего à outrance. En vérité je ne savais pas qu'il s'agissait de faire un paroli à rebours sur Golovine. J'ai pensé qu'il fallait seulement déplier la carte.

22 декабря. Я каждый день удостоверяюсь в том, что кн. Суворов и на этот раз, как всегда, перехлынул через края благоразумия. Он принят прекрасно, как генерал-адъютант. Но как генерал-губернатор не заметно, чтобы он пользовался большим значением. Адрес дворянства даже оставлен без ответа. Горою защищаемое представление о вдове Фелькерзама увенчалось лишь ничтожною пенсией в 1,500 р. и т. п. Князь, видно, ослабил своими речами и свойством этих речей то, что

в его рапорте и в этих самых речах заключалось правды. Он говорил на днях: je regrette plus que jamais que je ne fasse plus mon ancien service d'aide de camp général auprès des princes étrangers». Можно ли так зло самого себя обсуживать и осуждать!

1849 г.

5 января. Являлся министру внутренних дел, его товарищу и был, кроме того, у гр. Орлова и гр. Блудова. Гр. Орлов был любезен и сказал мне que j'avais beaucoup d'ennemis. Министр и Сенявин приняли меня учтиво, но сухо. Ils font au prince Souvoroff le petit honneur de le walouiéviser. Гр. Блудов изволил почивать.

2 февраля. Князя Суворова опять постиг маленький провал. Был составлен план необходимых гидротехнических работ в Риге, сообщен мною, частным образом (через Кубе), биржевому комитету, и вместе с тем предложен ген.-губернатору. После некоторых предварительных соображений, комитет облек мой проект в форму официальной просьбы и представил оную ген.-губернатору. Сей последний, с своей стороны одобрив проект, еще прежде того сносился полуофициально с министрами финансов и путей сообщения. Теперь выяснилось qu'ils n'ont pas mordu à l'hameçon. Денег нет и дело, видно, отложено будет до следующего года.

18 февраля. D'Israëli сказал: english manners save England from its laws, но это изречение не помешало мне выписать Блекстона комментарий к английским законам.

15 марта. Еще до прибытия в Сиб., кн. Суворов поручил правителю канцелярии составить особую записку о разных противодействиях и неприязненном направлении министерства внутренних дел. Записка была составлена, но не весьма удачно. Ее читали здесь гр. Блудов и гр. А. Г. Строганов, а затем сам цесаревич Александр Николаевич. Вчера его высочество присылал за кн. Суворовым и по приказанию государи императора сказал князю, что его величеству угодно,

чтобы эта записка была подана ему непосредственно, и что по долгу ген.-губернатора кн. Суворов к тому обязан.

В этот решительный момент и следуя правилу e meglio tardi che mai, у нас возникли некоторые сомнения насчет удовлетворительности записки в настоящем ее виде. Князь прислал Торнау ко мне со всеми pièces justificatives и с самою запиской, которой я дотоле не читал. Вчера вечером, на скорую руку, мы пересмотрели и переправили эту работу, по возможности. Несколько статей исключено; кроме того, составлена препроводная докладная записка. Завтра все это будет представлено. Я вообще недоволен этой работой и весьма не уверен в благоприятных последствиях. Но поздно было передумывать, а переделывать основательно было некогда.

30 марта. Записка подана. Результат следующий. Кн. Чернышеву поручено убедить кн. Суворова, с которым сам государь, на прощальной аудиенции, был очень любезен, — в преимуществах мирного жития перед бранью (не даром пишу здесь «брань» вместо «войны»), Кн. Суворов, убедившись, что государь император смотрит на вещи иначе, чем действ. стат. советник Торнау, в одно мгновение ока забыл все прежде думанное и говоренное его светлостью о непримиримой вражде с м-ром внутренних дел, о невозможности продолжать службу вместе, и т. п. Он поехал к министру и чрез несколько минут они очутились по-прежнему лучшими друзьями, на «ты», и т. д. Political men of old England, take a lesson at this!

Между тем Торнау уехал, оставя канцелярию в хаотическом положении, а слабоголовый Т***ль пишет ко мне из Риги, что он ожидает «zu Ostern, als Fortsetzung der affaire Samarinn, die allendliche Verurtlieiluug des Peroffskischen Systems und das Einläuten unseres Aufereteliungsfestes!»

3-го апреля. Я читал вообще довольно многое о Ниле. На сих днях я прочел еще путешествие к верховьям Нила и далее нашего инженерно-горного офицера Егора Петров. Ковалевского. Странно, что много речи, со стороны путешественников, о Белом и Голубом Ниле и о том, который из двух вообще надлежит признавать главным Нилом, но при этом, сколько мне помнится, не обращается внимания на лучший способ к решению вопроса. Периодические наводнения суть отличительная черта Нила. Который из двух верхних Нилов, Голубой или Белый, главный при том деятель? Не может быть, чтобы не замечено было разницы в массе вод и в порядке постепенного возрастания их, в том и другом, при начале периодических наводнений.

8-е апреля. Министр внутр. дел и кн. Суворов sont comme doux tourterelles. Eu attendant le premier est élevé au titre de comte, ce qui pronve qu'il est loin d'être en disgrâce. Voilà où ont mené trais les béliers et toutes les catapultes épistolaires et orales, mis en mouvement par le prince Souvoroff et par son principal acolyte. Le juinee se bat les flancs pour prouver à tout le monde et pour se démontrer à lui-même, que le pied de nez qu'il à reçu se trouve être un compliment. Il m'a dit l'autre jour, à propos de Tornauw, qu'il le trouvait tel, qu'il le lui fallait, et qu'il en était très satisfait, pareeque lui, prince Souvoroff, «lui était superieur!» C'est un aveu de médiocrité pas mal nalf. Si chaque chef doué d'une tête à la douzaine tenait en effet à ne prendre powr bras droit que qwelqy'un de plus médiocre que lui-même, les choses se simplifieraient de beaucoup. Мне хотелось напомнить ему басню Крылова о бритвах.

(Перевод). Перовский возведен в графское достоинство. Это доказывает, что он весьма далек от бытия в немилости. Вот к чему привели все письменные и устные тараны и метательные снаряды, приведенные в действие кн. Суворовым и его главным соратником. Князь всеми силами старается

доказать как другим, так и самому себе, что он остался не с носом, а в прибыли. Он сказал мне намедни, что находит Торнау вполне подходящим и что им очень доволен, потому что он, кн. Суворов, на голову выше. Довольно откровенное признание собственной посредственности. Если каждый начальник, одаренный дюжинным умом, будет стараться подбирать себе помощника еще более посредственного склада, то вопрос о выборе помощника весьма упростится.

Рига, 23-го апреля. Je me tieus à l'écart et me mêle le moins possible do tout ce qwi se passe au châtteau. Je retombe, en définitive, dans le rôle d'opposition constitutionelle qwe j'ai soutenu en 1847. Au fait il est tout aussi impossible de s'identifier avec l'administration du Prince Souvoroff, qu'il était impossible de le faire avec celle du général Golovine. On ne saurait prendre au sérieux la première; on ne pouvait trouver l'autre assez honorable pour ne pas tenir à s'en isoler.

(Перевод). Держусь в стороне и как можно меньше вмешиваюсь во все творящееся в генерал-губернаторском замке. Пришлось, в конце концов, снова оказаться в той же роли конституционной оппозиции, которую я разыгрывал в 1847 году. В самом деле, с администрацией кн. Суворова также невозможно себя отождествлять, как то было и с управлением генерала Головина. Нельзя относиться с почтением к первой, а последнее не могло не казаться в таком роде почтенным, чтобы не стараться от него быть подальше.

6-го декабря. Князь Суворов продолжает писать невероподобные четырехстраничные послания к епископу. Преосвященный отписывается, и тогда вдохновение уступает место какому-то полуребяческому, полувизирскому бешенству, коего проявления, по крайней мере, столь же жалки, сколь они досадны. На днях, после получения какого-то ответного письмеца от его преосвященства, la moutarde est

montée au nez du cousin des Este et des Carignan. Выходя со мною из церкви, он остановился в комнате, прилегающей к казенной палате, и почти во всеуслышание собранных там чиновников с четверть часа подряд обзывал епископа эпитетами, вспоминал о его темном происхождении и о своей княжеской мантии и т. п., — потом поручил мне написать отзыв его преосвященству по другой бумаге, и когда этот ответ, через два дня, произвел желанное действие, т. е. что епископ на него не нашел удобным возражать, тогда княжеская мантия помирилась с панагией. Оба (по выражению Васильева) поплакали вместе и князь написал мне, qu'il était encliantè d'avoir fait la paix avec l'evêque, parcequ'il aimait cet «excellent homme» (sic)!

Здесь, между прочим, можно бы заметить, что лихорадочные сношения с князем несколько сбивают с панталыку и того «добрейшего человека», которого он любит. Наше духовенство вообще не горазда на счет гражданской премудрости. Таким образом, чувство сострадания епископа к православным крестьянам, лишающимся своих усадьб в частных имениях, выразилось предложением поселять их на казенных землях, «в жилищах из глины или земли», т. е. в роде египетских феллахов, или же размещать их в арендаторских домах, т. е. en forme de phalanstères agricoles.

1855 г.

Митава, 29-го апреля. С января 1850 года я прекратил беглые заметки о местных делах. Промолчав пять лет и снова принимаясь за перо, я начинаю с вопроса: случилось ли у нас, в продолжение этих пяти лет, многое, о чем впоследствии желательно было бы иметь в виду точное, современное повествование? Конечно, случилось, но более вне Балтийского края, нежели в нем. Здесь монотонно продолжались лихорадочные непоследовательности кн. Суворова, война с министерством внутренних дел, преувеличение малых местных вопросов и пренебрежение важнейшими. В настоящий момент министерство на втором плане, епископ или архиепископ на тридевятом, раскольники будто исчезли с горизонта, крестьянские дела переданы Тидебелю, т. е. их даже и под горизонтом не сыщешь. На первом плане современные военные вопросы, слегка озаряемые или оттеняемые цитадельным солнцем или цитадельными облаками. Не счастливится князю. Генерал Сиверс, с тяжестью подсемидесятого возраста, начальник штаба его, с прыткостью молодости, посажены к няню на голову. Он в постоянной борьбе с неотразимым фактом своей подчиненности. Его поддерживают, раззадоривают, ему подсказывают и пересказывают, за него пишут и будто бы мыслят: гг. Иванов и Клочков. По инструментам работа. По художнику инструменты.

Сегодня получено с фельдъегерем объявление о новом рекрутском наборе, по 12 с тысячи.

Вчера я получил самый дружеский ответ от Скарятина (В. Я.). Желаю продолжать эту переписку. Годы постепенно налегают на мою голову; охотно подаю руку сверстникам, с которыми вместе был молод и вместе старею. Кроме того, в наше время вообще подобает подавать голос друг другу, из

края в край России, дабы предугадать, что нам готовит будущность.

9-го мая. Вчера получен указ правительствующего сената об изменении формы мундиров гражданского ведомства. Недавно гр. Толстой (Дмитрий Николаевич) писал мне: «наши новости ограничиваются пока переменою одежды (военной); ждем чего-нибудь и еще». Это «еще» пока также ограничивается одеждою. Добро бы к лучшему, но однобортные писарские полукафтаны едва ли кому придутся по вкусу.

Видел сегодня ген.-адъют. графа Палена. Он едет в Дрезден пить карлсбадскую воду. До Карлсбада он не доедет, чтобы не коснуться австрийской земли.

Вчера был день рождения генерала Тотлебена, митавского уроженца. Об этом как-то узнали и по подписке устроили в честь ему обед в клубе. После обеда всеми присутствовавшими, в том числе и мною, подписано поздравительное письмо к нему, вслед затем отправленное в Севастополь.

26-го мая. Не пишется. Я болен Севастополем. Лихорадочно думаю с вечера о предстоящем на следующее утро приходе почты. Лихорадочно ожидаю утром принесения газет. Иду навстречу тому, кто их несет в мой кабинет. Стараюсь получать их на перепутье, в моей уборной, чтобы пробежать их без свидетелей, чтобы те лица, которые в это время обыкновенно бывают в моем кабинете, того не заметили и мне не помешали встретиться, так сказать, наедине с вестью из края, куда постоянно стремится, где на половину живет моя мысль. Развертываю «Neue Preussische Zeitung», где могу найти новейшие телеграфические известия. С жадною торопливостью пробегаю роковую страницу. Ничего! Если же есть

что-нибудь, то не на радость! Так проходят дни за днями! Истинной жизни у меня полминуты в день. Остальное время я ожидаю этой полминуты или о ней думаю. Ко всему другому, кроме молитвы, у меня сердце черствеет. Всему другому хочется сказать: теперь не время![3]

Три дня тому назад, я был в Риге, куда меня вызвали в заседание особого комитета, обсуждающего вопрос о поставке подвод на случай чрезвычайного передвижения войск. Председательствовал кн. Суворов. Участвовали в совещании гр. Гейден, лифляндский губернатор, тамошний представитель дворянства, ландрат Лилиенфельд, управляющий палатою государств, имуществ — другой Лилиенфельд, Массониус и еще кое-кто. Толку не много.

5-е июня. В том же номере «Инвалида», где речь о кровопролитном деле под Севастополем, стоившем нам трех редутов и 2,500 человек, называется «делом» забрание в плен экипажа английской лодки. Генерал Берг, сочинитель о том донесения, говорит, что «неприятель положил оружие», а их всего было 15 человек, и что он «защищался слабо», а из 15-ти убито 5 и ранено 4.

Сегодня, в церкви, священник Клястицкого гусарского полка, служивший обедню, сказал Реингартену, подошедшему ко кресту без снятия перчатки с правой руки: «Что ты, болван, молишься перчаткой?» — Нечего сказать, пастырский и евангельский упрек. И можно ли «молиться» перчаткой или с перчаткой, или в перчатках? Креститься разве, а молиться можно только духом, которому нет дела до перчаток.

9-го июня. Вчера, в 3 часа утра, меня разбудили для принятия конверта от фельдъегеря. В конверте было распи-

---

[3] Этими же строками начинается П. А. Валуевым написанная в 1855 г. «Дума Русского» (см. в конце его «Дневника»).

сание рекрут по нынешнему набору. С этими бумагами этот фельдъегерь послан в несколько губерний и везде будит губернаторов или их правителей канцелярий. Отчего подобных обрядных сообщений не посылать просто по почте. Для чего тратить деньги, утомлять человека, загонять лошадей на дороге, не только без нужды и пользы, но даже и без всякого рассудительного к тому предлога?

Сегодня получено официальное известие об оставлении нами Анапы. Странно. Зачем теперь, зачем не прежде, или вообще зачем? В реляции сказано, что мера принята ген. Хомутовым после совета, т. е. по определению собранного им военного совета. Что-нибудь да не так, как должно было быть. Или мы не имели провианта и военных запасов, и тогда почему не имели? Или вообще Анапа была развалившеюся крепостью, и тогда зачем ее запустили? Или заранее не было принято в соображение надлежащих, весьма вероятных, éventualités, и тогда отчего не было принято? Или, наконец, мы испугались англо-французского флота и упали духом, а это всего хуже.

Теперь все неприятельские экспедиционные силы преспокойно могут вернуться в Крым или быть брошены в Азию.

16-го июня (среда). В прошлое воскресенье получено здесь известие об отбитии штурма, предпринятого союзниками в годовщину Ватерлосского сражения (6—18-го). Первая утешительная весть после столь долгого ожидания и после стольких прискорбных вестей.

Вчера были здесь гр. Гейден и кн. Суворов. Первый привез мне записку о мерах к поставке подвод и т. п., на случай высадки неприятеля в западной Курляндии. Ген. Сиверс болен, и слаб, и стар. Гр. Гейден командует. И*** его правая рука. Молод командир; его рука еще моложе.

Кн. Суворов — прежний кн. Суворов. Впрочем, вчера он был в духе. Из сообщенного им мне письма ген.-адъютанта

Ливена видно, что князь под рукою все хлопочет о восстановлении его независимого командирства в Лифляндии, и что «на случай выступления ген. Сиверса» Ливен обещался «поговорить с кн. Долгоруковым».

...Прискорбно. Многое в последних событиях и внутреннем быте нашем напоминает конец царствования Людовика XIV во Франции.

Ливен говорит об Анапе: je crois que Хомутов s'est trop pressé de l'évacuer, но не присовокупляет никакого объяснения. О крымской армии он говорит: «Горчаков va être renforcé par Luders et alors j'espère qu'il pourra se soutenir». Все это так вяло, неопределительно, как-то малодушно. Далее Ливен говорит мелодраматически: «cela ne suffit pas; il fout chasser l'ennemi qui ose fouler le sol sacré de notre patrie. Pour cela il fout de nouveaux efforts, et on s'y prépare». Ah! I'on s'y prépare! A la bonne heure. Il y a tantôt 9 mois que cela dure.

25-го августа. Дело 4-го числа и депеша кн. Горчакова «верки наши страдают», показывают comment on s'y préparait.

Министр внутр. дел Бибиков уволен, т. е. отставлен, 20-го числа, т. е. на другой день по окончании 6-ти месячного траура по покойном государе. Его преемником, говорят, назначен Ланской. Об атом выборе ничего не скажу. Я Ланского знал только в те годы, когда я не мог оценивать людей. Но помню, что ему теперь должно быть под 70 лет. Богаты мы кандидатами в министры. Кроме Ланского, временно уже управлявшего министерством, никого и на мысль не приходит.

21-го августа. Ancien dicton français, du temps d'Henri IV:

Lever à six, dîner à dix,
Souper à six, couclier à dix,
Fait vivre l'homme dix fois dix.

В августовской книжке «Библиотеки для чтения» последний стих переведен: «вдесятеро более обыкновенного!» Отсюда получается непредвиденный вывод, что нормальная продолжительность человеческой жизни — 10 лет, или же еще более неожиданный вывод, что при регулярном образе жизни человек может достичь трехсотлетнего возраста (полагая «обыкновенную», т. е. среднюю продолжительность жизни в 30 лет).

30 августа. Сегодня получено по телеграфу известие, что мы оставили Севастополь, после убийственного бомбардирования и нескольких отбитых приступов. Из одного только Корнилова бастиона не могли выбить неприятеля. Итак, свершилось то, что ради славы России не должно было свершиться. Кровь Корнилова, Истомина, Нахимова и тысячи тысяч других не спасло Севастополя. Неужели вся эта кровь пролилась всуе?

2 сентября. Сегодня прочел в «Инвалиде» «Приказ Российским армиям», по случаю падения Севастополя. Этот приказ огорчил меня почти столько же, сколько самый повод к его изданию. Если не умели (составить) ничего лучшего, если (это) нашли достаточным и удачным, то надежды перед нами немного. Холодно, вяло, пусто, серо как зимний день в Петербурге, без солнца, но зато при казенных фонарях.

4 сентября. Поездки Государя в Варшаву и приезд оттуда сюда — отменены. Государь едет в Николаев. Об атом сегодня получено секретное известие. Слава Богу.

Петр Александр. Валуев

1856 г.[4]

Митава, 4-го января 1856 г. Начало нового года весьма похоже на конец предшедшего. Утешительного немного. Третьего дня привезли сюда главнокомандующего нашей Балтийской армии. Бедный старик (ген. Сиверс) видно еще очень слаб после болезненного кризиса в Иеве. Я его не видал, и вообще кажется, что штаб старается скрывать до какой степени он ненадежен.

Мейендорф пишет разную чепуху. «Les slaves laissent pendre l'oreille; on est decidé à les contenir et à en prendre ce qu'il y a de bon». — «Guerre renforcée au printems. Il est positif que les anglais vont tout brûler de Libau à Cronstadt». Между тем Шеппинг, из Берлина, сообщает, что он начинает надеяться на мир.

Вчера я получил первый циркуляр по департаменту полиции исполнительной за подписью, или точнее — скрепою, нового директора, Жданова. В нем значится, что надзор за книжною торговлею и соблюдением цензурных постановлений составляет «один из главнейших предметов управления». Видно, мы неисправимы. Неужели конгрегация index'а и полиция Меттерниха не надзирали, во время оно̀, за книжною торговлею? Этот надзор не помешал однако же курьерским поездкам папы и всезнавшего дипломата в 1848 году.

Начальником Крымской армии назначен Лидерс, на место Горчакова, который заступит в Варшаве место фельдмаршала (кн. Паскевича). Сей последний, говорят, умер. На место Ридигера, который умирает, прочат гр. Сакена. Лидерса заменили Сухозанетом. Ген. Коцебу [Пав. Евст.] назна-

[4] См. «Русскую Старину», изд. 1891 г., т. LXX, апрель, стр. 167—128; май, стр. 339—360.

чен командиром 5-го корпуса. Непокойчицкий на его место, Васильчиков на место Непокойчицкого.

Говорят, что Барятинский будет товарищем военного министра, гр. Ламберт — дежурным генералом, Катенин — генерал-губернатором в Харькове. Лишь бы не вышло bonnet blanc et blanc bonnet.

7-го января. Вчерашний день я провел в Риге. И там все по старому. Только множество конногвардейских офицеров со стучащими палашами.

8-го января. Шиллер писал:

Wo du auch wandelst im Raum, es kuüpfe dein Zenith und Nadir
An den Himmel dich an, und an die Achse der Welt.
Wie du auch handelst in ihr, es berühre den Himmel dein Wille,
Durch die Achse der Welt gehe die Richtung der That.

На первый взгляд — это erhaben und richtig. Но так ли при ближайшем анализе? Не чересчур ли много высокомерного тщеславия в этом сопоставлении человеческого индивидуума и всего человеческого мира? Можно ли согласовать этот взгляд с евангельским? Евангелие сопоставляет каждого отдельного человека «с ближними», а не с миром.

9-го января. Вчера уже говорили газеты, что австрийские унизительные предложения нами приняты. Сегодня это известие подтверждено телеграфической депешей из Петербурга. Итак, мы сдались!

Сотни тысяч жертв пали на полях сражений, Севастополь превращен в груды развалин, Черноморский флот истреблен, благосостояние России надолго поколеблено, вековая слава запятнана, — и все это для того, чтобы обязаться

впредь не иметь ни Севастополя, ни Черноморского флота, или чтобы доказать, что наше правительство продолжительно и значительно ошибалось. — Дорого!

16-го января. Мирабо говорил о Неккере: «c'est une horloge qui retarde». Что можно сказать о наших гг. министрах?

18-го января. Вчера я получил внезапное известие о кончине брата (Родиона). Жизнь его, в последние годы, была жизнь святого и жизнь вольного мученика. Как мало во мне силы к добру, в сравнении с силою, которую неизменно обнаруживал и применял он.

19-го января. Третьего дня я получил письмо от кн. Суворова; сегодня от Гернгроса и Рудницкого. Вести из Петербурга неутешительны… Энергия сверху не ознаменовывается.

Государь сказал кн. Суворову, что ему будет высочайшее замечание за употребление, в его отчете, выражения «неосновательность» в отношении к действиям министерств. Князь заменит Сиверса, немедленно по его удалении, или в случае его смерти.

20-го января. Сегодня вернулся Беклемишев, после четырехмесячного отсутствия. Замечательна способность некоторых людей, в том числе и его, верить всему без разбора. Точно критика слышанного для них не существует. Таким образом Беклемишева уверили, что по отъезде Тотлебена в Севастополе водворилось безначалие, что Горчаков помешал Хрулеву отбить Корниловский бастион, что последнее бомбардирование нам стоило 80,000 человек, и т. п.

22-го января. Невыразимо грустно. Ни за что приняться не хочется. Непрерывное ожидание чего-то, что не сбывается, подавляет и утомляет все душевные силы.

Илья Бибиков последовал за братом в чистую отставку. Не жаль. Языков пишет, что Мила играет роль в Питере и что через нее — разумеется не даром, — выпрошено было (у театрального ведомства) дозволение дать «l'Etoile du Nord», где будто бы Петр Великий является на сцену под именем Эрика, в голубой ленте и мертвецки пьяный.

Сегодня был у меня ген. Рамзай, инспектирующий в Митаве стрелковый батальон. При разговоре о событиях нынешней войны, он, между прочим, рассказал нижеследующее.

Еще в 1850 году, в виду опытов Венгерской кампании, он представил военному министру о необходимости умножить наши стрелковые войска.

— «Прекрасно, отвечал кн. (Ал. Ив.) Чернышев, я с вами вполне согласен; но вы знаете государя и его доверие к взглядам фельдмаршала. Поговорите с кн. Паскевичем».

Вскоре затем, при бытности в Варшаве, Рамзай намекнул об этом деле стопобедному полководцу. При первом же слове фельдмаршал нахмурился.

— «Croyez-vous donc, сказал он, que ce soit avec des tirailleurs que l'on gagne des batailles? C'est avec des masses, Monsieur.

«Je pense, M. le Maréchal, que les''masses dérident et achèvent la victoire, mais que des tirailleurs nombreux et bien armés la préparent et font beaucoup de mal a l'ennemi. D'ailleurs dans les autres armées on augmente le nombre des troupes munies de carabines à longue portée. Ne faudrait-il pas en agir de même chez nous?»

— «Понимаю, сказал тогда фельдмаршал, — вы инспектор стрелковых батальонов и только хотите увеличить число войск, которые вам подведомы».

Этим дело и кончилось.

26-го января. Фельдмаршал князь Паскевич умер. Сын его назначен генерал-адъютантом. Продолжение системы императора Николая.

На днях в Петербурге давали трагедию Озерова «Дмитрий Донской». При стихе:

«Нет, лучше смерть, чем мир постыдный»

поднялась буря рукоплесканий. На следующий день Дубельт поправлял поэзию Озерова.

28-го января. Кн. Суворов продолжает приходить в исступление коль скоро дело касается балтийского корпуса. Он непременно хотел видеть отчет ген. Сиверса. Военный министр прислал ему оный тотчас же. Князю показалось, что Сиверс, т. е. на деле * * и * * * не только хвалили себя, но и критиковали косвенно его. Inde ira maxima. Князь писал мне, что он болен и зол, а Рудницкому говорил разные неистовств», между прочим, что Сиверс est une vieille qu'on a oublié d'enterrer.

9-го февраля. Записывать нечего. Все в застое. Гр. Орлов уехал в Париж, С ним послан, pour ravager les coeurs des dames françaises, флигель-адъютант гр. Шувалов.

19-го февраля. Наши дипломаты, судя по сочиняемым ими «депешам», не имеют понятия о соблюдении приличий и чести. Кто же, кроме глупцов, верит помещаемым

там фразам и почти на наглость похожим похвалам миролюбию? Разве не видно в каждом слове, что мы только изыскиваем способы de nous éxécuter avec chic? Как мы льстим Луи-Наполеону, которого прежде так бранили. Как мы маневрируем с ним и, улыбаясь, глотаем все, что ему угодно нам дать проглотить, например статью из «Siècle», перепечатанную в «Moniteur», и угрозу, выраженную в его речи при открытии его псевдо-парламента.

29-го февраля. Гернгрос дал знать по телеграфу, что Гану и мне пожалованы Станиславские ленты. Необходимая принадлежность губернаторского мундира приобретена. От всяких других лент на долгое время охотно отказываюсь.

Генералу Сиверсу объявили, через доктора, о назначении ему преемником кн. Суворова. Сначала старик не хотел верить. В ожидании мира он даже изъявил сожаление о том, что просил отпуска; но когда Бурзи напомнил ему, что он устает даже от перехода с постели к креслам, то согласился, что пора было уходить от командирства.

Герngрос пишет (25 февраля), что ожидают «хорошего» мира, и что источник этого сведения благонадежен.

7-го марта. На днях министр внутренних дел дал знать, что всеподданнейшие годовые отчеты (начальников губерний) впредь следует адресовать не «в собственные его величества руки», а «по министерству внутренних дел». Поручил Рудницкому осведомиться, что это значит? Разве государь не желает более читать этих отчетов? Право, по крайней мере однажды в год, говорить государю прямо то, что сказать кажется нужным, я всегда считал важным правом, главным и почти единственным преимуществом начальников губерний. Оригинально и притом характеристично было бы лишить их

этого права простым приказанием переменить нечто в надписи конверта.

12-го марта. Читал в «Русском Вестнике» замечательную статью (Бориса Никол.) Чичерина о «Сельской общине в России». Эта статья равно замечательна потому, что в ней есть, и потому, чего в ней нет. Замечательно, и кажется справедливо, отрицание патриархальности, восхваляемой Гакстгаузеном, т. е. патриархальности будто бы первобытной и будто бы доселе сохранившейся в общинных поземельных отношениях. В этих отношениях г. Чичерин, напротив того, видит последствия непервобытного укрепления крестьян земле и дальнейших затем учредительных мер со стороны правительства. Но указывая на последовательный ход переворота, автор, кажется, забывает, что для разъяснения вопроса о том, что была издревле русская сельская община, недостаточно решить вопрос о раздельном или нераздельном владении землею. О внутреннем устройстве и управлении сельских обществ, которые, конечно, существовали, хотя и были общинами в учредительном, гражданственном, а не землевладельческом, частноправовом отношении, ничего, или почти ничего, не сказано. Следовательно, и неопределен, с надлежащею полнотой, древний быт наших поселян. Если же в конце статьи г. Чичерин говорит, что нынешняя сельская община «не зародыш общественного развития, а плод его», — то читатель не знает, в каком смысле принять эти слова, в прямом или в ироническом. Называть «развитием» укрепление земле, насильственное сосредоточение земледельцев в больших селах и ежегодный передел земель, — т. е. именно три главнейшие препятствия к развитию сельского сословия и сельской промышленности, — как-то походит на шараду, или, по крайней мере, на крупный парадокс.

13-го марта. Видел третьего дня ген. Сиверса. Очень изменился, похудел, слаб и бледен, — mais la plus belle figure qui se puisse voir.

14-го марта. И** говорил мне, что через поручика Ф—ва получены сведения о каких-то тайных связях между польской эмиграцией, здешними чиновниками польского происхождения и многими офицерами войск балтийского корпуса, также из поляков, в особенности в Р—м полку. Кн. Суворов, кажется, пришлет сюда Шмидта, для секретного следствия.

18-го марта. В «Revue des deux mondes» (du 15 mars) две весьма достопримечательные статьи: «De l'esclavage en Amérique» и «La cité de Dieu au XIX-me siècle». Прочитав, в первой, несколько подробных рассказов об ужасах положения невольников в Северо-Американских штатов, невольно сам себя спрашиваешь, на каком основании Европа вопит против злоупотреблений нашего крепостного состояния, а между тем гладит по головке северо-американцев? Во второй статье (ее автор — Paul Janet), не смотря на некоторую примесь философической болтовни, есть глубоко-здравые мысли, между прочим, в опровержение новейшей германской философии.

24-го марта. Мир заключен 18-го, в день сражения под Парижем и взятия этого города в 1814 году, а объявлен 10-го, в день вступления в Париж. Мир заключен в Париже и преимущественно благодаря Луи-Наполеону, которого у нас еще любят поругать исподтишка и кого графиня Ростопчина недавно, с разрешения цензуры, назвала «вороною». Немного в этом достоинства, вкуса и чувства приличий. Да и немного истины: он слишком умен, и Провидение слишком, очевидно,

ему благоприятствует, чтобы на него поглядывать так свысока и так слегка о нем велеглагольствовать.

О мире ничего не скажу. Его русский не забудет, и поэтому записывать о нем на память не нужно. Хуже всего то, что скорбя об условиях этого мира, нужно сознавать его необходимость и радоваться тому, что хоть какой-нибудь да мир состоялся.

Сегодня получен, частным путем, манифест об этом мире. C'est un manifeste homélie. Много благочестивых желаний, достаточно дипломатической риторики, мало энергии. Он похож на перевод с французского, и, вероятно, написан первоначально на диалекте ростопчинских «ворон», в нашем министерстве иностранных дел. Например, «невинные труды», вероятно, значит «travail inoffensif».

26-го марта. В своем отчете кн. Суворов упоминал о несправедливом устранении Штевера от занятия должности председателя лифляндской казенной палаты. Государь пожелал узнать, точно ли несправедливо Штевер обвинялся? По одному из странных, но обыкновенных процессов нашего высшего делопроизводства, представление нужных объяснений было поручено обвинителю, т. е. министру финансов. Оценивать объяснение поручено коллегам этого же обвинителя, в комитете министров. Члены этого комитета, весьма естественно, не могли создать положения, противоречащего собственному интересу, ибо вопрос, не совсем ловко возбужденный генерал-губернатором, относился вообще до права избрания их собственных подчиненных в подведомственные им должности. Министры признали «что Штевер не может почитаться несправедливо обвиняемым». Вследствие этого отрицательного осуждения Штевера и отрицательного оправдания статс-секретаря Брока, повелено внушить кн. Суворову, чтобы он «впредь был осмотрительнее в своих

выражениях». Это повеление объявлено князю, avec un tact tout particulier, через кого же? Через самого г. Брока! Князь был взволнован, оскорблен и огорчен en proportion. Он требовал моего совета, присылал ко мне Гернгроса, и, наконец, остановился на следующем: он пишет письмо государю, сочиненное Гернгросом, и другое письмо, кн. Долгорукову, на трех листах, сочиненное им самим. Думаю, что на месте князя я бы обратился к самому г. Броку, и отдал бы ему на совесть оправдать Штевера перед государем. Это необходимо и составляет долг чести со стороны князя. О себе же самом более достоинства не говорить вовсе. Но каждый да будет верен своему характеру и самому себе. Оно, может быть, и лучше.

29-го марта. Сегодня в половине 2-го часа утра родился у меня сын, Николай.[5] Да благословит его Бог на жизненный путь.

13-го апреля. Рассказывают, что на парижских конференциях кто-то заговорил о восстановлении Польши. — «Comme on commence à plaisanter, сказал гр. Алекс. Федор. Орлов, je pense que la séance est finie», — и затем встал и ушел.

24-го апреля. Был сегодня в Риге на похоронах Фелькерзама. Никогда не забуду лица Рен..ы. Вальтер говорил надгробную речь. Infiniment de talent, в отношении к нему слишком мало. Он истинный, блистательный, опытный оратор. Об его сегодняшней речи будет много толков. Поняли ее внутреннюю и последовательную связь — весьма немногие. Я же не совсем понимаю направление Вальтера. Имеет ли он в виду роль духовного трибуна крестьян? Или роль духовного

[5] Граф Николай Петрович Балуев — ныне гв. штабс-ротмистр, состоящий при начальнике главного штаба. *Ред.*

реформатора дворян? Или роль духовного сотрудника правительства и медиатора между властями и сословиями? Или, наконец, роль человека, пользующегося особым значением и влиянием, с тем, чтобы цели того и другого были впереди?

27-го апреля. Вечером видел Рен..у, на шоссе. Она ехала с Ф. в Э. С 24-го прошло три дня, — и уже лицо другое.

28-го апреля. На днях виделся еще раз с Шеппингом (старшим). Несмотря на его ум и общую основательность, он напомнил мне о впечатлении, уже столько раз производимом на меня нашими дипломатами. Отчего англичане могут долго жить за границей, не переставая правильно смотреть на английские дела? Наши, — как поживут лет пять в Европе, — словно надели бессменные иностранные очки. Диву даешься, как начнут они толковать: баран в Берлине им кажется ростом с быка, а бык в России — ростом с барана. Наши внутренние дела обсуживаются ими с легкой руки или рассматриваются постоянно сквозь призму канцелярии и салонов министерства иностр. дел. Притом как они важны, как они таинственны! как удлиняется или округляется лицо их, когда они говорят о каких-нибудь проделках в высших наших сферах! От них пахнет библиотекой. Словно ожили мемуары du Duc de Saint-Simon, и каждый том, во фраке или в пальто, с вами заводит разговор. Только ума в тех мемуарах больше, чем в их русских представителях.

30-го апреля. Видел вчера дерптского попечителя Брадке. Почтенный старик. Но, кажется, смотрит на дело, как будто бы не было 1855 года.

1-го мая. В числе предположений митавского городского управления о мерах для приема государя, между про-

чим, было следующее: Eine Ehrenwache aus Bürgern, im Frack, nebst Degen, wird die Posten in den inneren Gemächem beziehen. Damit wird ein Yocal-Quartett verbunden, um Lieder zu singen beim Schlafengehen und beim Erwachen Seiner Majestät.

9-го мая. У меня все вверх дном. Должен очистить квартиру. В ней остановится государь. Кроме того, нужно приготовить массу других квартир для свиты и набрать все то, что нужно для убранства этих квартир.

Гернгрос пишет, что министр внутренних дел требует объяснений по статье моего отчета о раскольниках. Кажется, было довольно ясно высказано то, что я хотел высказать.

Дуббельн, 20-го июля. Длинный пробел. Событий нет. Мыслится лениво. Живу здесь, благодаря Бога, нетревожной жизнью, в воде, в песке и на солнце.

Говорю, что событий нет. Однакоже свершилось одно весьма важное событие. Снят с русского народа высочайший арест, наложенный на него императором Николаем, в отношении к поездкам за границу. По моему мнению, это величайшее дело, совершенное нынешним государем Александром Николаевичем со времени вступления на престол.

В июне месяце кн. Вяземский [П. А.] гостил у нас в Митаве 8 дней. От него слышал утешительные вести насчет воспитания нынешнего Цесаревича Николая Александровича. Воспитателем назначается (Влад. Павл.) Титов. Предполагается посещение университетского курса, затем временное занятие административной должности, например, генерал-губернаторской и т. п.

Митава 31-го августа. Кн. Суворов опять поговаривает об оставлении службы, потому что имелось в виду

производство кн. Барятинского в полные генералы, мимо его, при случае коронации. Приказ вышел. Барятинский действительно произведен, а Суворов нет. Посмотрим, что будет. Я думаю, что кроме (горячих) возгласов — ничего.

2-го сентября. Кн. Суворову даны алмазные знаки ордена св. Александра Невского. A quelque chose crier est bon.

5-го сентября. На днях получен коронационный манифест. Общее впечатление весьма благоприятное. В нем действительно много добра. Жаль, что в отношении к польским политическим преступникам дарованные милости выражены весьма неопределительно. Жаль также, что начало манифеста слабо писано.

Вчера получен из Москвы указ сената об отмене заграничнo-паспортных пошлин. Опять шаг вперед.

Замечательно, что доселе лучшие и важнейшие правительственные меры государя Александра Николаевича заключаются просто в отмене (вышедших в предшествовавшее царствование) законодательных распоряжений.

1.	Отмена	ограничения в числе обучающихся в университетах.
2.	«	принудительной отдачи в военную службу детей разночинцев и лиц ученого сословия.
3.	«	ареста всей России в отношении к выезду за границу.
4.	«	пошлины с заграничных паспортов.
5.	«	обременительных законов о службе уроженцев западных губерний.
6.	«	обременительных и жестоких постановлений о рекрутстве евреев.
7.	«	части постановлений о кантонистах.
8.	«	исключительного определения военных лиц в воспитатели по некоторым учебным заведениям.

Сюда же можно прибавить имеющее на днях быть объявленным упразднение V-го отделения собственной е. и. в. канцелярии. Вот уже несколько статей моей «Думы Русского»[6], которые подлежали бы исключению, если бы она писалась во второй половине 1856-го, а не 1855-го года.

6-го сентября. В рескрипте новому князю Орлову наивная ошибка. Он извещается, что ему пожалован княжеский титул и что о том уже дан сенату указ, а между тем (рескрипт начинается таким обращением): «Граф Алексей Федорович!»

3-го октября. Talleyrand сказал: on peut s'appuyer sur les baïonettes, mais on ne peut pas s'y asseoir. Справедливо, — потому что внезаконность есть первообраз такой беспокойной точки опоры.

24-го октября. При упразднении Новгородских военных поселений они взяты, sans autre forme de procès, в состав уделов.

Одну из петербургских улиц, именно Грязную, наименовали Николаевской.

Штабу предоставлено «на вечные времена (?)», по случаю коронации, содержание главного начальника военно-учебных заведений, с тем, чтобы раздавать оное нижним чинам.

25-го октября. В «Инвалиде» от 20 числа, № 229, напечатана странная статья о праздновании памяти фельдмаршала Суворова в с. Кончанске, Николаевской военной академией. Начальник академии ген. Стефан «счел священным долгом» испросить на то разрешение и получил «благосклонное» разрешение ген. Ростовцева. Было провозглашено

---

[6] См. «Русскую Старину», изд. 1891 г., т. LXX, май, стр. 349—360.

несколько тостов, в том числе «седьмой за здоровье распорядителя праздника полковника Астафьева, на который он отвечал восьмым». Что же был этот ораторский отклик? «.... Я был счастлив прежде, что понимал Суворова так, как умел изобразить его.... Я буду счастлив, если с нынешним днем (sic!) начнется заря будущей его всемирной славы. Полный восторга (?!) и счастья благодарю вас за внимание, ура!»

Так упражняются милые дети.

5-го ноября. Кн. Суворов был здесь на днях три раза, по случаю прощания с войсками улетучивающегося Балтийского корпуса. Он показал мне письмо, которое писал в Москве кн. Долгорукову, «для испрошения дозволения его величества на подачу в отставку». Невероятная путаница и всякого рода чуть. «Notre auguste maître» и «mon auguste maître» встречаются на каждой границе по нескольку раз. Тон вообще самый раболепный, а притязания самые нераболепные. Наивно высказывается обиженность по случаю назначения Кавказским наместником кн. Барятинского, а не кн. Суворова, напр; «j'ai toujours rêvé à l'Orient и далее, после перечня своих заслуг: «on récompense l'avenir dans le prince Bariatinsky» и т. п. Одним словом, жалость, глубокая жалость, есть единственное чувство, которое возбуждает чтение этого письма.

6-го ноября. Время проходит, бремя не становится легче. Третьего дня писал Толстому: иду путем-дорогой; на голове форменная фуражка; под фуражкою свинцовая шапка.

12-го ноября. С введением железных дорог пора бы приняться за серьезные меры к сбережению строевых лесов.

Не запретить ли все деревянные постройки в городах и у больших дорог?

13-го ноября. Дней десять тому назад я отправил в Петербург мою статью о воспитании[7].

Сегодня узнал от Беклемишева, что прошлым летом он нашел случай навязать переписку с управляющим морским м-вом, адмиралом Врангелем, и через него довел до сведения великого князя генерал-адмирала записку о некоторых современных вопросах, за которую его высочество велел его весьма благодарить. В записке речь о сословном быте дворянства, о крепостном состоянии и о преобразовании администрации. Беклемишев обещал сообщить мне свой труд. Автора характеризует следующее. Он отправил свою работу «не прочитавши», потому что «не может» перерабатывать, и прочел свои черновые только после запечатывания конверта с беловою запиской. Система ненадежная.

22-го ноября. Пред самым открытием Лифляндского ландтага умер ландмаршал Штейн. На его похоронах Вальтер говорил речь, у гроба, в которой, как пишет Рудницкий, заключалось следующее[8]:

Nicht das Interesse, welches ich für Stein hatte, verimochte es, dass ich gekommen bin, obgleich krank. Nein, ich that es weil die Ritterschaft verlangte dass ich kommen sollte, um dem Dahingeschiedenen das Geleit zu geben und an seinem Sarge zu sprechen. Dem Redner, der von der Kanzel gesprochen hat, habe ich es zu verdanken, dass ich über den Dahingesehiedenen nichts zu zufügen habe. Er hat den Gegenstand

---

[7] Напечатана в «Морском Сборнике» 1857 г., февраль.

[8] Выписываю ее здесь, как характеристичный образец вмешательства протестантского духовенства в область, ничего общего с религиозным назиданием не имеющую. *Прим. авт.*

erschöpfend besprochen, daher werde ich einen anderen Punkt berühren. Die Ritterschaft wollte dass ich reden sollte, so lass sie höreu! Der Dahinigeschiedene war kein Partei-Mann daher konnte er nicht so gefeiert werden, wie die Partei-Männer es sein müssten. Erwar aber auch nicht der Mann, der jetzt hatte die schwebenden Fragen zur Lösung bringen können, gerade weil er keiner Partei angehörte. Daher Ritterschaft, Du musst dir einen landmarschall aus einer Partei wählen, — damit diese Fragen zur Lösung kommen. Es ist ein Schmach, dass das was Ihr schön und edel fandet, Ihr gleich darauf für schändlich hieltet; dass die Leute, die ihr aus den Aermern aus Eurer Mitte gewühlt, um deren Geistesgaben willen, und welche Ihr zuerst gefeiert, bei euch keine Anerkennung gefunden. Es sind drei Männer gewesen, die ihr gewält und die das Beste wollten. Diese sind ini Grabe. Ein Nolcken, ein Fölkersahm und ein Stein sind cs gewesen. Keiner von ilmen ist von Euch nach Verdienst gewürdigt worden. Ich ermahne Euch, beim Grabe dieses Mannes, besinut Euch, wühlt keinen Sprecher ohne Lehre, keinen der weder Kenutniss der Geschichte, noch Kraft und Math besitzt. Vereint Euch um eineu edlen Claracter zu wühlen; vereint Euch um das Gurte und Edle zu wollen! Seid einig, seid einander nicht Feinde, denn Eure Uneinigkeit ist schmachvoll; Euer Krieg Ist ein Bruderkrieg, ein Brudermord!

Ich bin krank, ich wollte und konnte nicht redeu, die Kanzel habe ich einem Anderen überlassen müssen. Aber Ihr wolltet dass ich um Sarge reden sollte. Da habt Ihr meine Rede, da dabt Ihr meinen Nachruf dem Verblichene». Bauet Stein ein Denkmal einig-sciend, und das Edle und Gute welches Nolcken und Fölkersahm und andere Leute ihres Schlages gewollt, — fördernd und beherzigend!

(Перевод). Не уважение к личности Штейна заставило меня позабыть, что я болен, и привело меня сюда. Нет. Я пришел потому, что дворянство требовало моего появления, дабы я напутствовал отошедшего в другой мир и дабы я сказал надгробное слово. Благодаря оратору, говорившему с церковной кафедры, мне нет надобности распространяться о

личных качествах усопшего. Предмет достойным образом исчерпан, и я поэтому коснусь другого вопроса.

«Дворянство хотело меня слышать. Пусть же оно теперь меня слушает! Покойный не принадлежал к какой-либо из местных политических партий, и потому его нельзя было и чествовать так, как того заслуживают борцы партий. Но он не был и таким человеком, который бы мог в настоящее время привести к разрешению насущные вопросы, — именно вследствие того, что он не примыкал ни к какой партии. Поэтому, дворянство, ты должно теперь избрать себе предводителя из определенной партии, дабы вопросы эти могли быть разрешены. Стыд и срам, — что считаемое вами сегодня прекрасным и благородным, вы завтра же находите позорным. Люди, которых вы избирали из беднейших представителей вашей среды ради их ума и дарования, — те, которых вы сперва чествовали, — потом нами же не признавались достойными. Три деятеля трудились к вашему благу. Их более нет в живых. То были Нолькен, Фелькерзам и Штейн. Вы не сумели ни одного из них оценить по заслугам. Здесь, у гроба, убеждаю я вас опомниться. Не избирайте говоруна без образования, человека не сведущего в истории, лишенного силы и мужества. Соедините ваши усилия, чтобы избрать мужа с благородным сердцем; стремитесь единодушно к добрым и возвышенным целям. Будьте дружны, бросьте распри, — потому что рознь ваша позорна. Ваши несогласия — это междоусобица, — это братоубийство.

«Я болен. Я не хотел и не мог говорить с кафедры. Я должен был уступить ее другому. Но вы настояли, чтобы я высказался у гроба. Вот вам моя речь, вот вам мое напутствие усопшему. Да будет ему памятником ваше единодушие, настойчивое и согласное стремление к достижению тех благородных идеалов, о которых мечтали Нолькен, Фелькерзам и другие мужи их закала!»

После этой речи кн. Суворов говорил, при выходе из церкви: «это речь не пастора, а пьяного монаха». Два дня спустя Вальтер говорил die Landtagsrede, в другом, но не противоположном тоне, — и все остались очень довольны.

27-го ноября. Так сказываемая «политическая свобода» невозможна без среднего сословия.

3-го декабря. Читал часть Беклемишевского труда. Многое в изложении очень удачно. В предположениях большая незрелость.

7-го декабря. У нас одни уверяют, что основания «русской общины» лежат «в складе русского ума» (г. Беляев, в «Русской Беседе»). Другие утверждают, что система майоратов противна нашим нравам. Какая система? Чем доказана, что всякая? Разве драгоценнейшая из отцовских икон не майорат? Разве усадьба не майорат? И у нас ли можно говорить о народных учреждениях в пространном смысле? У нас ничего нет народного кроме веры, любви к России, верноподданничества и простонародных нравов. Но это не формы гражданско-государственных институтов.

П. А. Валуев

1859 г.[9]

11-го октября. Ездил утром в Царское Село представляться наследнику цесаревичу Николаю Александровичу. Он еще весьма застенчив и не привык к приему представляющихся. На железной дороге видел ген. Тотлебена и фл.-адъют. Стюрлера. Последний долго говорил о современных вопросах и с большою любознательностью осведомлялся о том, что делается у нас в министерстве.

Царское Село по-прежнему пахнет Версалем. Версаль и современные комиссии и комитеты, — как мало между ними общего! Впрочем, между ними два века.

12-го октября. Утром в департаментах. Вечером доклад по 2-му департаменту. Туго идет теперь дело у министра (М. Н. Муравьева). Он все занят маневрами и демонстрациями, ищет людей, говорит про Бельгию, — одним словом, так далек от текущего хода администрации, что трудно на пять минут продержать его на предмете доклада.

Видел обер-полицеймейстера гр. (П. Анд.) Шувалова. Он за Ростовцевские комиссии. Должно быть Ростовцев силен.

13-го октября. Утром представлялся е. и. в. вел. кн. Константину Николаевичу. У Р** была в департаменте неприятная сцена с Смирновым. Первый, qui est taquin, раздражил второго, qui est un rustre. Младший прикрикнул на старшего. Вечером я призывал Смирнова. Он объявил, что подает просьбу об увольнении от должности.

---

[9] См. «Русскую Старину» изд. 1891 г., т. LXX, апрель, стр. 167—182; май, стр. 339—360; июнь, стр. 603—616; г. LXXI, июль, стр. 71—82; август, стр. 265—278, сентябрь, стр. 547—562.

15-го октября. Утром в департаментах. Встретил на Невском Соболевского. Я не узнал его, так он изменился. Но он еще узнал меня. Видел Вилькена. Он не знает в каком министерстве пустить корни, в нашем или в своем.

16-го октября. Вечером в итальянской опере, где давали Othello (Tamberlick, Calzolari, m-me Lugrua). Превосходное исполнение Россиниевской оперы, при знаменитом ut Тамберлика. Ужинал у Гернгроса.

17-го октября. В июльской книжке Edinburg Review прочел, что для высокопоставленного лица секрет к достижению дешевой, и потому весьма быстро бесследно исчезающей, популярности состоит в drinking toasts, shaking people by the hand, and calling them Jack and Tom. Сказано это в журнале про Георга IV, но весьма напоминает князя (Ал. Аркад.) Суворова.

22-го ноября. Утром у обедни. Потом у министра. Днем ходил с женою по набережной, где еще пусто, потому что высочайшие особы в Царском Селе. Вечером был у Мещерских. Глухо, холодно, скучно, жестко, пусто. У меня постоянная боль в сердце. Целый день оно будто сжато: иногда менее, иногда более, но словно из тисков не выходит.

Меня гнетет зловещее предчувствие. 1862-й год, предназначенный к празднованию тысячелетия России, будет ли праздничным годом? Быть может, я ошибаюсь. Дай Бог, чтобы я ошибся. Но мне сдается, что мы накануне сильного потрясения, тяжких испытаний, — если не конечного распадения того, что доселе называлось Россией. Правительство ежедневно более и более обнаруживает и свой внутренний разлад, и свое внешнее бессилие. А в тех силах, которые под

ним движутся и его колеблят, как мало признаков будущего единства.

23-го ноября. Вопрос о продаже государственных имуществ помимо министерства государственных имуществ и malgré le ministre, снова в ходу. Председатель государственного совета испросил высочайшее повеление о сосредоточении в департаменте экономии государственного совета всего производства об отчуждении казенных имуществ, в том числе и «государственных», в собственном смысле, в последствие высочайшего повеления, объявленного по комитету финансов в июле. Высочайшее повеление испрошено без предварения (М. И.) Муравьева и объявлено ему государственным секретарем в форме, явно обнаруживающей, что оно испрошено собственно для него, против него, и чтобы с ним справиться.

(Неудобство) сосредоточения подобной операции в одном из департаментов законодательного установления и допущение принципа продажи без участия и предуведомления подлежащего министра очевидно показывает, в каком печальном колебании и разладе находится наша государственная администрация. Государь явно затрудняется на кого-либо опереться и на что-либо окончательно решиться, потому что каждый докладывает ему дела не так, как они собственно суть, а так как этот каждый желает, чтобы его величество их видел. Отсель шаткость. Сегодня, при докладе, государь сказал сам министру государственных имуществ, что означенное высочайшее повеление, только что изданное, «собственно не относится до министерства государственных имуществ».

Мне поручено министром составить по этому вопросу записку, для доклада государю в следующий очередной день, через неделю.

В петербургском университете была, говорят, сцена рукоплесканий и т. д. в честь профессора Костомарова, с целью

демонстрации против распоряжений по казанскому университету, где и. д. попечителя В* за подобные шумные манифестации исключил из университета почти половину студентов.

24-го ноября. Утром у е. и. в, вел. княгини Екатерины Михайловны, с поздравлением. Были там многие из сильных нашего мира, но не все. Беззаботно улыбающийся министр внутренних дел (Ланской), едва передвигающий ноги гр. Блудов, сильно покачивающийся на своих атлетических ногах кн. Орлов, нескладный видом, духом и деяниями граф Панин.

25-го ноября. Утром в департаментах. Заходил к Потапову. Вечером дома. У меня был П**, en quête de nouvelles. У меня их не искать.

26-го ноября. Целый день дома, за работой. Составлял записку для всеподданнейшего доклада, в ответ на объявленное Бутковым высочайшее повеление о сосредоточении производства по продаже государственных имуществ в департаменте экономии государственного совета.

27-го ноября. Доклад по департаменту сельского хозяйства. Обедал у Муравьевых. Министр говорил мне, что кн. Орлов и Бутков оба уверяют, будто бы доклад государю по департаменту экономии государственного совета сделан без особого намерения, и только в роде канцелярского бессознательного приема (!?). Князь Орлов находит, также как и министр, что продажа государственных имуществ для известной цели, комитетом финансов указанной, дело несбыточное. Муравьев был очень доволен моею запиской по этому предмету.

28-го ноября. Утром в департаментах. Обедал у Штиглицов с английским послом, лордом Крэмптоном, у которого

замечательно приятное и, при совершенно белых полосах, замечательно свежее и молодое лицо[10], гр. Ферзеном, Гернгросом, Грейгом и еще кое-кем.

По делу купца Малкова с генерал-губернатором П. Н. Игнатьевым, Дмитрий Петрович Хрущов, в соединенном звании сенатора и гласного или старшины думы, написал письмо к государю, в котором испрашивает высочайшего повеления дозволить дальнейшее движение дела. Дело было прекращено высочайшим повелением, воспрещающим Малкову подавать дальнейшие жалобы. Малков прав; П. Н. Игнатьев неправ. Но дело испорчено с самого начала вашими предержателями власти, которым удалось выпросить вышереченное повеление. Давши это повеление, и дав его сознательно, для поддержания авторитета генерал-губернатора, трудно взять его назад.

Его величество передал письмо на рассмотрение комитета министров. Оно обсуживалось в прошлое заседание, 25-го числа. N. N. приехал в комитет и говорил в пользу Хрущова. Тоже самое сделали кн. Долгоруков, вероятно, под влиянием советов N. N., и Ланской, по совету (Н. А.) Милютина и потому, что он с самого начала защищал Малкова. Другие члены, в особенности Чевкин и Муравьев, сильно указывали на неуместное вмешательство в дело человека, который ни как сенатор, вне сената, ни как гласный, вне думы, не имел никакого права на подобное вмешательство. Положено — сделать строгое замечание Хрущову. Опять полумера, ничего не значащая и ни к чему не ведущая. Хрущов,

---

[10] 75-тилетний lord John Crampton в 1860 г. женился на дебютировавшей у нас в итальянской опере молоденькой и хорошенькой примадонне Balfe (дочери композитора). Три года спустя, после скандального процесса, супругам дан развод, причем было удостоверено, что бывшая певица не утратила права на couronne de fleurs d'orangers (см. Вольф, Хроники Петербургских театров, ч. III).

очевидно, томится своим неучастием в администрации и прицепляется к каждому случаю, чтобы выставиться на сцену и faire parler de lui. Как-нибудь прав Малков, очевидно, что весь порядок управления выворачивается на изнанку, если каждый из верноподданных его величества начнет обращаться к монарху с письмами, чтобы наставлять правительство на путь истины.

Ростовцев болен и его болезнь, говорят, со дня на день принимает более и более опасный вид. Исход сомнителен, и, вероятно, исход председателя редакционных комиссий совершится ранее, чем исход крестьянского дела. Казалось, ему суждено было играть до конца в этом деле решительную роль. Все шло своим порядком. Он крепко сидел на своем месте. Внезапно является действие той невидимой руки, которая столь часто, вопреки всем ожиданиям и расчетам, завязывает или рассекает узлы, поднимает или укрощает бури, и нереста на вливает или переменяет, как простыя шашки, видимых двигателей земных событий. Эта рука удаляет со сцены знаменитого автора висбаденских писем. Занавес уже готов опуститься за ним. Перед кем поднимется он снова?

29-го ноября. Утром у министра. Работал.

Были у меня Паскевич и Шувалов. Первый с проектом письма к государю по эмансипационному вопросу, которое я советовал ему не посылать, не получив на то предварительно, при удобном случае, разрешения. Второй — с очерком эмансипационного проекта, довольно удачно составленным.

Графиня Шувалова и княгиня Паскевич демонстрируют против N. N. Они не поехали на бал, 24-го числа. На другой день княжна Львова осведомлялась о причине неявки. Дамы отвечали извинением «по случаю нездоровья», гр-ня Шувалова — мягко, кн-ня Наскевич — сухо. На это княжна Львова написала последней, что в подобных случаях, обыкновенно,

присылают заблаговременно письменные извинения. Тогда кн-ня Паскевич возразила, что если это замечание исходит от N. N., то она покоряется, но если от княжны Львовой, — то удивляется, что сия последняя принимает на себя труд ей давать советы.

30-го ноября. Государю была сегодня представлена министром записка по вопросу о продаже государственных имуществ. Оную повелено внести в совет министров, в который и пригласить исправляющего должность председателя департамента экономии государственного совета.

Генерал Муравьев уверяет, будто бы письмо Хрущова к Государю отвезла и передала N. N.

1-го декабря. Утром в департаментах. Вечером ездил к Ланскому, который намедни упрекал меня в небытии у него, но не застал. Впрочем, весь день за работой.

По делу о капиталах министерства Муравьев полагал, что отделался назначением 10-ти миллионов в распоряжение генерала Ростовцева. Но Татариновский комитет сам себе на уме. Он через высший комитет, — Блудовский, — об устройстве кассового порядка, успел испросить высочайшее повеление, подвергающее в другой форме капиталы министерства государственных имуществ пересортированию и отчасти конфискованию, на основании соображений специального, т. е. Татаринского комитета. Жалкое положение дел... Между тем, напрасно генерал Муравьев забраковал мой первый проект отзыва на требования Татаринова и вместо того, чтобы обратиться к существу дела, т. е. к невозможности предать себя со связанными руками в разбитые параличем руки министерства финансов, довольствовался финтою 10-ти миллионов и шарканьем ноги перед ген. Ростовцевым.

2-го декабря. Утром у министра, 5-е заседание училищного комитета.

Вечером заходил к Головнину. Из разговора с ним вижу, что он продолжает быть... и знает все, что делается. Вечером же у меня был П**.

3-го декабря. Утром в департаментах. Обедал у Герн-гроса. Вечером у него же.

Совет министров на сегодня отказан, по болезни кн. Орлова.

4-го декабря. Утром у е. и. в. вел. кн. Николая Николаевича по делу о проекте устава общества акклиматизации животных и растений. Видел там генерала Катенина, который говорил пессимистом об общем положении дел вверенного ему края. Потом у министра (М. Н. Муравьева) с докладом по департаменту сельского хозяйства. Обедал у Муравьевых.

Генерал Муравьев постоянно выезжает на коньке тонкостей. Он и со мною откровенен в форме какой-нибудь десятичной дроби. Из проскользающих признаний или рассказов о своих действиях видно, что он sehr rührig и по-прежнему нигде не стоит твердою ногою. Старается держаться за Орлова и Ростовцева. Ездит к ним и видно кланяется в глаза, хотя и бранит заочно. В деле о продаже государственных имуществ он выхлопотал письмо от Ростовцева к государю, в смысле писанного мною всеподданнейшего доклада. Вообще видно, что он (Муравьев) нисколько не уверен в своих силах и своем умении при коллегиальном обсуждении дел. Все старается как-нибудь покончить дело en tête à tête и только приодет он en conclave. От этого дела постоянно и раздеваются, вслед за приодением. Кто-нибудь разоблачит их также en tête à tête и следует опять браться за прежние проделки. Жалкий министр, жалкая система.

Эмиль Вульф женится на Терезе Кёхли. Bonne fin de vieux garçon et de demoiselle émancipée. Крепко сердиты нареченные наследники Вульфа.

5-го декабря. Утром у министра, который объявил мне, что предполагает меня занять по крестьянскому делу. Целый год он брался за других. Теперь решается обратиться в ту сторону, куда ему, по разным причинам, обращаться не хотелось.

Двор сегодня переехал в Петербург.

Паскевич дал мне знать, что его записка по крестьянскому вопросу представлена государю 3-го числа. Последствия еще неизвестны.

6-го декабря. Был днем у Шувалова и княгини Голицыной (Суворовой). Когда таким образом мне случайно приведется свидеться с людьми, я всегда возвращаюсь домой с оживленным сознанием необходимости, — до поры до времени, — с ними видеться как можно реже.

Сегодня получено известие, что часть правого Кавказского Фланга, под предводительством Магомет-Аминя, покорилась. Кн. Барятинский пожалован фельдмаршалом. С жезлом отправили к нему флиг.-адъютанта Дурново. Брат князя Анатолий назначен командиром Преображенского полка.

Сегодня же, по случаю 25-летия состояния или числения государя в Преображенском полку, происходили разные церемонии. В Михайловском манеже был парад, с молебном, с проездкой государыни императрицы в фаэтоне и в сопровождении грумов вдоль фронта, с отданием ей чести и представлением рапорта государем императором.

7-го декабря. Вечером доклад по 2-му д—ту. До доклада у меня были Паскевич и Шувалов. Письмо первого к

государю возвратилось с характеристическими высочайшими отметками. Против места, где было сказано, что правительство во чтобы-то ни стало хочет сделать из крестьян поземельных собственников, государь написал, что это существенное условие, от которого он «ни под каким видом не отойдет». Против места, где говорилось о предоставлении крестьянам права отказа от земли, государь отметил на поле: «и тогда помещики будут сгонять их с земли и пустят ходить по миру». Против замечания, что предположения редакционных комиссий могут быть введены в действие только силою, отметка: «да, если дворянство будет продолжать упорствовать». Против предположения, что крестьяне должны получить полную личную свободу не далее, как через три года: «с первого дня по издании нового положения». Против слов, что выкуп должен быть добровольный: «иначе я его не допускаю». Наконец, против уверения в добросовестности побуждений автора письма: «верю, но сожалею о неправильности взгляда».

До написания этих отметок письмо Паскевича, вероятно, было послано к Ростовцеву.

8-го декабря. Утром у кн. Вяземского. Вечером дома. Ростовцевцы, и между ними один из ярых, — Булгаков, распускают по городу слух, что Паскевич жестоко отделан.

Читал записки Державина в «Русской Беседе» и княгини Дашковой в «Отечественных Записках». Незавидное было их время. Неужели не может быть иначе? Невзирая на генерал-прокуроров, российскую академию, цитаты из Дидерота и Жан-Жака Руссо, не взирая на лирические песни певца Фелицы, — так и пахнет татарским улусом.

9-го декабря. Утром у министра. Князь (Василий Андреевич) Долгоруков уведомил министра, что государь вероятно спросит о его мнении насчет заключительной статьи

Безобразова «Аристократия и интересы дворянства», в ноябрьской книжке «Русского Вестника». Видно, III-е отделение прочитали статью. Она написана дельно. Но — так могли бы писать к Англии, во времена короля Иоанна, перед истребованием от него великой хартии. Совершенно основательно все сказанное о невыгодах государственного служилого ремесла и о преимуществах государственных деятелей, пользующихся нравственной материальной независимостью, перед деятелями, не имеющими ни той, ни другой. Совершенно основателен также совет, данный дворянству, превратиться из касты в государственное сословие в рациональном смысле. Но неосторожны многие выражения и без оглядки обнаружена мысль, что для осуществления теории сами управления надлежит, — не давить вниз, привилегиями, а ограничивать и стеснять вверх, правами. Прямо сказано, в одном месте, что сперва нужно обеспечить себе уважение и доверие, потом предъявить свои права. Эти права, конечно, не могут быть «предъявлены» не задев и III-го отделения по весьма различным направлениям.

10-го декабря. Утром был у министра, который занят приготовлением к совету министров, где будет читаться его доклад по вопросу о продаже государственных имуществ.

30-го декабря. Анти-ростовцевцы предприняли формальную ажитацию в империи, разослали агентов по губерниям, получают, как говорят, des adresses d'adhésion и т. п. Вот до чего доведено дело и низведено. Один генерал-адъютант и три флигель-адъютанта открыто действуют на свою руку наперекор и находят себе приверженцев и помощников(??).

31-го декабря. Утром у министра. Потом у княгини Голицыной. Вечером дома.

Истекает 1859-й год. Смотрю назад, требую отчета в нем от моей памяти. Память отвечает с трудом, неохотно, бессвязно. Ее повесть похожа на длинную, незаконченную фразу. Вопрошаю сердце. Сердце сжимается и молчит. Благодарю Бога. Меня спасала Его десница. Не постигло меня ни одно несчастье, не испытал я ни одного глубокого горя. Но видно, что Ему не угодно было, чтобы у меня отлегло на душе. Бремя тоже. Череп по-прежнему в тисках. И в этом году я не могу сказать, чтобы я вздохнул свободно, вольно, широко, легко, — хоть один раз. Не видал ни разу безоблачного неба. Ни разу не преклонил головы под ярким лучом счастья.

Господи! еще раз благодарю.

1860 г.

14-го января. Утром в департаментах. У меня были там гр. Медем и кн. Ливен. Все бьют на то, чтобы сохранить неприкосновенным право исключительного землевладения в Курдяндии.

Вечером заезжал к Гернгросу. Видел у него Рачинского, только что возвратившегося из Москвы. Он говорит, что там расположение умов ультра-красное, в смысле оппозиции правительству, и что вообще ожидают катастрофы в течение года. Однако по этому предмету еще отзываются в шутливом тоне. Bientôt il ’y aura plus que des égorgeurs et des égorgés, говорит И. В. Сушов, et je serai des premiers. — Comment cela? mais ce serait être ssassin! — Oui. Mais si l’un est assassinat, l’autre est suicide. Or après un il y a encore moyen de faire pénitence, ce qui est impossible près l’autre.

15-го января. Сегодня генеральский обед в Зимнем дворце в честь кн. Барятинского.

Ген. Ростовцев опасно болен карбункулом.

16-го января[11]. Ген. Зеленый говорил мне, что на вчерашнем обеде господствовало обычное всеобщее явление. Все высшие мира сего изгибались в три дуги перед кн. Барятинским, — за исключением, впрочем, кн. Орлова. Ген. Муравьев был одним из самых гибких.

17-го января. Утром у обедни. Вечером был у Гернгроса.

---

[11] Мы опускаем почти ежедневно повторяемые отметки автора: «Утром в департаментах», или «утром у министра, потом в департаменте «Вечером дома».

Князю Барятинскому дан был обед в английском клубе. На этот случай кн. Вяземский написал, по своему обыкновению стихи и много стихов. Менее 10-ти, 15-ти или даже 20-ти куплетов он, вообще не пишет. Весьма хороши две строфы, где речи о Ермолове. Прочие гораздо слабее, и первый куплет, где происходит игра слов на том, что кн. Барятинский взял в плен Шамиля, но успех его не «ошеломил», более чем слаб.

18-го января. Вечером доклад до ½ 2-го часу ночи по 2-му департаменту. Все прежние колебания и прежняя неопределительность взгляда по современным вопросам. — Тяжело. — Равным образом прежняя гибкость и трусливость в отношении к другим значительным личностям. Министр государственных имуществ (М. Н. Муравьев) явно боится министра юстиции. Он почти преклоняет голову, когда произносит слово «наместник», что непременно уже означает кн. Барятинского, а не кн. Горчаков. При всем этом и прежнее отсутствие общих понятий и убеждений о праве в смысле юридическом и правительственном; а и его системы — высочайшие повеления. Закон для М. Н. Муравьева имеет смысл и силу только там, где только не случится и нельзя приурочить повеления. Хан, бек, мирза, паша, мандарин, все, что угодно, но не министр. Много нужно природного ума, сметливости и изворотливости, чтобы на деле применять к европейским вопросам эти азиатские средства.

19-го января. Слышал от Беклемишева о сцене, недавно происшедшей между Смирновым и (Я. А.) Соловьевым в комитете для составления проекта учреждения уездных полиций. Смирнов выведенный из терпения систематическими нападками на губернаторов и губернские власти вообще, сказал Соловьеву, что его речь клевета, а он сам

клеветник. Соловьев отвечал, ударом кулаком по столу, что, не смотря на чин и звание Смирнова, он его заставит молчать. Председатель, Ник. Алекс. Милютин, сказал: «господа, мы здесь не для личных объяснений; перейдем к § 19-му». Сцена происходила при Беклемишеве.

21-го января. В Москву, для надзора за цензурой, назначается сенатор Щербинин. Когда он перед отъездом был у разных министров, то каждый из них выразил полное сочувствие к свободному печатному слову, и просил изъять из круга употребления оного только одну область, — свое ведомство.

Сегодня, говоря о предстоящем отъезде ген. Ростовцева заграницу, М. Н. Муравьев сказал Зеленому: «быть может, Бог сохранит Якова Ивановича для России». Вспоминаю о coup de poignard, который должен был, по желанию Муравьева, нанести Ростовцеву Позен (см. мою заметку под 10 мая 1859 г.). Mutantur tempora et nos mutamur in illis.

23-го я января. Работал по обыкновению. Утомительно.

24-го января. Утром у обедни. Потом у министра, который задержал меня до 2-х часов. Заезжал к Паскевичу, но не застал его. Тяжело на сердце. Уповаю на Бога.

16-го февраля. (Н. А.) Милютин рассказывал мне на каких надеется защитников дела редакционных комиссий в высшем крестьянском комитете. Прежде всего — на Чевкина, хотя «он совсем дела не понимает». Повторяя этот отзыв на счет Чевкина, Н. А. Милютин лукаво улыбается и, по-видимому, думает, «а хорошо понимал оное сам Ростовцев!» Затем — на Панина: потому что он богатый помещик и ему

будет стыдно оппонировать. Наконец — на Муравьева, единственно потому, что он перед государем и Ростовцевым слишком уже высказался и «ангажировался» в пользу трудов редакционных комиссий. Выходит, что Михаил Николаевич Муравьев всегда себе верен в Unzuverlässigkeit. О двуличности с ним и говорить нечего: он многоличность.

Грейг передавал мне подробности свидания между Паниным вел. кн. ген.-адмиралом, после назначения первого председателем редакционных комиссий. Панин сказал, что приехал не к великому князю, а к государственному мужу, особенно занимавшемуся и интересующемуся крестьянским вопросом. Затем он изложил свой политический credo. «У меня есть убеждения», сказал он, «сильные убеждения. Напрасно иногда думают противное. Но по долгу верноподданнической присяги, я считаю себя обязанным прежде всего узнавать взгляд государя императора. Если я каким-либо путем, прямо или косвенно, удостоверюсь, что государь смотрит на дело иначе, чем я, — я долгом считаю тотчас отступить от своих убеждений и действовать даже совершенно наперекор им, с тою, и даже большею, энергией, как если бы я руководствовался моими собственными убеждениями». Примером гр. Панин привел дело об отмене литовского статута. «Я был против отмены», сказал он, «но действовал решительнее и последовательнее, чем кто-либо из тех, которые были в пользу отмены».

Грейг сказал: «c’est l’apologie de la lâclieté la plus complète, que j’aie jamais entendue». Другие отозвались об этом credo следующим образом: «Папин был прав».

11-го марта. Молодой Демидов стрелялся с офицером конной гвардии Мейендорфом, который прострелил ему обе ляжки. Пуля прошла через одну и засела в другой, где ее не нашли. В городе очень заняты исканием этой пули и все-

гдашнее влияние золота обнаруживается как следует. О Демидове спрашивают с видом участия даже люди, мало с ним знакомые. Говорят о нем осклабляясь, с какою-то особою приятельскою физиономией.

Артиллерийский юнкер бар. Вреде заколот шашкою в Екатерингофе. Говорят, что он умирает или умер уже, и дал расписку, что сам по неосторожности накололся. Но бывшие с ним товарищи, Витгенштейн, Райский и еще двое других, (все люди оставившие корпуса, полки или учебные заведения), возбуждают сомнение в истине этого уверения Вреде. Говорят, что дело было за картами и расписка Вреде поддельная. Производится следствие.

В Твери была другая история. Несколько гусарских офицеров и юнкеров, в полупьяном виде, произвели разные буйства и объявляли в каком-то селении свободу крестьян.

Из Харькова привезли и засадили в здешнюю крепость несколько человек студентов (говорят, числом до 18-ти), вследствие открытия какого-то тайного общества. Говорят, что это дело старое, что общество давно упразднилось, и что кн. А. Ф. Голицын (статс-секретарь у принятия прошений), который здесь производит следствие по этому делу, fait mousser la chose.

12-го марта. Министр постоянно преследует мечту о минимуме обязательного надела для крестьян, рассчитанного так чтобы плата за этот minimum по кадастровой оценке равнялась окладному оброку + подушные. Выходит, что местами для сего нужно 0,10 десятин, а местами 18 десятин на душу.

13 марта. Утром у обедни. Был у меня (кн. Дм. Александр.) Оболенский. Он также находит много бессвязности в распоряжениях.

19-го марта. Читал проект всеподданнейшего адреса петербургского дворянства. Там говорится про заклеймение его величеством слухов об упадке его доверия к дворянскому сословию словами «ложь и клевета» (в речи к депутатам 24-х губерний) и, между прочим, указывается на составление в особом комитете при министерстве внутренних дел проекта устройства земских полиций на не избирательном начале.

Вечером был у меня Н. А. Милютин. В раздраженном состоянии духа.

20-го марта. Утром у обедни. Потом у министра. Губернские депутаты продолжают трудиться над контр-проектом по крестьянскому делу.

21-го марта. Передана министру Муравьеву записка князя Д**, отца весьма известной княжны, который в ней рассказывает, что он купил имение в Силезии и устроил в нем ферму, чтобы русские могли туда приезжать и учиться сельскому хозяйству, что он купил паровой плуг в 12 сил и теперь намерен учредить образцовое хозяйство в южных степях, что однако же этого мало для преуспеяния земледелия в нашем отечестве, что для сего нужно министерство земледелия, и что, в виду этой необходимости, он, кн. Д**, пренебрегая насмешками, которыми, обыкновенно, приветствуются подобные «выскочки» (sic), предлагает свои услуги, чтобы употребить нравственный капитал, полученный им от природы (sic). — Все это буквально точно. — Все это прочитано вслух, при передаче записки министру.

22-го марта. Адрес петербургского дворянства был предметом новых прений в губернском собрании. В нем сделаны некоторые изменения и, между прочим, исключено

слово «заклеймили» в отношении к известным выражениям в речи к губернским депутатам.

24-го марта. Утром на погребении кн. И. А. Шаховского. Из почтенных ветеранов наполеоновских войн остаются в живых едва ли не двое: гр. Пален и Ермолов.

Обедал у Карамзина, для слушания чтения писем его отца к Дмитриеву. Не ведаю, почему с нами обедал шеф жандармов, кн. Долгоруков. Разве в роде essai de censure polique. В письмах не много замечательного. (В. Н.) Карамзин предъявил их с обыкновенным, резким, раздражительным апломбом, который его во всем и всюду сопровождает. На сей раз сыновние чувства придавали ему менее неприятные формы.

25-го марта. Вечером у вел. княгини Елены Павловны, под фирмою княжны Львовой. До полуночи общество забавлял фокусник, m-r Philippe. Мне надоедают эти фокусы и я провел весь вечер в другой комнате, en quatre с фрейлиною Раден, гр. Нессельродом и скрипачом Венявским.

26-го марта. Вечером у всенощной.

27-го марта. Утром у обедни. Потом у министра. Обедал у вел. княгини Елены Павловны с гр. Рибоньером и фрейлиною Раден. Вечером был у Гернгроса. Товарищ министра сказал мне, что мне к Пасхе жалуется Аннинская лента. Fiat; но обошелся бы и без нее.

28-го марта. Утром в церкви. Вечером в церкви и доклад по 2-му департаменту. Министром мне поручено видеться с кн. Долгоруковым, претендентом на употребление своего «нравственного капитала» и на министерство земледелия. Сегодня спрашивали о положении этого дела.

29-го марта. Утром в церкви. Потом у министра. Был у кн. Долгорукова, который, по-видимому, не совсем здоров головою. Он городил разного рода чепуху и, между прочим, указывая на влияние законодательства на климат, утверждал, que si les propriétaires riverains du Don étaient tenus à y construire des barrages, il y aurait plus d'eau, et par conséquent il y tomberait plus de pluie, vu qu'il en tombe toujours davantage là, où il y a plus d'eau qu'ailleurs. В пятницу он будет у министра, с чем сего последнего поздравляю.

31-го марта. Удостоился Св. Причащения. Был у ген. Мандерштерна, в крепости.

1-го апреля. Великая пятница. Заходил в Казанский собор Вечером у всенощной.

2-го апреля. Ночь во дворце. Давно не был там в пасхальный праздник. Другие лица, и вместе с тем все те же. Та же толпа, то же в ней отсутствие каждого чувства, кроме любопытства насчет чужих наград и нетерпения разъехаться по домам.

3-го апреля. Утром был у министра, на официальном приеме «высших чинов министерства», как сказано было в повестке. Видел, как министр говорил с тремя губернскими предводителями, между которыми был Скарятин. Подошел и слышал следующее: «конечно, надобно уладить так, чтобы не было обидно ни той, ни другой стороне. И государь это сказал. Без нарушения прав собственности. Впрочем, ваш председатель ведет дел осторожно. Он министр юстиции, и потому у него юридические начала в руках; он привык держаться на уровне права и, как министр юстиции, будет наблюдать, чтобы права не были нарушены, т. е. он будет

исполнять волю государя. Эмансипации, конечно, все желают. Итак, все дело, я уверен, легко уладится и будет разрешено без затруднений и удовлетворительно».

— Поздравляю, сказал я Скарятину: наконец-то, вы знаете, чего вам ожидать и как все дело устроится.

Адрес петербургского дворянства был представлен государю и, говорят, возвратился в портфеле представлявшего оный министра внутренних дел, без всякой высочайшей резолюции. Вновь избранный губернский предводитель, гр. Шувалов, еще не утвержден. В четверг адрес будет предметом совещания совета министров.

Гр. Панин хотел назначить членом редакционных комиссий гр. Владимира Бобринского. По этому поводу Бобринский был у государя. Аудиенция прекратилась холодно и сухо, вследствие отказа Бобринского участвовать в занятиях комиссии без права заявлять особые мнения или права не подписывать заключений большинства, с которыми он был бы не согласен. Государь говорил, что этот порядок для этой комиссии так установлен. Гр. Папин сказал Бобринскому весьма наивно: «mais ce que vous dites est la condamnation de toute ma carrière; j'ai passé ma vie à signer des choses que je n'approuvais pas».

4-го апреля. Утром ездил благодарить государя. Пред аудиенцией провел целый час en tête â tête с (В. Г.) Татариновым, который также представлялся, чтобы благодарить за награду (чин). Татаринов, по-видимому, рассудительный и здравомыслящий человек, хотя и не быстрого ума и не широких взглядов. Мы были позваны вместе. Государь благодарил за наши труды и был любезен. Но когда он спросил Татаринова о положении дел его комиссии и о возникшем, по протестам некоторых депутатов, отдельном вопросе о

составлении смет на будущий год, то Татаринов начал объяснять ему дело неясно и аудиенция прекратилась.

Вечером читал переписку Гумбольдта с Варнгагеном. Wahrheit ist man nur denen schuldig, die man tief achtet, — also Ihnen, — пишет первый второму по поводу seiner Impietiiten. Гумбольдт обнаруживает в этой переписке умственные, и политические тенденции d'une gauche assez avancée. Заодно с Фр. Араго, с кем он был весьма дружен. Почему высокие умы так склонны чваниться своим безбожием? Явно, что это льстит их самолюбию. Следовательно — слабость, следовательно — недуг, следовательно самое безбожие это есть не признак здравой силы ума, а только признак болезненности в уме, впрочем, сильном и светлом. Разве нельзя быть Гумбольдтом и христианином? Замечательно, что в переписке два пробела: за время ландтага 1847 г. и за время мартовской революции. Вероятно, письма, в эти периоды писанные, не отличались прозорливостью et jureraient avec le reste. Их предпочли оставить под спудом. C'est ainsi que l'on écrit l'histoire. Надеюсь, что если когда-либо напечатают мои записки, то не вычеркнут ошибочных воззрений. Неужели ошибка в предвидении менее поучительна, нежели верное предугадывание будущего?

5-го апреля. Обедал у Веневитиновых. После обеда добрый Веневитинов пустился в разговор о современных делах с И. В. Сабуровым.

— «Jusqu'à présent», сказал он, — la Russie était un roc contre lequel toute la mousse (sic!) de l'Europe venait se briser. Si ce roc est renversé, que deviendra l'Europe?»

П. А. Валуев

1860 г. [12]

Апреля 6-го. Министр (М. Н. Муравьев) дал мне глупый памфлет, изданный в Париже каким-нибудь жестколовым русским консерватистом (не могу сказать «консерватором»), под заглавием: «Le socialisme en Russie». Вместо двух, к этой книге подобранных эпиграфов, следовало бы снабдить ее одним немецким: «Ueber die Schnur gehauen». Муравьев давал эту книгу князю Орлову и наставил в ней множество NB NB на полях. В ней ругают редакционные комиссии. Давно ли Михаил Николаевич (Муравьев) говорил: «быть может, Бог сохранит России Яком Ивановича», т. е. ген. Ростовцова, прикрывавшего собою эти же самые редакционные комиссии.

Министр снова крепко занят крестьянским вопросом. Он сказал мне про гр. Панина: — «Le ministre de la justice est très emharassé; il m’a dit lui-même, qu’il ne voyait pas clair dans la question».

Когда же кто-нибудь из этих господ узрит свет в потемках?

8-го апреля. Обедал у министра. Доклад министра внутр. дел от 4-го или 5-го августа, в котором изложены были, говорят, разные обвинения, avant la lettre, против депутатов от дворянства, которого целью было поселить в уме государя предубеждения против них и на котором, говорят, легли разные неудобные резолюции, теперь делает много шума. Копии с «того доклада и с означенных резолюций ходят по рукам. Сравнивают эти неблагоприятные резолюции и т. д.

[12] См. «Русскую Старину», изд. 1891 г., т. LXX, апрель, стр. 167—182; май, стр. 339—360; июнь, стр. 603—616; том LXXI, июль, стр. 71—82; август, стр. 265—278; сентябрь, стр. 547—662; т. LXXII, октябрь, стр. 139—154.

Князь Орлов и князь Долгоруков, по словам М. Н. Муравьева, резко обвиняют Ланского. Что ж далее?

9-го апреля. Обедал у гр. Нессельроде. В редакционных комиссиях, под председательством гр. Панина, начинают возникать смуты. Гр. Папин хотел опрокинуть начало бессрочного пользования, но принужден был уступить.

10-го апреля. На днях государь принимал депутатов, с.-петербургского дворянства. Он утвердил гр. Шувалова губернским предводителем, но заметил депутатам, что их адрес ему не нравится и что хотя в нем речь о доверии, — он есть знак недоверия.

11-го апреля. Государь утвердил доклад министра о введении в С.-Петербургской губернии оброка по новым оценкам и о продаже земель крестьянам. По-видимому, он не заметил значения этой меры.

13-го апреля. Вечером с 9½ ч. до полуночи у вел. кн-ни Елены Павловны. Интересный разговор о положении нынешних дел и о последних годах царствования императора Николая.

29-го апреля. По-видимому, есть шансы в пользу летней поездки министра. Она необходима, чтобы дать перевести дух министерству.

1-го мая. У обедни. Был у товарища министра, который продолжает болеть. Обедал у кн-ни Салтыковой. Вечером на свадьбе Евгения Эксе с девицею Рихтер. С первого взгляда видно, что она умна и одарена твердым характером и изрядною силою воли.

2-го мая. Министр (Мих. Мих. Муравьев), по-видимому, более чем когда-либо уверен в своем значении у государя. Я опасаюсь, что он ошибается. Быть может ясный вечер перед ненастным днем.

3-го мая. Обедал у Владимира Карамзина, где пришлось мне опять прослушать часа два переписку его покойного отца. В некоторых письмах есть нежные и грациозные черты, хорошо рисующие любящую душу Н. М. Карамзина. Но в общем итоге мало занимательного и замечательного. Жизнь его сосредоточивалась в семействе и в Зимнем дворце, но не обнимала России. Более всего встречаются bulletins de santé о высочайших и домашних особах. Взгляд на дела управления — царедворческий того времени. Возгласы на счет крестьян, «худо платящих оброк господам», не сопровождаются никаким знаком какого бы то ни было участия к низшим классам народа. В этом нельзя прямо винить Карамзина. В то время Россия кончалась XIV-м классом по табели о рангах. Ниже этой степени, кроме солдат, которые имели коллективное, машинное значение, и купцов, представлявших нечто в роде необходимой промышленной прислуги, — ничего не было. Только скорлупа, в которой вмещалось 14-ти-гранное зерно. Но это доказывает, что если Карамзин был добрый человек своего времени, то он и не опередил его. Лучшая черта в его письмах — искренняя набожность. Но и здесь неприятная черта того времени: ни слова о быте церкви.

8-го мая. У обедни. Видел Эттингена и гр. Константина Палена. По лифляндскому вопросу государь согласился по всем пунктам заключения государственного совета, кроме одного, с мнением большинства, или, по крайней мере, с мнением лиц, вотировавших за одно с ген. Муравьевым. По

пункту о церковных повинностях государь решил, что их вовсе не будет, что православная церковь содержится правительством и что лютеранская впредь будет содержима дворянством.

Характеристично. (В этом деле) не замечают: во-первых, что существующие, давнишние, узаконенные отношения неудобо-отменимы одним словом; во-вторых, что содержание православной церкви правительством ее унижает и низводит пастырей на уровень чиновников; в-третьих, что если одним указом можно возлагать подобные обязанности на какое-либо губернское дворянство, то всякое обеспечение на счет принадлежащего ему имущества обращается в миф, и, наконец, в четвертых, что единственным результатом нового закона будет то, что его обойдут.

10-го мая. Дело о новом устройстве уездных полиций передано из государственного совета, куда оно поступило, с тем, чтобы рассмотреть оное до вакаций, в главный комитет по крестьянскому делу, для разрешения question préalable: как это дело рассматривать и к какому сроку разрешить. Ген. Муравьев для сего остается здесь до 16-го числа.

Обедал за table d'hôte, hôtel Choutems, по желанию кн. Вяземского. Там обедали гр. Нессельроде игр. Рибоньер (отцы), а также некоторые другие почетные гости, ради чего обед ожидался особенно хороший. Смертельно скучно. Ненавижу я трактиры, какого бы чина ни были.

Вечером заезжал к И. А. Солово. Она навострилась говорить отлично, складно, но пестро и обильно.

11-го мая. Вечером у всенощной. Потом у министра, который возвратился из Царского Села. По докладу желания вел. княгини Елены Павловны учредить премии, в виде медали, для вольного экономического общества, государь пове-

лел внести о том записку в комитет министров... Министр (М. Н. Муравьев) теперь в затруднении. Сначала он был непрочь подсолить ее высочеству. Потом передумал, вероятно, вследствие ее приглашения ехать с нею в ее экстренном поезде по железной дороге. В конце концов, он хотел учинить что-то среднее и удовлетворить ее желание с некоторыми ограничениями, и теперь находит, что вносить дело в комитет министров неудобно и желает изыскать средство к передокладу. Он еще не откланивался государю и увидит его величество в воскресенье.

12-го мая. Утром у обедни. Потом заезжал к кн. (П. А.) Вяземскому. О предпоследней повести Тургенева «Накануне» он говорит, что это «накануне» не мешало бы отложить до «завтра». По поводу диспута Костомарова с Погодиным кн. Вяземский сказал:

— «До сих пор мы не знали, куда идем; теперь не знаем даже откуда вышли».

Вечером был у меня Лебедев. При его опытности и юридических знаниях, странная неопределительность в общем взгляде на дела.

14-го мая. В заседании главного комитета не решили вопроса об устройстве земских полиций. Положено предложить его, 10-го числа, комитету четырех министров, а затем внести в собрание двух департаментов государственного совета, 18-го. Обедал у Муравьевых.

16-го мая. Сегодня возвратилась из заграницы княгиня Вяземская. Вечером заезжал к Мещерским.

17-го мая. Было заседание главного комитета по крестьянскому делу, для разбора вопроса о преобразовании

уездных полиций. Накануне, в заседании четырех министров, куда Ланской взял себе в подмогу И. Милютина, ни на чем не остановились и ничего не решили. Сегодня 8 голосов против 2-х (вел. князя Константина Николаевича и Ланского) приняли мнение министра государственных имуществ о невозможности одобрить составленный в министерстве внутренних дел проект. Преимущественно восставали против соединения городской полиции с уездною и против уничтожения избирательного начала, при назначении уездных начальников (вместо исправников по выбору от дворянства, проект учреждает исправников от короны). Указывали также на невозможность допущения у нас равенства всех сословий перед полицией, на несправедливость назначения в уездные присутствия одного заседателя из дворян, при двух от сельского сословия и т. п. Я не читал до сих пор проекта и говорю понаслышке.

18-го мая. Утром был на спуске 111-ти-пушечного корабля «Николай I». Много народу, погода прекрасная, спуск удался как нельзя лучше. Огромное судно спустилось в воду так плавно и ровно, как могла бы спуститься с отлогого берега рыбачья лодка. Публика у нас еще холодна к подобным зрелищам. Видно, что для нее дело, преимущественно, в спектакле. Не проявляется того чувства гордой солидарности, которое должен возбуждать военный флаг нации вообще и в таковых случаях в особенности.

Ко мне приезжал гр. Строганов, попечитель цесаревича. По случаю отъезда наследника в Либаву, он желает иметь нечто вроде краткого очерка Курляндской губернии. Обратился ко мне, по случаю моего тамошнего губернаторства.

Случайно узнал, что Н. Милютин сломал себе руку. Его понесли лошади в наемной извозчичьей карете и опрокинули перед подъездом губернского предводителя гр. Шувалова.

Плохой признак или предзнаменование. Поехал к Милютину после обеда. Он в несколько лихорадочном состоянии и много говорил о деле уездных полиций. Из его слов, между прочим, заметно, что все главные начала проекта уже прежде были в виду главного комитета и под влиянием ген. Ростовцева тогда одобрены и предусмотрительно облечены высочайшим утверждением. Ясны две вещи. Одна, что малодушие наших гг. министров и К°, при Ростовцеве, не дает им права на теперешнюю оппозицию; другая, что лагерь Н. А. Милютина и К° предусмотрительно пользовался этим малодушием для закреплении, под спудом канцелярской тайны, всех главных начал (надлежащей) санкцией.

26-го мая. Государь снова обратил в совет министров, т. е. повелел в него внести дело по просьбе кн. Сангушко, уже пять раз решенное.

28-го мая. Вечером Муравьев уехал.

Кончил и отправил к гр. Строганову записку о Курляндской губернии, написанную мною для наследника цесаревича.

29-го мая. Утром у обедни. Потом в д—тах и у генерала Зеленого. Кончил записку в ответ на последний маневр князя Суворова, в деле ландесмаршала, обер-ландесбефоллмохтихта и обер-риттершафтс-гауптмана.

30-го мая. Вечером Оболенский сообщил мне о приезде Беринга, Перейры и других иностранных денежных магнатов, по случаю предстоящего собрания общества железных дорог. Очевидно, что эти господа наш совет в грош не ставят и что наш совет не под силу им.

31-го мая. Вечером, как всегда, дома.

1-го июня. Вечером ездил на острова. Мне все и все там чужды.

Управляющий министерством был в Царском Селе с докладом по балтийскому делу. Очевидно, хотели сделать все угодное курляндцам. В Царском Селе с нетерпением и досадою слушали то, что докладывал генерал Зеленый. Странно, — и не странно, — как склонность к остзейцам присуща! В подобных случаях меня более чем когда-либо томит и гнетет чувство моей зависимости. То ли дело, если бы я не был звездоносным поденщиком!

2-го июня. В годовом общем собрании акционеров главного общества жел. дорог. Оппозиция вела себя не очень прилично и весьма бездарно. Совет также поступил не очень прилично, раздав своим собственным инженерам-французам акции для подачи голосов. Результат был заранее известен. Массою акций, а следовательно и голосов, состоявших в распоряжении совета, всякая баллотировка заранее обеспечивалась в его пользу. 3,600 против 700. Следовательно, более 14 тыс. акций и 15 милл. р. за совет и около 3 тыс. акций и 3 милл. р. против него. Отношение как 5 : 1. Ораторы оппозиции, гг. Стасов, Теплов, Устрялов, вели свое нападение без толку; их партии шумела также без толку. Председатель, бар. Мейендорф, не мог справиться со своим голосом и обязанностью. Были минуты, когда собрание походило на революционный клуб. На стороне совета та же слабость и бестолковщина, кроме А*..., который на себе вывез всю ту часть заседания, которую я вытерпел. Он говорил с писанного, но говорил, т. е. diction et organe, отлично. Приготовленная для него речь была улучшена против первоначальной редакции и момент для произнесения ее хорошо схвачен. Пе-

рейра хотел сказать несколько слов. По этому поводу поднялась патриотическая буря, так как он должен был говорить по-французски. Совету следовало предусмотреть и предупредить бурю, испросив позволение и обещав тотчас перевод. Вместо этого стали утверждать, что французский язык может быть употребляем по праву. Как бы то ни было, после долгого шума, Перейра сказал свой спич, в котором ничего особенного не было. Но по лицу, по выражению его глаз, сейчас видно, что он умнее всех своих товарищей и что Луи Наполеон недаром им пользуется. На выборы Луи Наполеона, по части способностей, вообще можно положиться. Общее впечатление следующее: совет плох, оппозиция еще гораздо хуже. Хрущов пытался ораторствовать, но вышел фиаско.

После обеда ко мне заезжал ген. Зеленый. Балтийское дело выиграно. Кн. Суворова поддерживали только кн. Долгоруков и гр. Адлерберг. Гр. Панин, гр. Блудов и все другие члены совета министров поддержали Зеленого, который вообще, по-видимому, вел дело очень хорошо. Он один знал его как следует иди следовало, за исключением той юридической определительности понятий, которую всем этим господам так трудно себе усвоить. Состоялось следующее определение: «правительство, при отчуждении и не отчуждении своих имений и земель, предоставляет себе полное право распоряжаться оными по своему произволу, не стесняясь никакими местными постановлениями». По крайней мере так повелено ген. Зеленому составить резолюцию, которую и представить его величеству. «Полный произвол» означает здесь возможность все обратить в мещанские лены. Но это последнее понятие слишком определительно. Произвол удобопонятнее.

4-го июня. Заезжал к Рашету по делу Голицына. Я поехал, конечно, в сюртуке. Рашет вышел ко мне во фраке со звездою. Редко встречался с такими...

5-го июня. У меня снова был Оболенский. Он серьезно вербует меня в дирекцию главного общества железных дорог.

8-го июня. Государь окончательно утвердил решение по балтийскому делу, но мои справки оставил у себя, обещав Зеленому их возвратить. Важнейшее дело не возбуждает в нем, по-видимому, столько забот и сомнений, сколько этот курляндский вопрос.

9-го июня. Писал в Ригу Тидебелю и Беттихеру по балтийскому делу. Посылал за Гершау, дабы через него равным образом несколько противодействовать первоначальному впечатлению, которое исход этого дела произведет на местах. Редакция высочайшего повеления несколько изменена, но смысл тот же.

10-го июня. Обедал у Лазарева, которого дом видел в первый раз после его переустройства. Между многими прекрасными вещами есть одна картина Ван-Дейка, которая, конечно, принадлежит к числу наилучших его произведений.

Вечером ездили на острова с женою и Никсом. Мы прошли пешком по Елагину. В некотором расстоянии от «pointe» все так тихо, свежо, уединенно, как будто в деревне. Мы прошли в двух шагах от соловья, который продолжал разливаться трелями, не обращая внимания на гуляющих. Встретили там Гершау, вдвоем с римско-католическим ксендзом, вероятно, в душеспасительной беседе. Говорят, что Гершау переходит в католицизм. Проехали потом по «старой» и «новой» деревням. 25 лет прошли с тех пор, как я там жил и, по крайней мере, 20 лет с тех пор, как был там в последний раз. Все переменилось. Для меня это место походит на кладбище. Похоронено былое. Нынешнее поколение не помнит того, которое ему предшествовало.

27-го июня. Здесь теперь три графа Медем. Они делают против меня демонстрацию en m'ignorant ici. Это плата за курляндское дело. Сегодня кн. Голицын препроводил к нам всеподданнейшее прошение четвертого графа Медем, губернского предводителя, по этому делу. В прошении ничего нет нового.

27-го августа. Пробел в дневнике, вряд ли удастся пополнить впоследствии. Возвратился пока один. Жена и Никс остались в Дагде. Вчера был в Казанском соборе и в Александро-Невской лавре.

Вчера приехал министр (Муравьев). Видел его сегодня. Он хвор, быть может, только с дороги. Обедал у Вяземских, в Лесном. А. А. Зеленый говорил мне, что государь очень не расположен к министру (М. Н. Муравьев) и отзывается о нем с видимым неудовольствием. Причиною тому товарищ министра полагает как 20 тыс. десят. Самарской земли, так и 60 тыс. рублей, которые М. Н. Муравьев успел выпросить себе, не сказав о том ни Зеленому, ни мне, из сумм удельного ведомства, впредь до расчета по покупке у него пожалованной ему земли. По форме выдачи этих денег можно предполагать, что они не ссуда, а окончательный подарок, вдобавок к упомянутым десятинам, к 4 тыс. р. на подъем и к 8 тыс. р. на дорогу. Итог порядочный.

28-го августа. Страдаю глазами. Выезжаю как можно менее и почти никого не принимаю. Обедал у Рудницкого.

29-го августа. Обедал у г-жи Герн-с. Elle est bien jaun et bien vieillie.

30-го августа. Ген.-ад. (Дм. Ал.) Милютин назначен товарищем военного министра. Кн. Суворов — шефом

Ряженого пех. полка, которым некогда командовал его отец. Полковн. Иванов 30-й[13] по этому поводу ходит в раздумье, соображая что князю написать в полк: «Ряжцы!... Ряжцы!...» ... «не хорошо; надобно будет справиться, что писал кн. Барятинский, когда его сделали шефом...» Ген. Зеленому дали Анненскую ленту.

31-го августа. Прием у министра. Он опять под влиянием путевых впечатлений и бредит разными проектами, которых не приводит в исполнение. В его речах вырвалось сегодня удачное выражение, не знаю, его ли или от кого позаимствованное: «наука никогда не проникала в Россию, но оставалась к ней в положении касательной линии». Изображение верное. К России проведено множество научных тангенсов. Перпендикулярно в нее проникла только безалаберность.

Министр читал мне свою записку, написанную в опровержение записки Княжевича. В ней он сильно возражал, между прочим, на предложение министра финансов удалить начинателя или основателя общества трезвости, епископа Волончевского.

12-го сентября. Министр сообщил мне разные подробности о ходе крестьянского дела. Гр. Панин отлагает до главного комитета борьбу с редакционистами, — если он действительно бороться намерен, — а между тем дает им волю завершить проект по их усмотрению. В редакционных комиссиях Булыгин, вероятно, по наставлению Муравьева, начал восставать против главных начал проекта, что дало повод к неприятным объяснениям с Н. Милютиным, который сказал Булыгину, что плоды полуторагодовой думы и тру-

---

[13] Иванов (ныне покойный) состоял при кн. Суворове.

довых ночей нельзя опровергать результатами поверхностного чтения. Булыгин отвечал, что жаль, если одного поверхностного чтения достаточно для отыскания столь существенных недостатков в плодах полуторагодовой думы. Теперь они с Н. Милютиным не кланяются. Понимаю, впрочем, Н. Милютина. Он догадался, что Булыгину дан mot d'ordre, и, не без основания, может упрекать его в том, что говорит теперь, а молчал прежде, пока светило солнце Ростовцева. Раздражительность Милютина в этом деле, впрочем, показывает, что он не столь уверен в окончательном успехе дела, как прежде полагали. Недавно кто-то говорил мне, что Н. Милютин хочет разыграть у нас роль Штейна. Нельзя не отдать полной справедливости Н. Милютину. Он обнаружил, в точение двух последних лет, много стойкости, деятельности и уменья. Но он не создан быть Штейном. Если бы Пруссия 1807 г. была преобразована не министром, а секретарем министра, то Н. А. Милютин мог бы быть этим секретарем в России. Но быть Штейном из-за плеча Ланского нельзя.

13-го сентября. Утром в Михайловском манеже, где видел приготовления сельскохозяйственной выставки. Она превосходит мои ожидания. Потом был в д-тах. Вечером дома.

Кн. Суворов напомнил мне bon mot кн. Меншикова, сказанный во время òно насчет баснописца Михайловского-Данилевского. Говорили о том, что Клейнмихель будет военным министром. «Конечно, сказал кн. Меншиков, Данилевский уже издал прибавление к своим сочинениям, в котором значится, что везде, где напечатано было «Чернышев», следует читать «Клейнмихель»

27-го сентября. Был на выставке. Потом в д-тах. Вечером 2-е заседание кадастрового комитета.

28-го сентября. Утром на торжественном открытии выставки. При молебне провозглашено многолетие не только царской фамилии, но и «всем трудящимся на пользу общую». Были: вел. кн. Николай Николаевич с вел. кн-ней Александрой Петровной, принц Ольденбургский, гр. Блудов, государств, контролер Анненков, несколько генералов и адмиралов.

Днем в д-тах. Вечером на свадьбе адъютанта вел. князя Константина Николаевича, кн. Ухтомского, с разведенною графиней Цеппелин, урожденною Грейг. Обряд совершен в церкви Мраморного дворца. Оттуда должен был ехать к г-же Грейг, в тридевятую даль Васильевского острова. Возвращаясь домой, заезжал к г-же Гернгрос. Потом работал до 2-х ч. ночи.

29-го сентября. Утром были разные посетители, между прочим, гр. Гейден и гр. Сиверс, оба отчасти с заднею мыслью о покупке казенных ферм или имений. Был на выставке с женой. Потом в д-тах. Вечером 3-е заседание кадастровой комиссии. Чтобы несколько понять гг. членов, не привыкших к коллегиальным формам, я их держал 5 часов сряду, с ½ 8-го до ½ 1-го ночи.

30-го сентября. Доклад по д-ту сельского хозяйства. Обедал у Муравьевых. После обеда объяснение с Пелагеей Васильевной (жена М. Н. Муравьева), которую я привел к признанию, что она или они меня обвиняли в разных стараниях повредить министру. Не трудно было отбиться. Я ей при этом случае прямо высказал, что они весьма несправедливо обвиняют в том же ген. Зеленого.

Председателем комитета по крестьянскому вопросу будет, говорят, вел. кн. Константин Николаевич. «Nous devons cela à Panine», сказал Муравьев.

1-го октября. Утром у обедни. Был у гр. Гейдена. Потом в департаментах. Вечером до ½ 1-го часа 4-е заседание кадастровой комиссии.

Гершау рассказывал сегодня, что в Ami de la réligion напечатан целый секретный доклад министра внутр. дел по делам римско-католической церкви, с пространными резолюциями государя императора.

2-го октября. Утром мне помешали разные посетители быть у обедни. Видел, между прочим, Оболенского. Ничего не слыхал от него замечательного или нового. Видно только, что главное общество железных дорог не так твердо на ногах, как считало себя твердым весною.

9-го октября. Навестил Н. А. Милютина, которого нашел в довольно сильном нервически-раздраженном настроении. Понятно. Последствия продолжительно-напряженной работы, разных кризисов и столкновений, наконец, 6-ти-месячного официального сообщничества с гр. Паниным — сами по себе достаточно могли бы объяснить это настроение, даже если бы к ним не присоединялось горькое чувство устранения от дальнейшего движения дела. Усилия NN ввести Н. А. Милютина в главный комитет не имели успеха.

Был у княгини Изабеллы Гагариной. Она неистовствует, при всей своей обычной кротости, против Луи Наполеона, Кавура, сардинского короля и его посланника, и т. д. Понимаю, как несносно безрассудны могли быть во время о̀но, а отчасти могут быть и ныне, les dames du faubourg St.-Germain, quand elles parlent politique.

Получил длинное письмо от кн. Суворова. Написано, по обыкновению, как бы в лихорадочном бреду.

10-го октября. Заезжал к кн. И. А. Вяземскому, сегодня возвратившемуся из Москвы. Был утром у министра, который объявил мне, что желает, чтобы я занялся крестьянским делом и ему помогал разбирать оное между заседаний главного комитета. Сегодня первое заседание этого комитета. Сегодня же получено телеграфическое известие об издании австрийским императором конституции. Многознаменательное известие. Быть может, и знаменательное совпадение известия с событием.

Вечером доклад по 2-му департаменту. Министр рассказал мне подробности первого заседания главного комитета, поручив хранить об этих сообщениях совершенную тайну, потому что все члены комитета обязаны, по высочайшему поколению, безусловно сохранять эту тайну. Председательствовал вел. кн. Константин Николаевич. Дело началось объявлением высочайшей воли насчет секрета совещаний, непременного окончания занятий к 1-му декабря, внесения дела в государственный совет не позже 16-го того же месяца и окончательного решения к 1-му января будущего года. Затем, прочитана, равномерно по высочайшему повелению, предсмертная записка ген.-адъютанта Ростовцева (министр передал мне при этом случае копию с записки). После прочтения оной, начались общие суждения как о сущности дела, так и о порядке совещаний. Положили иметь до 2-х и 3-х заседаний в неделю и начать в будущий раз, 14-го числа, с разбора проекта положения о мировых посредниках, уездных присутствиях и губернских присутствиях по крестьянским делам (экземпляр проекта мне, равным образом, передан, с поручением доложить мои мысли и замечания по сему предмету накануне заседания). Гр. Блудов немедленно высказался в пользу выкупа, не разбирая, как его произвести и какими способами его обеспечить. Кн. (Пав. Павл.) Гагарин говорил (по-видимому, не совсем удачно) в пользу безусловного при-

менения начала добровольных соглашений. Гр. Панин говорил о неприкосновенности прав собственности и неуклонном соблюдении высочайшей воли. Наконец, М. Н. Муравьев (явно куртизирующий гр. Папина и считающий его сильным часа сего) также распространился насчет святости прав собственности, и от них (неизвестно как и почему) перешел к знаменитым удельным $^{2}/_{5}$ и $^{3}/_{5}$, а отсюда к общим понятиям о минимуме надела, о кадастровой оценке земель для определения оброка, о переселении и т. п. Затруднительность выкупа, с финансовой точки зрения, подтвердили Чевкин и министр финансов. Против обязательного выкупа высказался великий князь и почти все члены. Гр. Блудов один защищал его. Ланской молчал. Неблагорасположение к трудам редакционных комиссий выражалось весьма ясно в речах Панина, Гагарина и Муравьева, у которого долго сдержанная желчь, копившаяся еще со времен Ростовцева, разливается. Впрочем, ничего решительного не постановлено.

11-го октября. Утром в д-тах. Вечером за работой. Читал проект местных учреждений по крестьянским делам. Много хорошего, хотя есть и странные тенденциозные особенности, например, выбор посредников одними крестьянами (т. е. одной стороной из двух, между которыми преимущественно предполагается посредничество) и производство выборов дворян-посредников крестьянами, под председательством городского головы. Во всяком случае нельзя не признать, что редакционные комиссии лучше владеют законодательным языком, чем правительствующий сенат и II-е отделение собственной е. и. в. канцелярии.

12-го октября. Получил от министра полный экземпляр проектов редакционных комиссий. Вечером 6-е заседание кадастровой комиссии.

13-го октября. Вечером у министра до 1 ч. ночи. Он в сущности постолько занят крестьянским делом, сколько критикой труда редакционных комиссий, ездит на коньке громких фраз о монархических и демократических началах, говорит о союзе с Чевкиным и Паниным, утверждает, что несмотря на все высочайшие повеления, дела нельзя кончить к 1-му января, занят ожиданием кн. Долгорукова и гр. Адлерберга, ссылается на постановления комитета 4-х министров, о котором все забыли, мечтает о заимствовании множества вещей из лифляндского крестьянского уложения, уверяет, что он в две недели мог бы составить все существенные постановления для введения в действие нового порядка вещей и проч. и проч.

Трудная мне досталась доля. На сей раз обычная моя забота, ежедневно разрешать проблему параллелограмма сил и выводить диагонали, еще тягостнее, чем в других случаях. Соглашаясь с министром насчет разных частностей, напр., насчет невозможности на первый раз предоставить крепостным крестьянам избрание мировых посредников, насчет неуместности президентства городского головы и т. п., я не мог согласиться насчет мнимых превосходств нынешнего порядка волостного устройства и волостных выборов, насчет не менее мнимой способности к действию наших губернских и сословных учреждений, и в особенности на счет пригодности чисто отрицательной, тормазовой методы в дальнейшем направлении и решении дела. Аргументы ad rem были мало действительны. Я обратился к аргументам ad hominem, и сказал министру, что он напрасно рассчитывает на силу гр. Панина и на помощь ген. Чевкина, и что если он только будет заботиться о разгромлении проекта, не разбирая ни того, что в нем хорошо, ни того, чего уже миновать нельзя, от частей, которые устранить или изменить можно, — то он не спасет дела, а себя уронит.

14-го октября. Утром, до заседания главного комитета, опять у министра. Повторилось вчерашнее прение. «Панин не устоит сказал я, а Чевкин вам изменит». Кажется, что это несколько подействовало.

Встретил Языкова, который распространился по предмету австрийской конституции.

16-го октября. Рассказывают, что Шувалов привез из Вены письмо и, кроме того, какие-то изустные поручения, в смысле предостережения от Австрии. Говорят, что письмо было сильное, и подействовало. Желаю, чтобы было так. Еще более желаю, чтобы к нам могли применить то, что, по поводу австрийской конституции газета «Constitutionnel» говорит об австрийских государях. «C'est une maison royale, dont on peut dire qu'elle a toujours été, dans les temps do crise, à la hauteur de sa mission, et qu'elle a su, suivant les circonstances, subir ou dominer les situations, qui lui étaient faites».

Министр (Муравьев) занят крестьянским делом. Он отыскивает новый путь к разрешению вопроса о наделах, и полагает найти его в разделении оброчных и надельных имений на различные группы, из которых он будет выводить средние обязательные нормы, к которым однако же надлежать будет прибегать только в случае не воспоследования взаимных соглашений. Странно, что, занимаясь теперь так деятельно всеми подобными вопросами, он не предпринял этого занятия ранее. Система $^2/_5$ и $^3/_5$, по-видимому, уже брошена. Система минимума, выводимого по норме окладной оброчной подати, также признается, в настоящее время, не применимою к делу.

17-го октября. В 4 часа дня совершено в церкви царскосельского дворца крещение вел. кн. Павла Александровича.

18-го октября. Утром у министра, который мучил меня полтора часа объяснением своего изобретения по части норм надела и повинностей.

Обедал у Неелова с его братом и Серг. Серг. Ивано̀вым, с которым третьего дня познакомился. Разговор, конечно, имел предметом эмансипационный вопрос. Он продолжался 4 часа. Мы не могли прийти ни к какому заключению. Мнение этих господ клонится к тому, что теперь нельзя ожидать успеха от добровольных соглашений, что однако же правильная развязка возможна только путем добровольных соглашений, и что посему нужен переходный период. Следовательно, нельзя узаконить окончательно ни надела, т. е. ограничения прав собственности вотчинников на землю, ни повинностей, т. е. вознаграждения за отвод этой земли в пользование крестьян.

Быть может так; но возможно ли подобное разрешение вопроса после всего того, что сделано и сбылось с 1857 г. по 1860 г.?

19-го октября. Вечером у Вяземских. Здоровье князя возбуждает во мне опасения. Его жизнь не по его привычкам и вкусу, а это действует на его организм. Видел там княгиню Марию Аркадьевну, только что приехавшую из Царского Села и преисполненную Царским. Она говорит, что умирающая императрица сегодня прощалась с семейством и со всеми приближенными слугами и служителями. Вел. кн. Михаил Николаевич и вел. княгиня Ольга Николаевна Вюртембергская прибыли из-за границы.

Женою моею сделано сегодня замечание, что все русские императрицы переживают своих супругов. От Екатерины I до Александры Федоровны действительно было так.

Сегодня было, в Царском, 4-е заседание главного комитета по крестьянскому делу.

20-го октября. Императрица Александра Федоровна скончалась сегодня в исходе 9-го часа утра, после продолжительной, и в последний день трудной, агонии. Говорят, ей виделся во сне, за несколько часов до смерти, покойный император Николай Павлович, который будто подавал ей руку, чтобы ее увести с собою. Сколько раз повторяются подобные видения! С усопшею императрицею окончательно сходит со сцены прежнее царствование. Sit illae terra levis!

Государь прислал вчера к министру записку Назимова — безрассудную, в которой сей неудачный русификатор Литвы обращается к новому способу русификации. Он требует, чтобы министерство государственных имуществ приостановило раздачу с торгов новых ферм в западном крае и вместо того предприняло бы в нем колонизацию коренного русского дворянства, раздавая эти фермы отставным генералам, офицерам, чиновникам и т. п. Назимов ожидает от таковых колонистов подавления польского элемента, полагает, что их православное усердие обеспечит благолепие храмов и т. д. Все это испещрено разными частными нелепицами и подкрепляется баснословными цифрами. Но каким образом 200 или 300 мелких арендаторов подавят польскую народность, и какие коренные русские дворяне устремятся на хозяйственные подвиги в пределах ферм, заключающих в себе средним числом не более 200 десятин, — не объяснено.

24-го октября. Написал и представлял министру мои соображения по вопросам о наделах и о повинностях. По этому поводу происходил длинный разговор с Нееловым и со мною. Министр несколько раз повторял прежние выходки, насчет придумываемых им способов разрешения этих вопросов, несколько раз возвращался к прежним непостижимым противоречиям и запутанностям, и кончил тем, что весьма добродушно и наивно благодарил меня за то, что я

«просветил» его по предмету отдельности вышереченных вопросов. «Я до сих пор смешивал эти понятия» — сказал он. Если их он смешивал с ноября 1857 г. по октябрь 1860 г., то чего же он не смешивал? В разговоре он с рыцарскою решимостью объявил, что в крестьянском деле он стойко будет стоять за права собственности и коренные основания гражданского порядка, будет повиноваться только своей совести, и не подпишет ничего, велениям этой совести противоречащего. Посмотрим. Следующее заседание главного комитета назначено на 20-е число, но так как в этот день министр должен быть в Царском Селе утром, для всеподданнейшего доклада, то он просил великого князя взять его с собою в город на экстренный наезд.

25-го октября. Удосужился читать газеты и журналы после обеда, чего не было с прошлой недели.

То, что Asterburg говорил о поэте Pope — применимо к Чевкину: mens curva in corpore curvo.

26-го октября. После обеда 7-е заседание кадастровой комиссии. Вечером до ½ 2-го ч. ночи у министра с Нееловым и Ивановым, в разговорах по крестьянскому делу. Хамелеон имел сегодня не только рыцарский, но и богомольный порывы. Он воззрел к небу, говоря, что думает только об исполнении долга; но характеристично присовокупил на сей раз, что он скажет свое мнение, — не говоря, как прежде, что готов уйти, если это мнение не восторжествует. Он опять поворотил, в сущности дела, к началам удельной системы. По его словам, в заседании главного комитета приняты разные постановления, обеспечивающие территориальные права и власть помещиков.

27-го октября. Объявлен церемониал процессии, по случаю перевезения тела покойной императрицы в Петропавловский собор. Шествие должно начаться у Обводного канала. Следовательно, верст 10 до собора, если Троицкий мост не разведут, по случаю льда, более 15-ти если придется следовать на Николаевский мост. А всем высшим сановникам положено в нем участвовать, не смотри на их лета и на позднее время года.

28-го октября. Вечером заезжал к Мещерским. Перед тем у меня был Скарятин. Между прочим, слышал от него, что прошлою зимою, в привольной беседе, Н. А. Милютин будто бы проговорился в присутствии его, Хлюстина и нескольких других дворян, высказав так свою заднюю мысль:

— «Вас, дворян, нельзя расшевелить мелочами. Вы почешетесь, перевернетесь, да опять заснете. Вас надобно так кольнуть, чтобы вы подпрыгнули вверх».

Нечто в этом роде говорил мне, прошлой весной, кн. Александр (Илларионович) Васильчиков.

29-го октября. Сегодня поутру, по установленному церемониалу, тело покойной императрицы из Чесменской церкви перевезено в Петропавловский собор. Относительно сановных стариков сделано под рукою, как я думал, (особое распоряжение), т. е. некоторые посажены в кареты. Я участвовал в шествии от Обуховского проспекта до крепости. Впечатление могли произвести только два предмета. Панихида и растроганное, утомленное лицо государя императора.

30-го октября. С ½ 12-го ч. до 5-ти час. дня у министра, с Нееловым и Булыгиным, в рассуждениях по крестьянскому вопросу. Вот мои воскресные досуги! Булыгиным представлены разные любопытные факты и выводы, доказывающие с

одной стороны произвол редакционных комиссий, в избрании основных начал их предположений по части хозяйственных вопросов, с другой — несправедливые и часто разорительные последствия постановленных ими правил.

Утром был у меня Кошелев, просит совета относительно не пропущенных цензурою журналов заседаний московского общества сельского хозяйства.

31-го октября. Вечером доклад по 2-му департаменту и совещание по крестьянскому вопросу при Неелове и Булыгине.

1-го ноября. Сегодня государь император принимал членов редакционных комиссий. Прием был назначен по докладу Ланского, вероятно в виде вознаграждения за нелюбезные procédés Панина, при закрытии комиссий. Панин был, по-видимому, неприятно поражен этим и вчера около полуночи присылал Муравьева — сына (герольдмейстера) к отцу, чтобы спросить не знает ли он, через Булыгина, каких-нибудь подробностей о поводах к назначению аудиенции.

Его величество благодарил членов комиссий, взял при этом за руку Панина, (жаль[14]), сказал, что Папин свидетельствовал о трудах комиссий, что он ожидает от них великой пользы, но присовокупил, что так как всякая работа более или менее имеет несовершенства, то и проекты комиссий, вероятно, должны будут подлежать значительным изменениям. Все это рассказывал Булыгин, приехавший из Зимнего дворца прямо к Муравьевым.

Странную роль, при этом представлении, играл Ланской. Он выхлопотал аудиенцию, данную членам комиссий, вследствие письма, написанного четырьмя из них (Самари-

[14] Это слово принадлежит П. А. Валуеву и поставлено им же в скобках.

ным, Галаганом, Черкасским и кн. Голицыным) на имя Милютина, с косвенною жалобою на Панина. Он выхлопотал ее мимо Папина. Он присутствовал при аудиенции, приготовил и держал в кармане список представляющихся, которых расставлял Милютин. Но этим и ограничилось все его участие в деле. Личного представления, т. е. поименного, не было. Список остался в кармане. Государь ничего не сказал Ланскому, вышел из кабинета в сопровождении Панина, благодарил, как выше сказано, Панина, словом обошелся с Ланским как будто бы Ланской был одним из членов редакционных комиссий. Это объясняется отчасти тем, что Панин успел, говорят, написать государю письмо, в котором, в свою очередь, жаловался на предоставление аудиенции помимо его и т. д.

Вечером у министра до 1 ч. ночи с Нееловым и Булыгиным.

2-го ноября. Утром в департаментах. Заходил к Вяземским. Странная болезнь у некоторых людей, на словах удаляющихся от двора, и телом и мыслью — находящихся там. В продолжение получаса почти ни о чем не было речи, кроме великих князей и великих княгинь.

Вечером опять у министра до 1 ч. утра. В начале совещания были Неелов и Булыгин. Жалкое зрелище. Но сию минуту у государственного хамелеона ни одной установившейся мысли. Первое заседание по наделам и повинностям, очевидно, было неудачно. Министр сбит или потерялся. В целом составе комитета он теперь опирается на одного кн. Долгорукова. Панин, вместо системы редакционных комиссий по наделам, предложил какие-то дикие собственные нормы. (Кн. Пав. Павл.) Гагарин, которого по этой части магнетизирует бывший эксперт Желтухин, аргументировал на основании каких-то казанских данных. М. Н Муравьев

толковал про minimum и Bauerland, не зная сам, что̀ разуметь под тем и другим. Кн. Долгоруков говорил о минимуме на основании положения с.-петербургского комитета. Хамелеон, набивший свой портфель ведомостями Булыгина, струсил и их не представил. Вечером они вновь сортировались, а ночью будут переписываться для представления завтра. Министр был при этом разборе в жалкой ребяческой perplexité. Он искал аргументов, (теперь!), как ищут грибов в лесу.

Считаю дело редакционных комиссий выигранным. Они были составлены так, чтобы никто не мог противоречить системе большинства. Главный комитет составлен так, чтобы никто не умел(?) противоречить (?).

3-го ноября. Сегодня утром возвратился ген. Зеленый. Он вступает в управление министерством. Рассказал ему, по его желанию, в каком положении находятся наши дела. Слышал от него, что гр. Ламберт занимается в Париже научением городского хозяйства и путей сообщения. Ergo две новые кандидатуры: в с.-петербургские генерал-губернаторы и в главноуправляющие ведомством путей сообщения и публичных зданий.

Вечером опять до 1 ч. ночи у министра. Опять бессвязное совещание по тем же самым вопросам, и на сей раз опять результат, приобретенный 24-го октября, десять дней тому назад. Министр снова согласился со мною и просил изложить мое заключение на бумаге. Надолго ли это согласие?

4-го ноября. Вечером, по обыкновению, до ½ 2-го часа у министра. На сей раз он был, преимущественно, озабочен своим свежим союзом с кн. Долгоруковым по крестьянскому делу и приисканием средств подладить свое мнение (зри вчерашнюю мою отметку) под мнение союзника или спаять его с этим мнением. Мне приказано сделать спайку.

5-го ноября. Утром в крепости, на погребении покойной императрицы. Ничего особенного во время церемонии. Личность государя, по-прежнему, трогательна и симпатична.

Перед церемонией странно было следующее. Государь отправился в Петропавловский собор верхом, с обычною свитою, потому что были расставлены войска, а мимо войск принято императорами не проезжать в карете. Но чтобы не заставлять ждать императрицу и великих княгинь, которые ехали в каретах и на рысаках, государь проскакал, удлиненным галопом, все расстояние от Зимнего дворца на Николаевский и Тучков мосты до крепости и собора.

Из крепости, при большом беспорядке на улицах и тесноте от войск, почти шагом, проехал в министерство. Вечером у министра, на окончании спаячной работы. Сеанс продолжался, на сей раз, до 2-х час. ночи. В первой половине дело шло о спайке на лад 3-го числа. Внезапно приехал ген. Зеленый, бывший у кн. Долгорукова. Он сообщил, что князь, не соглашаясь ни на какие media, требует, чтобы на основании заявленной в высочайших рескриптах воли государя императора крестьянам было дано более земли, чем minimum надела редакционных комиссий, но чтобы размер надела был определен на местах, а равно и для исчисления повинностей с надельной земли были даны особые наставления, или изданы инструкционные правила, с тем, чтобы на местах же самому дворянству, при содействии губернских присутствий крестьянских дел, было предоставлено применение этих наставлений или правил. Alias, — кн. Долгоруков требует, чтобы дело было обращено вспять к тому моменту, на котором оно находилось при издании Позенской программы, весною 1858 года. Therefore, every thing done since, to be considered as a false start, and the race to begin again. A false start which lasts for thirty calendar monthes, — is a curious thing.

Кн. Долгоруков говорит, что в виду общего неудовольствия дворянства, ежедневно заявляемого получаемыми на высочайшее имя письмами, он, кн. Долгоруков, не отвечает за общественное спокойствие, если предположения редакционных комиссий будут утверждены; что он решился не отступать от своего мнения и скорее сложить с себя свое звание; что он это заявил государю; что он, преимущественно, имеет теперь в виду выиграть время; и наконец, что если он выиграет время, то считает успех обеспеченным, потому что теперь управление бессильно (?), но вскоре оно изменится и будет сильнее. — Следовательно, question de candidat, сказал я ген. Зеленому. — Question de cabinet, отвечал он.

Хамелеон-министр, услышав такие вести, немедленно лишился всякой устойчивости. Его ум говорил ему, что в мнении кн. Долгорукова и в признании $2^1/_2$ лет и сотни разных повелений, назначений и одобрений за «фольз-старт», — что-то неладно. Его ненависть к редакционным комиссиям говорила, напротив того, что уничтожение трудов этих комиссий было бы идеальною победою. Его себялюбие и привычка ставить паруса по ветру твердила, что сладко и приятно быть в компании с Долгоруковым, имеющим l'oreille. Началась самая безобразная толчея предположений, суждений, приказаний. Согласившись, что нужно беречь дворянство, признав, что опасно раздражать оное, ген. Муравьев вслед за тем вдруг соскользнулся в обычные азиатские замашки повелевать, распоряжаться и законодательствовать без всякой бережливости и внимания к тем, до кого относятся повеления, распоряжения и законы. Он сказал, что дворянство надобно приневолить, принудить, что ему надобно указать, что и как дать, что нельзя слишком церемониться и т. д. и т. д. Мое терпение лопнуло, и лопнуло преимущественно потому, что ген. Зеленый на сей раз молчал и вообще, при всем своем благородстве и добрых свойствах, как-то представлялся в не-

выгодном свете. Как будто под влиянием своего конфиденциального разговора с кн. Долгоруковым и в опьянении от значения играемой им полу-министерской роли, он говорил о трудах редакционных комиссий и о крестьянском деле вообще с непостижимым легкомыслием, с самонадеянным пренебрежением к противникам, и вообще с каким-то чванливым aplomb, ему вовсе не свойственным. Обычные признаки хладнокровия меня оставили, и когда при чтении нескольких параграфов, мною написанных на точном основании вчерашних указаний и приказаний министра, Муравьев начал с легкой руки требовать невозможной редакции, Зеленый сделал какое-то поверхностное замечание, а Булыгин предложил понуждать помещиков «административными» мерами к понижению оброков, — я в самых резких выражениях, и с горячностью, которой степени и форм не мог сам вполне в то время оценивать, отвечал Муравьеву, что законов нельзя писать так, как он предполагает, сказал Зеленому, что он меня не понял и моя мысль шла далее, чем он думал, и на конец, заставил замолчать Булыгина, заметив ему, что меры, противные нравственному достоинству сословий, суть вредные меры, и что помещик, сознающий свое достоинство, обязан стреляться с административным модератором его оброков, или выбросить его за окно. Этот мелодраматический intermezzo имел последствием, что в окончательных приказаниях министра выразился mezzo-termine, между тем, что приказано было вчера, и тем, что хотелось приказать сегодня.

Aurea libertas! ubi es!

Возвратясь домой, мне сделалось жаль, что я мог слишком горячо возникать Зеленому. Написал к нему записку, в которой извинялся на случай, что так было, но впрочем присовокуплял, что если бы я не нес моей нынешней служебной неволи ради других, «то конечно надел и носил бы кафтан

артельщика с большим удовольствием и достоинством, чем ныне статс-секретарский мундир».

6-го ноября. Утром у обедни. Вечером у министра до полуночи. Опять перемена дирекции. Я получил приказание пересоставить (по самым шатким указаниям) целую главу проекта редакционных комиссий и с нею отправиться завтра вечером к кн. Долгорукову. Dura lex, — sed lex.

7-го ноября. Вечером два часа у кн. (Василия Андреевича) Долгорукова. Потом у министра (Мих. Ник. Муравьева).

Куда идем мы? И кто ведет нас? Нет слов достаточно бледных, чтобы передать впечатление, производимое некоторыми из наших leaders. Князь Долгоруков говорит о крестьянском деле en marquis musqué de l'ancien régime. Притом какая-то наивная, комическая ограниченность во взгляде и суждениях, какая-то школьническая готовность принимать слова за факты, ложь за сущность, и тешиться гладкой редакцией, как выигранным тезисом. Вот пример наивности: кн. Долгоруков начал с того, что прочитал мне род программы или пояснительной записки, написанной по его распоряжению, и просил ее пополнить и доделать. В разговоре о крестьянском вопросе я, между прочим, сказал, что желательно бы вообще не восстановлять одно сословие против другого, но стараться примирять их. «C'est une bonne idée» (новая мысль, нечего сказать!), сказал князь, «vous devriez bien mettre cela dans le mémoire». Через четверть часа, по поводу подробного регламентирования разных вопросов в проекте редакционных комиссий, я выразил мысль, опять весьма не новую, что лучше довольствоваться главными чертами, установлением главных начал, и затем дать делу развиваться самим собою, органически. Хлеб не сажают снопами, сказал я, а сеют зер-

ном. «Это хорошая мысль», отвечал еще раз князь Долгоруков, «вам бы следовало поместить ее в записке».

Мое положение почти нестерпимо. Я связан по рукам и ногам. Я не могу вырваться на волю. Я закабален служить. А между тем, быть по службе покорным редакторским орудием кн. Долгорукова и ген. Муравьева — ужасная доля.

8-го ноября. Утром у министра. Ген. Зеленый имел сегодня продолжительный разговор с NN, из которого оказывается, что NN уверен в успехе и отвечает «головою» за окончание дела в главном комитете к 1-му декабря. Он отзывался (резко) о М. Н. Муравьеве и кн. Долгорукове. Когда ген. Зеленый сказал, что желательно не ожесточать дворянства, NN сказал: «что ж вы хотите сказать?..»

9-го ноября. Вечером у министра. Semper idem. Продолжаю редакцию контр-проекта его и кн. Долгорукова.

10-го ноября. Доклад по департаменту сельского хозяйства. Перед тем был у кн. Долгорукова, по его желанию, для сообщения ему моей редакторской работы. Вечером у министра. Два часа безрезультатного разговора.

Читал книгу Порошина: La régénération sociale de la Russie. Много верно схваченного и сказанного. Кн. Долгоруков хвалит эту книгу. Воспользуется ли он ее указаниями? И если он воспользуется, то воспользуются ли другие?

Rari nantes in gurgite vasto.

11-го ноября. Продолжаю редакционный труд. Вечером у кн. Долгорукова и у министра. Приходится составлять на скорую руку новую систему повинностей, в замену системы редакционных комиссий.

Встретил у кн. Долгорукова кн. Суворова с сыном. Его дочь, вышедшая за кн. Голицына, сына «рябчика», вчера решительно оставила, по-видимому, своего мужа и возвратилась к родителям. Голицына упрекают в пристрастии...

У министра заседали до 1/2 2 ч. ночи с Булыгиным, Нееловым, Ивановым и Деппом. A more or less desultory conversation about emancipatorial matters. При всем том — и странное дело, в особенности благодаря маленьким записочкам кн. Долгорукова, дело начинает выясняться и система контр-проекта становится довольно порядочною.

В заседании главного комитета сегодня, по распоряжению великого князя, было предназначено быть гг. Соловьеву и Семенову, для дачи объяснений по цифрам, представленным М. Н. Муравьевым. Сей последний протестовал, сказал, что в таком случае его присутствие будет лишним и т. д. Затем, гг. Соловьев и Семенов остались под спудом.

13-го ноября. Утром, после обедни, у министра. Заезжал к княгине Суворовой. Видел ее дочь княгиню Голицыну. Не заметно, чтобы она слишком горевала. Особенности ее супруга не подлежат сомнению.

Вечером, с 10 до 1 ч. ночи, у министра с кн. Долгоруковым. Почти можно было бы заплатить деньги за право присутствовать при происходившем совещании. Ген. Муравьев, столь храбрый в разговорах с нами, чинами его ведомства, играл роль оторопевшего столоначальника. Кн. Долгоруков, с полунаивным апломбом недальновидного звездоносца, посматривал на него по временам, как на плохого столоначальника. Первый постоянно рассыпался «вашими сиятельствами», сидел en trois quarts, что поляки называют w pol dupka, махал руками и скрещивал руки. Второй все говорил «Михаил Николаевич» и не жестикулировал. Одним слогом, при известном уме и пресловутой крутости ген. Му-

равьева, вся деятельность в этой трехчасовой сцене принадлежала кн. Долгорукову и мне. Ген. Муравьев играл роль des comparses dans un ballet italien.

14-го ноября. Вечером заходил к министру, но, к счастью, не надолго. В первый раз удалось ускользнуть оттуда ранее полуночи.

15-го ноября. Целый день за работою, кроме часовой аудиенции у министра утром, посещения департаментов и вечерней аудиенции у кн. Долгорукова. В полночь ездил ужинать к Иславиным. Написал на курьерских половину пояснительной записки к проекту Долгорукого-Муравьевскому.

Кн. Долгоруков мне показывал привезенный из Крыма ген.-адъют. Тотлебеном циркуляр волостного правления сельским, подписанный татарином, и в котором излагалась ссылка на выражения, когда-то употребленные государем, по вопросу о выселении татар. Его величество изволил высочайше находить это выселение весьма благоприятным событием. Его мнени,е бюрократическим путем через генерал-губернатора, губернатора и т. д., дошло до сельских управлений, подобно тому, как в 1855 г. в Вологодской губернии сельские власти сносились бумагами о подписке на журнал «Le Nord», тогда натронизированный правительством...». На Гернгроса собираются тучи. Он, со свойственной ему легкопядностью, также изволил публично отзываться о воззрениях на предмет.

16-го ноября. Утром у министра и в деп-тах. Впрочем день, как вчера, за работой. Кончил записку. Сообщение Тотлебена о крымских делах прислано к министру от государя, с разными резолюциями; между прочим, против статьи об отзывах Гернгроса: «просто глупо; следует строго заме-

тить». На копии с циркуляра волостного правления написано: «ни с чем не сообразно», и т. д.

Булыгин спрашивал, что я думаю о возможности подать государю протест, приблизительно с 6-ю сотнями подписей, против проекта редакционных комиссий. Об этом предположении ему говорил Апраксин, орловский предводитель. В протесте предполагается, в самых покорных выражениях, обещать его императорскому величеству постараться исполнить его волю, но заявить, что дело станет вверх дном. Какими забавами люди тешатся! Я сказал Булыгину, что для подобного подвига теперь или еще рано, или уже поздно, и что вообще я никогда не советую употреблять будущего наклонения в глаголах.

17-го ноября. Утром у кн. Долгорукова. Потом у министра; затем в деп-тах. Вечером до 2-го часа у министра с Булыгиным и Нееловым. Булыгин приносил опровержение, сделанное им на замечания гг. Соловьева, Семенова и К^о против его замечаний на результаты применения системы редакционных комиссий к некоторым частным имениям. Слабый труд.

18-го ноября. Утром у министра. Вечером, до 2-х час. у министра с кн. Долгоруковым. Ils sont bien durs à cuire.

19-го ноября. Утром у министра. Потом в деп-тах.

Вчера был у меня ген. Тотлебен. Он говорит, что Гернгрос никого не слушал и никого слушать не хотел в Крыму, что там все против него, кроме губернатора, который совершенно под его влиянием.

Сегодня приезжал ко мне в министерство Шувалов, для сообщения записки, составленной им в опровержение пояснительной записки редакционных комиссий. За ним присы-

лал на днях вел. кн. Константин Николаевич, для объяснений по крестьянскому делу.

Вечером у министра. Кн. Долгоруков говорил ему, что гр. Панин связан данным обещанием. Вероятно — обещаниями. Он обещал одно, ему обещано другое.

В сегодняшнем заседании главного комитета была речь о цифрах редакционных комиссий. Ген. Чевкин принял на себя защиту этих цифр. Ген. Муравьев и кн. Гагарин оспаривали их правильность. Вел. князь горячо за комиссию заступался. Тогда гр. Панин, бывший шесть месяцев председателем комиссий, объявил, что цифры неверны, к делу непригодны и правительством объявлены быть не могут. Разошлись, определив, что в понедельник, после завтра, будут заниматься вопросом о выкупе, для препровождения времени, чтобы дать отсрочку в три или четыре дня членам, не одобряющим цифр комиссий, для представления своих мнений о способах исправления этих цифр или замены их другими. Моя пояснительная записка, наконец, пошла в ход. Министр сообщил ее кн. Гагарину, а завтра посылает гр. Адлербергу.

24-го ноября. Утром во дворце великих княгинь Елены Павловны и Екатерины Михайловны, для поздравлений. Встретил там гр. Сергия Григорьевича Строгонова. «Comment allez vous»? — «Assez mal. m. le Comte.» — «On vous use, mais on n'use pas de vous».

— «Je ne suis pas le seul, auquel cola arrive».

Н. А. Милютин получил вчера от неизвестного 50 т. р.. при письме, в котором изъявляется особое к нему уважение и при том оговаривается, что этот дар есть только задаток, что даритель давно дал место Милютину в своем завещании, но что, по случаю продолжения жизни его, дарителя, по настоящее время, он не хотел медлить долее таковым

заявлением своих чувств и т. д. Предполагают, что даритель и завещатель N.N.

Вечером у министра (Муравьева) до 1 ч. ночи. Утомительно с ним иметь дело. Он сегодня целый час доказывал, по вопросу о выкупном проекте, что 2 x 2 не 4, а 5, или, другими словами, «что если из ссуды в 80 тысяч руб., выданной под залог имения, останется в момент выкупа в долгу 10 тысяч, то с переводом этих 10-ти тысяч на крестьян, с рассрочкою на 33 года, придется платить, для погашения, то же самое, что прежде платилось за 80 т. рублей». Об этом сегодня главный комитет толковал целых два часа и не разъяснил дела, вероятно, благодаря ген. Муравьеву.

25-го ноября. Ко мне приезжал Гагемейстер. Он говорит, что министр финансов сегодня повез к государю какие-то две многознаменательные записки, о представлении коих он, Гагемейстер, заботится два года. Посмотрим, что из них будет.

26-го ноября. Утром у министра. Опять какие-то перемены. У него и у кн. Долгорукова не достает духа завершить начатое дело. Ген. Муравьев называет редакционные комиссии граб—лями, распространяется о святости прав собственности помещиков, даже вздыхает об убытках гр. Шереметева и кн. Юсупова. Но как скоро только ему напомнят о государе или заговорят о возражениях против его проекта, все прежние рассуждения воздыхания предаются забвению: он сам начинает распоряжаться цифрами наделов еще бесцеремоннее, чем редакционные комиссии. Основная идея его системы — minimum надела. Поэтому сначала была принята 1/3 высших наделов комиссий или их собственный минимум. Теперь мы незаметно добрались до 2/3. Сперва дошли до 1/2,

потом приняли $^{2}/_{3}$. «Principiis obsta», — для этих господ арабская фраза.

Был у гр-ни Анрен-Эльмт, по ее просьбе, для совещания, по ее желанию, купить какое-то казенное имение в Лифляндии. Потом у ген. Ливена, просить его не препятствовать производству в генералы полковника Штакельберга. Потом в д-тах. Остальную часть дни за работой, дома, усиливаясь облечь в логическую форму разные нелогические хотения министра. Несносное ремесло!

27-го ноября. Утром у обедни. Потом у министра. Вечером у него же. Теперь и $^{2}/_{3}$ мало. В черноземных губерниях он требует почти более высшего надела редакционных комиссий и ребячески старался меня уверить, что «мы с вами на это были согласны, — сами это признавали, думали и т. д.» Все это вследствие нового визита кн. Долгорукова и желания подделаться под предполагаемые воззрения государя. И все это при продолжении толков о системе, из которой ничего не остается на практике, коль скоро устраняется основная идея минимума, ибо без этого минимума не может быть повода и побуждения к добровольным соглашениям. Наконец, все это тем безрассуднее, что возникает единственно от трусливого опасения одержать желаемую победу. Кн. Долгоруков объяснялся с вел. кн. Константином Николаевичем, и, как видно, с государем. Его величество смотрит на дело благоприятно. Его высочество, вследствие сего, уступчив. Очевидно, что тот именно факт, что проект кн. Долгорукова и ген. Муравьева готов в параграфной форме и потому не только может быть внесен в государственный совет, но, по всей вероятности, им будет принят, испугал (?) партию редакционных комиссий. Эта партия рассчитывала на невозможность своевременно противопоставить готовые §§ ее готовым статьям. Для этого тянулось дело и самое печатание ее проектов до открытия

заседаний главного комитета. Маневр не удался, — потому что, я оказался в распоряжении ген. Муравьева. Inde нынешняя уступчивость. Но кн. Долгоруков и ген. Муравьев, вместо сознания выгод своего положения и памятования своих «принципов», робеют перед мыслью, что «могут сказать» государю, что они «дают мало земли крестьянам». Они до того поверхностны и легкопядны, что совершенно забыли, вчера и сегодня, что комиссии установили две нормы, высшую и низшую, и сравнивают свою собственную норму только с высшею, потому что она напечатана первою, и им виднее, чем низшая напечатанная второю (sic, — без всякого преувеличения)! Они для исправления проекта «грабительствующих», по их мнению, комиссий, готовы грабительствовать более их, и обратить крайний предел эластичных норм комиссий в твердую обязательную норму. Все это во имя уважения к правам собственности и заботливости об интересах помещиков.

Видел у министра одного из депутатов юго-западных губерний, г. Гробянко, который вместе с Булыгиным представлял какие-то соображения и предположения по предмету проекта местного положения для ю.-з. генерал-губернаторства. Мне несколько смешно было смотреть на г. Гробянко, который, по-видимому, человек умный и спокойный. Il prend le ministre au sérieux.

28-го ноября. Утром в Зимнем дворце, на панихиде по случаю 40 дней после кончины императрицы Александры Федоровны. Множество народа. Видел там в первый раз князя Орлова-сына и Д. А. Милютина, товарища военного министра. Видел также И. С. Мальцова, ст. которым не встречался года два. Постарел и съежился. На меня произвело неприятное впечатление то, что он и умственно как-то съежился. От него как будто пахнет теперь мелочным и близоруким атеизмом холостяка-старикашки, который кроме своего кармана

ничего не любит и кроме своих обыденных интересов ничего знать не хочет. Из дворца отправился в департаменты. Вечером у министра. Он, по обыкновению, (говорит не правду) и меняет свои взгляды и речи.

29-го ноября. Утром в департаментах. Вечером получил от кн. Долгорукова записку, в которой он конфиденциально спрашивает, готов ли ген. Муравьев представлять многоизмененный контр-проект. Но министр, у которого я быль потом до 1 ч. ночи, избрал именно сей день для нового пересмотра нескольких десятков статей и для изобретения разных amendements, которые он имеет в виду представить отдельно, подписав, впрочем, контр-проект вместе с кн. Долгоруковым и что еще изумительнее, заявив за общим, кн. Долгорукова и его, ген. Муравьева, подписом, о представлении этих «поправок». Конечно, кн. Долгоруков на это не может согласиться, но одна мысль о таком безобразном способе делать дела характеризует, славящегося своею деловитостью и практичностью, министра государственных имуществ.

30-го ноября. Кн. Долгоруков однако же согласился и на представление проекта при этой записке, т. е. с оговоркою министра государственных имуществ насчет его отдельных соображений. Записка подается и проект представляется, по-видимому, завтра.

Утром был у министра. Потом в департаментах. Вечером у министра, при совещании его с ген.-адъют. Чевкиным, министром финансов и ст.-секр. Броком, по выкупному вопросу. С 10 до 12 ч. ночи шли толки о том, имеет ли или не имеет министерство государственных имуществ излишки на крестьянское дело и может ли оно, для пособия выкупу, ежегодно давать по 2 миллиона. Потом Чевкин заметил, что в случае выдачи этих 2-х мил. руб. ежегодно, вместо выкупных

облигаций, нужно еще разрешить другой вопрос — о способе и порядке выкупа свидетельств. Ген. Муравьев полагал, что можно это определить впоследствии. Но Чевкин настоял на рассмотрении этого вопроса. Тогда министр вдруг обратился ко мне и сказал: «да мы попросим Петра Александровича нам это сообразить». Таким образом, внезапно выпало на мою долю соображение амортизационного проекта. Назначено представить сию при вторичном собрании, в будущую пятницу или субботу. Двое суток для подобного дела, при моей настоящей жизни и других требованиях министра! Проекта, конечно, не составить. Но некоторые соображения все-таки придется представить.

1-го декабря. Утром был у (Евгения Ивановича) Ламанского, в банке, чтобы с ним посоветоваться насчет главной мысли, на которой я остановился по выкупному вопросу. Потом в департаментах. Вечером у министра. Проект местного положения, наконец, представлен. Кн. Долгоруков подписал оный первым. Михаилу Николаевичу не очень хотелось подписывать. Он все тешился мыслью о каких-то новых уступках Чевкина и проч. Но нечего было делать, — и он руку приложил в свою очередь.

2-го декабря. Утром у министра. Потом в департаментах. До 4-х ч. ночи работал над составлением расчетов по выкупному вопросу.

В главном комитете ежедневные столкновения между М. Н. Муравьевым и председателем комитета. По словам министра, он не поддается и не уступает. Верю, что он не уступает, но не верю тому, чтобы за ним, как он рассказывает, оставалось последнее слово в спорах.

В Крым посылают, как слышно, кн. Васильчикова (Виктора Илларионовича), для принятия мера, к остановлению

татар, по соглашению с ген.-губернатором. Министру и его товарищу этот оборот дела, не нравится. Ген. Зеленый уверяет, что Васильчиков не поедет, и что ему ехать не зачем.

Утром видел у министра И. М. Толстого, с которым имел длинный разговор, в ожидании призыва к генералу, который в то время занимался татарами. Из слов Толстого видно, что он довольно подробно знает о ходе дел в главном комитете. Ваш министр там оппонирует, сказал он. — Да, но la donna e mobile... — Однако же, когда la donna на время вышла замуж за князя, то хоть несколько времени в супружестве останется. — Говоря вообще о ген. Муравьеве, Толстой довольно ясно выразил убеждение, что его мало уважают, но присовокупил, что в ирониях он имеет перед другими особого рода выгоду. «Il plie, quand on tape dessus, mais il recommence, comme si on ne l'avait pas tapé. Il est toujours furieux, mais il ne se fâche jamais».

3-го декабря. Вечером у министра, при вторичном заседании Чевкина, Княжевича и Брока. К нему был приглашен и Рейтерн. Внесено мнение Чевкина, который предлагал заменить облигации 5 % и банковыми билетами, с негласным (т. о. не законодательно гласным) предоставлением дворянству права просить продажи оных через банк, при покрытии казною могущих произойти убытков от продажи ниже pari. Затем представлена составленная мною пояснительная таблица, по предмету предположения ген. Муравьева. Положено: оба мнения внести на дальнейшее разрешение главного комитета.

7-го декабря. Министр нездоров. Я давно уже замечаю, что он опускается. Усиленные занятия и в особенности тревожное состояние духа, неуверенность в будущем, мало-помалу утверждающееся в нем убеждение, что государь

его терпит, но не жалует, — быстро снедают его силы. При его комплекции со дня на день может разразиться удар.

Он прислал мне 2-ю часть мнения гр. Панина. Гораздо грамотнее первой, но не логичнее.

В городе носятся разнородные слухи о новых назначениях. Говорят, что на днях Шувалов будет товарищем министра внутренних дел, а (Н. А.) Милютин государственным секретарем. Княжевич будто бы уходит.

8-го декабря. Работал дома. В 7-м часу приехал ко мне кн. Долгоруков, чтобы условиться насчет продолжения моего редакторского труда по Положениям западному, юго-западному, малороссийскому и войска Донского. Обедал у Вяземских, в 8 часов, один, потому что опоздал к обеду коллегией. Вечером были у меня Рибопьер и Булыгин. Потом был у министра, по обыкновению, до 1 ч. ночи.

9-го декабря. Вечером у кн. Долгорукова и у министра. Читал те знаменитые две записки, которые министр финансов представил государю и о которых Гагемейстер говорил мне 25 ноября. Трудно придумать более жалкие произведения. В одной из них предлагается, для уменьшения отплыва золота за границу с нашими absentees, установить сбор с заграничных паспортов в размере от 12 до 16 рублей за полугодие. В другой, после самых беспомощных возгласов и самого ребяческого плача о состоянии наших финансов, предлагаются для приведения их к лучшему кое-какие общие места, и опять пошлина на заграничные паспорты. Замечательно, что между прочим министр финансов указывает на некоторые меры, принятие коих непосредственно от него зависело и зависит (напр. поощрение железоделательной промышленности и золотых промыслов), но которых он не принимал, которым он даже противодействовал (напр. не

разрешая вопроса о золотых промыслах в Киргизской степи и удерживая дифференциальный сбор с добываемого золота на Урале и в Сибири), и которых даже теперь не предлагает принимать прямо от себя, но вносит на усмотрение всей коллегии министров и главноуправляющих.

Государь передал эти записки на обсуждение комитета финансов.

10-го декабря. Сегодня был зимний парад и на пути в мин-во я видел, как и в прошлом году, значки, каски и латы кирасирских полков в движении на Адмиралтейской площади.

Вечером у министра. Его здоровье оправилось. Он и расходился по-прежнему. Опять спрашиваю: на долго ли?

11-го декабря. Утром у обедни. Перед обедом был у гр. Нессельроде и у m-me Kalergi. Странно сложены наши государственные люди. Гр. Нессельроде мне говорил еще сегодня, что, по его мнению, следовало бы вести крестьянский вопрос сице: сперва сделать инвентари, потом позволить выкупаться за столько-то, потом отпустить совсем на волю. Эти господа, как зрители в театре, когда на сцене движутся декорации, проходят люди, совершаются события. Все это для них только зрелище. Они остаются неподвижными в своих нумерованных креслах и неизменными в своих очерствелых понятиях.

Вечером заезжал ко мне Огарев, который продолжает хлопотать о своем пермском деле.

12-го декабря. Вечером у министра. Слышал от него, что вчера к нему приезжали кн. Долгоруков, Панин, Гагарин и Бутков, для объяснений по крестьянскому делу, и что N. N., по-видимому, начинает сомневаться в успехе защищаемых им

начал. Государь будто бы не говорит с ним об этом деле и N. N. старается поладить с Паниным, которому государь оказывает непостижимое доверие.

Между тем этот самый Панин, восемь месяцев председательствовавший в редакционных комиссиях, подал мнение, опровергающее их цифры, а теперь согласился подвергнуть это мнение критике делопроизводителя комиссий Семенова, и состязался с ним, непобедоносно, в присутствии великого князя. Панин рассказывал министру, при Долгорукове, что для отмщения Семенову он устроил в своем присутствии другое ратоборство между (Петр. Петр.) Семеновым и его братом (Никол. Петр. Семеновым который служит в мин-ве юстиции и не разделяет мнений своего брата).

Муравьев сказал мне, кроме того, что Панин говорил ему обо мне как о человеке, которого следовало бы назначить государственным секретарем на место Буткова, который оставляет эту должность. Панин прибавил, что меня хвалит, хотя мы не знакомы и не кланяемся. Кн. Долгоруков сегодня спросил министра, не говорил ли ему государь обо мне при докладе? Вскоре затем приехал фельдъегерь, который привез министру приказание быть у государя завтра, в 11 часов.

13-го декабря. Государь объявил министру, что он хочет меня назначить управляющим делами комитета министров, на место умершего сегодня или вчера Суковкина. Alea jaeta по новому направлению. Да благословит Бог меня на новом поприще.

Утром у министра. Потом в д-тах. Вечером за работою, у министра, и опять за работою.

14-го декабря. Утром у министра. Потом в д-тах. Вечером опять у министра.

Государь уехал на охоту вчера. Сегодня вернулся. В Лисине была речь обо мне, и ген. Зеленый сказал его величеству тоже, что сказал ему вчера ген. Муравьев, а именно, что меня следовало бы назначить министром финансов, а не управляющим делами комитета министров «на три недели» (?!). Министр послал сегодня к государю записку, в которой излагалась просьба оставить меня председателем ученого комитета мин-ва госуд. имуществ, чтобы не совершенно разрывать связи между министерством и мною. Государь возвратил записку в тот же вечер, с изъявлением согласия.

15-го декабря. Обедал у гр. Нессельрода, с Тимашевым, Герштенцвейгом, Хрептовичем и m-me Kalergi. Она мало изменилась, хотя теперь уже попала в бабушки. Нас сближали, сегодня, общие варшавские воспоминания.

16-го декабря. Вечером у министра. Составленная мною для него и для кн. Долгорукова записка по литовскому проекту уже представлена главному комитету. Записка по юго-западному проекту мною сегодня окончена.

Назначение мое отсрочено, говорят, до 31 декабря. Помощник Суковкина, Тарновский, не хочет оставаться при мне, а министр выпросил у государя оставления меня при настоящих занятиях до нового года. Таким образом избегается встреча с Тарновским в комитете.

17-го декабря. Гернгрос был у государя и им хорошо и ласково принят. Я рад, что дело так уладилось, но сожалею о том, что Гернгрос смотрит победителем, и победителем непобедимым и непогрешимым. Опасаюсь этой уверенности. Коловратны здешние судьбы.

Вечером у министра. Кн. Орлов, гр. Блудов, Бутков, — недовольны моим назначением. Понятно. В городе даже

говорят, что я усердно искал его разными путями. Еще понятнее. По-видимому, не подозревают, что подал о том мысль государю кн. Долгоруков. Для меня это не подлежит никакому сомнению.

Шувалов приезжал ко мне вчера советоваться насчет всеподданнейшего представления, которое он намерен сделать, по случаю циркулярного сообщения министром внутренних дел высочайшего повеления о предварительном составе губернских присутствий по крестьянским делам. Шувалов хочет просить дозволения дворянству выбрать всех членов от дворян, вместо назначения двух из них от правительства. Я советовал ему, во-первых, — не представлять прямой всеподданнейшей просьбы государю, а обратиться с нею по порядку к мин-ру внутр. дел, для всеподданнейшего доклада, и, во-вторых, — просить не о дозволении дворянству избирать большее число членов, а о назначении членов от короны, не стесняясь уже принадлежностью их к тому или другому губернскому дворянству, т. е. назначая таким образом местных дворян не parceque, но quoique местных. «Тогда только, сказал я Шувалову, вы будете представителем дворянства, как корпоративного лица. Если в составе «той корпорации могут быть найдены представители двух родов, одни по назначению своих сочленов, другие по назначению от короны, то вы сами уже не предводитель целой корпорации, а только той части оной, которой правительство противопоставляет представителей, им избранных из другой ее части».

В заседании главн. комитета сегодня, гр. Панин и вел. кн. Константин Николаевич сделали опыт соглашения на основании новых цифр надела, придуманных первым из них, или, — что все равно, — Топильским, который уже целую неделю запрещает тревожить себя делами мин-ва юстиции, потому что слишком занят крестьянским делом. Это scandalum magnum произвольного перерабатывания цифр

редакц. комиссий, выработанных ими в 2 года, их бывшим председателем, в 1 неделю, а потом новой переделки оных, в 3 дня, при содействии гг. Топильского, С—ва и К°, — имел следующий результат: Голоса разделились: 6 и 4. За цифры гр. Панина: вел. князь, мин-р внутр. дел, гр. Блудов, Чевкин, сам Панин и гр. Адлерберг. Против них: кн. Долгоруков, кн. Гагарин, Муравьев и Княжевич. Перевес одним голосом оказался случайным. Вечно спящий в комитете гр. Адлерберг не вслушался в предложенный вопрос и ошибочно записан в число членов, мнения коих он не разделял.

18-го декабря. Утром у обедни. Потом несколько необходимых визитов. Вечером у министра.

Сенатор Хрущов, давно страдающий обратившимся внутрь честолюбием, и вследствие сего недуга постоянно порывающийся на разные проделки, которые могут заставить вспомнить и говорить о нем, теперь ополчился на крестьянский вопрос.

19-го декабря. Муравьев рассказал мне, что он сегодня решился без обиняков объяснить его величеству причины коренного разногласия его и кн. Долгорукова с редакционными комиссиями и некоторыми членами комитета, — не только по вопросу о цифрах надела, но и по всем главным частям системы. Он упомянул о политических сторонах вопроса, сказал, что государю дело докладывается неверно, что обращаемое к нему и кн. Долгорукову обвинение в старании замедлить разрешение дела или, по крайней мере, в замедлении оного предложенными ими отступлениями от проекта редакционных комиссий, ни на чем не основано, указал на несообразность изменений, предпринятых гр. Паниным и К° в цифрах комиссий, наконец, заявил и поданных уже им

особых мнениях и о тех, которые он намерен на днях представить.

Государь, по уверению министра, казался пораженным тем, что сей последний ему говорил.

В будущий четверг будет обсуживаться, в чрезвычайном заседании совета министров, вопрос о готовящемся, к весне будущего года, восстании всех славян в Турции. Восстание подготовляется по типу Гарибальдийского поднятия Италии. Сюда прибыли уполномоченные, испрашивающие от нас только морального содействия и от 300 до 400 тыс. руб. денег. С императором французов под рукою (у них) уже происходили, по-видимому, сношения по сему делу и он не встречает препятствий...

20-го декабря. Утром у министра, потом в д—тах. Вечером опять у министра. Он занят переделкою своего особого мнения, уже раза три переделанного.

21-го декабря. Утром у министра и в д—тах. Вечером у министра. Кн. Долгоруков сообщил ему, что из Польши и так называемых польских губерний поступают весьма неблагоприятные сведения о тамошнем настроении умов. Надлежит ожидать взрыва или взрывов при первом удобном случае или резком к тому поводе.

Между тем мин-во финансов, объявлением о своих металлических байковых билетах, провозглашает банкрот в государстве. Повторяю, столько раз уже сказанное: quem Deus perdere vult. dementat. Тысячелетие России! Памятник тысячелетию! Этот памятник будет, если не кенотафом, то мавзолеем.

Получил от Головнина записку, в которой он уведомляет меня, что имеет ко мне конфиденциальное поручение и просит быть у него завтра вечером.

22-го декабря. Утром у министра и в д-тах. Вечером был у Головнина. Поручение N. N. заключалось в заявлении якобы высокого обо мне мнения, с присовокуплением, что сожалеют об оставлении меня председателем ученого комитета мин-ва госуд. имуществ, что это меня поставит dans une fausse position и что предполагают, будто бы здесь приняты в расчет дополнительные оклады. Мне не трудно было объяснить, что дополнительных окладов в виду не имелось, что все это сделано, так сказать, мимо меня, и что со стороны министра госуд. имуществ довольно естественно желание сохранить какую-нибудь связь между мин-вом и мною. Под ночь, по обыкновению, у министра.

23-го декабря. Утром у министра, которому я сообщил глухо о дошедших якобы до меня толках насчет оставлении меня председателем ученого комитета, и которого я просил, на этом основании, уволить меня от этого президентства, оставив мне, буде он все-таки признает официальную связь мою с министерством необходимою, разве только звание почетного члена ученого комитета. Вечером, по обыкновению, у министра.

Ланской доложил государю представление С. Петербургского губернского предводителя дворянства, гр. Шувалова, о составе губернских присутствий.

28-го декабря. Утром у министра. Потом в д-тах. Вечером опять у министра, где встретился с кн. Долгоруковым. От ген.-губернатора кн. Васильчикова поступило представление, в котором он требует обязательного выкупа так называемого пешего надела в юго-западных губерниях. Это представление передано в главный комитет. Кн. Васильчиков рассчитывает, что для выкупа пеших наделов 380 тыс. хозяев, в сказанных губерниях, нужно будет не более 100 мил. рублей.

29-го декабря. Вечером у министра. Заезжал к Грейгу и к М. Ал. Хитрово.

30-го декабря. Разговор с ген. Зеленым насчет преобразования департаментов. Он находит, что нужно отказаться от предположенного преобразовании и, оставив 2-му д-ту и д-ту сельск. хозяйства отдельное существование, ограничиться передачею некоторых частей из хозяйственного во второй.

Видел Паскевича, который повторил сказанное мне намедни Ливеном, что государь очень грустен и беспокоен. Причин к тому и другому, конечно, довольно. Вести из Польши плохи. На днях Паскевич встретился во дворце с кн. Горчаковым. Que veulent donc les polonais? — сказал сановник. — Ils réclament une université et quelques améliorations dans l'administration du royaume. — Réclament! Je n'admets pas de réclamations, — Trouvez un autre mot, mon prince, mais enfin la chosfe est certaine. — Point de concessions; c'est un principe, dont jamais je ne me départirai. — Mon prince, on finit alors pas arriver à Gaëte.

Вечером у министра. Докладывал несколько дел по д-ту сельск. хозяйства и сдавал краткий изустный отчет о результатах моего управления. Я принял всего по двум около 6,600 нерешенных дел, со включением переданных из 1-го д-та. Оставляю около 4,000. Счетная часть приведена в порядок, кадастровая, регуляционная и люстрационная — в правильном движении. Оброчные статьи большею частью извлечены из прежнего хаоса. Система «наделов» и мнимого «уравнения» неуравнимых сборов устранены. Продаже в частные руки государственных имуществ положено начало и при этом удержано, в Курляндии, то право короны, которое местные власти и дворянство пытались оспаривать. Золотопромышленность открыта в Пермской губернии. Наконец, преобра-

зование сельскохозяйственной части управления начато и Петровское-Разумовское приобретено для будущности. Не совершенно даром прошло время и Бог сподобил меня оставить в министерстве государственных имуществ не злую память. Ему же хвалу воздаю, и благодарение, и поклонение. Да сподобит Он с меня таким же чувством оставить за собою и канцелярию комитета министров.

31-го декабря. Утром у министра. Бедная Шереметева лишилась дочери.

Был в Симеоновской церкви для отслужения молебна. Потом в Казанском соборе для обычной молитвы. Потом в д-тах. В последний раз, по всей вероятности, докладывал товарищу министра. Оставил за собою, без грусти, но не без чувства привязанности, тот кабинет, в котором почти три года сряду проводил почти каждое утро. Видел при прощанье обычные лица. Надеюсь их снова увидеть. Но обстановка уже будет другая. Настоящее будет прошедшим.

П. А. Валуев

1861 год

1 января 1861 г. Утром во дворце. Заезжал два раза к гр. Блудову. Записывался по обыкновению в швейцарских разных дворцах. Все это при морозе в 17°С.

Обедал у Вяземских. Вечером дома.

2 января. Утром был у государя. Прием благосклонный. При этом получил приказание созвать Совет министров в четверг, 5 числа. Государь, между прочим, сказал: «Ты знаешь, что на Муравьева много кричат, но ему должно отдать справедливость, что он умеет выбирать людей, наприм., Зеленого и тебя». Видел во дворце Игнатьева, сегодня же утром возвратившегося из Пекина. Навстречу ему посланы звания ген.-адъютанта и лента св. Станислава. Из кабинета государя он вынес, кроме того, звезду св. Владимира 2-ой степени. Несмотря на свои утомительные странствования, он потолстел и начинает прискорбно походить на отца.

Видел также ген. Зеленого, который был у государя до меня. Государь его спрашивал, передал ли он мне разговор на мой счет в Лисине? (Разговор относился до мнения, высказанного ген. Зеленым, что меня следовало назначить министром финансов).

Был потом у вел. кн. Константина Николаевича, который также был любезен, но без особой теплоты, крепко бранил министра государственных имуществ и, скоро перейдя от моего назначения в Комитет министров к крестьянскому вопросу, сильно нападал на проект кн. Долгорукова и ген. Муравьева [1]. Он сказал, что в минуту освобождения нельзя допускать никакой неопределительности в цифрах наделов и повинностей, что узел по этим вопросам может быть разрешен только царским словом, «qui a encore du prestige»[15]; что

[1] Которое еще авторитетно.

губернские присутствия, которым по проекту кн. Долгорукова и ген. Муравьева предоставляется участие с целию его затянуть, что народ будет оставлен в неизвестности насчет окончательных условий его быта, что, таким образом, в момент личного освобождения не будет никакой твердой точки опоры и что злейший враг России не мог бы придумать более пагубного предложения и представить государю более опасной и вредной мысли. «От Муравьева можно всего ожидать, но меня удивляет, что на это мог решиться такой человек, как кн. Долгоруков». Был затем у гр. Блудова, потом в канцелярии Комитета, потом в Министерстве, где прощался с обоими департаментамп. Там, кажется, обо мне искренно жалеют. Я ухожу в добрый час [2]. Слышу, что в час времени подписано до 1 тыс. руб. для поднесения мне в знак памяти серебряной чернильницы по какому-то замысловатому рисунку, изготовляемому г-ном Зичи.

Вечером был у министра [3].

3 января. Целое утро ездил в мундире по разным швейцарским для записывания у разных министров. Видел только кн. Горчакова и ген. Чевкина. Был два раза у гр. Блудова, который то назначал, то отменял заседания Комитета министров. Был у кн. Орлова. Замечательное состояние, в котором он находится, может быть только сравнено с распадением здания по частям как бы в момент землетрясения. Отделяющиеся части падают, но еще не разбились, они по крайней мере частью сохраняют прежний вид, прежний блеск. Та же осанистая наружность, те же черты, не движутся только голова и руки. Туловище, как каменное torso в креслах. Взгляд по временам прежний, в другие минуты блуждающий, нерешительный, исподлобья, как у сумасшедшего или онемелого. Мысль порою ясная, отчетливая, резко и плавно выраженная, порою туманная и без опоры памяти. Он вдруг начал говорить о министрах и сказал о Муравьеве: «Он всех их умнее, но

смотрит то вперед, то назад, то по сторонам, чтобы только себе не повредить». Fifficus[16]. О. Чевкине: «Влиятелен, но влияние незавидное; il n'est pas considéré; il a de l'esprit; il est bossu»[17]. О Панине: «Он часто ошибается, но честен и знает, чего хочет». Довольно отчетливо и резко в выражениях кн. Орлов отзывался о всем современном ходе дел, о недостатке последовательности в действиях правительства и т. п.

Вечером был у гр. Блудова, у министра государственных имуществ и у кн. Долгорукова, который передал мне некоторые записки по делу о воскресных школах [4]. В них приписывается первоначальное возникновение этих школ бывшему киевскому профессору Павлову, якобы по совету Герцена и впоследствии давних предположений Петрашевского[1].

4 января. Утром опять езда при 20°С по министрам и швейцарам. Заезжал в Комитет. Обедал у вел. кн. Ольги Николаевны с бар. Модестом Андреевичем Корфом и Егором Мейендорфом. Она еще очень хороша. Принц (крон), кажется добряк, но не очень дальний. Быть может, я ошибаюсь. Во всяком случае, он симпатичная личность, а не антипатичная, как большинство тамошних принцев.

Вечером, в 11 часов, министр государственных имуществ дал мне знать, что дело о виленских злоупотреблениях по отчуждению казенных лесов [5], за исключением некоторых справок и «многосложностью» дела, не может еще быть внесено в Совет министров. Зачем же докладывалось оно государю в прошлый понедельник, если справки неполны?

5 января. Утром Совет министров. В первый раз видел этих господ в сборе. Синклит не величественный, не похожий на римский сенат и не расположенный к умиранию на курульных седалищах [6] под мечом каких бы то ни было галлов. Слу-

[16] Плут (своеобразная орфография немецкого «Pfiffikus».

[17] Он не пользуется уважением, он остроумен, он горбат.

шалось дело о воскресных школах. Ген.-губ. Игнатьев подал записку, в которой указывал на опасность, предстоящую от неправильного направления школ. Министр народного просвещения оправдывал школы и защищал действия своего министерства. Кн. Долгоруков желал правильного и постоянного надзора чрез постоянных наблюдателей. Ген.-ад. Сухозапет предлагал исключить взрослых. Ген.-ад. Анненков находил, что начальниками и наблюдателями должны быть священники. Министр государственных имуществ говорил не о деле, но о своих школах. Гр. Панин доказал присутствие опасности приведением примера, что в одной школе на вопрос: «Кто был Авраам?» — ответ был следующий: «Миф». Игнатьев доказывал то же чтением неподходящей к делу журнальной статьи и ссылкою на присутствие в школах дам из модных магазинов. Княжевич, Адлерберг, Прянишников и Блудов молчали. Ланской сказал два или три слова неопределенного значения. Дело кончилось признаньем надобности наблюдения и привлечения духовенства к участию в оном, этот тезис поддерживали вел. кн. ген.-адмирал [7] и ген. Чевкин, в особенности отчетливо последний. Кн. Горчаков говорил с эмфазисом [8], но не сказал в сущности ничего. Гр. Панин говорит плавно, его орган хорош, но синтетические способности слабы. Хорошо изъясняется Ковалевский, но он говорил слишком жалобно, как бы изнемогая под бременем несправедливых нареканий Игнатьева и шефа жандармов.

Был потом в канцелярии Комитета. Вечером у министра, который передал следующее. У него был Путята, живущий теперь в комнатах бывшей квартиры ген. Ростовцева. Там на днях слышны были странные звуки. На вопрос: «Не Яков ли Иванович?» Послышался троекратный стук в дверь. Потом магический карандаш дал на следующие вопросы следующие ответы: «Что тебе нужно? — Огонь. — Для чего? — Воевать. — Кому воевать? — Министрам. — С кем? — С коварным князем Константином. — Какой конец? — Вседержитель! Могила!».

Ген. Муравьев говорил об этом кн. Долгорукову и гр. Адлербергу.

Заходил вечером к Головнину. Старался обратить через него внимание вел. князя на польский вопрос. У нас опять готовы впасть в старые ошибки и считать полицейские строгости или преследования политическою премудростью и государственною силой².

6 января. Утром был у бар. Штиглица, вечером у гр. Antigone Блудовой. Читал дела бывшего во время оно Инвентарного комитета [9]. Замечательно, что в то время государь император действовал и говорил именно так, как он в последние два года не одобрял, чтобы говорили другие. Mutantur tempora et nos mutamur in illis[18].

7 января. Утром у кн. Долгорукова, у гр. Гурьева и в канцелярии Комитета. Гр. Гурьев много говорил о крестьянском деле, но говорил языком двадцатых или тридцатых годов. Странно, до какой степени ум наших государственных людей иногда становится неподвижным на старости. Lord Aberdeen, lord Landsdowne, lord Brougham, даже the iron duke[19], невзирая на преклонные лета, всегда умели говорить так, как говорили их современники. У нас, если привыкнуть к тому, что теперь почти сделалось уже достоянием всех образованных слоев народа, то нельзя более ни объясняться с нашими думными старцами, ни даже понимать их. Наприм., гр. Гурьеву на мысль не приходит, чтобы можно было усомниться в праве держать крестьян бессрочно на барщине или в верности цифр посевов и урожаев, заимствованных из официальных отчетов.[20]

---

[18] Меняются времена, и мы изменяемся с ними.

[19] Железный герцог.

[20] *После* из официальных отчетов *до* Пример... *вписано карандашом:* Третьего дня я записал случай спиритического явления, сегодня приходится записать в дневник любопытный *(Т I, л. 8).*

Пример животного магнетизма. На одного из моих новых подчиненных Селецкого, молодого человека лет 25-ти, поступила к шефу жандармов жалоба его тетки полковницы Синельниковой. Селецкий магнетизировал в шутку ее 17-летнюю дочь и через несколько минут привел ее в состояние сомнамбулизма, из которого нельзя было ее вывести целую неделю. После того они как-то встретились в другом доме. Молодая девушка будто бы тотчас подошла к Селецкому, повинуясь внутреннему влечению своего магнетического подчинения, и снова впала в сомнамбулическое состояние, которое, впрочем, было на этот раз не столь продолжительно. Селецкий был сегодня у кн. Долгорукова, потом у меня. Он обещался избегать всякой встречи с молодою Синельниковою и не ездить в те дома, куда она ездит.

В Государственном совете сегодня готовился указ о назначении председателя Совета. Государь присылал за Бутковым. О ком речь, в нашей канцелярии не знали.

8 января. Утром у обедни. Потом у министра. Председательствующим в Государственном совете и Комитете министров назначен гр. Блудов. Бутков препроводил ко мне по Комитету высочайшие указы об увольнении кн. Орлова и о назначении гр. Блудова, который притом остается главноуправляющим 2-м отделением е. в. канцелярии и даже, говорят, председателем Департамента законов в Государственном совете.

9 января. Утром в Комитете. Заезжал в департаменты, где мое наследие до сих пор еще не разделено по принадлежности. Продолжаю работать по крестьянскому делу по просьбе кн. Долгорукова и министра государственных имуществ.

Вечером у гр. Блудова с докладом, по-видимому, усыпительным, ибо он заснул два раза в течение ¾ часа. Оттуда заехал к Вяземским слушать записку Веневитинова по крестьянскому вопросу [10]. Он читал ее сам с подобающею

торжественностью, словно умирающий Chatham свою последнюю речь в парламенте. Если что-либо оправдывает редакционистов, то это такие противники, как Веневитинов. Наивное тупоумие при наивном самопревозношении и почти ни на что не пригодном добродушии.

10 января. Присутствовал в первый раз при заседании Комитета министров. Кн. Горчаков все-таки наиболее наевропеизированный из членов Комитета. Вечером у министра[21], где по-прежнему производится непрерывная переварка его предположений по разным частям его предположений, по крестьянскому делу[22].

11 января. Утром в заседании Комитета заслуженных гражданских чиновников [11], где я состою членом по новой должности, и где нахожусь председателем или старшим членом старого моего начальника 35, 36-го и 41-го годов Танеева. On en revient toujours etc[23].

Потом в Комитете. Вечером дома за работой для кн. Долгорукова.

12 января. Утром в Комитете, заезжал в департаменты. Вечером у министра.

13 января. Утром в Комитете. Заезжал к Барашковым и Вяземским. Говорят, что начинают маневрировать со стороны большинства Главного комитета с целию привлечения на эту сторону членов Государственного совета. Гр. Нессельроде говорил о том министру. Слышал то же от кн. Вяземского.

14 января. Утром в Комитете. Сегодня в заседании Главного комитета по крестьянскому делу подписан общий журнал. Он составлен в фолиантном размере и заключает в себе много статей, о которых вовсе не было рассуждаемо в Комитете, умалчивая, с другой стороны, о некоторых действительно в

---

[21] *После* министра *написано*: государственных] им[уществ]. *(Т. I, 8 об.).*

[22] Так в тексте.

[23] К этому всегда возвращаешься и т. д.

нем происходивших суждениях или неточно излагая заявленные мнения. При раздраженном настроении умов и принятой системе составления журнала, частию посредством перепечатывания статей, вошедших в издание журналов Редакционных комиссий, частию посредством распределения работ по другим статьям между Государственной канцелярией и негласно деятельными на сие время членами реченных комиссий, дело не могло быть иначе.

Кн. Долгоруков, ген. Муравьев и некоторые другие члены Комитета заявили, что не считают себя связанными содержанием журнала при дальнейших действиях своих в Государственном совете.

15 января. Утром у обедни. Затем официальные визиты. Был у Милютина, товарища военного министра, с которым дотоле не был знаком. Приятная личность, но в крестьянском вопросе он, очевидно, под влиянием брата. Вечером у ген. Муравьева. Наши soit disant gros bonnets[24] продолжают делать промахи по крестьянскому делу. Гр. Рибопьер подавал какую-то записку государю [12]. Кн. Горчаков передавал ему же наивно бесполезное письмо Веневитинова. Как все это неловко, близоруко, несвоевременно.

16 января. Утром в Комитете. Вечером у гр. Блудова и у Вяземских. Кн. Долгоруков прислал мне составленный им весьма удачно краткий очерк главных постановлений, заключающихся в проектах крестьянских положений по системе его и ген. Муравьева.

17 января. Заседание Комитета. Проекты Положения должны быть, по-видимому, окончательно отпечатаны завтра и тотчас представлены государю императору. На будущей неделе назначается собственно по крестьянскому делу особый

[24] Так называемые тузы.

Совет министров в совокупности с Главным комитетом. Жаль, что в этом случае мое место будет принадлежать Буткову.

Заезжал во 2-й департамент, где Рудницкий, вчера назначенный окончательно директором на мое место, в первый раз его занял в моем бывшем кабинете, за моим столом, на моем седалище.

18 января. Утром в Комитете и у министра[25]. Вечером дома за работой. Читал отчет государственного контролера за 1860 год. Хорошо составлен. Несколько любопытных цифр. Излишек расходов на содержание армии во время Восточной войны он определяет в 365 мил., не включая в эту сумму некоторых дополнительных издержек 1857 года.

Il ne faut pas se raidir contre les choses, car elles ne s'en inquiètent pas[26].

19 января. Утром у министра финансов, праздновавшего 50-летие службы, потом в Комитете. Княжевичу дан обед по подписке. Около 600 человек в нем участвовало. Говорят, это торжество было теплое и радушное. Если он многим оказал услуги, то не на свой счет.

Обедал у Паскевича. Видел там гр. Потоцкую, урожденную Сапега, о которой много было речи прошлою весною. Вечером у министра[27], который ввиду предстоящей развязки крестьянского вопроса, и предусматриваемых им толков об устройстве крестьян государственных, готов отказаться от всей своей кадастровой системы [13] и старается доказывать, что он в 1859 и 1860 годах делал то же самое, что говорил в 1857 и 1858.

20 января. Утром в Комитете. Потом в Министерстве. Вечером у Вяземских на литературном вечере, где познакомился

---

[25] *После* министра *написано:* государственных имуществ. *(Т. I, л. 9).*

[26] Не надо противиться обстоятельствам, так как им это безразлично.

[27] *Вместо* министра *написано:* ген. Муравьева. *(Т. I, л. 9).*

с Гончаровым. Он читал две главы из романа [14]. Майков и Бенедиктов — стихи.

21 января. Утром кн. Долгоруков и ген. Муравьев прислали мне каждый по экземпляру проекта Манифеста. Кн. Долгоруков был потом у меня. Вечером я был у министра[28]. Пересоставляю и сокращаю по возможности этот проект, в котором 14 1/3 стр. печати in folio. Был в Комитете. Ко мне заезжал Дм. Милютин. Он почти «краснее» или желчнее брата [15]. Когда я ему сказал, что нельзя объявлять освобождения на масленице, когда все пьяны, он отвечал: «Да что же, казне и откупщикам будет больше дохода!»

22 января. Кончил работу по проекту Манифеста. Был у обедни. Потом у кн. Долгорукова. Вечером у министра[29]. Изменил проект по замечаниям того и другого.

На будущую субботу, 28 числа, назначено заседание Государственного совета под председательством государя для обсуждения первых 20-ти пунктов «Общего положения». Говорят, что государь намерен при этом предложить заготовленные вопросы, направленные к тому, чтобы провести с размаху главные начала проекта большинства[3].

23 января. Утром в Комитете. Вечером у министра[30]. Сегодня в Главном комитете рассматривался проект Манифеста. Оказался еще один текст — гр. Блудова. Ни одного не одобрили. Буткову поручено сделать свод и представить гр. Блудову на критику и одобрение.

24 января. Заседание Комитета. Вечером у министра[31] и у гр. Нессельроде, который просил меня заехать к нему для объяснения по крестьянскому делу. Он говорит, что

---

[28] *Вместо* министра *написано:* Муравьева. *(Т. I, л. 9 об.).*

[29] *Вместо* министра *написано:* Муравьева. *(Т. I, л. 9 об.).*

[30] *Вместо* министра *написано:* ген. Муравьева. *(Т. 1, л. 12 об., 13).*

[31] *После* министра *написано:* гос[ударственных] им[уществ]. *(Т. 1. л. 13)*

большинство оппозиции будет в пользу мнения кн. Гагарина [16] и, между прочим, что бар. Корф восстает против проекта 3-х членов. Я сказал ему, что это значит, что бар. Корф будет не в пользу мнений кн. Гагарина, а за проект Редакционных комиссий.

25 января. Утром в Министерстве и Комитете. Должен был диктовать Рудницкому записку для министра. Он плохо ориентируется на своем новом поприще.

26 января. Утром у министра[32]. Ему сообщена программа вопросов, предназначенных к обсуждению на послезавтра. Они изложены ясно и определительно. Не могло предстоять никакого сомнения насчет ответов с его точки зрения, т. е. с точки зрения его проекта, по первым 4-м вопросам о наделах и повинностях. Оказалось противное. Ген. Муравьев не решается открыто вотировать против кн. Гагарина из опасений, что в пользу системы его самого и кн. Долгорукова будет немного голосов. «Скорее за кн. Гагарина, чем за Гедакционные комиссии», — говорит он. Почему он не за самого себя? Стоило работать над своим проектом. И к чему же ведет вотирование в пользу кн. Гагарина, когда очевидно, что его проект утвержден быть государем не может? Предуведомлен о колебаниях Муравьева, гр. Нессельроде и кн. Долгорукова. Дал знать Неелову, чтобы он предуведомил гр. Шувалова. Гр. Нессельроде потом заезжал ко мне. «Je vous avoue, — сказал он, — que si Dolgorouki et Mouravieff passent dans le camp Gagarine, j'y passe aussi»[33]. Вот наши убеждения и наши государственные люди!

Вечером у кн. Долгорукова и у министра[34]. Сегодня был Совет министров по крестьянскому вопросу. Государь

---

[32] *Вместо* министра *написано:* ген. Муравьева. *(Т. 1, л. 12 об., 13).*

[33] «Я вам признаюсь, — сказал он, — что, если Долгоруков и Муравьев перейдут в лагерь Гагарина, я перейду туда же».

[20] *Вместо* министра *написано:* ген. Муравьева. *(Т. I, л. 13 об.).*

объявил, что он «приказывает и требует», чтобы рассмотрение проектов было кончено в Государственном совете к 15-му февраля. Он также объявил, что упраздняет Главный комитет по крестьянскому делу и комитет, бывший под председательством министра двора[35], и вместо их учреждает новый комитет, в котором должно сосредоточиться рассмотрение всех законодательных вопросов по устройству сельских обывателей всех разрядов. Министр государственных имуществ попытался резервировать свое мнение, указывая на необходимость внимательно рассмотреть проект устройства комитета, прочитанный Бутковым. Государь жестко остановил Муравьева, сказав, что нечего рассматривать, и что он так хочет. Никто не был предуведомлен о прочитанном проекте, и Адлерберг даже не был предуведомлен о своем отрешении от председательства в вышереченном особом комитете. Les cartes se brouillent[36].

27 января. Утром в Комитете и в Министерстве. В Государственном совете чистили залу заседаний на завтра. Майор, от ворот, Кубе распоряжался.

Chacun son métier[37]

Вечером у кн. Долгорукова и министра[38]. Государь, по словам Долгорукова, рыцарски намерен быть беспристрастным и не заявлять завтра своего мнения. Долгоруков, видимо, доволен своим с ним разговором. Сегодня обед у гр. Гурьева для разных членов Совета. Этих господ дисциплинируют и экзерцируют.

28 января. Сегодня в 12 часов государь император открыл заседание Государственного совета по крестьянскому делу краткою речью [17], в которой напомнил о предшедших

---

[35] *Для устройства крестьян удельных, казенных и т. д. (Прим. автора).*

[36] Карты путаются.

[37] Каждому свое дело.

[38] *После* министра *написано:* государственных] им[уществ]. *(Т. I, л. 14).*

фазисах этого дела и повторил требование, чтобы оно было рассмотрено без замедления и рассмотрение кончено к 15-му февраля. Замечено, что во время его речи что-то обрушилось с потолка с сильным треском, и что сегодня годовщина смерти Петра Великого. Заседания продолжались до $^3/_4$ 6-го часа. В прениях принимали участие почти все языком владеющие члены. Сильно восставал против нарушения прав собственности дворянства министр иностранных дел кн. Горчаков. Гр. Сергей Строганов, кн. Гагарин говорили в том же смысле. Кн. Долгоруков с ген. Муравьевым защищали свою систему. Главным оратором большинства Комитета был гр. Панин, который говорил беспрерывно, отвечая каждому, кто изъяснялся с противной стороны. Ген. Анненков с обычным бледным словоизобилием рассказывал длинную историю о каком-то саратовском помещике из севастопольских героев, которому надлежит выдать дочь в замужество и которого разорит проект Редакционных комиссий. Гр. Блудов à propos de[39] вотчинной полиции сказал государю, что дворянство подносит ему кнут и плеть для сечения крестьян и т. д. При подаче голосов в собрании, где было, кроме государя, 45 членов, в том числе 3 вел. князя и пр. Ольденбургский, оказались следующие результаты:

По вопросу об определении известной нормы наделов и повинностей законодательным порядком вместо безусловных добровольных соглашений 30 голосов pro, 15 — contra. Большинство состояло из лагеря вел. кн. ген.-адмирала + лагерь Долгорукова и Муравьева (меньшинство составляли гагаринцы) [18]. По вопросу об определении наделов теперь же или о предварительном истребовании соображений губернских присутствий pro — 17 голосов (лаг. вел. князя), contra — 20 (Муравьев и Долгоруков + несколько гагаринцев) [19].

[39] По поводу.

8 голосов, из числа гагаринских, по этому вопросу не поданы.

По третьему вопросу, быть ли волостям, pro — 25 голосов (лаг. вел. князя + часть долгоруково-муравьевского) [20].

По четвертому, быть ли волостным попечителям [21], pro — 14 голосов, contra — 31 (лагерь вел. князя и гагаринский) [22].

Последний votum, между прочим, ясно показывает, как мало члены давали себе отчет в том, что делали по некоторым вопросам. Учреждение волостных попечителей на предложенных основаниях было одним из самых либеральных предположений, когда-либо сделанных с самого начатия крестьянского дела. А против него подали голоса все члены так называемой либеральной партии.

Вообще заседание было, говорят, весьма прилично. Государь вечером посылал за кн. Долгоруковым и его благодарил. Если бы долгоруково-муравьевский лагерь соединился с гагаринцами, то против начал большинства Главного комитета было бы 28 голосов, а в пользу этих начал только 17-ть, в том числе три вел. князя и пр. Ольденбургский по указу, 4 члена Главного комитета и бар. Корф по тем же самым чувствам, которые ознаменовались в деле шишмаревского дома [23]; следовательно, кроме их, только 8[40] новых голосов из членов Совета. Вечером был у министра.

29 января. Утром у обедни. Потом у министра. Ездил по ужаснейшей распутице к Калинкину мосту. Потом с 4-х часов до 6½ снова у ген. Муравьева с кн. Долгоруковым для соображения некоторых вопросов по дальнейшему ходу крестьянского дела. В начале совещания присутствовал гр. Нессельроде. Вечером опять у министра[41] до часа ночи. Его

---

[40] *В «Отрывках из Дневника» написано: 9. (Т. I, л. 15).*

[41] *Вместо* министра *написано:* ген. Муравьева. *(Т. I, л. 15).*

разлагающие тенденции расходились вследствие полууспеха в заседании вчерашнего числа. Он теперь снова говорит о невозможности кончить дело до осени и о его намерении приняться за вторичное обсуждение каждой отдельной статьи, каждого отдельного проекта Положения.

Вчера в заседании Государственного совета обрушившийся или упавший предмет был корона с минского герба. В городе уже рассказывают, что упала корона с московского, а не с минского герба. Московский герб прибит на противоположной стене против окон.

Между речами достойна внимания речь с.-петербургского ген.-губ. Игнатьева. Она ограничилась упреком Редакционным комиссиям в том, что они не включили в число табельных дней: высокоторжественных тезоименитств е. и. величества, и дня рождения е. и. величества, и дня коронации е. и. величества.

30 января. Утром в Комитете. Заходил в Департамент податей и сборов к новому директору Гроту. Перед обедом заходил ко мне кн. Долгоруков и просидел до ½ 7-го в разговоре на тему вотчинных полиций [24]. Вечером у гр. Блудова. Потом в Мариинском театре, который видел в первый раз. Видел M-me Ristori в роли королевы Елизаветы. Великий талант. Сцена, в которой Елизавета требует, чтобы ее оставили одною, и потом падает на колени, производит сильное впечатление. Поплатился за театр тем, что должен был просидеть до 4½ час. утра за работой, чтобы наверстать время, проведенное в театре.

31 января. Утром в заседании Комитета. После обеда у Вяземских и у гр. Блудова. Вечером у ген. Муравьева с кн. Долгоруковым для окончательной редакции их amendements[42] по 2-му разделу общего Положения.

---

[42] Поправок.

1 февраля. Сегодня утром кн. Долгоруков меня уведомил, что государь утвердил по мемории Государственного совета мнение меньшинства относительно вопроса о способе определении наделов. Следовательно, губернские присутствия не призываются к участию. Следовательно, далее, система кн. Долгорукова и ген. Муравьева[43] (в главных своих чертах, пересмотре норм надела на местах и учреждении волостелей, уже отвергнута. Судьба идет своею дорогой[4].

2 февраля. Утром у обедни. Потом у ген. Муравьева и в Комитете. Вечером у ген. Муравьева с кн. Долгоруковым для обсуждения порядка, которого им следует держаться при дальнейшем рассмотрении великорусского Положения [25]. Ген. Муравьев ниже всякой критики. Все та же страсть к мелочам и то же отсутствие рассудительности в отношении к данным условиям времени и дела.

3 февраля. Утром в Комитете. Вечером на свадьбе молодого Половцова с воспитанницею бар. Штиглица. При этом случае был в первый раз в сенатской церкви. Имеет ли Сенат у нас будущность?

4 февраля. Утром в Комитете. Обедал у Паскевича. Вечером у кн. Долгорукова и ген. Муравьева, где встретил Игнатьева. Между ними разговор замечательный по тупости Игнатьева и по спутанности слов и понятий самого Муравьева, который теперь совершенно впал в роль интриганта, довольствующегося возбуждением неудовольствия и оппозиции в Государственном совете, без всякой надежды на практические от того результаты и даже без желания результатов. Затем приехал Клейнмихель. При встрече он и Муравьев обнялись, и Клейнмихель приветствовал Муравьева возгласом: «Наш

[43] *Далее уничтожено автором два листа. Последующий текст за 1, а также за 2, 3. 4 и 6 февраля восстанавливается по «Отрывкам из Дневника». (Т. I, лл. 16а — 17).*

общий спаситель». — Вот п . . . . , — сказал мне бывший при том ген. Зеленый.

В Государственном совете ген. Анненков готовит предложение понизить на ¹/₃ все нормы Редакционных комиссий. Кн. Долгоруков и ген. Муравьев не участвуют в этом предложении, но его одобряют.

6 февраля. Утром в Комитете. Вечером у ген. Муравьева. Гр. Сергей Строганов играет странную роль. Он большею частью подает голос с членами большинства Главного комитета. В городе кричат о его défection[44]. (Класс кричащих большею частью не употребляет русского языка). Мне кажется, что гр. Строганов заглаживает высказанные им в первом заседании замечания на речь государя, после которых государь ему сказал: «Граф, вы придираетесь к моим словам».

Завтра выпускаются на сцену по вопросу о наделах Анненков и Игнатьев с их двухтретными предложениями. Великий Клейнмихель намерен их поддержать. Кн. Долгоруков и Муравьев дергают со стороны те ниточки, по которым должны разбежаться Игнатьев и Анненков. Что за сумбур в голове Игнатьева! Любопытно было бы стенографировать ход его мысли наедине, а потом и в диалоге с Муравьевым. А сей последний?!

7 февраля. Утром в Комитете, где не было заседания, потому что члены заняты крестьянским делом. Вечером у министра, потом у Гернгроса.

Сегодня в Совете по вопросу о цифрах наделов 27 голосов против 15-ти [26] положили принять цифры Главного комитета в ²/₃ размере. Вероятно, что это не будет иметь практических результатов, потому что государь согласится с меньшинством. Предложение о ²/₃ внесено Анненковым и Игнатьевым. Гр. Блудов называет Sonderbund'ом союз,

---

[44] Отступничестве.

составившийся между этими господами и долгоруково-муравьевцами. Между тем союз Долгорукова с Муравьевым, видимо, слабеет. Бар. Корф теперь подает голос с членами большинства.

8 февраля. Утром у министра. Потом в Комитете. Вечером в цирке, где видел «les merveilles gymnastiques créées et éxécutées par M. Jules Léotard»[45]. Позже еще раз у министра. Сегодня в Совете при рассмотрении северо-западного местного Положения разрешен полуудовлетворительно вопрос об односельях [27]. Затем по вопросу об инфляндских уездах Витебской губернии [28] 30 голосов против 9-ти объявили себя в пользу пересмотра в губернском присутствии постановлений о повинностях, определенных для этих уездов Редакционными комиссиями и Главным комитетом [29]. По другому вопросу, о поверочных комиссиях [30], 27 голосов против 12-ти поданы в пользу какого-то предложения ген. Муравьева, которого значение он, однако ж, не сумел мне ясно определить [31]. Кажется, что дело в назначении этих комиссий только для тех случаев, когда в них представится надобность, вместо возложения на них обязанности поверять повинности во всех имениях 4-х губерний. Пр. Ольденбургский и гр. Строганов вотировали с большинством.

9 февраля. Утром в Комитете. Кое-какие визиты. Вечером заходил к Головнину. Нельзя[46] ожидать от него многого для будущности. Его методический кабинетный самодовольный ум не может приладиться к эпохе быстрых движений и переворотов. Он все рассчитывает на годы там, где силою вещей вопросы предрешаются в неделю, и стремится к устройству

---

[45] Чудеса гимнастики, созданные и исполненные Жюлем Летаром.

[46] *Далее уничтожено автором 2 листа. Последующий текст за 9, 11 и 12 февраля восстанавливается по «Отрывкам из Дневника». (Т. I, лл. 17-18).*

коллегий, тогда как у нас и одиночных деятелей приискать трудно.

Был в прежних моих департаментах. Prikarov [?] говорил о Champeîné: «C'est mon clair de lune»[47], я и этого не могу сказать о моих преемниках.

В Университете при годовом акте произошла сцена. Из программы была исключена какая-то речь, которую должен был говорить профессор Костомаров. По окончании акта, когда удалялись или удалились присутствовавшие «honoratiores»[48], студенты начали вызывать Костомарова. Принуждены были призвать ректора (Плетнева), который объявил студентам, что программа сокращена будто бы за недосугом министра народного просвещения, который вовсе не присутствовал.

11 февраля. Два дня не видал ни кн. Долгорукова, ни ген. Муравьева. Слышу, что вчера в Государственном совете произошло неожиданное событие. Единогласно принято будто бы предложение кн. Гагарина отводить крестьянам вместо указных наделов за повинности ¼ этих наделов бесплатно [32]. Если так, то почему же некоторые члены так кричали против нарушения прав собственности?.. Куда девалось положение о выкупе и на каких основаниях применять четвертование наделов к западным хуторным хозяйствам и к поземельному устройству государственных имуществ?[5]

12 февраля. Утром у обедни. Потом у ген. Муравьева. Постановление об ¼ надела состоялось в виде меры, допускаемой по добровольному соглашению сторон. Странный взгляд на дело. Кто же мог считать подобные соглашения недозволенными?

---

[47] Это мой свет.

[48] Почетные гости.

Вчера государь собирал у себя Главный комитет для совещания по проекту Манифеста третьего издания [33]. Это издание принадлежит московскому митрополиту Филарету, которому были сообщены на заключение прежние два издания. Ген. Муравьев чрезвычайно хвалит проект преосвященного Филарета. Верю, что проект хорош, но не доверяю суждениям о нем ген. Муравьева.

Государь по всем пунктам согласился с меньшинством Совета. Вчера, чтобы заявить свою решимость идти избранным им путем, он читал Комитету полученное им безымянное письмо, в котором его укоряют в нарушении своего обета, в пренебрежении к закону, в грабительстве чужой собственности и, говоря о ножах, которые точат на него и на все его семейство, указывают на вредное влияние, представляемое им вел. кн. Константину Николаевичу, и упоминают даже о том, что в народе будто бы считают ген.-адмирала настоящим преемником престола, потому, что он рожден «сыном императора».

[*13 февраля*[49] . . . .]

Совет, крестьянские положения.

Утром в Комитете. Вечером был у меня Кошелев. Он смотрит на развязку крестьянского дела, как на торжество демократических начал, превосходящее не только его ожидания, но даже его желания. По его мнению, не пройдет двух лет до предъявления всеми губернскими дворянскими собраниями petitions of rights[50] и до устранения от дел всех «vieilles ganaches»[51].

От него слышал, что в Государственном совете 7 голосов, в том числе голос пр. Строганова, были поданы в пользу того,

---

[49] *Дата установлена по тексту «Отрывков из Дневника» (Т 1, л. 18 об.).*

[50] Петиций о правах.

[51] Старых тупиц.

чтобы на брак крестьян испрашивалось разрешение помещиков [34].

14 февраля. Утром в Комитете. Вечером у гр. Блудова, который во все продолжение моего доклада не то, чтобы засыпал, но почти не просыпался. Потом у министра, который теперь вместо меня пилит гр. Стенбока и в большом затруднении, что и как делать по удельному ведомству ввиду состоявшегося разрешения общего эмансипационного вопроса. Все, однако, вверх дном. Всех предъявлений как будто не бывало. Бедный Михаил Николаевич! [35]. Жутко ему приходится. Где прежний aplomb и прежняя уверенность в успехе всеподданнейших докладов?

У меня обедали Эттинген, Кубе, Гернгрос и Рудницкий.

15 февраля. Утром в Комитете, который имел заседание. Потом в Министерстве и у кн. Суворова. Вечером у министра, который требовал моего мнения о мерах по ведомствам государственных имуществ и уделов, которые становятся необходимыми вследствие разрешения крестьянского вопроса.

Губернаторам дано знать для объявления по принадлежности, что обнародование крестьянских положений последует великим постом.

16 февраля. Во время вчерашнего заседания Комитета Тымовскому принесли телеграмму от государя. Его лицо несколько изменилось при чтении, потом он говорил с кн. Долгоруковым. Сегодня слышно, что в Варшаве беспорядки. По случаю годовщины Гроховской битвы хотели отслужить или отслужили тризну о павших в тот день поляках. Говорят, что народ столпился и что войско принуждено было действовать оружием [36]. По сегодняшним известиям стрельба будто бы продолжается, и государь очень беспокоен. Поляки давно ищут случая pour se faire mitrailler[52]. Цель очевидна. В

[52] Чтобы подставить себя под пули.

Европе опять заговорят о польском вопросе. Тамошнее безмозглое управление им помогает. Теперь е. в. император всероссийский уже поставлен на одну доску с неаполитанским ex-королем по делам Сицилии и с австрийским императором по делам венгерским. Ненавистное управление поддерживается картечью и штыками.

Утром в Комитете. Вечером у Шереметевых. Здесь в городе ходит множество более или менее нелепых слухов о том, что произойдет 19-го числа. Говорят о движении в народе. Загородные баталионы гвардии сюда вызваны.

17 февраля. Утром в Комитете. Заезжал к Паскевичу. Вечером был у Платонова. По его рассказам, в первый день варшавских известий, во вторник, не получено никакого сведения о столкновении войск с народными толпами. Следующий день прошел спокойно. Вчера сборища возобновились. В проходившую где-то роту бросали каменья. Она дала залп, которым убито 6 человек и несколько других ранено. Сегодня других известий не было. Государь вчера и сегодня посылал за Тымовским и Платоновым.

Между тем у нас словно бьют на то, чтобы и здесь происходили варшавские события. В сегодняшних газетах ген.-губернатор сухо объявляет, что 19-го числа никаких правительственных постановлений по крестьянскому делу объявлено не будет. Почему не сказать, как в сообщении губернаторам, что дело отложено до поста, или, по крайней мере, не прибавить слова: «еще». Сухое отрицание дразнит.

18 февраля. Сегодня вздумали исправить в «Северной пчеле» вчерашнее объявление и напечатали, что редактор озаботился наведением справок и осведомился, что в «седьмое царствование» (sic) императора Александра II-го, в дни молитвы и поста, наконец, последует ожидаемое событие.

Утром в Комитете. Потом заходил к Карамзину, который несет прямую чушь по крестьянскому вопросу. На дороге к

нему видел[53] изукрашенный цветами вокруг пьедестала монумент императора Николая. Одни говорят, что цветы присланы Нелидовою, другие, что подрядчиком, строившим монумент. Многие склонны видеть в них демонстрацию против нынешнего царствования. Говорят, что и на сегодняшней панихиде в Петропавловском соборе была тьма народа также в виде демонстрации. Цветы, впрочем, искусственные; такова же и демонстрация.

Вечером был в Политико-экономическом комитете Географического общества, куда не ездил два года, несмотря на постоянные повестки. В нем также заключается симптом нашей дезорганизации. Лица, имеющие официальное значение, как Гагемейстер и Бутовский, играют в нем роль, вовсе не соответствующую этому значению... Оттуда отправился к Головнину на вечер in fiocchi [54] в честь гр. Муравьева-Амурского. Были там братья Милютины, Оболенский, кн. Орлов-сын, с которым я только при этом случае познакомился, Ковалевский (Азиатский департамент), гр. Амурский, Краббе и я. Н. Милютин в желчном настроении духа. Следовательно, несмотря на торжество системы Редакционных комиссий, его торжество неполное. Головнин говорил о варшавских делах, что поляки начали слишком рано, что Тимашев того только и желал, чтобы они дали достаточный повод к принятию репрессивных мер, что теперь их примут, парализируют движение, qu'on arrêtera les meneurs[55] и пр. и пр. Весьма сомневаюсь в основательности тимашевских воззрений.

19 февраля. Сегодня, вместо ожидаемых демонстраций и даже волнений, ничего, кроме грязи и ям на улицах. Эти ямы

---

[53] *Далее уничтожен автором один лист. Последующий текст за 18 февраля восстанавливается по «Отрывкам из Дневника» (Т. 1, л. 19 об.).*

[54] В парадном костюме.

[55] Что задержут зачинщиков.

не помешали, впрочем, блистательному петербургскому свету собраться на раут кн. Юсуповой (матери), которая при этом случае показывала новое устройство своего великолепного дома на Литейной. Она, говорят, и, вероподобно, вышла или выходит замуж за какого-то Chauveau или Chevat. Но, между тем, признала не лишним de faire acte de présence ici[56]. Весною она опять отправится в Париж проживать там русские полуимпериалы вместе с разными другими русскими дамами и кавалерами, пока в Политико-экономическом комитете будут рассуждать о денежном кризисе, а в Главном финансовом комитете будут предлагать для восстановления равновесия между привозом и вывозом звонкой монеты 30-рублевую в год пошлину за паспорт кн. Юсуповой и другие полуподобные паспорты.

Гр. Муравьев-Амурский назначен, говорят, членом Государственного совета и получил Владимирскую ленту. Кн. Суворов, чаявший того же звания, если не той же ленты, будто бы не получил ни того, ни другого.

Между тем из Варшавы, как слышно, невзирая на все усилия держать дело в секрете, доходят неладные вести. Кн. Горчакову представлен адрес [37] за подписью 140 прелатов и других почетных лиц, в котором испрашивается восстановление конституции конгрессского царства. Кн. Горчаков будто отказался принять адрес. Тогда будто бы решили отправить сюда депутацию. Государь несколько раз посылал за Тымовским и за военным министром. Здесь войско одно не поможет. Залегает гроза на западе. Principium finis[57]. Вопрос только в следующем: разрушение или возрождение?

В Государственном совете в прошлую субботу кн. Гагарину подано безымянное письмо, в котором его поздравляли или

---

[56] Появиться здесь на короткое время.

[57] Начало конца.

приветствовали защитником прав собственности, а поступки правительства, т. е. государя, называли «le délire du despotisme[58]. Гр. Блудов имел неприличие сказать, что в другие времена кн. Гагарин подвергся бы ответственности за получение подобного письма. Тогда Гагарин отвечал, что сожалеет, что не показал еще письма всем членам Государственного совета, и подал оное присутствовавшим в заседании вел. князьям. В тот же самый день или накануне оканчивали обсуждение Положения о горнозаводских крестьянах [38]. Гр. Строганов спорил с Чевкиным и хотел требовать собирания голосов, но остановился и громко сказал, что, впрочем, собирание мнений теперь уже бесполезно, и что большинство не имеет никакого значения. Никто затем не настоял на обряде подачи голосов, и Положение принято беспрекословно, т. е. единогласно. Как у нас все невпопад. Непокорность и оппозиция. Разве учреждение Государственного совета издано со вчерашнего дня, и разве многозначительное «и я» не писалось прежде тысячи раз на стороне меньшинства? К чему теперь выходки гр. Строганова? А тот же самый гр. Строганов остается попечителем цесаревича [39] и подавал голос вместе с меньшинством в пользу наделов гр. Панина и Главного комитета.

20 февраля. Утром в Комитете. Видел Буткова, который говорит обо всем у нас делающемся почти с милютинскою желчью. И он недоволен. Упрекает государя в том, что он беспрестанно поддается то одному влиянию, то другому. Говорит, что не понимает отношений государя к Константину Николаевичу, который, по его мнению, вовсе не пользуется, приписываемым ему кредитом и «ужасно боится» государя. Вчера е. величество утвердил журналы Государственного совета по крестьянскому делу. Вел. князь желал быть при этом и

---

[58] Бредом деспотизма.

условился с Бутковым быть в одно время во дверце. Но когда Бутков был позван в кабинет государя и доложил ему, что вел. князь желал присутствовать при утверждении журналов, то государь отвечал: «Зачем? Я один могу дело покончить». Бутков недоволен решением крестьянского вопроса, особенно по западным губерниям, и говорит, что правительство ошибается, думая, что, в случае смут в порубежных с Польшею губерниях, крестьяне будут за него против помещиков.

Между тем здесь были приняты вчера странные меры. Не только консигнировали войска или часть войск в казармах и командировали по полувзводу в каждую полицейскую часть, но роздали боевые патроны и держали наготове артиллерию; кроме того, оба Адлерберга и кн. Долгоруков будто бы ночевали во дворце и, incredibile dictu[59], имели готовых лошадей для государя! Придворная прислуга даже рассказывает, будто бы государь не ночевал в своих апартаментах, но перешел на ночь на половину вел. кн. Ольги Николаевны [40]. Об.-полицмейстер Паткуль между тем сек дворников и одному из них дал 250 розог за то, что он будто бы сказал, что когда объявят свободу, то он закричит «ура!» По-татарски мы обращаемся в европейцев!

Из Варшавы были вчера телеграфические известия и приехал фельдъегерь. Но о содержании вестей я ничего не узнал подробно. Говорят только, что все спокойно. Поляки просят восстановления не конституции конгресского царства, а органического статута 1832 г. [41]. Бутков говорит, что депутации сюда не будет.

Вечером был у гр. Блудова. Он по-прежнему почивал во время моего доклада[60].

---

[59] Трудно поверить.

[60] Далее уничтожен автором один лист. Последующий текст за 21 и 22 февраля восстанавливается по «Отрывкам из Дневника».(Т. I, лл. 21 об. — 22).

21 февраля. Утром в Комитете. В заседании участвовал для слушания отчета кн. Васильчикова по управлению его генерал-губернаторством в 1859 и 1860 гг. вел. кн. ген-адмирал. Реченный отчет особенно понравился государю, который повелел сообщить оный в копиях прочим ген.-губернаторам.

Кн. Долгоруков говорил мне, что смотрит с опасением на польские дела. «On prend la chose trop légèrement chez nous». — Je suis heureux de vous l'entendre dire, mon prince. Je tiens pour certain que la chose est très grave. — «Chut! il n'en faut pas parler»[61]. Почему же?

И. М. Толстой, сегодня заседавший вместо кн. Горчакова, напротив того, выражался следующим образом: «On n'a pas laissé à Gortschakoff (т. е. наместник) le temps de faire la bêtise de recevoir sa petition. Tout va bien. Il faudra seulement faire aller ailleurs M. M. Fialkovski et c'ie[62].

Звезда Муравьева, видимо, бледнеет. Государь холоден. При вчерашнем докладе он ему не дал руки. В доме поговаривают об увольнении, об отказе далее вести дела в Министерстве. Особенно зла, едка и желчна министресса Пелагея Васильевна. Давно ли за обедом при разных воскресных гостях она и он торжествовали? Давно ли Клейнмихель величал его «общим спасителем»? Sic transit gloria[63].

22 февраля. Утром в Комитете. Потом в Департаменте сельского хозяйства, где открыл учрежденный под моим председательством комитет об устройстве Петровского-Разумовского и предполагаемых в нем заведений

---

[61] У нас слишком легко смотрят на это дело. Я счастлив услышать это от вас, князь. Я знаю наверняка, что положение очень тяжелое. Тише. Не надо об этом говорить.

[62] Горчакову (т. е. наместнику) не дали время сделать глупость принять его петицию. Все идет хорошо. Надо будет только удалить господ Фиалковского и К°.

[63] Так проходит слава.

(Земледельческой академии и пр.). Видел Зеленого, который передал мне, что при последнем докладе государь почти сказал Муравьеву, что не желает иметь его министром. Он с гневом, и, ударив по столу, сказал, что не позволит министрам противодействовать исполнению утвержденных им постановлений по крестьянскому делу, и что управляющие палатами государственных имуществ должны помогать, а не противиться исполнению этих постановлений. Видно, что вел. кн. Константин Николаевич возбудил в государе эту мысль о противодействии министра государственных имуществ и его подчиненных.

Муравьев, который вообще ведет и держит себя теперь с большим достоинством и спокойствием, чем обыкновенно, отвечал (разговор происходил в конце доклада), что воля е. величества будет свято исполняться и что если он, министр, найдет принятие каких-либо мер противным своей совести и своим убеждениям, то будет просить уволить его от обязанности исполнять такие меры. Государь на это сказал: «Прощайте». Муравьев, возвратясь домой, написал письмо государю с просьбою об увольнении от звания министра, но Зеленый дал ему совет не посылать письма до следующего доклада, чтобы вполне убедиться, что обнаруженное государем настроение ума не было минутною вспышкою, вызванною наговорами, не имеющими надлежащего основания.

Вечером у Паскевича. Théâtre de Variété. Весь петербургский beau monde. Паскевич едет в субботу в Рим для передачи королю и королеве неаполитанским [42] знаков ордена св. Георгия за Гаэту.

Все варшавские notabilités[64] всех сословий, от Фиалковского и Замойского до Шленкера, подписали адрес, представленный наместнику. В этом адресе не выражается

[64] Почетные лица.

никакого категорического желания или просьбы ни о статуте 1832 г., ни о конституции конгресского царства, но только приносится е. и. величеству общая просьба обратить внимание на злополучное состояние Польши. Наместник принял адрес. Здесь его в этом обвиняют, хотя неизвестно почему. Между тем вся Варшава в трауре, и коноводы движения, конечно, постараются faire mousser autant que possible le sang versé[65]. Кн. Горчаков, говорят, сменил об.-полицмейстера и дезавуирует ген. Заболоцкого (дежурного), приказавшего выдать войскам боевые патроны.

23 февраля. Утром в Комитете. Вечером у вел. кн. Елены Павловны. Ждали государя, но он не приехал, потому что у него был прибывший из Варшавы ст. секр. Карницкий. Мне говорил Фредро, что Карницкий прислан от кн. Горчакова с положительным и категорическим признанием в невозможности продолжать прежний régime и в безусловной необходимости или сделать уступки и переменить систему, или править Царством со дня на день штыками и картечью. Карницкий говорит, что он не может остаться на службе, если требования кн. Горчакова не будут удовлетворены, что никто остаться на службе в Царстве Польском не может, одним словом, что струна была натянута донельзя и лопнула. Gouverner c'est prévoir[66]. Хорошо у нас предвидели и правили. Вел. княгиня сказала мне: que faut-il faire en Pologne? — Changer de système, Madame. — Je le pense aussi; mais voici le ministre de l'intérieur qui est flamboyant et parle de mesures de

[65] Раздуть, насколько возможно, дело о пролитой крови.

[66] Управлять — это предвидеть.

sévérité[67]. (Ланской!!) — Mais on a été trente ans sévère, Madame, et où en est-on arrivé?[68].

24 февраля. Утром в Комитете, вечером на рауте у кн. Горчакова. M-me Kalergi мне сказала, что, по отзыву ее отца (голубого гр. Нессельроде), все потеряли голову в Варшаве, и в продолжение 2 дней городом управлял и все полицейские обязанности исправлял Комитет из граждан и обывателей. Убиты, конечно, большею частью невинные зрители, между прочим, француз, служащий в управлении железной дороги. Сегодня утром были позваны к государю Тымовский, Платонов, кн. Долгоруков и кн. Горчаков. О результате аудиенции Карницкого я не мог узнать ничего положительного.

25 февраля. Утром в Невском монастыре [43], потом в церкви, потом в Комитете, заходил к Вяземским. Встретил Фредро, который говорил, что в совещании у государя вчера участвовал, кроме Горчакова и Долгорукова, военный министр, что Платонов на сей раз говорил в смысле последнего отзыва наместника, т. е. в смысле необходимости перемены системы, что его поддерживал Сухозанет, и что государь, несмотря на противоречия Долгорукова и Горчакова, решился не прибегать исключительно к силе. Написано в Варшаву о представлении ближайших со стороны князя-наместника предположений.

26 февраля. Утром у обедни. Был в Комитете и видел бега на Неве. Одно национальное удовольствие. Много народу, и он смотрит с участием на это зрелище.

Третьего дня был у меня ген. от артиллерии бар. Корф и передал мне бумагу по тяжебному делу его брата, бывшего

---

[67] Что нужно сделать в Польше? Изменить систему, сударыня. — Я тоже это думаю, но вот министр внутренних дел очень пылкий и говорит о строгих мерах.

[68] Но мы в течение тридцати лет были строгими, сударыня, а к чему мы пришли?

председателя Тобольской казенной палаты, с его женою. Редко читал что-нибудь гаже. Пошлые ругательства с постоянною примесью баронской спеси и возгласов насчет герба, дворянского достоинства, дворянских чувств, facon de voir d'un chevalier[69] и т. п. Между тем, этот chevalier[70] с гербом называет жену подлою тварью, подлянкою, говорит, что сказал ей: Il faut que vous récuiez (sic) la maison de votre présence[71] и пр. Из переписки видно, что жена дрянь, но и муж далеко не рыцарь. С этими навозными бумагами ген. Корф приехал ко мне прямо от государя в полной форме с лентою, принесши е. величеству благодарность за какую-то милость по случаю служебного юбилея. Нужно значительное притупление всякого рода чувств и полное обращение в юбилярную служебную «res»[72], чтобы с легкой руки в александровской ленте высыпать перед незнакомым человеком такого рода скверный семейный сор.

Читаю ceuvres posthumes de Tocqueville[73] [44], когда у нас будут так писать? Когда у нас будут Токвили?

27 февраля. Утром в Комитете. Потом в Министерстве, у кн. Голицыной и кн. Суворова, которого застать дома невозможно. Вечером у министра, который сообщил мне на заключение проекты указов министру уделов по вопросу об устройстве удельных имений.

28 февраля. Утром у ген. Муравьева. Разговор шел, между прочим, о возможности его выхода из Министерства вследствие объяснений с государем. Когда я ему сказал, что, по моему мнению, надлежало бы обождать открытия нового комитета сельских обывателей [45], то он отвечал: mais vous

---

69 Рыцарская точка зрения смотреть на вещи.

70 Рыцарь.

71 Нужно, чтобы вы освободили дом от вашего присутствия.

72 Вещь.

73 Посмертные сочинения Токвиля.

concevez qu'il m'est plus avantageux de m'en aller plutôt. Les choses n'iront pas. Il vaut mieux être dehors avant la bagarre[74].

Заседание Комитета. Гр. Блудов рассказывал, между прочим, что про княгиню Багратион, постоянно жившую в Париже, гр. Федор Пален говорил: «qu'une colonne ennemie l'avait coupée à la bataille d'Austerlitz et que depuis elle n'avait pas réussi à se dégager»[75]. О наших законах Сперанский отзывался, что их надлежит писать неясно, чтобы народ чувствовал необходимость прибегать к власти для их истолкования. Гр. Блудов присовокупил: «Это, впрочем, была не его мысль, а мысль покойного государя». Различие между самодержавием и деспотизмом гр. Блудов объяснял императору Николаю тем, что самодержец может по своему произволу изменять законы, но до изменения или отмены их должен им сам повиноваться[7].

Завтра будет, говорят, en Journal de St Pétersbourg un communiqué à propos des affaires de Pologne. — On ne tombe, disait un homme d'Etat, que du côté où l'on penche. — Si nous tombons en Pologne, c'est donc du côté des mesures de police substituées à des idées de gouvernement[76].

1 марта. Утром в Комитете. Потом в Министерстве, где было 2-е заседание Петровско-Разумовского комитета [46]. Обедал у Карамзина.

В «Северной пчеле» и «Полицейских ведомостях» напечатана статья Погодина по поводу крестьянского дела, где он

---

[74] Вы понимаете, что мне более выгодно уйти раньше. Дела не пойдут. Лучше уйти перед дракой.

[75] Вражеская колонна отрезала ее во время Аустерлицкого сражения и с тех пор она не сумела вырваться оттуда.

[76] Journal de St Pétersbourg сообщение относительно положения в Польше. Падают, — говорил один государственный деятель, — только в сторону, куда наклоняются. Если мы упадем в Польше, то именно от полицейских мер, которыми заменили идеи правительства.

рисует впечатление и первоначальные последствия, ожидаемые им от эмансипационного манифеста [47]. Статья вообще хороша, но на ней лежит грубое погодинское клеймо в форме приглаженных «квасом» волос крестьян в этот высокоторжественный и высокорадостный для них день. Неужели нам нельзя и печатать без родного «кваса»!

В Варшаве, в ожидании отзыва государя, на представленный ему адрес, охранение общественного порядка и все обиходное полицейское управление в руках граждан, студентов, даже гимназистов. И все идет гладко, спокойно, благоприлично. 19-е февраля торжествовало; город был иллюминован. Войска, официальная полиция и сам наместник — в стороне. Они как бы временно удалены от должностей и полуарестованы на квартирах. Сам. кн. Горчаков, Муханов и К^{О} дают нам пример d'un petit gouvernement provisoire à l'ombre de la bonne petite citadelle de Varsovie[77]. Можно ли придумать более полную, унизительную, подавляющую сатиру на всю систему нашего польского управления! Можно ли найти в истории более неопровержимое, явное, почти наивное сознание в своей неспособности, в отсутствии всякой нравственной силы, в несостоятельности всего того, что думано и делано 30 лет сряду? Это хуже Вены и Берлина в 1848 году. Завтра будет напечатан «en Journal de St Pétersbourg» польский адрес, в котором самодержцу всероссийскому говорится то, чего до сих пор никогда никакой народ не говорил [48] так прямо никакому самовластителю, а именно, что, кроме принесения жертв (живых — victimes[78]), нет средства быть услышанным, и что посему этот народ неутомимо приносит жертвы, одни за другими, — «en holocauste»[79]. Наместник Царства своими

---

[77] Маленького временного правительства под сенью доброй небольшой Варшавской цитадели.

[78] Жертв.

[79] В виде искупительных жертв.

мерами, своим настоящим положением красноречиво и неопровержимо оправдывает эти слова. Что скажут в ответ на них? Несколько общелестных фраз, и попытаются поторговаться[8] с неотразимою необходимостью, и проторгуются!

2 марта. Утром заходил к Вяземским. Кн. Вяземский празднует сегодня литературный юбилей, или, точнее, другие его празднуют [49]. Он назначен гофмейстером якобы для состояния при е. в. государыне императрице. Кроме того, прибавлено нечто к его аренде. Вел. кн. Елена Павловна написала к нему любезную записочку и прислала оную при букете из каких-то им некогда для нее воспетых цветов. Академики и друзья князя (их много) дают ему обед в здании Академии наук.

Был потом в Комитете.

Был на юбилярном обеде. Гр. Блудов, после «loyalty toast'а»[80] в честь е. величества и другого, мною не расслышанного тоста в честь императорского дома, или России, провозгласил беззвучным голосом (parlant comme les ombres de l'Odyssé[81], по выражению Тютчева) тост в честь юбиляра. Кн. Вяземский читал ответную речь, весьма хорошо написанную. Жаль только, что он ее читал.

Плетнев читал приветствие от Академии и стихи Тютчева, Бенедиктов декламировал, а Соллогуб пел свои стихи. Погодин, нарочно приехавший из Москвы, сказал речь; наконец, немецкий lettré Wolfsohn[82] также произнес speech по-немецки и к тому бесконечный, а гр. Орлов-Давыдов, сказав speech по-русски, провозгласил тост в честь отсутствующего сына юбиляра. На обеде присутствовали многие сильные сего мира, и вообще празднество, по-видимому, удалось. (Жаль, что

---

80 Тоста преданности.

81 Говоря, как тени Одиссеи.

82 Ученый Вольфсон.

распорядители исключили многих современных литераторов из списка приглашенных к участию в обеде).

При всем том видно, что у нас в подобных случаях требования скромные и уровень невысок. С удовольствием ценю в кн. Вяземском дар привязывать к себе людей. У него действительно, друзей и доброжелателей много. Ценю этот дар тем более, что я его лишен совершенно. Нередко анализировал я себя в этом отношении. Знаю, почему я друзей не имею и не мог иметь, знаю, что в этом виноват не я, но сожалею о себе и радуюсь за тех, у кого есть друзья.

Познакомился на обеде с Писемским, Майковым, Бенедиктовым и Погодиным.

3 марта. Был во французском театре. В 2 года первый раз. Впечатление — чувство удовольствия, что не бывал чаще. Я легко плачу, если пьеса трогательна, а это досадно; я скучаю, если пьеса комическая, но в современном роде, т. е. фарс. Je n'aime pas le gros rire[83]. Нет, мне еще рано искать развлечений в этом роде. Осадок грусти и тоски на дне моего сердца приводится в движение. Мне как-то душно и тяжело, выходя из театра.

Обедал у Муравьевых. Зеленый сказал мне, что М. Н. думал и даже написал записку о присоединении Департамента сельского хозяйства к межевому корпусу, чтобы оставить это за собою, а Министерство якобы сдать! Это на него похоже. Вечером заходил к Вяземским, где видел Погодина и Тютчева, который говорит, что взгляды Зимнего дворца на польский вопрос est une fatalité dynastique et tient au sang Allemand[84].

4 марта. Утром в Комитете. Заходил к Вяземским. Завтра Манифест об отмене крепостного состояния читается в здешних и московских церквах. Сегодня с почтовым поездом отправились по Московскому тракту до 40 генералов свиты и

---

[83] Я не люблю грубого смеха.

[84] Являются династическим роком и происходят от немецкой крови.

флигель-адъютантов, командированных в разные губернии для наблюдения за ходом крестьянского дела. Великие дела не лишены некоторой доли комизма. Каждого из этих господ Бутков снабдил особым официальным чемоданом с официальным ключом и за печатьми. В этих чемоданах везутся новые крестьянские Положения, которые везущими должны быть сданы губернаторам.

Вечером был на концертном вечере в Зимнем дворце. Императрица n'a point paru[85] по неизвестной причине. Но были все вел. князья и принцы, и, кроме вел. кн. Елены Павловны и Екатерины Михайловны, все прочие вел. княгини. Вел. кн. Михаил Николаевич говорил со мною о крестьянском деле, выражая уверенность в благополучном его исходе. Государь вспомнил о посылаемых мне теперь ежедневно губернаторских отчетах и сказал мне: «Я тебя теперь бомбардирую». Вел. кн. Ольга Николаевна оказала мне внимание приглашением к ужину за ее столом. Гр. Потоцкий (камергер, по случаю любезности его жены, не весьма обладающий камергерскими и вообще порядочными манерами) уверял меня que la voix publique me nomme président du Conseil d'administration à Varsovie[86] Спасибо. Он не сказал мне, что Муханов уволен.

5 марта. Новая эра. Сегодня объявлен, в Петербурге и Москве, Манифест об отмене крепостного состояния. Он не произвел сильного впечатления в народе и по содержанию своему даже не мог произвести этого впечатления. Воображение слышавших и читавших преимущественно остановилось на двухгодичном сроке, определенном для окончательного введения в действие уставных грамот и окончательного освобождения дворовых. «Так еще два года!» или «Так только через два года!», — слышалось большею частью и

---

[85] Совсем не появлялась.

[86] Что голос общественности назначает меня председателем Административного совета в Варшаве.

в церквах, и на улицах. Из Москвы тамошнее начальство телеграфировало, что все обошлось спокойно «благодаря принятым мерам».

Государь на разводе собрал офицеров и сказал им речь по поводу совершившегося события. При выходе из манежа народ приветствовал его криком «ура!», но без особого энтузиазма. В театрах пели «Боже, царя храни!», но также без надлежащего en train[87]. Вечером никто не подумал об иллюминации. Иностранцы говорили сегодня: «Comme votre peuple est apathique!»[88] Это не столько апатия, сколько сугубое[89] последствие прежнего гнета и ошибок во всем ходе крестьянского дела. Правительство почти все сделало, что только могло сделать, чтобы подготовить сегодняшнему Манифесту бесприветную встречу[90].

Утром был у обедни. Потом на рысистых бегах. Вечером у гр. Блудовой и у Мещерских.

6 марта. Утром в Комитете, в Министерстве и у кн. Щербатовой. За мной посылал кн. Вяземский, чтобы посоветоваться на счет адреса от имени Правительствующего сената, имеющего быть представленным государю в ответ на Манифест. Сенаторы положили «не благодарить и не поздравлять», но верноподданнически отозваться на Манифест. Каждый Департамент избрал редактора. Затем из всех редакторов избран кн. Вяземский, а он выпросил себе в сотрудники сенатора Пинского (Карниолини), который должен был приехать к нему сегодня вечером. Между тем проект

---

[87] Подъема.

[88] Как ваш народ апатичен!

[89] *Вместо* сугубое *написано:* двойное, *(Т. I. л. 28 об.).*

[90] *Против слов* Иностранцы говорили сегодня… Манифесту бесприветную встречу *на полях авторская пометка:* Многое, что мною сказано о ходе крестьянского дела носит печать торопливых впечатлений и суждений минуты. Мой позднейший, установившийся взгляд виден в моих заметках 1881 г. [50]

адреса был уже написан и на совещании со мною подвергся только немногим изменениям.

Вечером был у гр. Блудова и у Вяземских, где по древнему обычаю дамские вечера не клеятся.

Из Польши все те же вести. Временное правительство прекратило свои действия, и правительство наместника восстановлено, но обнаруженное бессилие его лежит на нем тяжкою гирею, опутывает его колючими веригами. Здесь краснеют пред претерпенным и претерпеваемым там уничижением, но не знают, на что решиться, за что взяться, с чего начать и к чему идти.

7 марта. Утром в Комитете. Заходил к Шувалову, который показал мне превосходно продуманное и написанное им мнение в ответ на предложение некоторых дворян ходатайствовать о созыве чрезвычайного собрания дворянства и о принятии в соображение правительством претерпеваемых дворянством убытков вследствие эмансипационной реформы. Шувалов доказывает, что говорить об убытках рано, что предаваться раздражительным прениям несвоевременно, и что вообще подобная система действий со стороны дворянского сословия не соответствовала бы ни его достоинству, ни настоящему значению, ни будущему призванию.

Вечером был у меня Маврос. Умен. Из его речей видно, между прочим, как у нас уже глубоко проникли понятия о либеральных формах правления. Мы опираемся на войско, а войско уже рассуждает и находит, что на него опираться не следует.

8 марта. Утром в Комитете и в Министерстве, где было 3-е заседание Петровского комитета. В городе ходят слухи о каких-то новых столкновениях в Варшаве.

9 марта. Утром в Комитете и у гр. Блудова, который сообщил мне записку статс-секретариата Царства Польского о введении в действие в Царстве органической грамоты 1832 г.,

доселе в действие не введенной [51]. Эта записка будет рассматриваться в назначенном на 11-е число заседании Совета министров.

Я воспользовался представлением губернаторских отчетов для испрошения у государя высочайшего повеления и сообщения начальникам губерний чрез министра внутренних дел всех высочайших резолюций и отметок, по отчетам последовавших. Государь согласился с характеристическою оговоркою: «Кроме подлежащих тайне, потому что, к сожалению, опыт доказал, что их в Министерстве внутренних дел иногда употребляют во зло». И привел два примера.

Вечером был у меня Вилькен из Варшавы. Он метко говорит, что жертвы 15-го февраля для поляков «des oncles d'Amérique» — On en porte le deuil; mais on en hérite[91].

10 марта. Утром в Комитете. Заходил к Вяземским. Государь отклонил принятие адреса Сената. Слышно, будто бы не желают признать за ним право представлять адресы. Если можно представлять приветный адрес, то, говорят, можно было бы представить и неприветный. Кн. Вяземский замечает, что de ce qu'on a le droit de souhaiter le bonjour au quelqu'un il ne s'en suit pas encore qu'on ait le droit de lui dire d'aller au diable[92]. Полагаю, что главную причину непринятия адреса следует скорее искать в огласившемся, вероятно, обстоятельстве, что Сенат не хотел «ни благодарить, ни поздравлять».

11 марта. В ½ 7-го час. утра фельдъегерь привез изустное приказание государя отложить Совет министров до 14-го числа. Государь сегодня причащался св. тайн и до 3-х часов утра, по словам фельдъегеря, молился. Был утром у Ланского,

---

[91] Американские дядюшки. По ним носят траур, но от них получают наследство.

[92] Из того, что имеют право приветствовать, еще не вытекает, что имеют право послать к черту.

который довольно здраво говорил о польских делах. Я старался доказать ему необходимость перемены системы. Потом был в Комитете и у кн. Суворова.

Вечером в Политико-экономическом комитете [52]. Многочисленное собрание. Из пустого в порожнее переливали довольно плохие речи по вопросу о колонизации порубежных областей.

Встретил у Ланского гр. Муравьева-Амурского. Il n'a plus allures d'un astre ascendant.[93] Видно, что ему как-то неловко, что его не прочат в Варшаву.

Гр. Стенбок уведомил меня поздно вечером, что я избран в члены Английского клуба.

12 марта. Утром у обедни. Заходил к Щербатову и Иславиным.

Сегодня нечто вроде организованной властями крестьянской демонстрации. Я не видал ее, но говорят, что у Зимнего дворца собралось до тысячи, до двух тысяч или до двухсот (varias fama voces habet)[94] крестьян. Депутация из 12-ти человек была допущена к государю и поднесла хлеб-соль.

Из Варшавы получены от кн. Горчакова новые предположения, составленные, как слышно, маркграб'ом Белопольским. Совет министров назначен по сему поводу на завтра. Карницкий, который был у меня вечером, говорил, что они отчасти идут далее, отчасти не столь далеко, как предположения, составленные им вместе с Платоновым и Тымовским.

Был вечером у Ланского. Еще раз встретил там Муравьева-Амурского и еще раз вынес из этой встречи впечатления, что он ниже своей репутации и даже не умеет нести этой репутации с достоинством. Видел Милютина. Кисель.

---

[93] Он себя больше не *ведет* как восходящая звезда.

[94] Слава имеет разные голоса.

Потом заезжал в Английский клуб.

13 марта. Совет министров. Вынес из него самое тяжелое впечатление. Кроме обыкновенно присутствующих 15-ти членов, были приглашены гр. Сергей Строганов, бар. Мейендорф, Тымовский и Платонов.

Государь открыл совещание упреком в несоблюдении тайны насчет того, что в Совете происходит, и сослался на перепечатание в «Колоколе» всего сказанного им в предшедшем заседании Совета по крестьянскому делу [53]. Потом е. величество вкратце рассказал варшавские события, прочитал письмо и записки, полученные от наместника, и при этом неоднократно дал заметить, что недоволен тем, что делалось и теперь делается в Варшаве и в Царстве Польском. Потом мною была прочитана записка, составленная Тымовским, Платоновым и Карницким, с изъяснением мер, которые, по их мнению, могли бы быть приняты для удовлетворения справедливых просьб и надежд Польши. Сущность их: введение в действие доселе невведенного в действие органического статута 1832 года с некоторыми переменами; восстановление Государственного совета с упразднением кодификационной комиссии, призвание в оный по назначению почетных обывателей и чинов местного управления; образование губернских и уездных советов; образование муниципалитетов в городах. Затем я прочитал проект указа и exposé de motifs[95], составленные Белопольским и присланные кн. Горчаковым, как предположения, им одобренные и настоятельно рекомендуемые.

Во время чтения гр. Блудов, один из двух еще живых редакторов статута 1832 г. (гр. Нессельроде — другой), заметил, что в сущности ничего не введено было в действие из того, что в статуте было предложено.

[95] Изложение причин.

Начались толки, не могу назвать их ни совещанием, ни прениями. Сущность заключалась в следующем:

Гр. Адлерберг. Ввиду нынешних обстоятельств и ради спешности дела — в пользу предположений наместника.

Гр. Панин. Находит, что стеснение жителей Царства и недостатки тамошнего управления преимущественно и даже исключительно относятся до части народного просвещения. Избирательное начало в городах опасно. Бургомистров и ратманов лучше назначать от правительства. Различие между дворянами и недворянами должно быть сохранено. Государственный совет следует восстановить; кодификационную комиссию упразднить. Улучшить часть народного просвещения. Действовать постепенно и осторожно в отношении к реформам (je n'ai jamais rien entendu de plus creux que la parole d'ailleurs sonore et coulante du Cte Panine)[96].

Гр. Строганов. В Варшаве революция. К государю обращаются мятежники. Aucune concession. Wielopolski et Za moyski au lieu d'avoir voulu être les martyrs de la bonne cause (!!!) sont les conspirateurs[97].

Кн. Горчаков. Un gouvernement fort peut améliorer. Ses concessions ne sont pas faiblesse. Point de concessions successives pour ne pas exciter d'espérances irréalisables. Il faut sur le champ en tracer les limites et achever l'œuvre ici, la faire complète sans correspondances préalables avec Varsovie. Il faut se hâter. De nos jours le temps dévoue mais ne consolide pas[98].

---

[96] Я никогда не слышал ничего более пустого, чем то, что говорит граф Панин, хотя, впрочем, его речь звучит и льется.

[97] Никакой уступки. Белопольский и Замойский, вместо того чтобы быть мучениками правого дела (!!!), являются заговорщиками.

[98] Сильное правительство может улучшать. Его уступки не являются слабостью. Никаких последовательных уступок, чтобы не возбудить неосуществимых надежд. Нужно немедленно наметить границы этих уступок и кончить дело здесь, завершив его без предварительной переписки с Варшавой. Необходимо спешить. В наши дни время пожирает, но не укрепляет.

Platonoff. Il n'y a pas de concessions. Le statut organique existe. Il s'agit de l'exécuter[99]. Tymowski. То же.

Гр. Блудов. Соединяется с кн. Горчаковым. Кроме того, полагал бы вызвать из Царства для подробной разработки предположений о местных улучшениях экспертов из местных обывателей.

Его величество имел ту же мысль. И он хотел вызвать оттуда благонадежных лиц и писал о том кн. Горчакову. При этом государь недоверчиво отозвался о Замойском и сказал, что кн. Горчакову известно, что он в сношениях с Парижем. Из отрывка письма Горчакову (наместника) видно, что, по отзыву самого Замойского, il a déchaîné le diable et ne sait plus comment le dompter ou le conjurer[100].

Бар. Мейендорф. L'une les limites à tracer c'est que l'on ne préjuge par aux intérêts de l'Empire. Le Conseil supérieur proposé par Wielopolski et où siégeraient des évêques, des représentants des villes et des représentants des conseils de palatinats, lui semble dangereux. Les sessions par convocation sont une sorte de représentation nationale[101].

Ланской. Monosyllabes d'adhésion[102].

Вел. кн. ген.-адмирал préfère un Conseil permanent. Pas de convocations[103].

Чевкин. Нельзя торопиться. Выборное начало полезно в низших сословиях, следовательно, в городах. Наши главные

[99] Платонов. Никаких уступок. Существует органический статут, его следует выполнять.

[100] Он вызвал дьявола и не знает, как его укротить или заклясть.

[101] Нельзя предрешать интересы империи — вот одно из ограничений, которое следует установить. Верховный Совет, предложенный Белопольским, в котором будут заседать епископы, представители городов и представители советов воеводств, ему кажется опасным. Созываемые сессии являются в какой-то мере национальным представительством.

[102] Односложные слова, выражающие согласие.

[103] Предпочитает постоянный Совет. Никаких созывов.

враги — высшее сословие. Ils font passer pour l'opinion publique leur propre facon de voir[104]. Забыто в предположениях статс-секретариата сословие крестьян. У них нет представителей. Восстановить Государственный совет, который может принять в себя, что нужно. Ввести в действие статут 1832 года. Избегать центральных представительств. Лучше 39 уездных. Они мельче. С ними легче справиться. Кроме того, нужно бы назначить и местные советы коронных председателей.

Гр. Строганов. Нам следует опираться на низшие сословия.

Государь начинает обнаруживать нетерпение. Постановляются вопросы. Кн. Долгоруков три раза указывает на ст. 53 и 54 Органического статута, обещающие представительные собрания областных чинов. Е. величество их сам прочитывает. Кн. Долгоруков намекает мягко и робко на то, что надобно ожидать, что меры, по-видимому, одобряемые Советом, не удовлетворят на местах. Вопросы повторяются. Никто не решается прямо сказать своего мнения. Е. величество говорит, что, по-видимому, все согласны принять предложения статс-секретариата. К ним прибавляют допущения в Государственный совет 2-х епископов или прелатов и, по предположению Велопольского, отделение народного просвещения и дел духовных от Комитета внутренних дел. Допускается эвентуально назначение Велопольского директором этой новой части управления. Под конец все происходит так неотчетливо, что я, перед кем лежат бумаги, не знаю сам, что принято, что не принято. Государь приказывает, чтобы главные черты одобренных мероположений сегодня ж были сообщены наместнику по телеграфу и возлагает редакцию на кн. Горчакова вместе с Платоновым и Тымовским.

---

[104] Они выдают за общественное мнение свой собственный взгляд на вещи.

Кн. Горчаков предлагает этим господам немедленно заехать к нему и приглашает, неизвестно почему, гр. Панина к участию в этом труде. Гр. Панин отнекивается, но под конец, по-видимому, соглашается. Затем я читаю записку об учебной части.

Гр. Строганов отзывается весьма неблагоприятно о наших университетах [54].

Кн. Горчаков, имея в виду, что в записке статс-секретариата предлагаются в разрозненном виде все составные части университета, просит, чтобы совокупность их решились назвать университетом.

Ковалевский слабо поддерживает.

Е. величество passe outre péremptoirement[105].

Чевкин восстает против вольных слушателей.

Гр. Строганов тоже.

Муравьев за них заступился, но государь, видимо, не хотел его слушать.

Совещание принимает бессвязную форму. В конце оного я опять не знаю в точности, на чем остановились. Но другие, по-видимому, счастливее меня. Горчаков возобновляет Панину, Платонову и Тымовскому приглашение отправиться к нему. Заседание закрывается. Vous n'étes pas content[106],— сказал мне, уходя, кн. Долгоруков.

Mon prince, vous verrez les conséquences et vous en jugerez[107].

Заседание началось с признания, что ни одно из заключающихся в статуте обещаний не было исполнено в течение 30 лет. Оно происходило ввиду событий, самым резким и тягостным образом обнаруживших несостоятельность 30-летней системы управления, но ни один голос не возвы-

---

[105] Решительно не останавливается на этом.

[106] Вы недовольны.

[107] Князь, вы увидите последствия, и вы их сможете оценить.

сился до признания явных, несомненных ошибок и неправд. Ни один голос не обратился к сердцу государя. Ни одна благородная струпа души не была затронута. Никто не подумал, не упомянул о том, что вытерпела или перетерпела Польша в это 30-летие, и о том, что если крамолы продолжались и продолжаются, то мы собственными ошибками и неумением вселить ни уважения, ни даже боязни, наполовину тому причиной. Никто даже не признал (кроме кн. Горчакова, и то только мимоходом) крайности современных обстоятельств.

Хотя действия и положения наместника о них свидетельствовали, и хотя самый факт созыва Совета для обсуждения не мер подавления крамолы, а предположений наместника и статс-секретариата доказывает, что мы считали себя кое в чем связанными или как бы провинившимися[108].

Говорили о воспитании, о постепенном образовании какого-то[109] несбыточного противодействия средних и низшего сословий высшему, но никто не заикнулся о страшной ответственности кровавых принудительных мер, никто не вспомнил о значении единодушия, ныне обнаружившегося во всех слоях польского народа, и не дерзнул коснуться вопроса о его общечеловеческих стремлениях и правах.

Не хотели делать уступок и не заметили, что их делают, забыли, que des concessions faites de mauvaise grâce sont les pires que l'on puisse faire[110].

---

[108] *В «Отрывках Дневника» далее следует:*

Самое главное го, что никто не заметил, что инициатива уже вышла из рук правительства. Когда возникают смуты, можно или их подавлять силою, или рассуждать с недовольными. Мы уже начали второе. Мы встретились с новыми, большею частью пассивными формами сопротивления, и эта новизна нас в особенности смутила. (*Т. I, л. 33 об.*).

[109] *Далее уничтожено автором два листа. Последующий текст за 13 и запись за 14 марта восстанавливается по «Отрывкам из Дневника». (Т. I. лл. 34—35).*

[110] Что неохотно сделанные уступки — наихудшие из всех, которые можно было бы совершить.

Государь был предрасположен к лучшему результату, голос гр. Панина дал всему совещанию то направление, от которого впоследствии гр. Строганов, Чевкин и другие не позволили ему уклониться.

Меня огорчают преимущественно несостоявшиеся в Совете определения. Быть может, нам необходимо на первый раз выиграть время; быть может, эти определения и удовлетворяют на время Варшаву; быть может, к лучшему и то, что они не удовлетворяют Варшавы и Царства. Меня огорчают речи, мною слышанные, лица, мною виденные. Меня огорчает, оскорбляет и уничижает тот полицейский уровень, на котором так плотно держались все члены царской Думы. Повторяю, ни одного благородного слова, ни одной смелой мысли, ни одного широкого размаха, ни одного возвышенного и ни одного теплого чувства[111] [10]

14 марта. Утром в Комитете. Сегодня кн. Горчаков, Тымовский, Платонов, гр. Панин, кн. Долгоруков и Чевкин (двое последних по желанию государя) собирались после заседания Государственного совета у кн. Горчакова для написания грамоты или указа о польских концессиях. Ответа на вчерашнюю телеграмму нет. Но есть известие о некоторых частных беспорядках 13-числа. У ген. Абрамовича, Эноха и на станции железной дороги выбиты стекла. За Мухановым, который уехал на почтовых, до первой станции железной дороги в Пруссию гнались, но не успели его захватить. Платонов посылается в Варшаву завтра с грамотою. Поздно. Кн. Долгоруков, которого я видел у кн. Суворова, говорил, пожимая плечами, о Панине и Строганове, а собственную свою нейтральность или вялость объяснял тем, «que c'était un parti pris chez l'empereur et que par conséquent on aurait pu seulement faire une démonstration de principes sans obtenir d'autre résultat

---

[111] Прим. 9 в тексте «Отрывков из Дневника» отсутствует.

que de rendre la position de s. m. plus embarrassante»[112]. Он справедливо замечает, что и предложения Велопольского были недостаточны для удовлетворения поляков и что нужно было бы «aller au delà»[113], но присовокупил «qu'il n'y a pas encore auprès de s. m. de conseilleur qui puisse être l'organe d'opinions et l'avocat de mesures hardies et larges»[114]. Очевидно, что главную роль в этом деле играет кн. Горчаков[115]. [11]

[15 марта][116].

...лась, но сего после долго общая буря, а по делу о переводе в Москву Румянцовского музеума чуть-чуть не вцепились друг в друга гр. Блудов, гр. Адлерберг и гр. Ольденбургский. Обедал у Хрептовичей, между прочим, с лордом и леди Нэпир. Вечером был у меня Эгтингеп.

Платонов и Карницкий отправились в Варшаву. Указ или грамота подписан. Из Варшавы ничего нового не слышно.

16 марта. Утром в Комитете. Заходил к гр. Медему. Здесь теперь все четыре остзейские дворянские маршалы. Кн. Суворов вместе с ними намерен поднять вопрос о смешанных браках и о восстановлении des libertés de l'église Libérienne

---

[112] Что это у императора предвзятое мнение и, следовательно, можно было бы только продемонстрировать принципы, не добившись никакого результата, и поставив его величество в еще более затруднительное положение.

[113] Идти дальше этого.

[114] Что еще нет при его величестве советника, который мог бы быть выразителем мнений и защитником больших и смелых мер.

[115] Строго логичен был один гр. Строганов. Он признавал движение в Польше мятежом и, следовательно, не хотел ничего, кроме подавления движения. Другие члены Совета в душе также считали дело мятежом, но полагали более уместным с ним заключить сделку, чем его покарать. Это неизбежно вело их к переменам в прежней системе. Но они попытались ограничиться частностями, не коснувшись ее коренных начал. (Карлсбад, 30 мая/11 июня 1868). *См. т. I, л. 35.*

[116] *Датируется по карандашной помете на полях.*

dans les provinces de la Baltique[117]. Они намерены опереться на Ништадтский трактат. Кн. Суворов меня о том спрашивал. «Si vous parlez au nom des droits imprescriptibles de l'humanité, — сказал я, — je serai toujours pour la liberté des croyances; si c'est au nom du traité de Nystadt je serai toujour contre son application en cette matière comme en toute autre»[118].

Вечером у вел. кн. Елены Павловны. Музыка, Kindersymphonie Бетховена, удушливая жара и т. п. Вел. кн. Константин Николаевич спросил меня, доволен ли я результатом совещания Совета по польскому вопросу. Я отвечал уклончиво, что не знаю, можно ли было постановить что другое, но присовокупил, что с прискорбием слышал все то, что в Совете было говорено, потому что оно доказывает, что члены Совета не знают Польши и не видят размеров тамошнего вопроса. Я упомянул о Панине и Строганове. Вел. князь сказал, что Строганов удивил его, что он ожидал человека с либеральными взглядами, а не закоснелого крепостника.

«В этом деле, — сказал он, — я защитник системы благоразумных уступок». Я заметил, что когда отдельные человеческие личности делают ошибки, то не допускаются притязания, чтобы эти ошибки им сходили с рук даром; мы 30 лет ошибались и думаем, что можем довольствоваться тем, что, наконец, благоволили заметить ошибки, но не хотим признать и допустить их неизбежных последствий. «Да, — сказал вел. князь, — эти 30 лет мы будем не раз помнить».

Фредро уверяет, что умеренная партия в Варшаве хорошо приняла сообщение об уступках 13-го числа [55].

---

117 Свобод лютеранской церкви в балтийских провинциях.

118 «Если вы говорите от имени неотъемлемых прав человечества — сказал я, — то я буду всегда за свободу вероисповеданий; если это от имени Ништадтского трактата, я буду всегда против его проведения в жизнь в этой области, как и в любой другой.

17 марта. Утром в Комитете и Министерстве, где я председательствовал в Комитете по петровско-разумовскому делу [56]. Обедал у пр. Нессельроде. Вечером в Михайловском театре, куда никто не ездит слушать [Leu...?], благодаря назначенным им высоким ценам. Всего занято было пять лож. Видел Тымовского, который говорит, что сегодня послано в Варшаву известие о назначении Велопольского директором de l'instruction publique et des cultes[119]. У Нессельроде после обеда имел длинный разговор с Тимашевым, который dans les mécontents[120] и говорит, что скоро оставит службу. По его мнению, статьи в «Колокол» пересылаются Головниным. Pour rester au service à présent, — говорил он, — il faut un dévouement personnel sans limites. Je l'avais pour l'empereur Nicolas. Je ne l'ai pas pour l'empereur Alexandre. Pour les principes, oui, pour la personne, non.

L'empereur se fait illusion sur ce qui se passe. Il est despote au fond de l'âme. II m'a dit lui même qu'on lui passerait sur le corps plutôt que d'obtenir capitulation, et cependant nous y marchons[121]. Последнего не вижу. В академических ведомостях [56a] и других газетах теперь печатается ряд бездарнейших статей по крестьянскому делу.

18 марта. Утром в Комитете. Обедал в Английском клубе. Обед годовой in fiocchi[122]. Speech'и герцога Монтебелло, лорда Нэпира, гр. Орлова-Давыдова, Толстого. Ничего особого.

---

[119] Народного просвещения и вероисповеданий.

[120] Из числа недовольных.

[121] Чтобы в настоящее время остаться на службе, — говорил он, — надо обладать безграничной личной преданностью. Она у меня была по отношению к императору Николаю. У меня ее нет к императору Александру. Что касается принципов — да, в отношении же личности — нет.

Император строит иллюзии в отношении того, что происходит. В глубине своей души он деспот. Он мне сам сказал, что скорее перешагнут через его труп, чем он пойдет на уступки. И, однако мы к этому идем.

[122] В парадных костюмах.

Веригин (ех-моряк) также сказал спич, в котором пригласил к более усердной подписке на памятник А. С. Пушкину. Музыка проиграла туш; не расслышавши тоста, слушатели закричали «ура!», и никто не подписался. Кн. Долгоруков сказал мне, что на место Муханова назначен в Царство Польское директором комиссии внутренних дел ген.-м. Гецевич.

19 марта. Утром у обедни. Затем целый день дома, за работой для министра государственных имуществ во исполнение данного ему обещания написать очерк хозяйственного устройства государственных крестьян по части наделов и повинностей.

20 марта. Утром в Комитете. Вечером заходил к гр. Блудову. Остальное время дня за работой. Читал 2-й выпуск материалов по крестьянскому делу, печатаемых в Берлине. В них много фактов умышленно искажено, наприм., весь эпизод о Шувалове и Паскевиче. Этот 2-й выпуск имеет решительно милютинский оттенок [57].

21 марта. Утром заседание Комитета. Вечером дома.

22 марта. Утром в Комитете и в Министерстве[123], где было заседание Петровско-Разумовского комитета. Обедал у Карамзина. Потом заезжал в заседание Политико-экономического комитета, где присутствовал вел. кн. ген.-адмирал и были гр. Муравьев-Амурский, Литке, Милютин (товарищ военного министра), Игнатьев junior[124] и другие notabilités[125].

Все они довольно бодро переносили скуку слушания произносимых речей о колонизации штрафных и нештрафных, о Нов. Голландии, Ван-Диемене, Амуре и пр. и пр. Вечером заезжал ко мне кн. Урусов (ген.-ад.), отправляемый в

---

[123] *После* Министерстве *написано:* государственных им[уществ]. *(Т. I, л. 37).*

[124] Младший.

[125] Почетные лица.

Варшаву, чтобы предварить меня о разговоре на мой счет с кн. Горчаковым. Предметом разговора было отправление меня самого в Варшаву. «Gortschakoff est très frappé de cette idée»[126]. Этого недоставало.

23 марта. Утром в Комитете. Вечером у вел. кн. Елены Павловны. Видел вел. кн. Марию Николаевну. Она стареет скорее сестры своей Ольги. Кн. Долгоруков и кн. Суворов по-прежнему font les petits cœurs auprès d'elle[127].

24 марта. Утром в Комитете. Дома. Сплин.

25 марта. Утром у обедни. Обедал в клубе. Меж людей грустно.

26 марта. Утром получил известие о рождении внучки Марии. Да благословит ее бог на поприще жизни. Был у Вяземских утром и вечером. Был у обедни и в Казанском соборе. Сюда приехал варшавский Муханов.

27 марта. Муханов[128] был у государя и, говорят, принят очень хорошо. Он рисуется жертвою не только нынешних событий, но и вообще горчаковской администрации. Впрочем, он отчасти, конечно, не один и не главный виновный. Между тем его приезд сюда и его рассказы не принесут пользы. Он не может не смотреть на вещи и не говорить односторонне.

Коцебу уволен, т. е. фактически, от должности начальника штаба, на его место назначен Крыжановский, начальник артиллерийского училища, под именем помощника.

Утром в Комитете. Вечером у гр. Блудова.

28 марта. Заседание Комитета. По словам Муравьева, из Варшавы получены известия о новых беспорядках. На сей раз будто бы убитых 10-ть со стороны поляков и 5-ть со стороны

---

[126] Эта идея очень поразила Горчакова.

[127] Являются ее обожателями.

[128] *После* Муханов *написано:* вчера приехавший из Варшавы. (*Т. I, л. 37).*

войск [58]. Еще за два дня пред сим у нас находили, что все в Варшаве идет ладно и радовались закрытию Агрономического общества, не замечая, что это именно[129].

Из Литвы и Вильно также сведения о разных манифестациях. Заволакивается наш горизонт.

Сегодня в Комитете гр. Блудов не только цитировал, но почти пропел среди заседания стихи Беранже: «Plaignez moi, mes amis; j'ai déjà cinquante ans...»[130] или нечто в этом роде.

29 марта. Тосканское двустишие.

Guelfa non sono ne Ghibellin m'appello;

A chi mi paga bene fa di capella[131]

Утром в Комитете. Потом в Министерстве государственных имуществ заседание Петровско-Разумовского комитета. Сегодня напечатаны в «Journal de St Pétersbourg» и других газетах известия о новых варшавских событиях [59].

Вилькен, заходивший ко мне вечером, слышал от бар. Розена (шталмейстера вел. кн. Елены Павловны), что снова поговаривают о назначении меня в Варшаву.

30 марта. Утром в Комитете. Вечером был у меня кн. Мещерский (гофмейстер вел. кн. Екатерины Михайловны) и нес всякого рода чушь насчет польских дел.

31 марта. Утром в Комитете. Читал en Revue des deux mondes статью о посмертном творении Линнея Nemesis divina [60][132]. Во многом словно отголосок моей собственной мысли: Innocue vivito numen adest[133].

---

[129] *Далее уничтожен автором один лист. Последующий текст за 28, 29, 30, 31 марта и за 1 апреля восстанавливается по «Отрывкам из Дневника». (Т. I. лл. 37об, — 38, 40).*

[130] Пожалейте меня, друзья мои, мне уже пятьдесят лет...

[131] Я ни Гвельф, ни Гибеллин, кто мне хорошо платит, тому я поклоняюсь.

[132] Божественное возмездие.

[133] Живи непорочно, божья воля тобой.

1 апреля. Утром в Комитете и на выставке художественных произведений в Академии. Обедал в клубе. Какое отталкивающее существо Г…[134] были одновременно арестованы два других студента: кн. Оболенский и Пащенко. Оболенский был сослан в Пермь. Его сестра сошла с ума и впоследствии умерла. Он сам не выдержал несчастья и упал нравственно. Обвинение заключалось в вольнодумстве, чтении запрещенных книг, связи с профессором Descamps и предосудительных речах насчет государя. Дело было в 1831 году. Доносчиком был другой студент, Петров [61]. В похвалу государю следует оговорить, что он повелел Петрова исключить из университета и в службу не принимать[135]. Gutta cavat eapidem non vi, sed saepe cadendo[136].

2 апреля. Утром у обедни. У Вяземских, у Иславиных. Сегодня в газетах более подробное извещение о варшавских событиях. Явные недоговорки и вообще изложение неудачное.

Хрущов решительно сходит с ума. Он на днях давал завтрак в день рождения жены и, выпивши за ее здоровье, присовокупил, что, хотя ей за 30, она еще не имеет надобности припоминать песню:

Combien je regrette
Mon bras si dodu
Et le temps perdu[137].

---

[134] *Так в тексте.*

[135] *Текст* были одновременно... cadendo датируется *на основании карандашной пометы автора на полях*: 1/1V.

[136] Капля долбит камень не силой, а частым падением.

[137] Как я сожалею о своих пухлых ручках, стройных ножках и о потерянном времени.

Он всем рассказывает свои прежние bonnes fortunes[138], просит о выписке для него зубров из Беловежской пущи и пр. и пр. А Головнин говорил мне в 1858 году, что государь император «réserve à Cliroutschoff un des premiers portefeuilles qui se trouveront disponibles»[139]

3 апреля. Утром в Комитете. Говорят, из Варшавы получены неблагоприятные вести. У меня был Муханов. Он слагает вину последних событий на кн. Горчакова, Панютина, Коцебу и пр. По его словам, полиция ничего не знала, ни к чему не приготовилась. Войск было всего три полка Сифиапос и Энох наперерыв советовали уступки. Кн. Горчаков ни на что не решался. Но сам Муханов, министр внутренних дел Царства, к чему же был приготовлен и что же знал? В прусских газетах сегодня напечатано, что 27 марта кн. Горчаков по требованию толпы приказал войскам удалиться. Неудивительно, если после того он 28 числа был принужден тем же войскам приказать стрелять.

Вечером был у гр. Блудова и у Мещерских. У гр. Блудова слышал Погодина, читавшего сумасбродную статью об эмансипации [62]. Заставь Мишку любезничать, он лоб расшибет. Статья выходит из пределов вероятия. Погодин, ввиду совершившегося у нас чуда, приглашает Вильберфорса, Бентгама и пр. «класть земные поклоны» (sic), затыкает за пояс на бегу Монтескье, Маколея, Гиббона, Гизо и пр., объявляет, что у нас нет уже никаких сословных различий, находит, что завтра крестьянин может сесть на место «любого министра» (sic), говорит, что до 19 февраля мы могли по своему произволу «страмить, истязать и ссылать в каторгу» (sic) 23 миллиона людей, которые теперь, видимо, очутились

---

[138] Успехи.

[139] Предназначает Хрущову один из первых министерских портфелей, который окажется свободным.

людьми в полном смысле слова, а прежде были вещами; что, кроме того, у нас 70 миллионов людей теперь поземельные собственники, что Фурье, Овен, Сен-Симон могут у нас теперь видеть готовые «фаланстеры» (sic), а именно село Богоявленское, село Пятница-Берендеева и т. п. и пр. и пр. Нечего сказать, хороши мы, зрелы мы, разумны мы.

Эта чушь читалась у председателя Государственного совета и Комитета министров при кн. Вяземском, Тютчеве, Делянове и гр. Ацтигоне [63], которая во время чтения соблаговоляла предлагать легкие исправления, между тем как г. председатель правительственных конклавов улыбался и выражал по временам сомнения насчет согласия цензуры. На сей раз цензура поможет, она остановит или изувечит статью. Мне почти жаль.

4 апреля. Утром в заседании Комитета, где гр. Блудов с непостижимым упорством защищал интересы откупщика Кокарева [63а]. Вечером был у английского посла на официальном приеме. Хрущов признан умопомешанным.

5 апреля. Утром в Комитете и в Министерстве[140], по случаю заседания Петровско-Разумовского комитета. Обедал у гр. Хрептович с блистательными дамами кн. Меншиковою, кн. Кочубей, кн. Паскевич и некоторыми фешианабельными кавалерами: «a distinguished party»[141]. Кн. Меншикова в воскресенье уезжает в свою баден-баденскую виллу. Она три года не была в России. Приехала на зиму и опять едет. Жаль. Наши дамы — не русские дамы.

Вечером у гр. Блудова. Раут в честь его рождения. «Вы большие, вы очень велики», — сказал мне кн. Горчаков. — Я довольно длинен, князь. — Будете еще больше: я вам за это

---

[140] *После* в Министерстве *написано:* государственных им[уществ]. *(Т. I, л. 41).*

[141] Блестящее общество.

отвечаю». Что это значит? Он сегодня обедал во дворце. Недаром эти слова. Да будет мне бог в помощь.

6 апреля. Утром в Комитете. Вечером у вел. кн. Елены Павловны. На сей раз были и государь, и императрица, которая спросила меня, обедал ли я у цесаревича? Следовательно, предстоит у него обедать на днях. Шувалов (Департамент общих дел) сказал мне, что ему предложено занять место Тимашева. Он, видно, уже решился принять это место (je l'admire mais ne l'imiterais pas)[142], но говорит, что предъявил в подробности свои условия, заключающиеся, между прочим, в том, чтобы III отделение не простирало своих притязаний на круг действия судебных мест, и чтобы Царство Польское не было отделяемо по делам высшей полиции от империи.

7 апреля. Утром у ген. Муравьева по случаю присланной ко мне от государя записки ген.-ад. кн. Васильчикова о крымских делах [64]. Васильчиков во всем подтверждает показания Тотлебена.

В военном министерстве что-то неладно. Сухозанет и Милютин в дурных отношениях. Второй явно высказывает свое неудовольствие. Первый также недоволен. В Министерстве внутренних дел также, должно быть, разладица. Иначе бы Шувалов не вышел. Польские дела in status quo, т. е. не принимают оборота к лучшему. Одним словом, куда ни посмотри, всюду кризис. Статья Погодина сегодня напечатана, но со значительными пропусками. Остались, впрочем, земные поклоны Вильберфорса и фаланстерии села Богоявленское, Спас-Берендеевка и пр.

8 апреля. Утром в Комитете. Обедал в клубе. Вечером в заседании Политико-экономического комитета, где, по случаю назначенного по программе занятий совещания о последст-

---

[142] Я восхищаюсь им, но подражать ему не стану.

виях разрешения крестьянского вопроса, было до 150 человек членов и посетителей. Присутствовали вел. кн. ген.-адмирал, гр. Блудов, Чевкин, Княжевич, с.-петербургский губернский предводитель дворянства гр. Шувалов, лифляндский и эстляндский губернский предводители гр. Кейзерлинг и Эттинген и пр. и пр. Председательствовал Левшин. Прения и весь спектакль заседания были самого жалкого свойства. Впрочем, иначе и быть не могло, а если можно чему-нибудь удивляться, то разве только легковерности, с которою вел. князь поддался советам Головнина насчет пользы поддержания Комитета своим присутствием в последние три заседания. В прениях участвовали все одни и те же лица, с тою же комическою самоуверенностью, с тою же бездарностью и с тем же неумением делать дело, за которое они берутся. Все собрание ограничивается присутствием при словесном ратоборстве двух-трех записных языков Комитета: Вернадского, Безобразова, Тернера, Калиновского и еще кое-кого под ту же мерку. Эти господа толкуют каждый по нескольку раз, рассыпаются градом общих мест насчет «науки» Франции, Англии, поземельной собственности, ассоциационных теорий, банков, выкупа и пр. и пр., сами себе выдают грамоту на звание экономистов и передовых людей, не приходят ни к какому практическому заключению, не разбирают никакого противоположного мнения и явно заняты только самими собою и наивным потешенном своего самолюбия. Наивное употребление их «я» доходит до комизма.

Таким образом Безобразов заявил, что он «готов содействовать выкупу». Чем? «Серьезным приглашением высших классов к соблюдению их интересов в этом деле». Вообразите, какое бедствие, если бы Безобразов вместо того сказал бы: «Я не готов содействовать выкупу и не обращусь к высшим классам с серьезными приглашениями!»

9 апреля. Утром у обедни. Затем целый день дома. Гр. Нессельроде (pater) присылал мне статью, напечатанную в «Курьере варшавском» по распоряжению Велопольского. Из нее видно, что теперь правит долами Царства не кн. Горчаков, но Велопольский. Статья хорошо и ясно высказывает причины упразднения Земледельческого общества. Затем был у меня Нессельроде filius и сказывал, что увольнение Тимашева дело завершенное, как он сам от него слышал. Нессельроде горою стоит за Тимашева и Герштенцвейга. Он говорил: «je suis intimement lié avec l'un et l'autre»[143].

10 апреля. Утром в Комитете. Вечером у гр. Блудова. Он продолжает заботиться о Кокореве.

11 апреля. Утром в Комитете, где заседание продолжалось до ½ 5-го часа по делу австрийского подданного Токарского, у которого ребенок остается некрещенным другой год, потому что отец, женатый на православной, но сам католик, не соглашается на окрещение оного по обряду православной церкви. Гр. Блудов и Чевкин почти с неистовством настаивали на точном соблюдении закона. С ними согласилось большинство других членов.

Вечером дома. Нездоров.

12 апреля. Целый день дома по нездоровью. У меня был приехавший из Варшавы Блюменфельд. По его рассказам, бестолковость распоряжений местного начальства превышает все, что мы об ней уже знали. Положение дел самое натянутое, и мы еще не сделали ни одного решительного шага к лучшему.

13 апреля. Заседание Совета министров. Кроме двух пустых вопросов о производстве в чины дворянских предводителей и о разрешении ген.-ад. Демидову разыграть в лотерею его Суксунские заводы, обсуживался вопрос о мерах надзора за

[143] Я тесно связан как с одним, так и с другим.

университетскими студентами и об улучшении вообще состояния и направления наших[144] университетов. К этому делу был приглашен гр. Строганов. Не постановлено решительного заключения, но поручено особому комитету, составленному из гр. Панина, гр. Строганова, кн. Долгорукова и Ковалевского, рассмотреть предположения, изложенные в читанной сим последним записке [65]. Главные из них: отмена мундиров, 17-тилетний возраст для поступления в университет, строгие приемные экзамены, отмена прав на чин, кроме кандидатов (потому что это первая ученая степень), учреждение университета в Вильне для отвлечения собственно польских студентов от наших университетов и безусловное требование платы за лекции, от которой ныне половина студентов освобождается. Совещание по этому предмету продолжалось 2 ½ часа большею частью в виде того, что на английском парламентарном языке называется «desultory conversation»[145]. Общее впечатление, как и в предшедшее заседание, самое печальное. Мы словно в черной котловине, исходного пути не видно. Государь не замечает, что перед ним дилемма: вести дело новою стезею или не вести его вовсе. Его советники или сами того не видят, или не имеют духа ему это высказать. Гр. Строганов и ген. Чевкин разными путями и по разным побуждениям близко подходили сегодня к этому коренному вопросу, но первый не настоял, а последний отшатнулся. Гр. Строганов сказал, что предлагаемые министром народного просвещения меры недостаточны, имеют только полицейское значение и не устранят зла в его корне; что мы не знаем, к чему нас ведет правительство; что благонамеренные представители консервативных начал не могут

---

[144] *Далее уничтожено автором три листа. Последующий текст за 13 апреля восстанавливается по «Отрывкам из Дневника». (Т. I, лл. 43—45).*

[145] Бесцельный разговор.

писать, пока вместо репрессивных законоположений по делам печати существует превентивная цензура; что для дальнейшего развития на исторической почве нужно твердое установление и последовательное соблюдение известных начал; что уже теперь никто не решится писать в пользу начал безграничного самовластия[146] и что нужно знать, имеет ли его величество в виду нас вести к конституционным формам правления или нет. (Все это, впрочем, было высказано в несколько приемов, а не в один раз). Государь сначала не заметил всей важности вопроса и, улыбаясь, сказал, что, кажется, не может быть никаких сомнений насчет видов правительства. Впоследствии он яснее дал почувствовать, что не имеет конституционных планов, но не заметил, что, говоря об улучшениях и соглашаясь, по-видимому, с гр. Строгановым насчет необходимости исторического развития, нельзя было миновать сугубого вопроса: в чем же именно могли заключаться эти улучшения и это развитие? Неужели можно допустить предположение, что все это должно ограничиться кабинетною деятельностью господ министров, и что жажда улучшений и развития, однажды возбужденная или проснувшаяся в мыслях, утолится прежними ниспосыланиями законодательных и административных благ в виде сенатских указов и законодательной манны Государственного совета и Комитета министров? Неужели 30-летний опыт не обнаружил, что все это не приносит ожидаемой пользы и что вопрос о конституционных, или, точнее, представительных, или совещательно-представительных учреждениях у нас не есть пока вопрос между самодержавием и сословиями, а между сословиями и министерствами? Государь полагает, что литература развращает молодежь и увлекает публику; он жалуется на то, что

---

[146] Помнится, это не были буквально слова гр. Строганова, но это положительно был смысл его слов (Карлсбад, 3/15 июля 1868) — *Прим. автора*.

цензура не исполняет своих обязанностей, но все, по-видимому, не замечает, что литература есть в то же время и отражение духа большинства публики. Он еще не убедился, по нет ведомства, канцелярии, штаба, казармы, дома, даже дворца, в котором не мыслили бы и не говорили в политическом отношении так, как говорит именно та литература, на которую он негодует. Если направление большинства вредно, если оно стремится далее, чем для блага России ему надлежало бы стремиться, то причиною тому именно инерция правительства, которое хочет не вести и направлять, а только тормозить и удерживать. Консервативные начала нашли бы себе защитников, но для этого нужно, чтобы им дана была возможность стать на стороне правительства, указывать на его деяния и цели и определять те грани, которых оно переступать не намерено. Теперь они могут только молчать, чтобы не увеличивать собою число тех, которые порицают правительство. Защищать его невозможно. Даже за деньги оно не может приискать себе защитников. Гр. Строганов намекнул на это и даже сказал, что покойный государь «хотел все сам делать, а всего самому делать уже нельзя»; но гр. Строганов не сделал дальнейшего шага, не извлек вывода из своих собственных посылок и не объяснил, что именно следует предоставить делать другим, если этого нельзя сделать «самому».

Чевкин сказал, что самодержавие должно оставаться неприкосновенным, но что нужно, чтобы и закон оставался не нарушенным, и что у нас вредят самодержавным началам те отступления от закона, которые мы себе постоянно дозволяем. Государь не без досады спросил: «Кто же это мы? Это, значит, я». Чевкин замялся, отвечал, что говорил о «всех нас вообще». И тем этот incident завершился.

Много было толков о Польше. Из всего видно, что взгляды на польский вопрос не изменились. Не замечают, что провидение предрешило польский вопрос, а с ним предрешило и

несколько русских. Мы от Польши отрешиться не можем. Где проведем мы границу между Польшей и нами и где оставим себе точку соприкосновения с Европой, если отделим Польшу? В Палангине? Недаром сливала постепенно история племена литовские, малороссийские и польские с великорусским, недаром замывала она кровью прежние границы. Где мы теперь отыщем их и как восстановим? Нам и не следует их восстановлять. Мы должны осуществить первый из известных двух стихов Пушкина:

> Славянские ль ручьи сольются в Русском море?
> Оно ль иссякнет? — вот вопрос.

Но для осуществления именно первого, а не последнего стиха, нужно смотреть на польские дела иначе. А взглянув иначе на них, мы иначе взглянем и на дела русские.

Гр. Панин avec sa parole sonore et creuse[147] остался себе верен и произвел ожидаемую Paniniana. Он предложил для устранения всех зол и посеяния всех благ учредить над Министерством народного просвещения и Главным правлением училищ «какой-нибудь высший комитет».

14 апреля. Кн. Долгоруков желал со мною видеться. Я был у него перед обедом. Если я не ошибаюсь, j'ai pour la première fois frisé un portefeuille[148]. Разговор имел предметом вчерашнее совещание и вопрос об университетах и литературе. Кн. Долгоруков раза три повторял фразу: «Не думаете ли Вы, что министр народного просвещения умный, энергический, которому государь высказал бы свою мысль и свою волю, мог бы направить профессоров к защите самодержавия» или «начал самодержавия» или «системы самодержавия»? За точность слов не ручаюсь, но смысл точен. Кн. Долгоруков говорил, что

[147] Со своей звучной и пустой речью.

[148] Я впервые чуть было не получил министерский портфель.

мы в безвыходном положении, что предлагаемые министром народного просвещения меры не разрешают вопроса, не искоренят зла, что Ковалевский и желчен, и непоследователен, что надобно решиться на что-нибудь, но он затрудняется остановиться на той или другой мысли и т. д. Я старался постоянно обобщать вопрос и доказывал, что не литература и университеты влияют на публику, а, наоборот, расположение умов публики и состояние правительства объясняют направление литературы и состояние университетов. Я высказал все то, что вчера мною здесь написано, и в ответ на вопросы о том, что может сделать идеальный министр народного просвещения, постоянно объяснял, что без точки опоры в самой системе действий правительства, без нравственной силы, которою одно правительство может вооружить министра, нет государственного человека в Европе, который мог бы разрешить задачу, и что государь может ежедневно менять министров народного просвещения, но не найдет ни одного, который мог бы исполнить его волю. Я сказал кн. Долгорукову прямо, что уже теперь в обиходе административных дел государь самодержавен только по имени, что есть только вспышки, проблески самовластия, но что при усложнившемся механизме управления важнейшие государственные вопросы ускользают и должны по необходимости ускользать от непосредственного направления государя. Я сказал, что наше правление — министерская олигархия, и привел тому примеры. Я указал на необходимость занять умы образованных классов населения предоставлением им некоторого участия в местных делах и на возможность исполнить это децентрализационным способом насчет министерств, а не насчет самодержавной власти. Наконец, я навел разговор на Польшу и по этому предмету высказал свою мысль так же положительно, как и по другим. Я имел побочную цель. Если когда-нибудь мне придется действовать на другом поприще;

то, по крайней мере, кн. Долгоруков предуведомлен и не будет иметь права изумляться.

О «конституции» он говорил сегодня раза два, как о неизбежном последствии эмансипационного дела, но присовокуплял, что государь не только не решится заявить согласие на постепенное развитие конституционных форм, но даже решительно высказался в противном смысле еще недавно и не изменил, по-видимому, своего взгляда на этот вопрос. При этом кн. Долгоруков еще раз сказал: «Мы в безвыходном положении, что будем мы делать?» Я отвечал: «Ждать с верноподданническою покорностью, пока мысль и воля государя изменятся».

Кн. Долгоруков говорил, что у него сегодня был гр. Строганов, «qui craignait d'avoir été trop cassant hier»[149].

Целый день дома. Приезжал ко мне купец Зимунд из Берлина с письмом от принца Карла по своим старым лесным делам. Я письма не принял (с согласия Зимунда, которому оно было дано факультативно), чтобы избегнуть обязанности отвечать. При этом случае я узнал, что государь говорил обо мне с принцем Карлом в Беловеже прошлою осенью (т. е., вероятно, наоборот пр. Карл говорил обо мне по поводу лесного дела) и отзывался хорошо. Затем пр. Гогенцоллерн сказывал Зимунду: «ich hätte hier viel Einfluß, und ob ich für Preußen nicht zu gewinnen wäre?»[150]. Я отвечал смеясь, daß ich wohl nicht zu gewinnen sei, aber schon gewonnen sei für die Fälle, wo ich russisches Interesse mit Preussischem oder anderem identisch fände[151]. Зимунд извинился и сказал daß er das

[149] Который опасался, что вчера был слишком резким.

[150] Я имел бы здесь большое влияние, и не мог ли бы я быть привлечен на сторону Пруссии?

[151] Что меня, пожалуй, не надо привлекать, я целиком на стороне Пруссии или других стран в тех случаях, когда их интересы совпадают с русскими.

Gewinnen jawohl im guten Sinne habe verstehen können[152]. Из его рассказов видно, впрочем, что лесная часть нашего управления мало улучшилась. С Зимунда просили в Волынской губернии 5 тыс. руб., чтобы отпустить ему те деревья, которых он хотел. Он вынужден был продать свое право на рубку жидам. Жиды вырубили, что захотели, и ему же, Зимунду, потом сдали[12].

15 апреля. Утром в Комитете. Вечером у всенощной. Потом у ген. Муравьева, который по вопросу об устройстве поземельного быта государственных крестьян опять переменил свои взгляды. Теперь он либеральнее смотрит на дело и допускает безусловно отказы от земель. Впрочем, это может быть только от того, что он смотрит в лес.

Говорят, что была речь о передаче Министерства внутренних дел кн. Долгорукову с присоединением к оному жандармской части и с назначением Шувалова товарищем. Сомневаюсь, чтобы эта комбинация состоялась.

Из губерний тревожные вести. Случаи неповиновения крестьян умножаются. В Казанской губернии дошло до стрельбы, и, говорят, убито 60 человек. Туда командируется ген.-ад. Бибиков[12a]. В Пензе взбунтовалась уваровская вотчина и взяла в плен исправника и сотского [65a]. Везде крестьяне недоумевают насчет земли, которая будто бы им дается в надел, но дается не даром, а большею частью за прежние повинности. Само правительство здесь частью виновато. Оно твердило и ободряло других твердить печатно, что безземельный крестьянин немыслим, что он должен быть собственником и т. п. Когда дошло до практики, разъяснение этих понятий оказалось затруднительнее на деле, чем на бумаге.

---

[152] Что он привлечение рассматривает, конечно, в положительном смысле.

Разным начальственным лицам прислан по городской почте пародированный манифест 19 февраля [66]. При том же вступлении и заключении в нем говорится о предоставлении дворянству конституционных прав и преимуществ в виде вознаграждения за нарушение их прав на поземельную их собственность. Муравьев этим тешится. От него, кроме желчи и ядовитой злорадости, теперь ничего не добудешь. А он остается министром и оставляется министром.

Гр. Строганов много наговорил императрице о неудовлетворительном состоянии наших университетов. Некоторые думают, что ему самому хочется быть министром народного просвещения. Не думаю.

16 апреля. Утром у обедни. Был у Вяземских. Потом дома. Ко мне заходил Нессельроде. Он говорит, что кн. Горчакова сделала министром иностранных дел вел. кн. Ольга Николаевна. Отец его рекомендовал Будберга, а о Горчакове сказал государю: «Je l'ai eu trente ans dans mon ministère et je ne l'ai jamais trouvé bon à rien de sérieux»[153].

17 апреля. Вчера была годовщина брака е. величества. По этому случаю произведены в ген.-лейтенанты его бывшие адъютанты Александр Адлерберг и Паткуль. Сегодня, в день августейшего рождения, никаких торжественностей не происходило. Сказывают, что они отложены до второго дня Пасхи. Был в Комитете. Вечером у гр. Блудова.

Читал печатаемый за границей неким г. Кельсиевым сборник сведений о раскольниках [67]. Замечательно, что правительство, давно имея в руках эти сведения, до сих пор не придумало другой системы действий в отношении к расколу. Замечательно также, что в лоне нашей церкви могло образоваться и может поддерживаться не только столь значительное

---

[153] Он был у меня в Министерстве в течение тридцати лет, и я всегда считал, что он не пригоден ни к чему серьезному.

число разных расколов, но и такие сумасбродные, нелепые учения и иноверия, каковы хлыстовщина, наполеоновщина [68] и скопцы.

18 апреля. Утром у обедни и в Комитете. Вечером в церкви.

19 апреля. Утром у обедни. Вечером у всенощной. Был у меня Неелов, который утверждает, что ген. Муравьев кандидат на Министерство внутренних дел и что была речь о назначении меня на его место, но что он настаивал на назначении Зеленого. Так говорит Шувалов.

Получил от государя отчеты польских губернаторов и сделанное для него в статс-секретариате из них извлечение. На этом извлечении, самом пустом и бесцветном, е. величество изволил написать, что «грустно думать, что эти успехи и благоденствие (sic) будут приостановлены теперешними неустройствами». Грустно читать эту отметку. Если государя успели уверить, что Польша благоденствовала, то чего же ждать и на что надеяться?

20 апреля. Удостоился св. причащения. Был у Вяземских и в Комитете. Вечером у всенощной.

21 апреля. Вчера утром Сиверс говорил мне, что слышал от княгини Кочубей о моем назначении министром внутренних дел. У Муравьевых говорили жене о назначении меня министром народного просвещения. В Комитете слышали о назначении меня министром финансов. Сегодня гр. Блудов прислал за мною перед обедом и объявил, по поручению государя, что я буду назначен управляющим Министерством внутренних дел. Да благословит меня бог на новом поприще. Вспоминаю стихи, записанные в моем дневнике в Митаве:

Ihn lasse du mal walten,
Er ist ein weiser Fürst

Und wird sich so verhalten,
Dass du dich wundern wirst[154]

Преклоняю голову, преклоняю колена, молюсь и благодарю.

В городе уже знают об этом назначении. Муравьев и Нессельроде писали ко мне, а Хрептович был у меня, чтобы меня поздравить. Ланской не просился в отставку, хотя и уволен по прошению [69]. Он будет графом и je vous le donne en mille...[155] и обер-камергером.?!

Был в Комитете. Заезжал к гр. Блудову вечером. Был в Казанском соборе. Потом у всенощной, потом у Муравьева.

22 апреля. Утром приехал фельдъегерь от государя спросить, почему меня нет? Гр. Блудов забыл передать мне повеление быть у е. величества в 11 часов. Был во дворце и видел государя в 2. Милостивый прием. Объявление о моем назначении, изъявление доверия, указание на то, что государь желает «de l'ordre et des améliorations qui ne changent point les bases du gouvernement»[156], приказание быть к докладу в пятницу вместе с Ланским. Я просил государя поддержать меня в том затруднительном положении, в которое я современными обстоятельствами и положением Министерства буду поставлен, и просил позволения прямо и без обиняков высказывать мои мысли. Ответ: Je vous l'ordonne[157].

Был потом у гр. Блудова и в Комитете. Потом у Вяземских.

23 апреля. Ночью в Зимнем дворце у заутрени. Мое назначение встречено, по-видимому, общим сочувствием. В 11 ча-

---

[154] Пусть он правит,
Он — мудрый князь
И он себя так поведет,
Что ты сам удивишься.

[155] И держу тысячу против одного.

[156] Порядка и улучшений, которые ни в чем бы не изменили основ правительства.

[157] Я вам это приказываю.

сов у государя. Он говорил о назначении мне преемника по Комитету, но еще не решился. Гр. Блудов предлагал ему Головнина. Думают также о Корнилове, московском губернаторе, рекомендованном, вероятно, гр. Строгановым. О Головнине государь выразился с некоторым недоверием.

В 12 часов у императрицы. Прием ласковый. И она, и государь говорили о том, не возьму ли я в директоры Департамента общих дел гр. Бобринского вместо гр. Шувалова. В ½ 1-го у вел. кн. Константина Николаевича. У него был целый час. Во время разговора доложили о приезде государя. Вел. князь просил меня дождаться его возвращения. По обратном приходе в кабинет он сказал, что говорил государю о том, что я у него. Государь отвечал, что он ему меня рекомендует, и что я человек, который не покривит душою. Я сказал вел. князю при прощаньи, что прошу двух вещей: позволения говорить прямо и надеяться на столь же прямое объявление мне суждений и мнений его высочества, а затем, в случае суждений обо мне посторонних лиц, — «очных ставок». «Я убедился опытом, — сказал я, — в их надобности и пользе». После вел. кн. ген.-адмирала объехал других вел. князей и всех вел. княгинь. Был у кн. Суворова, у Муравьева и у Ланского. Ланской откровенно сказал мне, что не просил увольнения, но что в пятницу государь ему сказал (в обязательных формах и выражениях), qu'il désirait que Lanski se retirât[158]. Я предоставил Ланскому самому назначить мне, как и когда он захочет сдать Министерство. Он сказал, что хочет только представить государю отчет, который, вероятно, будет готов во вторник 25 числа.

24 апреля. Утром был у разных министров и в Комитете. Вдова ген. Ростовцева возведена с сыновьями в графское достоинство. Обедал у Щербатова. Вечером был у гр. Гейдена, у

---

[158] Что он хочет, чтобы Ланской ушел в отставку.

Мальцовой по ее желанию и делу ее мужа с калужским губернским начальством.

Остановился на мысли просить себе Гейдена в товарищи. Был вечером в церкви и отслужил молебен благодарственный и начинательный. Кн. Горчаков сообщил мне, что просил меня для Варшавы, но государь отказал.

Вчера гр. Панину и Чевкину даны андреевские ленты. Кн. Меншиков сказал мне: «On dit que le cordon est donné à un nain et à un pas nain, qu'on avait décoré ce qu'il y avait de plus long et ce qu'il y avait de plus tordu»[159].

Утром был у меня орловский губернатор гр. Левашов. Он отправляется в губернию на днях. Государь присылал вчера бумаги, полученные им от находящегося в Казани ген.-м. свиты е. в. гр. Апраксина, о тамошних беспорядках [70]. Замечательна неизменность некоторых приемов бунтующего народа. Со времен стрелецких бунтов, сквозь Стеньку Разина и Пугачева по 1861 год одни и те же черты. Опирание зачинщиков на царские имена, обвинение властей в подложных указах, систематическое заглушение каким-нибудь «сгу»[160] увещаний начальников, быстрый упадок духа при энергическом употреблении силы и т. п.

25 апреля. Утром в Главном комитете и в Комитете министров. Перед тем принимал у себя прежних сослуживцев по Министерству государственных имуществ, поднесших мне «testimonial»[161] в виде художественно отделанной Сазиковым серебряной чернильницы. От имени прочих говорил Рудницкий. У нас обедали m-me Brandt и Рудницкий. Вечером с ½ 10 до ¼ 12 tête à tête у вел. кн. Елены Павловны. Рекогнос-

---

[159] Говорят, что орденская лента дана одному карлику и другому не карлику, что наградили одного самого длинного и другого самого скрюченного.

[160] Криком.

[161] Подарок в знак уважения.

цировка с ее стороны. On m'a cru toujours opposé à l'émancipation. Les réactionnaires comptent sur moi. Je serai exposé à une forte pression etc[162].

7 мая. С 25 апреля по настоящий день ни минуты свободной. Между тем положение дел мало изменилось. Был в Совете и Комитете министров, и два раза в Главном комитете. Вступил 28-го числа в управление Министерством. Видел департаменты, кроме Медицинского. Вчера обедал у вел. кн. Елены Павловны. 5-го числа представлял в Царском Селе мой первый всеподданнейший доклад. Трудна моя ноша[13].

Сегодня у обедни, несколько визитов. Обедал у Муравьевых.

На Аптекарском острове, 15 августа. Жаль, что с 7-го мая пробел. Таким образом, первые мои шаги на новом поприще не сохранятся для меня самого в этой книге и в моей памяти с тою точностью и ясностью, с которою в позднейшее время я, вероятно, пожелаю их обозреть. Но нельзя было. Между тем, благодаря бога, время прошло без беды. Мои начатки довольно удачны. Я сделал мало, но ничего не испортил, ничего не утратил. Крестьянское дело идет. Министерство двигается. Мое место в совещательных коллегиях было занято мною, по-видимому, с честью. Между тем многое переменилось или передвинулось на горизонте. Государь и императрица уехали в Крым. В Царстве Польском дела по-прежнему натянуты, но наместником назначен гр. Ламберт, варшавским военным губернатором и председателем комиссии внутренних дел — ген.-ад. Герштенцвейг, дежурным генералом — гр. Гейден. Военным министерством управляет Милютин. Министром народного просвещения — гр. Путятин. В западных губерниях быстро развилась система манифестаций. Против нее

---

[162] Меня всегда считали противником эмансипации. Реакционеры рассчитывают на меня. Я подвергнусь сильному давлению и т. д.

вместо безграничного произвола ген.-губ. Назимова я старался изыскать меры законные, применяясь к законодательству Франции и Пруссии по делам этого рода и даже по делам прессы, ибо мне хотелось и по сим последним делам у нас проложить тропинку, по которой можно будет со временем провести новый закон. Моя мысль после непродолжительной и даже неупорной борьбы осуществлена, и «Положение о временных полицейских судах» издано при указе Сената от 9-го августа [71].

Вчера был в городе у вел. кн. Михаила Николаевича, который на время отсутствия государя императора уполномочен собирать в экстренных случаях особый совет из министра народного просвещения, ген.-ад. Чевкина, управляющего Военным министерством гр. Шувалова, как представителя III отделения, и меня. Вчера была речь о двух студентах Московского университета, открыто проповедовавших социализм [72]. Один из них в особенности говорил народу в Тульской губернии, что земля и власть принадлежат миру, что посему не следует слушаться царя и оставлять часть земли помещикам, что для осуществления того и другого нужно оружие, и, следовательно, народу следует им запастись, и т. п. Вопрос был в том, как вести дело: негласно через жандармов или регулярным законным ходом через Министерство внутренних дел. Шувалов предлагал последнее, и с ним все согласились. Заключение будет представлено на утверждение государя.

Сегодня у обедни. Я несколько болен глазами. Получил телеграммы из Харькова об отъезде и. и. величеств. Все благополучно.

Вечером заезжал Шувалов с записочками от кн. Долгорукова, который, между прочим, говорит, что встреча государя везде праздничная, и что вообще он не может скрыть, что, проезжая в первый раз через Россию бескрепостного состояния, ощущается чувство необыкновенно приятное[14]. Кн.

Долгоруков беспокоится тем, что по доходящим до него слухам крестьяне делятся, т. е. семьи расходятся. Он спрашивает меня, нельзя ли запретить разделы циркуляром?! Так-то понимается свобода.

16 августа. Новый директор Департамента общих дел гр. Павел Шувалов сегодня первый раз присутствовал при докладе. Ему нужно время для ориентировки.

Целый день дома. В Нижнем какой-то диакон Щеглов отправился к ардатовскому помещику Чаадаеву, чтобы объявить ему, что он, Щеглов, декабрист, и что декабристов теперь в Петербурге, Москве и Казани 80 тыс. чел. Чаадаев сказал ему, что он не в здравом уме, ибо декабрьские события были 36 лет тому назад, а Щеглову теперь 28, и выслал вон. Дело дошло до городничего, губернатора и епархиального начальства. Оказалось, что Щеглов — преподаватель при воскресной школе в Ардатове. Губернатор вызвал его к себе и, расспросив лично, объявил, что дело не заслуживает никакого внимания и что Щеглова надлежит немедленно возвратить к его служебным занятиям, следовательно, и к воскресной школе. Министерству губернатор не донес об этом, но епархиальное начальство дало знать Урусову, а Урусов мне. Щеглов, очевидно, сумасброд, но Муравьеву не следовало оставлять его при воскресной школе.

17 августа. Дома. Работал.

18 августа. Дома. Приготовлял отправление докладов в Крым, в том числе написал два секретных своеручно. Из них первый о предоставлении предстоящим губернским собраниям [73] права заниматься обсуждением некоторых административных вопросов, специально им указанных, чтобы таким образом отвлечь их от несвоевременных и неудобных заявлений и требований по вопросам общим, им не указанным, о чем ходят различные толки. Второй с испрошением разрешения государя представить ему новую записку по

вопросу о преобразовании (или улучшении, как обыкновенно говорится) быта духовенства. Эта мысль, так давно меня занимавшая, быть может, теперь осуществится. Поводом служит плачевное положение православной церкви в Западном крае и существование особого Комитета для обеспечения тамошнего сельского духовенства. В этой сфере все вопросы сопредельны. Почему обеспечивать один Запад? Почему только обеспечить, а не возвысить? Вчера подробно объяснялся по сему предмету с Урусовым. План моих действий составлен. Что скажет государь?

С Запада и из Варшавы ничего нового. Ген. Милютин не хочет согласиться на мои предположения о реквизиционном в известных случаях способе продовольствования войск[15].

Вечером заезжал ко мне Нессельроде. Едет за границу.

19 августа. Дома. Были у меня ген. Милютин, гр. Гейден и новый витебский губернатор Оголин. Милютин озабочен приготовлением армии к будущим éventualités[163] и по сему предмету имел совещание с кн. Горчаковым, который не находит надобности к подобным приготовлениям. Из Польши и Литвы ничего нового, кроме того, что гр. Ламберт по приезде в Варшаву начал с того, что прекратил бивуакирование войск на улицах. Видел Тышкевича, возвратившегося из Вильно. По его словам, Назимов совершенно упал духом и растерялся[16].

20 августа. У обедни. Потом несколько визитов. Был у гер. Монтебелло, который очень интересуется польскими делами. Вечером был у меня ген. Россет. Получил из Ковно известие, что распоряжение об обезоружении Литовского края приводится в исполнение, и что сборища воспрещены. Но объявления по сему предмету сделаны неловко и несогласно с данною мною инструкцией. Хоминский явно в фальшивом положении.

---

[163] Возможным неожиданностям.

21 августа. Утром у Чевкина, потом в Министерстве. Видел вызванного сюда минского губернского предводителя Лаппу. Совесть у него нечиста. После его ухода один минский жид, имевший до меня просьбу, передал мне перехваченное им письмо Лаппы, компрометирующее его в отношении к переговорам с жидами и к каким-то бумагам, на которые я не мог разобрать ближайшего указания по нечеткости его почерка. Передал это письмо Шувалову.

Вечером дома.

22 августа. Утром в Министерстве. Потом в Комитете министров и в Главном комитете. Получил от государя из Елисаветграда бумаги, отправленные мною 12-го числа. Кн. Долгоруков пишет, что все по части путешествия благополучно. На Западе не так. Ген. Назимов по-прежнему принимает меры административного произвола без последовательности, толку и успеха. В Гродне декан Маевский организовал процессию, объявив о ней заранее, и привел в исполнение, несмотря на увещания и запрещения начальствующих. С ген. Назимовым обменивались телеграммами, но это ни к чему не повело, и в назначенный день и час вынуждены были вывести войско. Над ним принял начальство командир 3-ей дивизии. Губернатор сам выехал на площадь. Развели мост и, действительно, не пропустили процессию за Неман. Но Маевский отслужил литанию на площади и сказал слово народу, объявив, что правительство помешало выполнить обет, но что бог видел их желания. Затем все разошлись. Губернатор при сем пишет: «Порядок не был ни на минуту нарушен; никаких происшествий и несчастий не было, и никто не арестован»[17].

23 августа. Дома. Был у меня г. Яблочков по делу об устройстве Земского банка [74]. Министр государственных имуществ вернулся в город. Отправлен в западные губернии

чиновник особых поручений Стороженко для ближайшего разведывания тамошних дел.

24 августа. Дома до обеда. Из Вильно получено известие об объявлении военного положения. Где, когда, почему — неизвестно. Ген.-губернатор счел даже излишним меня известить об объявлении. Он сообщает только об нем в ответ на депешу, в которой я счел не излишним обратить его внимание на впечатление, которое произведет в Европе объявление края на военном положении тогда, когда эта мера не принята и в Царстве. В Киеве, по частным известиям, отбирают также оружие. От кн. Васильчикова нет о том извещения.

Обедал у Штиглица (не банкира) с лордом Нэпиром, Грей- гом, бар. Пер [...?] и пр. Нэпир справедливо замечает, что у правительства нет партии, что у нас никто его не защищает и никто за него не вступается. «Depuis six mois que je suis ici, — dit lord Napier, — c’est à peine si j’ai entendu quelques personnes de ce que l’on nomme ici le parti allemand prendre le parti du gouvernement»[164].

25 августа. Утром в городе. Заседание Комитета у вел. князя по вопросу о различии мнений милютинских и моих, по вопросу о реквизиционном способе продовольствования войск. Заявил в Комитет о полученном мною из Вильно сведении. Условились подтвердить высочайшее повеление о том, чтобы местные власти нас извещали своевременно о всем, о чем они доносят государю. Из писем кн. Долгорукова видно, что они телеграфируют в Крым, а молчат в отношении к Петербургу. Потом в Министерстве. Распорядился отправлением чиновника Департамента духовных дел к митрополиту Жилинскому в Друзкеники, чтобы убедить его издать

---

[164] «В течение полугода, как я нахожусь здесь, — сказал лорд Нэпир, — с трудом найдется несколько лиц, принадлежащих, как здесь говорят, к немецкой партии, которые при мне выступали бы за правительство».

mandement[165] римско-католическому духовенству, о прекращении его агитаторства в Западном крае. Потом у ген. Муравьева, который вернулся в город [166]. Он совершенно дезориентирован и ни о чем не знает.

Вечером приготовил 3-е отправление бумаг к государю. Опять несколько дней сряду не ложусь ранее 3-го часа.

26 августа. Ген. Назимов уведомляет, что военное положение объявлено в Вильно, Бресте, Вельске, Белостоке и во всей Ковенской губернии, кроме Новоалександровского уезда.

Был у меня кн. Щербатов, саратовский губернский предводитель дворянства. Below the... mark[167].

27 августа. У обедни. Были у меня ген.-губернаторы Игнатьев и Анненский, известный почтсодержатель. Полезно видеть людей своими глазами. Смотрю теперь на него иначе. Он лично лучше Почтового ведомства.

Был на даче Громова для осмотра сада, который великолепен, как и вся дача.

Вечером был у меня ген.-ад. барон Ливен. Получил кучу бумаг из Вильно и Ковно. Военное положение объявлено 22 числа, а 23-го ковенский губернатор Хоминский не только не знал об этом в 90 верстах от Вильно, но доносил, что дела уже приняли несколько лучший оборот[18]. Военное положение объявлено не только в вышепоименованных городах, но и в их уездах.

28 августа. Утром доклады по разным департаментам. Вечером был у меня кн. Михаил Кочубей для объяснений по его самарско-саратовскому делу. Une belle figure, mais un triste personnage[168].

---

[165] Предписание.

[166] *После* город *в скобках написано,* из лужской деревни. *(Т 1, л. 61 об.).*

[167] Ниже среднего.

[168] Красивая внешность, но сомнительная личность.

29 августа. В Министерстве. Потом в Комитете министров, где сегодня председательствовал ген. Муравьев. Слушалось, между прочим, дело о 16 западных фирмах [75]. Комитет принял мое заключение, выраженное с месяц тому назад в записке, истребованной от меня кн. Долгоруковым по высочайшему повелению. Для составления статей, направленных против заграничной прессы, кн. Горчаков отдал в мое распоряжение г. Жеребцова.

Вчера был опять у меня г. Яблочков по делу о его проекте Земского банка. Он просит, чтобы я принял на себя официальное проведение этого проекта.

Гр. Шувалов сообщил, что получил из Крыма по телеграфу разрешение передать мне дело студентов Заичневского и Аргиропуло. Он говорит, что вообще дело принимает широкие размеры, и он вынужден был арестовать значительное число лиц [76] разных званий[19].

30 августа. Утром в Александро-Невской лавре. Погода ясная. Множество народу. Придворные певчие необыкновенно хорошо пели «Херувимскую песнь» и «Отче наш». После обедни завтрак en masse et au galop[169] у митрополита. Вечером были у меня Замятнин и Грин из Риги с дочерью.

31 августа. Гр. Толстой приехал и явился. Посылал к гр. Шувалову Собещанского по делу о студентах Аргиропуло и Заичневском. Между тем, les arrestations et visites domiciliaires continuent [170].

Вечером был кн. Щербатов и три часа говорил о себе и об «Искре», которая его когда-нибудь сведет с его маленького ума.

1 сентября. Получил замечательное письмо от и. д. гродненского губернского предводителя гр. Старжинского. Он с

---

[169] Многолюдный и поспешный.

[170] Продолжаются аресты и домашние обыски.

большою откровенностью указывает, с одной стороны, на ошибки и притеснительные действия местных властей, с другой, на desiderata[171] Литвы. Он прямо говорит, что край желает «d'être uni à l'empire et au royaume comme autrefois il a été uni au royaume seul; d'avoir pleine liberté de conscience, un tribunal supérieur et une université à Wilna, le droit d'enseignement et de judicature dans sa langue et un organe pour manifester ses vœux»[172]. Он в заключение просил, чтобы я кого-нибудь послал в край или кого-нибудь оттуда вызвал. Я дал ему знать по телеграфу, чтобы он сам приехал, и получил вечером же извещение, что он выезжает в Петербург. Письмо его шло долго. Оно, вероятно, «перлюстровано» на почте.

Получил по телеграфу из Ливадии известие об утверждении моих всеподданнейших докладов относительно новых губернаторских назначений в Гродно и Ковно.

В городе разнеслась, наконец, молва о взятии под арест нескольких лиц и забрании их бумаг. В том числе взяты Перцов старший, брат пензенского вице-губернатора и бывшего начальника отделения в Департаменте общих дел, factotum'a[173] гр. Шувалова.

2 сентября. Утром в городе. Прием просителей. Вечером дома.

3 сентября. У обедни. Потом у Игнатьева. Были у меня гр. Гейден, сенатор Капгер, Собещанский и Анненский. В Калужском пехотном полку польские юнкера прибили польского офицера за то, что он запрещал им петь польский гимн. Плохой признак. Сенатор Капгер, по поводу возложенной на

---

[171] Пожелания.

[172] Быть присоединенным к империи и к королевству, как ранее он был присоединен к одному королевству; иметь полную свободу совести, верховный суд и университет в Вильне, право преподавать, вести судебные дела на *своем* языке и иметь орган для выражения своих пожеланий.

[173] Исполнитель любых поручений.

него ревизии, и Собещанский, по предмету возлагаемого на него следствия, оба говорили об общественном мнении и о щекотливости их положения. Signum temporis[174].

Назимов телеграфирует в Крым, будто бы военное положение водворило тишину, и будто бы исчезли траур и национальные польские костюмы. Стороженко, бывший в Вильне, о том не упоминает, но говорит, что ген.-губернатор собирал новый совет для обсуждения вопроса об объявлении военного положения и объявил оное, вопреки мнению членов этого совета, за исключением одного — полк. Галлера.

Ламберт до сих пор ничего не сделал еще в Царстве. Он пишет от 30-го, что прежняя неурядица в церквах продолжается, и что хотя в Варшаве пока спокойно, но в провинциях проявляются частные вспышки. Он прислал кн. Горчакову записку Велопольского о разрешении проводить в действие в Царстве Польском папские акты без получения на то разрешения от Министерства внутренних дел с непосредственного дозволения наместника[20].

4 сентября. Утром доклады. Получил из Крыма бумаги, отправленные туда 18 августа. Разрешено передать на обсуждение первого губернского дворянского съезда (харьковского) вопросы, на которые я указывал. Разрешено также представить записку о мерах к преобразованию быта нашего духовенства. Вечером были Яблочков с своим проектом, пр. Бобринский с некоторыми вопросами по делам губернии и гр. Старжинский из Гродно. Продолжительный с ним разговор пока не привел ни к какому положительному результату[21].

По городу разослано печатное воззвание «К молодому поколению» самого возмутительного содержания, в прямом социалистическом духе. Земля признается общим достоя-

---

[174] Знамение времени.

нием народа, правомерность всякой недвижимой частной собственности отвергается, указывается на необходимость действовать в этом смысле на солдат и простолюдинов и говорится en toutes lettres[175], что если бы для достижения цели «и пришлось вырезать до сотни тысяч помещиков, то этим не испугались бы» сочинители воззвания. Оно, очевидно, напечатано в Лондоне на бумаге и шрифтом Колокола, но помечено Петербургом [77].

5 сентября. Утром в Министерстве. Потом Комитеты — министров и сельских состояний. Вечером доклады. Краббе метко называет кн. Горчакова отсыревшим фейерверком.

6 сентября. Утром доклады. Был в городе перед обедом. Вечером герцог Монтебелло и гр. Старжинский были к чаю.

С последним имел опять длинный разговор о западных губерниях. Он сказал, что признает неосуществимыми часть своих desiderata,[176] и что вполне понял мою основную мысль, которая заключается в том, что прежде, чем ожидать какого-либо знака внимания правительства к интересам местного дворянства, оно должно обнаружить, что стоит на стороне правительства, а не на стороне агитаторов.

В Москве во время пребывания цесаревича студенты Университета хотели воспользоваться прибытием его высочества на лекции, чтобы сделать демонстрацию и толпою просить его об отмене распоряжения, сделанного в последнее время на счет платы за слушание курсов. Об этом было получено сведение, и вел. князь не поехал на лекцию.

7 сентября. Дома. Приезжал Шувалов. Он жалуется на медленные приемы Собещанского. Он вообще отзывается весьма en noir [177] об общем положении дел. Говорит о

---

[175] Открыто.

[176] Желаний.

[177] Мрачно.

необходимости ехать в Париж для поправления здоровья. Словом, ему крепко хочется быть министром внутренних дел.

8 сентября. Утром в Царском Селе. Вернулся с 2-х-часовым поездом после завтрака у цесаревича. Были в Царском все министры, кроме кн. Горчакова, Муравьева, Прянишникова и Тымовского. Говорил с Шернвалем о финляндских делах. Судя по его словам, там весьма неладно, и гр. Берг со дня на день более портит дела [78]. В С.-Петербургском университете гр. Путятин не справится с профессорами, которые отказываются от выбора ректора.

9 сентября. Утром в Министерстве. Получил бумаги, отправленные в Крым 25/VIII. Государь написал на моей инструкции [178]: «Весьма дельно», а кн. Долгоруков ее находит слишком длинною. Он прав, но это не инструкция, а программа. При недостатке дисциплины в Назимове я заранее знал, что инструкции в собственном смысле исполнять не будут, но знал также, что она при случае будет представлена государю. Изложенные в ней мысли я желал видеть им одобренными [79].

Вечером дома за работой. Против меня начинают уже маневрировать. Бутков писал к кн. Долгорукову, критикуя то, что сделалось в Комитете министров в его отсутствие. Шувалов также уже подкапывается.

10 сентября. У обедни. Был у меня ген. Дренякин. Ни его, ни Кригера я бы не назначал губернаторами, если бы мог выбирать и в настоящее время имел из кого выбрать. Целый день дома за работой. За время отсутствия государя из Крыма велено 2-м губернаторам, киевскому и Виленскому, ежедневно телеграфировать мне о положении края. Их депеши сообщаются вел. кн. Михаилу Николаевичу и Шувалову.

[178] *После* инструкции *в скобках написано:* западным губ[ернато]рам. *(Т. 1, л. 68 об.).*

Назимов принимался было расстрелять гродненского декана Маевского. Я телеграфировал ему, что он из него сделает святого. Назимов приостановился.

11 сентября. Утром в городе. Вечером дома за работой.

12 сентября. В городе. Комитет министров. Из Варшавы Ламберт телеграфирует, что партия умеренных берет верх. Наше положение характеризует следующий факт, сообщенный мне ген. Милютиным. При преобразовании редакции «Русского инвалида» [80] его тотчас спросили, будет ли он препятствовать «подготовлять умы к конституции». Вечером дома. Работал.

13 сентября. Дома. Получил бумаги из Крыма от 4-го и 6-го. Государь вполне одобряет распоряжения ген. Назимова относительно военного положения и не согласен с моим мнением. В сделанной на моем докладе отметке он ссылается на депеши Назимова. Именно на этих депешах нельзя основываться. Развозка и разноска возмутительных статей продолжается. Обе полиции, тайная и явная, ищут, но до сих пор не находят [80а].

14 сентября. У обедни. Был у меня ген. Муравьев, который по вопросу об устройстве удельных и государственных крестьян теперь снова остановился на началах, мною предложенных в мае месяце.

Гр. Ламберт сообщает, что городские выборы в Царстве Польском оканчиваются, и что уже составляется адрес, заключающий в себе всеподданнейшую просьбу о даровании Царству конституционного устройства.

Обедал у английского посла с герцогом Монтебелло и шурином Нэпира г. Губбардом, M. P. После обеда была речь об английских волонтерах. «C'est un mouvement éphémère, — [179] сказал Монтебелло,— cela ne durera qu'un

[179] «Это эфемерное движение»

temps».— «Cela durera autant que l'empire francais»,— отвечал Нэпир. «Mais alors vous voulez dire que c'est à perpétuité»[180], — возразил первый.

Кончил свой очерк о положении крестьянского дела в настоящее время [81].

15 сентября. Утром в городе. Был у гр. Рибопьера, который наравне с тысячью других считал долгом мне раскрыть глаза по крестьянскому делу. В Министерстве. Обедал у Муравьева. Там его зять Шереметев меня также мучил крестьянским делом. Вечером был у меня возвратившийся из Вильно Тышкевич. По его словам, там плохо. Поляки все заодно. В народе пропаганда. В начальстве неурядица. Назимов говорит, что я слишком молод. Увы, зачем он неправ!

Был у меня барон Велио, перечисляющийся в Министерство внутренних дел. Секретарь нашей Брюссельской миссии.

Отправил к государю составленный мною общий очерк нынешнего положения крестьянского дела[22].

16 сентября. Утром в Министерстве. Вечером дома, за работой. Вчера депутация из «сословия литераторов», состоящая из гр. Кушелева, Краевского и Громека, отправилась к гр. Путятину и представила адрес, подписанный 30-ю здешними писателями, с просьбою о допущении со стороны этого сословия «депутата» к следствию, производимому над г. Михаловым в III отделении. Михайлов арестован по подозрению в привозе из-за границы воззвания «К молодому поколению». Он, говорят, уже сознался в привозе 10-ти экземпляров. Один из прежде арестованных студентов, Костомаров, обвиняет его в привозе всего издания [82]. Гр. Путятин отозвался, что он не признает сословия литераторов, но согласился переслать просьбу к гр. Шувалову. Этого делать не следовало, ибо,

---

[180] «Оно просуществует некоторое время». «Оно просуществует столько, сколько будет существовать французская империя» — отвечает Нэпир. — «Но тогда вы хотите сказать, что вечно».

принимая и пересылая просьбу, он допускал возможность удовлетворения и, следовательно, возможность признания просьбы основательною.

17 сентября. У обедни. Обедал в Михайловском у вел. кн. Михаила Николаевича с гр. Барановым и ген. Вилламовым. Прекрасный дворец. Вел. князь сообщил мне замечательное письмо от ген. Крыжановского из Варшавы, заключающей в себе весьма верное описание тамошних дел. Ген. Крыжановский замечает, что у поляков есть идея, а у нас против них идеи нет, и что против идей нельзя употреблять штыки. Почти то самое, что я на днях писал к Головнину. Вел. князем было отчеркнуто именно это место в письме, что меня порадовало.

Получена бумага от государя от 8-го сентября.

18 сентября. Утром в городе. Розыски Шувалова, кажется, увенчаются успехом, но не его агенты напали на след. Следственный пристав Путилин поймал вора, укравшего часовую цепочку. Этот господин предлагает под условием освобождения раскрыть истину насчет распространения возмутительных воззваний и указать всех главных участников дела. Вечером дома. Был Тышкевич.

19 сентября. Заезжал к возвратившемуся из Москвы гр. Блудову. Потом был в Министерстве, в Комитете министров и у ген.-губернатора, который болен. В Комитет министров приезжал Шувалов для передачи мне некоторых бумаг. Он в нервическом состоянии, явно недоволен своей ролью и не менее явно метит в министры. Гр. Блудов убил часа два с лишним в Комитете пустыми разговорами о предметах, не заслуживавших никаких толков.

Встретил на Невском кн. Горчакова, qui parle de sa retraite[181]. Вечером дома. Был у меня Грабовский, директор Киевской конторы Коммерческого банка.

---

[181] Который говорит о своей отставке.

20 сентября. Утром в городе. Был у меня в Министерстве гр. Кейзерлинг. Вечером дома за работой.

21 сентября. Целый день на даче. Писал для государя записку о положении православной церкви и духовенства. Был у меня виленский епископ Красинский, Père Robin в совершенстве. Он привез в кармане камень, брошенный ему в окно в Вильне месяца два тому назад, и в бумажнике ту записку, в которую был завернут камень. Он уверяет, что духовенство нигде не участвует в беспорядках. Когда я ему указал на различие actes de commission и actes d'omission[182], он вынужден был сознаться, что последние обнаруживаются повсеместно. Он, впрочем, довольно резко высказывался насчет причин неудовольствия края и особенностей Литвы. У него, Лаппы и Старжинского одна тема. Очевидно, что они теперь полагают обстоятельства столь для себя благоприятными, что отзываются о griels du pays[183] (griffes — как произносит эти слова директор Киевского коммерческого байка Грабовский) так, как никогда прежде не смели об них отзываться. Разговор продолжался почти 1 ½ часа и почти исключительно с его стороны. Я не сказал ничего, кроме указаний на actes d'omission[184] и приглашение хладнокровно взвесить, к чему ведет и может привести настоящее положение дел. Я вынужден не обнаруживать, что у нас в настоящее время нет ни установившегося плана действия, ни даже установившегося взгляда.

22 сентября. Да благословит бог новый год моей жизни. Утром у вел. князя в заседании Gouv [ernement] provisoire[185] [183]. Слушалось дело Перцова [84], виновного в собирании разного рода возмутительных стихов и статей и в сочинении

---

[182] Соделанного действия и действия упущенного.

[183] Претензиях страны.

[184] Упущенные действия.

[185] Временного правительства.

таковых, впрочем, без дальнейшего, по мнению гр. Шувалова, оглашения. Кроме того, была речь о делах Университета. Там совершенная анархия. Студенты собирают сходку, составляют проекты адресов, на стене приклеено было к ним революционное воззвание. Главные ораторы Утин, Френкель, Никольский. У них организованные комитеты и субкомитеты. Они готовятся в случае арестования некоторых объявить себя «en permanence»[186] и сопротивляться массой [85]. Гр. Путятин ничего не знал сегодня о происходившем вчера.

Вечером отправил к государю мои две записки: о настоящем положении дел в империи и о духовной части[23] [85а]

У меня был soirée d'intimes[187]. В виде иллюминации пожар на типографском дворе. Сгорел сарай с сеном.

23 сентября. Утром в Министерстве. С 12-ти до 5-ти принимал разных посетителей. Между прочим, были ½ дюжины генералов, гр. Рибопьер и Тимашев, который, конечно, все видит en noir[188]. Он говорит относительно возможности вновь поступить на действительную службу довольно метко: les choses ne sont pas encore en assez bon état pour rentrer par goût, ni en assez mauvais pour rentrer par devoir[189].

Вечером дома. Был Тышкевич. Написал Шувалову, что, если до послезавтра Министерство народного просвещения не примет мер по делам Университета, я вынужден буду просить о том вел. князя.

24 сентября. Утром у обедни. Потом в городе. Заезжал к английскому послу и к Муравьеву. Последний уже ставит паруса по ветру и готовится быть членом конституционного министерства. Он говорит, что по возвращении государя

[186] Постоянно действующими.

[187] Вечер близких друзей.

[188] В мрачном свете.

[189] Дела не в столь хорошем состоянии, чтобы он вернулся по желанию, ни в столь плохом, чтобы он считал себя обязанным вернуться.

надлежит решить дело и предложить его величеству прежде всего распустить своих министров и затем составить новый «cabinet». Он уже идет далее и находит, что дворянство, как каста, долго существовать не может, и что следует образовать аристократию на началах поземельной собственности.

Вечером дома.

25 сентября. В Университете беспорядки увеличиваются. Сегодня толпа в несколько сот человек студентов, с сотнею студентов Медико-хирургической академии и несколько офицеров (?!), найдя университетские аудитории закрытыми, отправилась через Невский проспект в Колокольный переулок, где живет новый попечитель, ген. Филипсон, шумела, кричала, осыпала бранью гр. Шувалова и обер-полицеймейстера, весьма нецеремонно обошлась с вышедшим к ней попечителем и вместе с ним возвратилась в Университет, где на дворе произносились речи и явно организовалось университетское восстание. Собрали два взвода жандармов, послали за пехотой, наконец, ген.-губернатор убедил толпу разойтись. Таким образом, и в Петербурге состоялась первая уличная манифестация [86]. Выходя из Государственного совета (который сегодня возобновил свои заседания), Краббе сказал мне: «Через Рубикон перешли»[24].

5 октября. Пробел с 25-го сентября не имею времени пополнить. Я был болен и теперь еще не совсем оправился. С 1-го числа в городе. Университетское дело еще не кончилось. Путятин ниже всякой критики. Наш Gouvernement provisoire, по распоряжению вел. князя, усиленный ген. Муравьевым, Чевкиным, кн. Горчаковым, ген-губернатором и командиром гвардейского корпуса ген. Плаутиным, также не отличается ясностью взгляда и решительностью действий.

Получил сегодня из Ливадии мою записку по крестьянскому делу. Она, по-видимому, произвела надлежащее впе-

чатление. Из отметок государя видно, что он доволен. Кн. Долгоруков пишет, que le mémoire a été très goûté[190].

Утром работал, потом ходил. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером на музыкальном вечере у кн. Кочубей.

Моя мысль о приобретении органа прессы для правительства, по-видимому, осуществляется. На днях имел переговоры с Павловым. Его газета «Наше время» может сделаться «une feuille inspirée[191] [87].

6 октября. Утром у Вяземских. Заходил в Михайловский дворец, чтобы отдать для вел. кн. Екатерины Михайловны мою фотографическую карточку. Вечером разбирал бумаги и работал.

7 октября. Утром в Министерстве. Потом у вел. кн. Михаила Николаевича в заседании Совета, где продолжались суждения об университетском деле. О продолжении курсов на указанных начальством основаниях поступило до 600 прошений. Предполагается открыть курсы на будущей неделе. Вечером получил из Ливадии свои две записки об общем положении дел в империи и о преобразовании быта духовенства [87а]. С содержанием последней государь вполне согласился. По содержанию первой государь настаивает в разных отметках на неприкосновенности самодержавия. За обе благодарит. Кн. Долгоруков пишет, что государь ими весьма доволен.

8 октября. Утром у обедни. Был у митрополита Шилинского. Вечером у вел. князя. Решено открыть курсы Университета в среду, 11-го числа.

Из Варшавы плохие вести. Ген. Герштенцвейг лишил себя жизни. Гр. Ламберт болен и просит увольнения. Говорят, будто бы велено возвращающемуся из-за границы ген. Сухозанету остановиться в Варшаве. Говорят также, что

[190] Что записка очень пришлась по вкусу.

[191] Органом, инспирируемым правительством.

имеют в виду ген. Лидерса для командования тамошними войсками[25].

Были у меня Ламанский и Сивков. С первым я желал объясниться о положении наших финансовых дел вообще, с последним — по предмету проекта его и Яблочкова о поземельном банке.

9 октября. В Государственном совете. Потом 2 часа убито в Департаменте экономии, где Бахтин, Чевкин и под конец Княжевич толкли воду по делу об Обществе взаимного страхования домов в С.-Петербурге. Вечером работал.

10 октября. В Комитете министров. Вечером был у меня Грейг. Разные доклады.

Вел. кн. Михаил Николаевич имеет в виду, по словам Грейга, основанным на словах гр. Шувалова, говорить с государем по его возвращении в том смысле, в каком я писал. Шувалов намерен сделать то же. Из слов гр. Строганова, изъявившего желание со мною переговорить до приезда е. величества, я заключаю то же самое.

Герштенцвейг еще не умер. Он всадил себе в голову две пули. Одну вынули, другую нет. Его отец также застрелился. Сын всегда имел при себе отцовский пистолет и взял его в Варшаву.

Ген. Зеленый вытребован по телеграфу навстречу государю. Говорят, что его прочат в виленские ген.-губернаторы.

11 октября. Утром дома. Был у меня виленский губернский предводитель Домейко. Он откровенно выражает желание Литвы возвратиться к status quo ante 1831. Но что Литва? Дворянство? Или весь край? Был также нижегородский губернский предводитель Стремоухов. Предложил ему кандидатство в губернаторы.

Обедал у вел. кн. Михаила Николаевича с кн. Горчаковым и Шуваловым. Цель обеда — условиться, что и как говорить государю по возвращении. Вел. князь смотрит на вещи, как мы. Переворот или поворот необходим. Кн. Горчаков, как

всегда, dans le vague et dans un monde de phrases[192]. Шувалов настаивает преимущественно на перемене в личном составе Министерства. Я держался середины и, полагая, что неудобно предлагать государю разом отстать от всех, к кому он привык, указывал преимущественно на необходимость убедить его в неотложной потребности иначе смотреть на дело, предпоставить себе новую цель и устроить иначе строй главных деятелей.

В Университете открыли курсы. Говорят, что студентов на них было около 50-ти.

12 октября. Ездил в Царское Село, чтобы видеть вел. кн. Марию Николаевну, у которой, несмотря на выраженное ею желание, не удосужился быть с июня месяца. Она очень встревожена настоящим положением дел и говорит: «On nous chassera tous d'ici à un an»[193]. Вернулся в 6-м часу. Между тем в Университете продолжались курсы и беспорядки. Одни говорят, что студентов было много, другие — что их пришло с небольшим 20-ть. Но перед Университетом собралось их несколько сот. Арестовано и отправлено в крепость до 230-ти. Подробностей точно еще не знаю. Одни говорят, что они упорствовали не расходиться; другие утверждают, что они даже с палками напали на войско; третьи, что сопротивления и нападений вовсе не было, и что, собственно, нельзя с точностью определить, за что столько из бывших там лиц арестовано [88]. Вечером были у меня Павел Шувалов, Отсолиг, Толстой, Тышкевич, который в числе прочих был захвачен и отправлен в крепость, и которого я должен был выручить, кн. Иван Грузинский и осташковский городской глава Савин, который желал выразить мне желание и объяснить нужды городских сословий, говоря, по его выражению, как

[192] В тумане и в мире фраз.

[193] Через год нас всех отсюда выгонят.

джентельмен джентельмену. В нем виден опыт образованной bourgeoisie или tiers état[194]. На первый взгляд, образованности или подготовки более, чем природного ума.

13 октября. Утром у вел. князя для поздравления с днем его рождения и для того, чтобы просить его приказать публиковать в «Ведомостях» статьи об университетских происшествиях. Вечером за работой. Были Тютчев, Россет, Тышкевич, Толстой. Плетнев приезжал по моей просьбе для объяснений по университетскому делу. Он разделяет мое мнение насчет закрытия Университета.

14 октября. Утром в Совете у вел. князя. Рассуждали о том, что делать с арестованными студентами. Чевкин непременно хотел отдать около полусотни или сотни в солдаты. Муравьев говорил о ссылке поляков в Березов, Омск, Томск и т. п. Решили нарядить комиссию для разбора и обнаружения самых упорных или виновных. Путятин представил проект статьи для напечатания в газетах, который признан неудобным. Мне поручено по соглашению с ним оный переделать. Вечером приезжал Тышкевич, чтобы сказать, что он открыл, кто составляет в Варшаве секретный комитет, руководящий движением. Грейг был до 3-х часов утра. Разговор о составе и программе будущего «cabinet». Завтра вечером Чевкин и Шувалов едут в Москву навстречу государю.

В городе много толков о Ламберте, которого сильно осуждают. Мне он никогда не был по сердцу. Рассказывают, что он взял на подъем 50 тыс. руб. и что теперь Лидерс выпросил 100 тыс. Дороги эти непрочные назначения.

15 октября. У обедни. Заходил к Чевкину, на которого я резко нападал вчера в Совете у вел. князя. Разговор с ним о настоящем положении дел. Он ярый абсолютист, но, однако же, призадумался, когда я сказал ему, что личный состав всех

---

[194] Третьего сословия.

министерств не позволяет действовать по прежней системе и что из каждых десяти чиновников можно безусловно надеяться только на одного. Его взгляд хорошо характеризуется тем, что он продолжает приписывать нынешнее расположение умов, между прочим, тому, что при Ростовцеве раздавали воспитанникам военных учебных заведений в виде наград «Economie politique» de J. B. Say и «Geschichte der Päpste» Runke.

Обедал у вел. кн. с Шуваловым, кн. Горчаковым, Милютиным. Продолжение прежнего совещания о том, что и как говорить государю. Мало надежды на успех. Кн. Горчаков в тумане. Шувалов бьет на личности, чтобы очистить место себе. Милютин преимущественно отрицает как возможность следовать прежним курсом, так и возможность пролагать новые.

Вечером был у меня гр. Сергий Строганов также с целию условиться насчет будущей системы действий. В его голове еще гораздо более тумана, чем в голове кн. Горчакова. Его мнения — какая-то смесь профессорского взгляда на просвещение, генеральского взгляда на профессоров, дворянского — на помещиков, надежды на преодоление современных затруднений опирающимся на войско самовластием, и суждений о Польше и поляках, заимствованных из его воспоминаний о Минской губернии 1831 года[25].

16 октября. Утром дома. Перед обедом заезжал к Анненкову. Какая бездарная ограниченность! Вечером за работой. Читал письмо Павлова к кн. Вяземскому о происшествиях в Московском университете. Там беспорядки 12-го числа были еще отвратительнее петербургских [89].

17 октября. Утром в Министерстве. Потом в Комитете министров. Разрыв с ген. Муравьевым начинается. Он говорил мне с полусдержанною злостью о моей записке по крестьянскому делу и нападает преимущественно на то, что мною

было сказано, что правом на личность людей едва ли можно было пользоваться, не краснея [90]. Между тем кризис в управлении приближается. Государь уже в Москве и сегодня вечером выезжает сюда, т. е. в Царское.

Сегодня утром, в 6-ть часов, отправили из с.-петербургской крепости в Кронштадт 240 человек студентов, арестованных 12-го числа. Для разбора их назначена особая комиссия под председательством тайн. сов. Пущина.

18 октября. Государь возвратился в Царское Село сегодня в полдень. 4½ суток из Николаева. Скоро.

Утром у Вяземских, которые праздновали золотую свадьбу. Обедал с ними у Карамзиных. Вечером у них же.

19 октября. Утром в Зимнем дворце. Заседание бывшего Gouvernement provisoire в присутствии его величества. Студентское и университетские дела. Без положительного результата. Гр. Путятин опять ниже всякой критики. Читал длинную и скучную записку, в которой обвиняет профессоров и оправдывает самого себя, не приходя ни к какому положительному заключению. Обычное впечатление. Жаль, что Совет собирался. Всегда поддерживают те именно порывы или наклонности государя, которых не следовало бы поддерживать.

По словам Шувалова, его предварительные объяснения с государем обещают некоторый успех. Мысль о более правильной организации правительства, т. е. Министерства, не встречает безусловного сопротивления. Шувалов поставил, однако же, на своем и едет за границу. Говорят, что его заменит ген. Потапов.

Ген. Игнатьев, которому государь выразил (хотя, впрочем, весьма мягко) свое неодобрение его распоряжениями, 2-го октября подал записку об увольнении от должности ген.-губернатора и потом приехал ко мне, бедный человек, просить ходатайства о сохранении ему приличного оклада.

Из Варшавы получены известия о более чем двусмысленных действиях Велопольского. Государь приказал вызвать его сюда, а если он не поедет, арестовать и отправить в цитадель [91].

20 октября. Утром во дворце на выходе по случаю заупокойной литургии по императрице Александре Федоровне. Потом доклад государю, который был чрезвычайно милостив и любезен. Он мне сказал, que j'avais sa confiance — que je pouvais à cause de cela me très peu soucier de ceux qui me voulaient du mal[195] (причем он намекнул на государственного секретаря, и я его назвал), qu'il garderait une reconnaissance éternelle au c-te Panine qui m'avait proposé successivement pour les deux postes du Cons. des ministres et du ministère de l'intérieur[196] и т. п. Государь утвердил мои предположения о преобразовании журнала Министерства и о сделке с Павловым насчет его газеты. Он, кроме того, говорил о моих предположениях насчет преобразования Комитета министров и о своем предположении обратить эти преобразования преимущественно на Совет министров, причем поручил мне представить ему мои ближайшие по сему поводу соображения. Государь упомянул также об увольнении Игнатьева и о своем намерении назначить на его место, может быть, кн. Суворова. Доклад частию отложен до завтра за недостатком свободного времени. Был потом у лорда Нэпира, который передал мне только что полученный им (в 2-х экземплярах) 3 № «Великоруса» [91а]. Позже виделся у себя с гр. Шуваловым, который уезжает за границу завтра[27]. Видел Скарятина, который также едет за границу с семейством.

---

[195] Что я располагаю его доверием и поэтому могу очень мало думать о тех, кто желает мне зла.

[196] Что он сохранит вечную благодарность гр. Панину, который последовательно предлагал меня на два поста: в Совет министров и в Министерство внутренних дел.

21 октября. Утром во дворце, где продолжал доклад государю, но снова не мог вполне оный кончить за недосугом. Видел Пущина, председателя кронштадтской комиссии о студентах, который утверждает, что студенты невинны. Были у меня Игнатьев и кн. Долгоруков, последний, как всегда, froid, vague, décoloré[197]. Вечером были Павлов, Щебальский по вопросам прессы, Яблочков по вопросу о банках, Корнилов с бумагами о первоначальном учреждении Совета [92], которые я у него выпросил для соображения. Видел Делянова, который говорит, что гр. Путятин при всем своем идеальном прямодушии невозможен и несносен. Был Неелов, который, подобно многим другим, говорит, что меня сильно бранят за губернаторские назначения. Доклад по Земскому отделу. С 8-ми часов утра до ½ 1-го ночи, кроме обеда, ни одной минуты свободной[28].

Потапов, которого видел во дворце, говорит, что устройство новой варшавской полиции удалось превосходно.

22 [октября]. Утром у обедни. Был у гр. Панина, который в тот же вечер был опять у меня. Он в настоящем настроении духа неудобен, но весьма ласков и почти вкрадчив со мною.

23 октября. Утром в Государственном совете и в заседании Главного комитета. Потом целый день за работой для государя, составлял предположения о преобразовании Совета министров.

24 октября. Отправил к государю конченную мною работу. Был в Комитете министров. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером два доклада, pour terminer facilement ma journée[198].

25 октября. Утром за работой, не выходя из дома. Вечером у вел. кн. Михаила Николаевича, по его желанию. Разговор

---

[197] Холоден, неопределенен, бесцветен.

[198] Чтобы легко завершить свой день.

конфиденциальный. В заключение он сказал мне, que j'avais acquis toutes ses sympathies et que quand il me voyait chez l'empereur cela lui mettait l'âme en repos[199]. Потом у гр. Блудовой. Пред тем был у меня Павлов, который начинает торговаться по-жидовски.

26 октября. Совет министров по общему университетскому вопросу и в особенности по делу об особом мнении бар. Корфа, предлагающем преобразование университетов на началах Sorbonn'ы. К счастью, ничего не решили. Но в конце заседания государь дал мне новый знак доверия. Он поручил министру народного просвещения гр. Строганову, Панину (? кажется) и кн. Долгорукову обсудить вопрос о мерах к прекращению нынешнего, колеблющегося, состояния университетов, где никто почти не слушает лекций, но, вставая, он вполголоса сказал Путятину и мне, что я должен участвовать в обсуждении этого вопроса. Полголоса употреблено, чтобы не дразнить прочих министров, и употреблено, несмотря на то, что я в заседании выразил мнение, не принятое его величеством, точно так, как перед заседанием государь меня призывал, чтобы сказать, что он одобрил мои предположения об устройстве Совета министров, но, чтобы меня не компрометировать перед прочими, желает объявить их как свою волю, а перед тем соберет у себя особое совещание из 4-х лиц: Панина, Горчакова, Долгорукова и меня.

27 октября. Утром в Царском Селе для доклада. Назимов и Долгоруков, т. е. первый через второго, представили государю список с моей переписки с Назимовым и разные сплетни о г. Стороженко, мною посылаемом в западные губернии. Государь, не спрося меня, и под влиянием обычая считать наветы доказательством, изъявил мне желание, чтобы между

---

[199] Что я приобрел его симпатию и что когда он видит меня у императора, это успокаивает его душу.

Назимовым и мною не было личностей. Я не стал входить в объяснения, но воспользовался случаем доказать, что я стою выше мелочного самолюбия. Возвратясь домой, я написал к Назимову мировое письмо, ссылаясь на то, что государем мне было сказано, и на то, что Назимов старше меня летами и службою. Это письмо до отправления я показал кн. Долгорукову без всяких объяснений. Долгоруков сказал: «Cela vous ressemble» [200] . Он был у меня вечером вместе с гр. Строгановым и Путятиным для совещания по университетскому делу. Как всегда, мнения других изменились и приходят к моему. Положено испытать продолжение курсов в университетах, но по безнадежности в успехе приготовиться к их закрытию и вслед за тем собрать здесь комиссию из профессоров для начертания оснований нового устава, т. е. то именно, что я говорил в Совете вчера.

В кабинете у государя видел императрицу. Она поздоровела и весьма любезно выразила мне сожаление, что по случаю предстоявшего совещания с кн. Долгоруковым, Строгановым и Путятиным я не могу остаться в Царском к обеду[29].

28 октября. Утром в заседании Главного комитета [93]. Я не дождался конца. Гр. Блудов невозможный председатель, а члены неудобовозможные члены. Вопросы предлагаются в одной форме, голоса подаются в другой, а результат хотят записывать в журнал в третьей. Вечером были у меня разные лица по делам прессы и доклад по Земскому отделу.

29 октября. Утром у обедни. Был у меня маркиз Велопольский. Он умен, упрям и сознает выгоды своего положения и слабость нашего. Был у гр. Шуваловой. Вечером читал жизнь Сперанского бар. Корфа. Повествование о 14-м декабря

---

[200] Это на вас похоже.

и нынешнее творение бар. Корфа [94] похожи друг на друга, как черное на белое.

30 октября. Утром в Совете. Был у меня Путятин, который опять совершил пол-оборота по университетскому делу. Гр. Строганов тоже. Сам назначив Путятину профессоров Соловьева и Бабста для вызова из Москвы, он теперь говорит, что вызывать профессоров было бы послаблением.

Отдал визит Белопольскому. Вечером покончил с профессором Никитенко, который принимает на себя дирекцию новой газеты Министерства внутренних дел [95]. Были у меня разные лица по тому же делу, потом гр. Берг с пустыми речами и епископ виленский Красинский, которого, наконец, я вынужден отпустить обратно. Мысль, что я от него избавляюсь здесь, m'a mis de bonne humeur pour toute la durée de notre entretien[201].

31 октября. Утро за работой. Вечером разные посещения по делам прессы и банков, которые меня отвлекали от работы по делам Министерства. Получено сумасбродное донесение от минского губернатора гр. Келлера.

1 ноября. Утром в Царском. Мои предположения по устройству дел Совета прочитаны государем в присутствии гр. Блудова, кн. Горчакова, кн. Долгорукова, гр. Панина и моем. Они приняты почти без изменения. Завтра должны быть предъявлены Совету. Государь особенно любезен ко мне. Compensation за Назимова. Кн. Суворов назначен с.-петербургским ген.-губернатором, бар. Ливен — остзейским. Видел кн. Суворова на железной дороге. Слышал от кн. Горчакова и от гр. Гейдена, бывшего у меня вечером, что Герштенцвейг застрелился, собственно, вследствие компрометировавших его действий Ламберта. Болезнь сего последнего, по-видимому, предлог уехать из Царства. Гр. Панин и

[201] Привела меня в хорошее настроение на все время нашей беседы.

кн. Горчаков не дают мне покоя. Первый вроде дядьки, меня преследующего. Второй постоянно делает конфиденциальные сообщения, не имеющие той важности, которую он им приписывает.

2 ноября. В Совете министров. Государем предъявлены мои предположения. Когда он спросил, встречает ли кто повод к возражениям, все молчали. Но когда зашла речь об окончательной редакции, все заговорили и убили даром 2 часа времени. Редакция затем возложена на Буткова и Корнилова [96].

Обедал у гр. Нессельроде с Долгоруковым, Рибопьером и гр. Шуваловым.

3 ноября. В Царском. Доклад. Получил разрешение ехать в Москву 11-го числа[202]. Обедал у и. и. величеств. В Финляндию назначен вместо гр. Берга ген. Рокасовский.

4 ноября. Утро за работой. Вечером было у меня новое совещание по университетским делам. Те же лица: гр. Строганов, кн. Долгоруков, гр. Путятин и я. Результат невелик. Был у меня ген.-ад. Яфимович, отправляющийся по высочайшему повелению в Минск для водворения там порядка. Увы! Как все эти господа плохи.

5 ноября. Утром на освящении церкви в приюте пр. Ольденбургского. Затем скучные визиты. Вечером за работой.

6 ноября. Утром в Государственном совете и Главном комитете. Вечером доклады.

7 ноября. В Комитете министров. Кн. Горчаков читал свой отчет за 1860 год. Хорошо написан, но многословен и отчасти пустословен. Мы теперь так малосильны за границей, что роль министра иностранных дел затруднительна не только на деле, но и в рассказах. Обедал у кн. Горчакова с маркизом Белопольским, гр. Нессельроде, бар. Мейендорфом и гр. Па-

---

[202] *После* 11-го числа *в скобках написано:* по предположениям о духовенстве. *(Т. I, л. 90).*

ниным. Кн. Горчаков, быть может, под некоторым влиянием d'un verre de vin généreux sur un estomac un peu faible[203] был тщеславен до комизма.

8 ноября. Утром в Зимнем дворце. Крестины новорожденного вел. кн. Михаила Михайловича. После церемонии остался по приказанию государя для участия в совещании о польских делах, к которому были призваны кн. Горчаков, кн. Долгоруков, Милютин и только что возвратившийся ген. Сухозанет. Речь была о некоторых мерах, которые предполагает принять ген. Лидерс, и о маркизе Белопольском, против которого Сухозанет восстает с самой свирепою старческою злобою. Он все время говорил в смысле естественной наклонности государя употреблять силу. Кн. Долгоруков отзывался почти в том же смысле. Ген. Милютин находил необходимым, как и в минувшее лето, соединение властей военной и гражданской. Один кн. Горчаков на сей раз вполне искупил свое вчерашнее тщеславие и стойко, и сильно возражал Сухозанету. Государь обратился ко мне под конец совещания с вопросом о моем мнении. Я так был раздражен нелепостями Сухозанета [97] и в особенности тем, что они будто бы правились государю, что высказал свои мысли с жаром и резкостью, которых обыкновенно старательно избегал. Я сослался на стих из IX главы апостольских деяний: «жестоко ти есть противу рожна прати» и напомнил о силе, которая выше сил земных, о невозможности преобороть материальною силой элементы духовные и о прискорбных результатах той системы и тех советов, которым государь доселе следовал. Кажется, что мои слова несколько подействовали, ибо совещание тотчас прекратилось. Завтра ген. Милютин назначается военным министром на место Сухозанета. Последний сам просил увольнения, но, кажется, что он просил

[203] Стакана доброго вина на несколько слабый желудок.

об нем только потому, что удостоверился, что от него этой просьбы желали и ожидали.

9 ноября. Утром Совет министров. Государь мне объявил лично, что утверждает меня министром внутренних дел. Вечером доклады.

10 ноября. Утром в Царском Селе. Доклад. Был у императрицы, которая приняла меня чрезвычайно ласково и, между прочим, объявила, что, кроме кн. Горчакова, она со мною одним намерена говорить доверчиво. Вечером Комитет у меня по университетскому делу и по вопросу о цензуре. Кроме прежних лиц, бар. Мейендорф, sa montre est grandement en retard[204]. Завтра еду в Москву. Да благословит бог наш путь, ибо еду с женою. Да благословит он дело, для которого я еду.

19 ноября. Был в Москве 12-е и 13-е. Вернулся 15-го. С тех пор был три раза в Царском Селе.

В Москве мои переговоры с митрополитом привели к тому результату, что делу дается дальнейший ход. Он вообще согласился с предложенными ему мерами. Только против одного пункта о призыве нескольких членов Святейшего синода в Государственный совет он постоянно возражал, хотя я с разных точек зрения и несколько раз старался устранить его возражения[29a] [98]. В Москве, как всегда, много толков и мало толка. Заняты предстоящими выборами. Губернский предводитель Воейков добивается нового трехлетия путем оппозиционных выходок против правительства. Между тем по университетскому делу раздор между ген.-губернатором и попечителем учебного округа. Сегодня утром у обедни. Потом у вел. кн. Елены Павловны, assez curieuse, mais assez mal informée[205]. Заезжал к гр. Блудову, который присылал ко мне

---

[204] Его часы очень отстают.

[205] Довольно любопытной, но довольно плохо осведомленной.

просить об этом визите. Ему пришло на мысль, что нехудо отсрочить на один год все дворянские выборы в империи.

На чем основана наша система действий в Царстве Польском и в западных губерниях? На понятии о страхе. «Страх, — писал Сперанский в 1820 году, — есть дело внезапности, род очарования. Нужно знать его меру, чтобы им пользоваться» [99].

В Министерстве народного просвещения продолжается разложение. Делянов, директор, и Воронов, вице-директор Департамента народного просвещения, выходят. На место первого назначается гр. Дмитрий Толстой, зять Д. Г. Бибикова.

20 ноября. Утром в Государственном совете и заседании Главного комитета. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером был ген. Крыжановский. Умен, но топорный государственный муж. Все русские варшавские делатели как-то смотрят на польские дела сквозь очки тридцатых годов. Потом был Ламанский, который говорит, что финансовыми делами овладела немецкая кайзерия — Рейтерн, Нессельроде, Мейендорф. После него Потапов. Издание «Северной почты» возбудило в разных «литераторах» и «публицистах» вожделение пользоваться казенными деньгами. Двое из «либеральнейших» предлагают свои услуги III отделению, предварительно обещав мне содействие по «Северной почте» [100].

21 ноября. Особое совещание у государя по польским делам. Кн. Горчаков, кн. Долгоруков, гр. Блудов, ген. Сухозанет, ген. Милютин, ген. Крыжановский и я. В общем направлении нет успеха, но в частности решен удовлетворительно, к немалому моему изумлению, вопрос о допущении прямого дипломатического представителя римского двора при нашем дворе сперва в виде экстраординарного комиссара, а там и в виде «нунция».

Вечером у кн. Кочубей.

22 ноября. Утром в Министерстве. Вечером в Царском Селе. Театр.

23 ноября. Утром у митрополита Исидора, где видел и Бажанова, потом у гр. Толстого (обер-прокурор при Святейшем синоде). Кончил предварительные переговоры по делу о духовенстве. Со стороны двух первых почти безусловное согласие. Бажанов в особенности, видимо, рад возможности сделаться членом Государственного совета. Он от избытка удовольствия не мог вынести моего взгляда и опускал глаза или глядел в сторону. Гр. Толстой, с которым, впрочем, я объяснялся особенно осторожно, преимущественно остановился на возражениях митрополита Филарета насчет привлечения духовных сановников к заседаниям в Государственном совете. Впрочем, и он не дал окончательного или положительного отрицательного отзыва. Таким образом, дело доведено до 2-го периода, т. е. до приступа к учреждению особого Комитета для дальнейшего направления оного к цели. Да будет бог в помощь.

Вечером на бале у С. С. Бибиковой. Кн. Кочубей положительно считает меня вторым Горчаковым и преследует меня политическими рассуждениями.

24 ноября. Утром в Царском. Доклад. Государь объявил мне, что он желает, чтобы я был членом финансового комитета, и поручил известить о том министра финансов. Насчет дела о духовенстве мне разрешено представить соображения об учреждении комитета под председательством вел. кн. Константина Николаевича. Возвратился в 1-м часу с тем же поездом, который перевез из Царского в Петербург на зиму их величества. Был у вел. княгинь Елены Павловны и Екатерины Михайловны, по случаю Екатеринина дня. Обедал у вел. кн. Михаила Николаевича с кн. Суворовым. Вел. князь и вел. княгиня оба весьма любезны и симпатичны. Вечером были Ржевский по делам газеты, Абаза, Щербатов, гр. Келлер,

Тройницкий. Утром заезжал Паскевич. Он говорит, что принял бы одно назначение — в Варшаву. Il ne vise pas à peu de chose[206], как он сам выразился. Главное то, qu'il vise faux[207], потому что его имя вовсе не представляет ему на месте тех выгод и той силы, которые он ему приписывает. Он думает, что поляки дорожат памятью его отца. Il serait désobligeant de tâcher de le désabuser[208].

25 ноября. Утром в Комитете финансов. Впечатление неутешительное. В нем заседает министр финансов. Но его роль играет не он, а ген.-ад. Чевкин. Ген. Муравьев твердит старую песнь о невозможном займе. Все занимаются неразрешимою задачею сокращения несократимых расходов. Делопроизводитель Рейтерп решительно не обладает приписываемыми ему талантами. Перед тем был у е. величества с кн. Горчаковым и Тымовским. Первый читал проекты двух превосходных депеш в Рим о назначении ксендза Фелинского варшавским диасезальным администратором (vicaire apostolique)[209], а потом и архиепископом, и о принятии нами сперва прелата из Рима в качестве чрезвычайного комиссара по делам в Польше, а затем эвентуально и нунция.

Вечером заезжал к Гернгросу. По его словам, государь bat froid[210] Зеленого, как полагает он, в предубеждении, что Зеленый интриговал против Муравьева, который сперва будто бы уходил тотчас, а теперь остается до 15 января, как полагаю я, потому что Зеленый не умел обделать дело так, чтобы государю не пришлось оставлять Муравьева до января.

26 ноября. Утром у обедни. Потом был у гр. Шуваловой. Занят скучными приготовлениями к проектируемым мною приемным дням или вечерам.

---

[206] Он немалого добивается.

[207] Что он ошибочно добивается.

[208] Было бы нелюбезно стараться его разочаровывать.

[209] Викарий.

[210] Холоден в отношении.

Был у меня Ливен, вернувшийся из своего ген.-губернаторства. Немцы не походят на русских. Ливен получает с лишком 30 тыс. руб. в год и имеет некоторое состояние, но говорит, что не может «принимать» за недостатком средств. Я не имею ничего и получаю только 12 тыс., а буду принимать еженедельно.

27 ноября. В Государственном совете. Потом в Главном комитете. За работой остальное время дня.

28 ноября. Утром Комитет министров. Был с женою у леди Нэпир. Обедал у государя с Милютиным, Крыжановским, Краббе и гр. А. Адлербергом. Потом заезжал к Абазе, у которого должен был обедать в тот день. Вечером были у меня Борис Голицын, Рибопьер и Кошелев, который говорит, что без розог нельзя обеспечить отбывания крестьянских повинностей.

29 ноября. Заходил утром к гр. Путятину по случаю нелепостей, сказанных председателем комитета, назначенного для составления новых цензурных правил, действ, ст. сов. Берте, который полагает, что в этом деле можно ограничиться старыми приемами. У Путятина сидел Панин. Они оба сидели над студентским делом, которое завтра должно докладываться в Совете министров. Я не вошел и отправился к Толстому (графу Д. А.) в Департамент народного просвещения. Обедал у вел. кн. Елены Павловны с вел. кн. Марьею Николаевной, кн. Вяземским и Тютчевым. Вечером был у гр. Блудовой.

30 ноября. Совет министров по университетскому делу. Решено сообразно с заключением министра юстиции выслать в отдаленные города несколько посторонних лиц, замешанных в это дело, и несколько студентов, признаваемых главными руководителями движения; исключить из Университета IV-й курс с высылкою на родину под полицейский надзор; остальным предоставить поступить в Университет,

буде пожелают на известном основании, т. е. с принятием матрикул. Для этого результата с лишком 300 чел. сидели в крепостном аресте более 2-х месяцев. Между тем беспорядки в Университете возобновляются. Сегодня была сходка. Попечителю наговорили дерзостей. Явились новые прокламации или объявления на стенах. Суб-инспектора прибили и пр., и пр. Придется возвратиться к тому, что предлагал 25 сентября.

1 декабря. Утром доклад. Государь был, видимо, озабочен. Потом заседание Департаментов Царства Польского и законов в Государственном совете при участии Велопольского. Перед обедом был у меня гр. Панин и говорил без умолка ¾ часа весьма бессвязные речи. Вечером были Гагамейстер и братья Шуваловы.

2 декабря. В 12 час. у государя с кн. Долгоруковым, гр. Строгановым, кн. Горчаковым, гр. Путятиным, Мейендорфом, Милютиным, кн. Суворовым и вел. кн. Михаилом Николаевичем для совещания по университетскому делу. Решено закрыть С.-Петербургский университет на тех основаниях, которые мною были предложены еще 25 сентября. Потом в Комитете финансов.

Обедал с женою у лорда Нэпира. Grand dîner in fiocchi[211], После обеда совещание у меня по университетскому делу. Гр. Строганов, кн. Долгоруков, Мейендорф, Путятин. Потом доклад Земского отдела до 1 часа пополуночи.

3 декабря. У обедни. Были у меня гр. Толстой (Министерство народного просвещения) для редакции объявления о закрытии Университета, Эттинген и ген. Чевкин для объяснений по делам Главного комитета. Толстой ненавидит Головнина и рассказывает про него и про Оболенского черные были. Путятин решительно выходит. Кн. Долгоруков еще вчера говорил мне об этом. Не знают, кем его заменить.

---

[211] Званый обед в парадных костюмах.

Называют опять Головкина и бар. Николаи. После обеда за работой до 11 час. вечера. Наконец у Гернгроса до 12-ти.

4 декабря. В Государственном совете. Сибирский комитет[30]. Визиты. Работа.

5 декабря. В Министерстве. Вечером работа.

6 декабря. Утром на малом выходе во дворце. Вечером там же. Полудетский танцевальный вечер. Большею частью в числе собеседников императрицы с Мейендорфом и Мальцовою. Ничего особенно замечательного. Государь говорил о выходе Путятина, назначении на его место Головнина, а самого Путятина на место гр. Толстого, об.-прокурора Святейшего синода.

7 декабря. Совет министров. Опять разные безрезультатные толки об университетском деле. Кн. Горчаков и гр. Панин, движимые чувствами отеческой любви, не желают распущения Университета, а только временного его закрытия. Государь был жесток с Паниным и объявил, что он настаивает на том, чтобы Университет был при наступлении вакаций распущен, т. е. закрыт окончательно, впредь до преобразования. Гр. Путятин на сей раз был того же мнения. Выходя, гр. Блудов сказал мне: «Вы все много толковали о различии двух слов: закрытие и распущение. Вы забыли третье слово: упразднение, т. е. упразднение Министерства народного просвещения».

Из дворца поехал к Бажанову, а оттуда к митрополиту, приглашать их на мои воскресные вечера. Подписал сего доклад о mariages mixtes[212] и других вопросах, касающихся отношений иноверных церквей к православной.

8 декабря. Доклад у государя. Заезжал к вел. кн. Константину Николаевичу, который приехал сегодня утром. Не застал его. Вечером за работой. Потом совещание с

[212] Смешанных браках.

редакторами будущего журнала [101]. Никитенко чрезвычайно плох.

9 декабря. Утром у вел. кн. Константина Николаевича. Разговор общий о современных делах и особый, с моей стороны, доклад по делу о преобразованиях по духовной части. Вел. князь говорил, что нам надлежит дружно поддерживать государя, что нас немного, он, Милютин да я, что на других рассчитывать нельзя и т. п. Потом был у меня Чевкин часа два по делам финансовым, крепко убеждая меня не говорить о crédits supplémentaires[213], потому что ими будут злоупотреблять, и о возможности новых ассигнационных выпусков, потому что ими будут злоупотреблять еще более. После Чевкина был Панин. Он явно считает себя обиженным. Говорил о государе, как прежде никогда об нем не отзывался. При этом случае признался мне, что он рекомендовал меня государю на настоящую мою должность. Говорил много о дворянских выборах, но никакого положительного и ясного плана не обнаружил. Вечером был у кн. Кочубей. Le plus beau bal que j'ai vu de longtemps[214]. Государь, который был на бале, сказал мне, что с большим любопытством прочитал записку об отношениях иноверных церквей к православной [102] и разделяет мое мнение, но что он хочет посоветоваться и с духовными лицами. То же самое видно и из его резолюций на записке, которую он мне сегодня возвратил.

10 декабря. Утром у обедни. Был у Муравьева. Прием холодный, провожанье теплое. Вечером мой первый «raout». Raout manqué[215], потому что музыкальный вечер у и. и. величеств и бал у гр. Кушелевой у меня отняли многих посетителей. Протоиерей Рождественский был один из приглашенных мною духовных.

---

[213] Дополнительных кредитах.

[214] Самый красивый бал, который я когда-либо видел.

[215] Неудавшийся раут.

11 декабря. Утром Государственный совет. Гр. Панин сказал мастерскую речь по уголовному делу о крестьянине, обвиняемом в изнасиловании. Потом соединенное присутствие Департамента экономии и Главного комитета. Потом заседание Главного комитета. Приглашен к обеду у государя, но не мог быть, потому что приглашение дошло ко мне слишком поздно. Вечером за работой. Жена представлялась вел. кн. Елене Павловне. Она была с нею чрезвычайно любезна, равно как и вел. кн. Ольга Федоровна, у которой она была 7-го числа.

12 декабря. Утром у вел. кн. Константина Николаевича. Он не вполне согласен на направление дела о нашем духовенстве предположенным мною путем. Он сомневается в своевременности дела и в удобстве оглашения его таким громким способом.

Был в Комитете министров. Обедал у вел. кн. Елены Павловны. Вечером за работой.

13 декабря. Утром в Комитете финансов. Обедал у гр. Нессельроде. Вечером на бале у гр. Панина.

14 декабря. На нынешний день назначена была разными лицами панихида в Казанском соборе по 5-ти декабристам, коих имена и медальоны украшают заглавный лист «Полярной звезды». Об этом получено сведение кн. Долгоруковым и кн. Суворовым. Последний говорит, что он успел убедить профессоров Сухомлинова и Костомарова, и студента Гена в «несвоевременности» этой демонстрации, что они всю ночь провели в разъездах по своим «знакомым», и что вследствие их увещаний демонстрация не состоялась. Сегодня же утром исполнен на Сытном рынке приговор над Михайловым. Ночью он вывезен из Петербурга.

Совет министров. Читая обзор действий Министерства государственных имуществ, хотя в нем указаны были немаловажные результаты, государь не сказал М. Н. Муравьеву ни одного любезного слова, а Бутков не без свойственного ему

нахальства тотчас заявил желание завладеть бумагой, ясно обнаруживая намерение впоследствии поверить ее содержание. По Министерству внутренних дел обсуживался вопрос о сообщении или несообщении чрезвычайному собранию с.-петербургского дворянства (в январе) вопросов, передаваемых нами по высочайшему повелению на обсуждение губернских очередных собраний. Решили не сообщать. При сем даже постановили ограничить срок съезда и ген. Чевкин выразил опасение, что собрание будет склонно к тому, чтобы остаться en permanence[216].

15 декабря. Утром доклад. Вопрос о духовенстве отложен по моей просьбе до января. Лучше дать притупиться первому признаку противодействия. Кроме того, мне теперь некогда.

Был в общественном присутствии Департамента экономии и законов. Государственный совет по делу о преобразовании городского управления в С.-Петербурге и Москве. Обедал у вел. кн. Константина Николаевича. Вечером за работой.

16 декабря. Утром в Министерстве. Потом в Комитете финансов. 4 часа работы, а дела на ½ часа. Вечером за работой дома.

17 декабря. Утром у обедни. Обедали на полуофициальном обеде, данном здешними остзейцами кн. Суворову. И трогательно, и смешно, и похвально, и жалко. Старик гр. Пален (П. П.), старик гр. Нессельроде были на обеде. Кн. Суворов плакал, как женщина или ребенок. Мейендорф (casse noisette[217]) сказал речь, начинавшуюся в тоне пастора и кончавшуюся в тоне студента-бурша: Dank dir, lieber Bruder[218] и пр. гр. Нессельроде провозгласил тост в честь государя по-немецки. Обед и помещение по части исполнительной довольно плохи.

---

[216] Постоянно.

[217] Щелкунчик.

[218] Спасибо тебе, дорогой брат.

Вечером мой второй «raout». Лучше прежнего. Были представители всех духовенств, от каждого по два[31].

18 декабря. В Государственном совете. После Совета заседание соединенного присутствия Департамента экономии и Главного комитета. Оба самые беспутные и беспорядочные. Почти все члены говорили, в особенности в соединенном присутствии, столь странные речи, что я молчал, желая избегнуть без прямой к тому необходимости резких опровержений в отношении к Панину, Муравьеву, Бахтину, Анненкову, Блудову и кн. Гагарину. Вел. кн. Константин Николаевич также вышел из границ приличия, сказав кн. Гагарину, что особое мнение, им предвещенное, надлежит изложить в выражениях более приличных или менее неприличных, чем поданная им записка по вопросу о переводе части банкового долга на крестьянские земли [103]. Одним словом, если так должны идти дела, то им идти вперед невозможно.

19 декабря. Утром в Министерстве. Вечером за работой.

20 декабря. Утром у государя с кн. Горчаковым, кн. Долгоруковым, гр. Паниным, ген.-ад. Милютиным, гр. Блудовым и Тымовским по польским делам. Обсуживалось дело ксендза Белобржеского, по которому доклад был представлен Паниным и Милютиным. Кроме того, государь предложил вопрос о принятии предложений, представленных ген. Лидерсом за счет открытия училищ в Царстве. Кн. Горчаков изъявил желание, чтобы по сему вопросу был спрошен Велопольский. После некоторых прений государь согласился, возложив объяснение с Велопольским на кн. Горчакова, Тымовского и меня. Потом был в Комитете финансов. Обедал у Карамзиных. Вечером у Горчакова с Велопольским и Тымовским. Пришлось мне вести дело, почему кн. Горчаков и просил меня принять на себя личный доклад государю о результатах совещания. Все было une quesl tion de courtoisie à l'égard de

Wielopolski[219]. Начальства в Царстве против него маневрируют, государь против него предубежден. Кн. Горчаков и я полагаем, что при явной неспособности наших деятелей в Царстве лучше избегать окончательного разрыва с Велопольским.

21 декабря. Совет министров. Перед заседанием докладывал государю при Горчакове о результатах вчерашнего совещания. В Совете государь возбудил вопрос о Политико-экономическом комитете Географического общества. Поводом к тому был доклад Муравьева дня три тому назад о приглашении в Комитет директоров его Министерства для участия в суждениях о государственных имуществах. Муравьев имел в виду преимущественно сделать неприятность вел. кн. Константину Николаевичу как президенту или покровителю Географического общества. Муравьев, Панин и Чевкин хотели закрыть Комитет. Кн. Горчаков и бар. Корф желали более кротких мер. Я счел себя обязанным заявить, что я принадлежал к числу учредителей Комитета, и объяснить постепенное расширение круга его занятий. Государь ограничился весьма кратко постановлением правила, что во всех вообще обществах учреждение подобных комитетов должно быть допускаемо не иначе, как сообразно с уставом Общества, по предварительном обсуждении дела в Совете и по представлении на правительственное утверждение программы занятий Комитета. Был потом у Панина, чтобы избавиться от его посещения. Вечером за работой. Из Тулы получено сведение частным путем о составлении на губернском дворянском съезде всеподданнейших адресов с выражением весьма неуместных требований [104].

22 декабря. Утром доклад. Государь поручил мне предложить харьковскому губератору ген.-м. Ахматову должность

[219] Вопросом вежливости в отношении Велопольского.

об.-прокурора Святейшего синода. Государь вообще любезен ко мне. На сей раз я выпросил производства Соловьева в действ, ст. советники. Был потом у императрицы, которая принимает теплое участие в кн. Вяземском, снова заболевшем прежнею болезнью. Был в заседании соединенного присутствия Департаментов законов и экономии по делу о преобразовании городского управления в Москве [105]. Вечером за работой. Были у меня Тернер и Безобразов по делу о Политико-экономическом комитете Географического общества и типографщик Дабблен по рекомендации Тышкевича. Замечательная личность, но личность красная.

23 декабря. Утром Комитет финансов. Reulern est décidément un homme obtus. Sa bouche a une expression d'obésité intellectuelle remarquable[220] Обедал в Английском клубе. Длинный, недипломатический разговор с французским поверенным в делах Польши о польских и французских делах. Он откровенно признавался qu'ils ouvraient la guerre d'ici à un an[221], я довольно откровенно говорил, что думаю о Польше. Вечером за работой.

24 декабря. Утром у обедни. Вечером елка, по обыкновению.

25 декабря. У обедни. В первый раз выслушал молебствие на память 1812 года. Не знаю, кто избирал для него тексты апостола и евангелия. Я бы не выбрал ни того, ни другого.

Сегодня Головнин назначен управляющим Министерством народного просвещения.

Был у Вяземских. Впрочем, целый день дома.

26 декабря. Утром у Вяземских, которые уехали сегодня за границу. Потом в Комитете финансов. Вечером в Зимнем дворце, на полудетском бале. Длинный разговор с вел. кн.

---

[220] Рейтерн решительно тупой человек. Его рот имеет удивительное выражение интеллектуального ожирения.

[221] Что они начнут через год войну.

Марией Николаевной по предмету нынешнего положения дел вообще и положения дел церкви в особенности. Продолжительный разговор и с императрицею, которая продолжает называть себя моим «confesseur»[222]. Она сожалеет о предложении места синодального об.-прокурора Ахматову. От него разговор перешел к делам церковным. Ее величество выразила опасение, что по этому предмету между ею и мною будет un «sujet de divergence»[223]. Я возразил, что сам это предусматриваю, и прибавил: «il y a longtemps que je le pense et je me permets d'espérer que votre majesté ne voudra pas me condamner sans m'entendre. Mais j'ai l'audace, madame, d'aller beaucoup plus loin dans ma pensée, et comme vous m'avez fait un devoir être vrai je me hasarderai à la dire sans réserve. Quand vous me permettrez de traiter le sujet de divergence, j'espère avoir le bonheur de vous convertir, mais je suis certain qu'il est impossible que votre majesté me convertisse». — «Ce que vous dites là est bien fort, et c'est à votre «confesseur» que vous le dites». — Je prie votre majesté de vouloir bien me mettre à l'épreuve»[224].

27 декабря. Совет министров. Читали мой очерк положения дел Министерства и записку о «mariages mixtes»[225]. Чевкин, Муравьев и в особенности Блудов с жаром восставали против всякой перемены в законодательстве относительно

---

[222] Духовник.

[223] Тема для разногласий.

[224] «Я давно об этом думаю и позволю себе надеяться, что ваше величество не захочет меня осудить, не выслушав. Но я имею смелость, государыня, пойти много дальше в моих мыслях и, так как вы обязали меня быть правдивым, я осмелюсь изложить вам свою мысль без утайки, когда вы мне позволите высказаться, по теме, вызывающей разногласия. Я надеюсь иметь счастье обратить вас в другую веру, но я уверен, что невозможно вашему величеству сделать то же со мной. — То, что вы говорите здесь, очень сильно, и вы это говорите вашему «духовнику» — «Я прошу ваше величество соблаговолить подвергнуть меня испытанию».

[225] Смешанных браках.

иностранных исповеданий. Даже Прянишников прервал по сему предмету свое обычное молчание. Анненков тоже присоединился к противникам перемен по этому предмету. Защищали противное мнение кн. Горчаков, кн. Долгоруков, гр. Панин и я. Я защищал его, как всегда, не с точки зрения веротерпимости, а с точки зрения внутренней силы, свободы и достоинства православной церкви. Вел. князья, по-видимому, сочувствовали мне, ибо после заседания лестно отзывались о сказанном мною. Равным образом сочувствовали, но молчали гр. Адлерберг, пр. Ольденбургский и Княжевич. Государь колебался. Однако дело в сущности выиграно, ибо насчет «mariages mixtes»[226] разрешение только отсрочено, а в отношении к устранению стеснений при возведении иноверных храмов повелено ныне же дать делу установленный ход.

28 декабря. Доклад государю. Обедал у вел. кн. Константина Николаевича с Головниным. Мое положение становится более и более затруднительным. Не принадлежа ни к какой партии, меня почти все партии считают полусвоим. Трудно избегнуть при этом ненавистной мне двуличности, а между тем еще нельзя быть явным особняком, потому что высочайшая воля колеблется, и, следовательно, я рисковал бы испортить дело попыткою торопливо прекратить ее колебания. Вечером в французском театре (по указанию императрицы). «Nos intimes»[227]. Игра госпожи Arnault превосходная.

29 декабря. Утром в Государственном совете. Экстренное заседание для пропуска постановлений финансового комитета о возвышении нескольких статей доходов. Вечером на маскараде в Академии[228], где вел. кн. Мария Николаевна сама познакомила меня с нашими замечательнейшими художниками. 20-градусный холод помешал мне там пробыть долго.

[226] Смешанных браков.

[227] Наши близкие друзья.

[228] *После* Академии *написано:* Художеств. *(Т. 1, л. 101 об.).*

Хороши были живые картины, постановленные профессором Бруни, особливо Ave Maria с хором, так что впечатления картины и музыки соединялись.

30 декабря. Утром Комитет финансов. Заезжал к Головнину. Вечером он был у меня для сообщения своих вчинаний или начинаний. Intelligent, insinuant, méthodique, froid, égoïste, peu agréable[229].

31 декабря. Утром в Казанском соборе. Целый день дома за работой. Истекает 1861 год. Наступает новый с опущенною над ним непроницаемою завесой. Благословиши венец лета, благости твоея, господи![32]

[229] Умен, вкрадчив, методичен, холоден, эгоистичен, мало приятен.

1862 год

1 января. Утром в Зимнем дворце. Новостей мало, кроме давно заранее известных. Гр. Блудов председатель в Государственном совете и Комитете министров. Кн. Гагарин председатель Департамента законов, Брок — экономии. Зеленый — на место Муравьева. Много лент и т. п., особенно по Морскому ведомству. При baise-main[230] для членов Совета императрица мне сказала: rappelez-vous que cette année a un printemps[231] [32a]. Из дворца заезжал в другие дворцы, потом к М. Н. Муравьеву, который весьма огорчен тем, что при увольнении получил только рескрипт без Андреевской ленты. Целый день дома за работой. Мороз, сегодня утром спустившийся до 16°, опять поднялся свыше 20° Так уже несколько дней сряду.

2 января. Утром в Комитете министров. Потом дома. Вечером были у меня Григорий Федорович Соловово, разные другие лица и Потапов. Fouine revenante[232].

3 января. Головнин присылал мне непропущенную статью Щапова [106] poroli аксаковскнм, пахнущую за версту пугачевщиной, и спрашивал моего мнения. Это было третьего дня. С какою целью? Я свое мнение высказал. Вчера он меня благодарил. Так ли? Утром дома. Много дела. Обедал у Карамзиных. Затем опять за работу.

4 января. Утром за мною присылал вел. кн. Константин Николаевич по делу о Политико-экономическом комитете. Я передал ему при этом случае сведения о моем участии в деле государственных имуществ и о дальнейшем к нему отношении. Потом Совет министров. По делам о

[230] Обряде целования руки.

[231] Не забудьте, что этот год имеет весну.

[232] Симпатичный плут.

Политико-экономическом комитете и о тульским адресе приняты мои заключения. Решен вопрос о публикации бюджета. Обедал у Веневитинова с Велопольским. Вечером дома[33].

5 января. Доклад государю. Потом целый день и вечер за работой.

6 января. За работой. Были разные лица по делам, в том числе сенатор Капгер, коего визиты нескончаемы, и Никитенко, который тупее полена.

7 января. У обедни. Несколько визитов. Вечером бал во дворце. Ничего особого.

8 января. Заседания Государственного совета, соединенного присутствия двух департаментов и Главного комитета, наконец, сего последнего. Шесть часов сряду. Вечером за работой. Гернгрос произведен в тайные советники и назначен товарищем министра государственных имуществ. Легко далась ему лестница. Желаю, чтобы он на верхних ступенях был не так легок на руку, как на низших.

9 января. Комитет министров. Обедал у вел. кн. Елены Павловны с вел. кн. Константином Николаевичем, Милютиным, Игнатьевым и Оболенским. Длинный разговор о «Дне» [107], об Аксакове, о петровской и допетровской Руси, о настоящем призвании русского дворянства и т. п. Перед обедом заезжал к гр. Строганову, чтобы узнать его мнение о роли дворянства в настоящее время. В Москве начались выборы. Здесь приготовляются к чрезвычайному съезду дворянства на 16-е число. Предварительные совещания ведутся крайне бестолково. Одна партия знать не хочет Положение 19-го февраля. Другая, будто умеренно консервативная, сама не знает, чего хочет. Вечером на бале у Родоконаки.

10 января. Утром был у Зеленого и в Министерстве государственных имуществ. Внешняя обстановка та же. Воздух другой. Вечером за работой.

11 января. Совет министров, перед тем особое совещание у государя по делам прессы и о лекциях Костомарова [108] с кн. Долгоруковым, Головниным, Чевкиным и кн. Суворовым. Решено поместить в официальном отделе «Северной почты» несколько слов по случаю статей Аксакова в его газете «День» [109]. Первый опыт. Вслед за тем полагаю дать Premier Pétersbourg в неофициальной части. Вечером на бале у гр. Апраксиной.

12 января. Всеподданнейший доклад. Перед обедом продолжительный разговор с новым варшавским архиепископом Фелинским. Дал о нем тотчас письменный отчет государю. Из Варшавы приехал Платонов. Опасаюсь его самоуверенной посредственности. Вечером бал у принца Ольденбургского. При возвращении нашел два телеграмма из Москвы от Тучкова и Воейкова. Какое-то предложение Безобразова принято простым большинством [110]. Прокурор дал мнение, что нужно большинство $2/3$. Отвечал в этом смысле, но в осторожной форме по неясности редакции депеш ген.-губернатора и губернского предводителя.

13 января. Утром в Министерстве. Обедал дома. Целый день за работой. Был утром у государя по польским делам с Платоновым, кн. Долгоруковым и кн. Горчаковым. Потом государь принимал архиепископа варшавского. Аудиенция продолжалась 1 ¼ часа. Был у вел. кн. Константина Николаевича с Чевкиным и в продолжение 3-х часов отстаивал свое мнение по вопросу о распространении обязательного выкупа на барщинные имения.

14 января. Утром в Мальтийской церкви. Посвящение архиепископа Фелинского. Обедал дома. Вечером большой бал в Зимнем дворце.

15 января. Утром Государственный совет и три других заседания по крестьянскому делу. Обед официальный с тостами у митрополита Жилинского в честь архиепископа Фелинского.

Заезжал вечером к гр. Панину. Работал до 5-го часа утра над статьею о дворянских выборах и крестьянском деле для «Северной почты» [111] и над циркуляром губернским предводителям [112].

16 января. Утром у государя с кн. Долгоруковым и гр. Паниным для совещания по вопросу о дворянских выборах. Читал мои проекты циркуляра и статьи. Оба одобрены, и государь меня за них благодарил. Обедал у вел. кн. Константина Николаевича. Вечером у гр. Сумарокова на музыкальном вечере и затем у гр. Туна на бале.

17 января. Утром в Комитете финансов. Дипломатический обед у кн. Горчакова. Вечером у лорда Нэпира. Госпожа Ристори декламировала.

18 января. Утром у государя. Совет министров. Кн. Горчаков читал записку о польских делах. Обедал у гр. Борха с архиепископом Фелинским и прочими римскими католиками. Оттуда в театр, где давали новый балет[233]. Невыразимо скучно.

19 января. Утром у государя. Совещание с кн. Долгоруковым и гр. Паниным по вопросу о выборах. Потом всеподданнейший доклад. Наконец, обедал дома и вечер провел дома[34].

20 января. Утром ходил пешком в первый раз в 2 месяца. Получил от Головнина записку, которую он намерен внести в Совет министров и которая направлена к отмене косвенным путем высочайшего повеления о закрытии Университета. Высказал ему мое о том мнение.

21 января. Утром у обедни. Ходил пешком. Работал. Вечером у нас 3-й воскресный раут. На днях был у меня здешний губернский предводитель гр. Шувалов с объяснением по поводу моего циркуляра от 16-го[234]. Он с разными предосто-

---

[233] *После* новый балет *в скобках написано:* «Дочь Фараона». *(Т. I, л. 107 об.).*

[234] *После* 16-го *в скобках написано:* Изданного по настоянию гр. Панина. *(Т. I, л. 107 об.).*

рожностями сообщил мне, что находит себя вынужденным для ограждения достоинства дворянства и охранения спокойного хода совещаний на нынешнем губернском съезде отвечать на мой циркуляр в полемическом тоне. Mais vous serez parfaitement dans votre rôle comme je l'ai été dans le mien. J'ai voulu seulement vous prévenir. — Avez-vous votre projet de réponse? Le voici. — Comment, pas plus fort que cela? — Mais c'est bien assez, je le suppose. — Comme vous le voudrez; mais pour ma part je vous prouverai que le cas était prévu et que je n'y vois nulle difficulté. — Permettez-moi de vous envoyer ma réplique, et une réplique à l'eau de rose, avant même d'avoir reçu votre lettre. Vous mettrez ensuite à la mienne, s'il y a lieu, la date qui vous conviendra[235]. Так я и сделал в тот же самый вечер[35].

22 января. Утром в Государственном совете. Потом заседание Главного комитета. Рейтерн назначен управляющим Министерством финансов. Струна Княжевича, давно перетертая и перетянутая, лопнула на вопросе о замещении должностей по акцизному управлению. Грот, директор Департамента податей я сборов, заупрямился, подал просьбу об увольнении. Вместо того сам Княжевич решился просить увольнения и уволен. Сомневаюсь насчет способностей Рейтерна. Впрочем, теперь другого кандидата не было. Жаль только, что теперь три министра, Головнин, Рейтерн и Краббе, зависят от Мраморного дворца [112[a]]. Вечером работал. Потом на бале у Танеева. Потом опять за работой.

---

[235] Но вы будете как раз в вашей роли, как я был в своей. Я хотел только вас предупредить. — Есть ли у вас проект ответа? — Вот он. — Как, не сильнее, чем это? — Но этого достаточно, я полагаю. — Как хотите, но что касается меня, я вам докажу, что случай был предусмотрен, и я не вижу в нем никаких трудностей. Разрешите мне вам послать мое возражение в самых невинных тонах, прежде чем я получу ваше письмо. Вы поставите затем на мое письмо, если надо будет, дату, которая вам наиболее подойдет.

23 января. Утром в Министерстве. Потом в Комитете министров. Заезжал к леди Нэпир. Обедал у гр. Нессельроде. Вечером за работой.

24 января. Утром дома. Работал. Вечером тоже. Был у меня Самарин.

25 января. Утром Совет министров. Между прочим, читана первая часть предположения Милютина по преобразованиям в Военном министерстве [113]. Государь сказал, что как начальник и хозяин армии, он это дело предлагает не на обсуждение, а к сведению. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером дома. Гр. Ланской умирает от bronchite aiguë[236], старик гр. Нессельроде также болен.

26 января. Всеподданнейший доклад. Сегодня прощался бывший и вступал в первоначальное отправление должности новый министр финансов.

27 января. Вчера вечером бал у вел. кн. Николая Николаевича. В первый раз видел его новый дворец [114]. Лучшая часть — лестница, впрочем, хорошо удались и большая зала, и кабинет вел. княгини. Сегодня утром дома за работой. Вечером заседание Комиссии по преобразованию губернских учреждений [115]. Потом на бале у кн. Юсуповой. Недолго.

28 января. Утром у обедни. Работал. Вечером на свадьбе дочери моего духовника, священника Фортунатова, потом на бале в Зимнем дворце[36].

29 января. Государственный совет. Дело об общественном устройстве С.-Петербурга и Москвы. Вопрос о гласных и выборных. Бахтин напрягал все свои силы, чтобы разбить мои предположения. Верх остался за мною, и я сам чувствовал, что мои опровержения были хороши. Возвращаясь домой, я нашел, что между тем чуть-чуть мы не выгорели. В спальне жены произошел, благодаря небрежности домочадцев, внут-

[236] Острого бронхита.

ренний пожар. Виделся потом с Толстым qui m'a fait des commérages sur Samarine[237]. По расчету гг. Самарина и К° я останусь министром 6 месяцев. По моему собственному расчету, вероятно, гораздо менее.

30 января. Утром на похоронах гр. Ланского. Обедал у адмиральши Грейг. Вечером за работой. В С.-Петербургском дворянском собрании на днях предложение Платонова о допущении участия сословий в государственном управлении, сиречь о конституционном начале [116], отсрочено до будущих выборов, т. е. до марта 1863 г.

31 января. Утром работал дома. Вечером заседание Комитета о преобразовании губернского управления. Сегодня в С.-Петербургском дворянском собрании предложение Безобразова о созыве государственного дворянского собрания и т. п., принятое в Москве большинством 197 против 164 голосов, отклонено здесь 148-ю голосами против 67-ми.

1 февраля. Совет министров. Дела о московских студентах и записка о предположениях военного министра. Вечером заезжал к Головнину для объяснений, согласно с его желанием по цензурному делу. Слышал от него, что скверная виньетка «Гудка», заключающая в себе разные мерзости насчет государя, императрицы и вел. кн. Марии Николаевны, цензурована два раза Бутковым, им собственноручно исправлена и, наконец, одобрена [116[а]]. Слышал также (в дополнение к сказанному уже мне по сему предмету кн. Долгоруковым), что кн. Орлов сообщил из Брюсселя о желании Герцена выхлопотать для своего сына разрешение возвратиться в Россию и вступить во владение инвестированным имением его отца. Головнин доложил о сем государю и при этом случае говорил о прежних сношениях Морского министерства (конечно, косвенных) с Герценом в видах предупреждения его толков о делах Министерства. Кн. Долгоруков сильно восстает против

---

[237] Который мне рассказал сплетни о Самарине.

этого метода и довольно наивно предлагает вместо того писать брошюры вроде «Lettre à M. Herzen par Schédo-Ferroti»[238] [117] для противодействия «Колоколу». Решили по совещании с кн. Горчаковым отвечать указанием на закон, который дозволяет детям лиц, утративших права состояния, просить о возвращении как этих прав, так и имения родителей. Проект письма кн. Орлову в этом смысле поручено написать Головнину.

2 февраля. Всеподданнейший доклад. В разговоре я легко коснулся городских толков о предстоящем будто бы мне вследствие назначения двух министров из кандидатов Мраморного дворца [118] в мою очередь замещении кандидатом из того же лагеря и намекнул на другие в моем настоящем положении сопряженные затруднения, упоминая, между прочим, и о влиянии, производимом неблагоприятными для меня в некоторых случаях результатами разногласий в Государственном совете. Государь призадумался, потом сказал, что на пустые толки я должен «плевать», что мне, должно быть, известно, что я пользуюсь его доверием и что касательно разногласий он всегда старается тщательно сообразить дело и утвердить то мнение, которое ему кажется наиболее правильным, причем, конечно, может случиться, что он моего мнения не разделяет. Ввиду того, что здесь говорится и делается и при моем радикальном неумении и нежелании себя защищать или поддерживать окольными путями и частными средствами, это заявление с моей стороны было не лишним.

Вечером на бале у вел. кн. Михаила Николаевича. Его дворец в другом стиле [119], но не менее хорош, чем дворец вел. кн. Николая Николаевича. Из Варшавы получено известие об открытии главных церквей Соборной и Бернардинской. Сегодня должны были открыть и остальные.

---

[238] «Письмо г-ну Герцену от Шедо-Ферроти».

3 февраля. Утром в Министерстве. Во все эти дни видел множество разного рода лиц, в том числе губернаторов Черткова и гр. Левашова. Эти «молодые и светские» губернаторы хороши, но щекотливы, неопытны и самодовольны. Вообще, кого ни видишь, со всяким и во всем затруднения. Между тем дело растет не по дням, а по часам. Сегодня получил извещение от гр. Блудова о назначении меня еще в новый комитет по вопросу о прошениях римско-католических епископов Царства Польского. Из Москвы получил, наконец, всеподданнейший адрес тамошнего дворянства [120]. Обедал у Грейга с Головниным, Рейтерном, Оболенским, Набоковым, Краббе и вел. кн. ген.-адмиралом. Вечером дома за работой.

4 февраля. Утром дома за работой. Множество посетителей по делам. Вечером бал в Эрмитаже.

5 февраля. Утром у государя по делу о московском адресе. Потом Государственный совет. Заседание Главного комитета и заседание соединенного департамента по остзейским делам. Вечером за работой.

6 февраля. Утром дома до 2 часов. Потом у гр. Блудова с кн. Горчаковым, Паниным и Платоновым для совещания по высочайшему повелению по делу о разных ходатайствах римско-католических епископов Царства Польского. Вечером дома.

7 февраля. Утром у бар. Мейендорфа. Первое заседание Комитета по делу об учебной части в Царстве Польском. Заседание кончилось ничем. Велопольский поднял вопрос о компетенции Комитета и утверждал, что после рассмотрения представленного им закона в Государственном совете Царства Комитет может рассматривать оный только с точки зрения общих интересов империи и в общих чертах. Я тщетно старался устранить этот щекотливый вопрос ввиду состоявшегося безусловно высочайшего соизволения на учреждение

Комитета. Панин, Тымовский и Платонов прямо противоречили Велопольскому. Разошлись, определив представить отдельные мнения[37]. Вечером на бале у кн. Кочубей на ½ часа. Потом за работой.

8 февраля. Совет министров. Был потом у Мейендорфа, чтобы передать ему мое мнение по вчерашнему делу, но его не застал. Вечером бал у comtesse de Chauveau, marquise de (быв. кн. Юсуповой), на ½ часа. Потом за работой до 3 ½ утра.

9 февраля. Утром доклад. Ввиду современных затруднений по делам дворянских собраний и общего раздражения умов, с одной стороны, и разноречивых толков между членами правительственного синклита, с другой, я предложил государю поручить нескольким министрам по их предметам ведомства, наиболее прикосновенным к делу, собраться и обсудить вопрос о тех мерах, которые надлежит принимать, и той системе, которой следует держаться правительству. «Цель моя, — говорил я, — заключается в том, чтобы в Совете Вашем не возникали внезапно разноречивые мнения по предметам совещания, заранее известным членам Совета, и чтобы по выходе из Вашего кабинета эти члены говорили одним, а не десятью разными языками». Государь согласился. Я предлагал кн. Долгорукова, кн. Горчакова, гр. Панина, Чевкина, Милютина, Головнина и (по предварительному соглашению с кн. Долгоруковым) вел. кн. Константина Николаевича. Государь последнего исключил. Таким образом, старшим вышел Панин. Государь поручил мне сказать о том Панину и Долгорукову. Последнего я не застал, первого видел. Он не очень был доволен переданным мною поручением и, по-видимому, намерен оттянуть дело. Кроме того, видя, что я решительно не поддаюсь на его лад и не сочувствую его системе мелочных административных взысканий[239], он старается меня испугать.

---

[239] *После* взысканий *в скобках написано:* по сословным делам. *(Т. I, л. 113).*

Vous marchez sur l’arête d’un toit. On pourra dire à l’empereur que vous jouez double jeu, etc[240]. Напрасный труд. Во-первых, я знаю ce que je dirai moi-même le cas échéant[241]. Во-вторых, я потому именно и стараюсь вывести начисто весь разлад между членами Министерства, что не хочу jouer double jeu[242] [38]. Вечером дома.

10 февраля. Утром в Министерстве. У меня были Ахматов и гр. Бобринский, тульский губернский предводитель. Последний est fortement toqué[243]. Вечером дома. Тверской адрес, полученный на днях, еще хуже московского [121].

11 февраля. Утром у обедни. Обедал в Эрмитаже на déjeuner-dîner dansant[244]. Вел. кн. Елена Павловна, бывшая там, по очереди беседовала со всеми министрами. Императрица следила за этим, а мне предсказывала, что вскоре дело дойдет до меня. Так и случилось. Тогда императрица села наискосок против меня и забавлялась старанием de me faire perdre contenance[245] по ее выражению. Вел. княгиня при всем своем уме не видит того, как на нее смотрят. Вечером у меня хромой раут. Из бывших в Эрмитаже почти никто не приехал.

12 февраля. Утром в Государственном совете. Тяжелые для меня лично вести из Риги [121а].

Из Твери получено известие, что вследствие постановленного на последнем чрезвычайном съезде дворянства заключения о несостоятельности Положений 19-го февраля и неумении правительства справиться с делом, оба члена гу-

---

[240] Вы ходите по краю крыши. Можно сказать императору, что вы играете двойную игру и т. д.

[241] Что я скажу сам в случае необходимости.

[242] Не хочу играть двойную игру.

[243] С большими странностями.

[244] Приеме с танцами.

[245] Вывести меня из равновесия.

бернского присутствия по назначению от правительства (Бакунин и Толстой) подали в отставку, и 13 лиц, в том числе 2 уездных предводителя Алексей Бакунин и Балкашин, члены от правительства Николай Бакунин и несколько посредников и кандидатов формально заявили губернскому присутствию и разослали в уезды объявления, что они впредь признают Положение «враждебным обществу» (?) и будут руководствоваться в своих действиях только убеждениями общества впредь до созыва общего земского собрания, о котором просило дворянство. Государь поручил мне представить вместе с гр. Паниным соображения о мерах к направлению дела судебным порядком. Был вечером у Панина, где видел и кн. Долгорукова. Вечером написал докладную записку с согласия Панина, предлагая командировать в Тверь ген.-адъютанта с особым полномочием, потому что Бакунин и другие, решившись на сделанный ими шаг, вероятно, приготовились и к последствиям оного. Могут возникнуть беспорядки. Все мировые посредники могут разом выйти в отставку и т. п., а губернатор доказал, что он не в состоянии справиться с губернией. Затем арестовать главных зачинщиков, доставить их в с.-петербургскую крепость и предать суду Сената.

13 февраля. Утром у государя с Паниным и Долгоруковым. В Тверь едет, по собственному назначению государя, ген.-ад. Анненков. Мы (Долгоруков и я) предлагали кн. Паскевича. Был в Комитете министров. Перед обедом заезжал ко мне Анненков. С ним отправляется об.-прокурор Сената Семенов и мой чиновник особых поручений Собещанский.

14 февраля. Несколько утешительные известия из Риги.

Утром совещание у бар. Мейердорфа по польско-училищному делу. Остальной день за работой дома.

15 февраля. Совет министров. Дела тверские и доклад общего свода постановлений дворянских собраний по некоторым губерниям. Вечером разные посетители, между прочим,

Танеев (сын) весьма недоволен Головниным, гр. Старжинский — Назимовым, и кн. Щербатов, которого очень трудно уломать принять губернаторство.

В Совете министров Панин и Чевкин продолжают обнаруживать верования в силу внушений, толкования статей свода и т. п. Приближается для меня время критической борьбы с двумя лагерями, мраморно-дворцовским с одной стороны, и старополицейским, с другой.

16 февраля. Утром совещание у государя с кн. Горчаковым, Платоновым, бар. Мейендорфом, кн. Долгоруковым и Милютиным по польским делам. Из Варшавы получены известия, что архиепископ Фелинский готов удалиться в монастырь, если от него потребуют, чтобы он издал mandement, который им здесь был составлен. Положение дела на месте побудило его к этой перемене. Решено предоставить ему по его усмотрению издать или вовсе не издавать mandement, но сказано, что изменять текста, в случае издания, он не может. Мой доклад отложен до вечера. Днем работал. В 8-м часу доклад. Потом вечер у принца Ольденбургского.

17 февраля, утром. Опять совещание у государя по польским делам. Кн. Долгоруков решительно в пользу наместника из членов императорской фамилии. Государь находит это только преждевременным, по случаю военного положения. Затем решился восстановить значение председателя Совета правления, как в начале 30-х годов [122] оно первоначально было установлено, когда это звание имел действ. тайн. сов. Энгель. Кн. Горчаков предложил Мейендорфа. Мейендорф, pris à l'improviste[246], сослался на плачевное состояние своего здоровья. Тогда назвали кн. Павла Павловича Гагарина. Но ничего еще не решили, а возложили на присутствовавших обязанность составить по сему предмету подробные предпо-

[246] Застигнутый врасплох.

ложения, которые и представить государю. Обедал в Эрмитаже на déjeuner-dîner dansant[247]. Из Твери доставлены сюда двое из 13 (Николай Бакунин и Лазарев). До сих пор в губернии к ним не изъявляется сочувствия, напротив того, вышневолоцкий съезд протестовал против их поступка. Перед обедом был во французском театре. Canotiers de la Seine[248] в полнейшем и грубом смысле farce. На бале государь, вальсируя с княгинею Мариею Максимилиановною, упал вместе с нею, как говорится, de tout son long[249]. Неприятно для зрителей. Для него еще неприятней.

18 февраля. Утром у обедни. Выезжал перед обедом. Обедал у Карамзина. Вечером, по случаю воскресенья, были разные посетители, но немного. Предполагалось, что в день кончины покойного государя приема не будет, и я не освещал дома приемных комнат.

19 февраля. Целый день дома за работой. Переписка с Паниным насчет публикации о тверском деле. Он прислал ко мне проект статьи, не согласный с истиною и вовсе не объясняющий дело. У этих господ не хватает духа признаться в самых правильных своих распоряжениях.

20 февраля. Заседание Главного комитета. Виделся с ген. Назимовым, он по-прежнему невозможен.

21 февраля. Утром училищный комитет (Царства Польского) у барона Мейендорфа. Вечером за работой. Все 13 лиц, прикосновенных к тверскому делу, арестованы. В «Северной почте» о том заявлено [123]. Ожидается предложение гр. Панина Сенату о предании их суду. Анненков пишет, что им там не сочувствуют, по крайней мере, большинство.

---

[247] На приеме с танцами.

[248] Любители кататься на Сене.

[249] Растянулся во весь рост.

Головнин говорил мне сегодня, что, по мнению вел. князя и его собственному, меня следовало бы назначить наместником в Царство Польское, отделив военное управление от гражданского и подчинив наместнику командующего войсками. Я думаю, что Головнин, действительно, не сожалел бы о моем выбытии из Петербурга.

22 февраля. Совет министров. Продолжение чтения предположений военного министра [124]. Перед обедом был у меня Титов. Он слывет умным человеком. Странно, что его речь вообще пустозвонна. Я прочил в губернаторы Щербатова и Васильчикова, первого в Харьков, второго в Новгород. Оба отклонили предложения. Первый, потому что желал более prévenances[250] со стороны государя, второй, потому что не хотел вступить в службу без первого. Если бы Щербатова пригласили в Эрмитаж, оба были бы губернаторами. A quoi tient ce que l'on veut bien nommer le sort des provinces![251]

Головнин заезжал ко мне на днях для сообщения измененных им предположений по цензурной части. Их эссенция заключается на первый раз в передаче или перечислении в Министерство внутренних дел членов Главного управления цензуры.

23 февраля. Доклад у государя. По окончании оного я высказал в общих чертах мысль о преобразовании Государственного совета с допущением в него временных выборных членов от губерний [125]. Государь слушал внимательно и принял вообще дело лучше, чем я ожидал. На первый раз для меня, конечно, достаточно было тронуть вопрос. После доклада совещание у гр. Блудова по вопросу о запрещении нашему юношеству воспитываться за границей. Вечером у Геригроса.

---

[250] Предупредительностей.

[251] Вот от чего зависит то, что обычно называют судьбой провинций.

24 февраля. Утром совещание у гр. Блудова по вопросу о просьбах римско-католических епископов Царства. Ген. Анненков вернулся из Твери, оттуда он вывез мало поучительного. Зато он вознаградил меня развитием в продолжение целого часа своих давно известных воззрений на крестьянское дело ab ovo[252].

25 февраля. Утром у обедни. Потом в Невском монастыре. Получил от Платонова его предположения об основаниях, на которых должна быть введена в действие мысль о начальнике гражданского управления в Царстве Польском. Сообщил свои о том заметки. Вечером раут у нас.

26 февраля. Утром дома. Перед обедом заходил к ген. Безаку, вечером в Зимнем дворце. Государь приказал мне сделать окончательные распоряжения насчет назначения ген.-м. Ахматова об.-прокурором Святейшего синода. Императрица сказала, между прочим: Savez vous que l'on vous donne déjà un successeur. — Oui madame, je le sais. — Comment, et vous le dites ainsi. — Cela, me donne à penser. Croyez vous à la versatilité de la pensée qui vous a fait nommer. J'en demande pardon à v. m. Ce n'est pas que je redoute la versatilité de la pensée qui m'a appelé aux affaires; mais il faut toujours être prêt aux vicissitudes auxquelles le monde des affaires est sujet. — Pas de découragement, je l'espère. — Non madame, mais une retraite est possible non seulement par des motifs de ce genre, mais encore par devoir aux obéissances»[253].

---

[252] С самого начала.

[253] «Знаете ли вы, что вам уже назначают преемника? — Да, государыня, я знаю об этом — Как, и вы так об этом говорите. Это заставляет меня призадуматься. Верите ли вы в изменчивость мысли того, кто вас назначил? — Прошу извинить меня за это, ваше величество. Это не только потому, что я опасаюсь изменчивости мысли человека, который меня призвал к делам, но надо быть всегда готовым к превратностям, которым подвергнут деловой мир — Я надеюсь, вы не падете духом — Нет, государыня, но уход в отставку возможен не только по мотивам этого порядка, но и по долгу по-

Получил из Твери постановление губернского присутствия от 20-го вроде протеста против арестования 13 лиц, подписавших заявление 5-го февраля и других распоряжений ген. Анненкова. Он об этом ничего не знал, хотя выехал из Твери 23-го.

27 февраля. Утром Комитет министров. Ген. Назимов играл в нем главную роль. Вопрос о поданных им государю записках отложен до следующего заседания. Вечером у кн. Кочубей. Разговор с Велопольским о новых предположениях по управлению Царства. Опасаюсь, что при узком взгляде на дело некоторых здешних государственных мужей все кончится скандальным разрывом.

28 февраля. Утром у бар. Мейендорфа для совещания по составленным Платоновым предположениям о «начальном гражданском управлении в Царстве». Вечером у гр. Блудова.

1 марта. Утром Совет министров. Предположение Головнина по цензурной части одобрено. Вечером у вел. кн. Елены Павловны. Возобновление прежних «jeudis»[254].

2 марта. Утром доклад государю. Потом заседание соединенных Департаментов законов и Главного комитета. Кн. Гагарин хотел отложить рассмотрение дела об уездных полициях ad calendas graecas[255]. Решили, однако же, по моему настоянию и согласно с мнением гр. Панина приступить к делу на 4-й неделе поста. Вечером заезжал к Муравьеву, отъезжающему завтра за границу, проститься.

3 марта. Заседание Комитета финансов у гр. Нессельроде по выкупному вопросу[256]. Une espèce de coup monté avec un

---

виновения».

[254] Четвергов.

[255] До греческих календ (т. е. на неопределенное время).

[256] *После* выкупного вопроса *в скобках написано:* т. е. о выкупе и дельных имениях. *(Т. I, л. 119).*

large côté comique[257]. Началось чтение письма бар. Бруннова из Лондона о положении наших финансовых дел вообще. Письмо оканчивается надеждою на божию помощь и советом быть осторожными и не обещать более, чем можно сдержать. Слушано с благоговением, и Нессельроде почти прослезился при фразе о божией помощи. Потом Чевкин заметил, как премудры наставления Бруннова и как полезно не подвергаться финансовому veto, после старательно выработанных предположений, составленных без предусмотрения этого veto. Наконец перешли к моим предположениям, то есть, к тем именно, которых ожидало veto. В подробностях даже не рассматривали. Возражения представлены в общих чертах, так сказать, через плечо. Рейтерн прочел небольшую лекцию о финансах; старик Нессельроде почти дрожал от нетерпения похоронить вопрос, все голоса Нессельроде, вел. кн. Константин Николаевич, Мейендорф, Княжевич, Брок, Чевкин, Анненков были против меня. Когда я сказал, что представлю свое мнение отдельно, вел. князь спросил меня, не присоединюсь ли я к прочим. Я отвечал, что для меня утешительно видеть спокойствие, с каким господа члены Комитета надеются на досуге довершить предпринимаемые реформы, но что, с моей стороны, не видя возможности воспользоваться этим досугом, и не услышав в заседании ничего нового, ничего, чего бы не знал всякий, кто читал газеты и дожил до седой бороды, я остаюсь при прежнем взгляде на дело.

Вечером доклад по Земскому отделу до часа ночи. Депеша из Рязани. Там, на губернском съезде, когда предположение о Земском соборе было забаллотировано, 5-ть предводителей и дворяне из уездов до 80 человек перестали участвовать в совещаниях, остальные 90 с губернским предводителем продолжают свои занятия [126].

---

[257] Заранее подготовленное дело явно комического характера.

4 марта. Утром у обедни. Работал. Вечером раут у нас. Заходил к Ламанскому для объяснений по делу о выкупе, он явно в разладе с Министерством финансов. Утром Государственный совет. Потом заседание Главного комитета. Вечером раут у кн. Горчакова.

6 марта. Утром Комитет министров. Бурное заседание по литовскому вопросу[258] [[127]]. Вечером у вел. кн. Марии Николаевны. Charades[259].

7 марта. Утром у вел. кн. ген.-адмирала. Разговор о положении наших дел вообще. Он не соглашается с мыслью о преобразовании Государственного совета и предпочитает организацию провинциальных полупредставительных собраний. Направление по-прежнему антидворянское. Неопределенное понятие о противопоставлении дворянскому сословию с его «исключительными требованиями консервативного представительства, основанного на правах поземельной собственности». Кто при сем будет представлять крестьян?

Вечером у гр. Паниной.

На днях профессор Павлов на литературном вечере произнес речь, наполненную неуместных, возбудительных против правительства намеков и возгласов. Речь была неуместна, почему пропущена цензором. Павлов дополнил ее изустно разными прибавлениями, еще более возмутительными. Она вызвала шумное одобрение. Ему запрещено читать лекции, и он выслан в Ветлугу [128]. В литературном музее готовится демонстрация. Щербатов в лихорадочном метании в разные стороны от нахождения не у дел состоит председателем комитета для пособий литераторам. Он говорил мне у Пани-

---

[258] *После* литовского вопроса *в скобках написано:* т. е. представленным г[ен]-а[д]. Назимовым запискам. *(Т I, л. 120).*

[259] Шарады.

ных, что желал бы успокоить волнение, исходатайствовав официально смягчение участи Павлова. Он испросил себе аудиенцию у кн. Долгорукова. Я сказал ему наотрез, что считаю всякую уступку невозможною.

8 марта. Совет министров. Мой доклад о положении дел комиссии для преобразования губернских учреждений. Никто не имеет по этой части твердо установившихся понятий. Обедал у кн. Кочубея. Вечером у вел. кн. Елены Павловны. Познакомился с вел. кн. Александрою Иосифовною, которой до сих пор не представлялся, вследствие несоблюдения ею года два тому назад некоторых procédés[260]. Сегодня на лекции профессора Костомарова произошла сцена по случаю мер, принятых против Павлова. Другие профессоры будто бы объявили, что прекращают курсы, столь напрасно открытые Головниным. Костомаров хотел продолжать свои лекции, произошел шум. Кончили тем, что часть публики надела фуражки и закурила папиросы перед портретом государя в зале Думы, где читалась лекция [129]. В Совете министров вел. кн. Константин Николаевич и ген. Чевкин явно обнаружили свое намерение признать казенные земли собственностью государственных крестьян. Ген. Зеленый неловко затронул этот вопрос, я на сей раз смолчал; нужно теперь окончательно поднять и решить вопрос. С вел. князем будут Чевкин, Бахтин и Государственная канцелярия [39–41] [130].

9 марта. Утром доклад у государя. Перед мною докладывал Рейтерн и оставил у е. величества журнал финансового комитета по выкупному вопросу вместе с моим мнением. Он также докладывал государю свои сметные соображения на 1863 год, обнаруживающие до 36 млн дефицита. Возвратясь домой, я потребовал проект положения о земско-хозяйственных учреждениях, составленный под руково-

[260] Правил.

дством Соловьева. Принялся за переделку и распорядился созывом комиссии на завтрашнее число[42].

10 марта. Утром за работой. Кончил пересоставление проекта. Обедал в Английском клубе. Вечером до ½ 2-го утра заседание комиссии. Провел через нее проект. Я догадался, что в податной комиссии при Министерстве финансов [131] создают государственный налог нового вида, генеральный impôt de répartition[261], разверстку коего хотят предоставить самим плательщикам, т. е. массам, и для того желают уездных собраний, где крестьяне имели бы значительное число голосов. Из всех форм налога в настоящее время нельзя избрать более ненавистной для достаточнейших и образованнейших классов населения.

11 марта. Утром у вел. кн. Александры Иосифовны. Обедал у Княжевича с разными министрами и кн. Суворовым. Вечером раут у нас. В 7-мь часов вечера скончался гр. Нессельроде. И эта жизнь была исполнена дней и дел, как сказал Тройницкий, с меньшим правом про жизнь Ланского.

12 марта. Утром дома. Ездил в Симионовскую церковь на панихиду вместо 25-го февраля. Вечером был в комиссии губернских и уездных учреждений, которую созывал снова для некоторых перемен в окончательной редакции проекта. Вечером кончил редакцию, сделал извлечения для государя, которого уже третьего дня предуведомил о том, что проект будет готов к следующему заседанию Совета министров.

Государь написал на журнале Комитета финансов: «Обсудить вновь на предложенном министром внутренних дел основании».

13 марта. Утром в Комитете министров. Отправил государю, составленный мною проект. Вечером за работой.

---

[261] Налог по распределению.

14 марта. Утром дома. Ходил прогуливаться перед обедом. Теперь это редко сдается. Вечером был у Батюшковых на лекции Кояловича. Замечательный дар слова, но необделанный, неусовершенствованный, бестактный, как почти все у нас дарования. Объяснение с Гернгросом, который неизвестно почему считал себя в разладе со мною.

15 марта. Утром на похоронах гр. Нессельроде в англиканской церкви[262]. Выходя оттуда, некоторые дамы плакали. Неужели они так чувствительны и так нежно любили покойника?

Совет министров. Докладывал проект земско-хозяйственных учреждений. Вел. кн. Константин Николаевич нападал на все то, что одобрял неделю тому назад. Решительный бой приближается. Между тем по случаю болезни гр. Блудова его высочеству вверено председательство в Государственном совете.

16 марта. Утром доклад у государя. Довольно ясно сказал ему, что три министра теперь в зависимости от вел. кн. Константина Николаевича, и что он сам идет не тою дорогой, по которой за ним можно следовать. Для рассмотрения моих предположений[263] назначена комиссия из членов совета под председательством вел. князя. В этой комиссии мы все, по мнению государя, должны высказаться. Был потом в заседании соединенного присутствия Департамента законов и Главного комитета по делу об уездных полициях. При начале заседаний Чевкин спросил, изъявлено ли министром финансов согласие на предстоящий по этой части расход, присово-

---

[262] После английской церкви в скобках написано: он родился от германских родителей, в Лиссабонском порто, на английском корабле, крещен по англиканскому обряду и был того же вероисповедания. *(Т. I, Л. 124 об.)*.

[263] После моих предположений в скобках написано: по з[емско]-х[озяй-ственным] учреждениям]. *(Т. I, л. 124 об.)*.

купляя, что прежде того нечего и обсуждать. Я отвечал, что вопрос об уездных полициях уже давно поднят высочайшею властью, что в необходимости преобразований по этой части не предстоит никакого сомнения, и что вообще, мне кажется, что мы постепенно уклоняемся на почву английских учреждений, по силе коих первый лорд казначейства есть в то же время и первенствующий министр. Не признавая себя у нас ни обязанным, ни вправе подчиняться Министерству финансов в делах подобного рода и считая вопрос довольно важным, чтобы не желать его разрешения, я просил записать о том в журнал и представить на благоусмотрение государя. Председательствующий кн. Гагарин изъявил желание, чтобы я не настаивал на занесении сего в журнал, а Чевкин взял назад свои возражения. Дело тем и кончилось.

Вечером на рауте у кн. Юсуповой.

17 марта. Утром Комитет финансов. Гр. Панин несносен. Рейтерп предлагает, между прочим, учинить подушную подать. Я снова заявил мысль о введении подоходного налога. На меня возложили представить о том мои соображения. Обедал в Английском клубе. Годовщина его основания. Тост за здравие государя принят гораздо холоднее, чем в прошлом году.

18 марта. Утром у обедни. Был у Ламанского, у гр. Толстого и т. д. Вечером последний раут у нас.

19 марта. Утром в Государственном совете. Обедал у вел. кн. Михаила Николаевича. Вечером на рауте у кн. Горчакова.

20 марта. Утром Комитет министров. Почтовое дело Анненского, где Прянишников внезапно вздумал обратить на Министерство внутренних дел ответственность за его неправильное распоряжение. Отпарировал. Вечером у вел. кн. Марии Николаевны. Длинный разговор с государыней императрицей о нынешнем положении дел. Завтра в час мне приказано быть у неё.

21 марта. Был у ее величества. Продолжение вчерашнего разговора. Она упрекает меня наравне со всеми другими в недостатке решимости и энергии. Отчасти правда. Был потом у вел. кн. Елены Павловны. Она желала со мною объясниться по вопросу о переходе в ее ведение части заведений Императорского человеколюбивого общества[43]. Вечером раут у гр. Кушелевой.

22 марта. Утром дома. Обедал у и. и. величеств. Вчерашний разговор не повредил мне, по-видимому, в глазах императрицы. Вечером у вел. кн. Елены Павловны. Charmante lecture d'une jolie pièce[264] («Chassés-croisés») par m-mes Vo..., Lagrange etc...

23 марта. Утром всеподданнейший доклад. Потом заседание соединенного присутствия по делу об уездных полициях. Вечером на несколько минут у гр. Разумовской.

24 марта. Утром Комитет финансов. Я внес свои предположения о подоходном налоге. Кн. Горчаков и гр. Панин, наибогатейшие из членов, конечно, первые восстали. Рейтерн возражал, как человек, не любящий чужой мысли. Я не защищал своих тезисов, предпочитая на сей раз faire un acte de courtoisie aussi complet que possible[265]. Замечательно, что о представлении моих предположений, которые один Чевкин поддерживал, не будет упомянуто в журнале, «чтобы не возбудить в государе императоре мысли, что можно бы отыскать новый источник дохода и, таким образом, затруднить сокращения по разным (т. е. одному военному) ведомствам». Мысль о подобных дипломатических приемах с е. величеством не поражает этих господ своей нелепостью. Я и здесь уступил потому, что речь шла о моей работе[44].

---

[264] Приятное чтение милой пьесы («Чехрда»), которую читали г-жи Во..., Лагранж и др.

[265] Поступать любезно, насколько возможно.

Обедал у Римской-Корсаковой l'incroyable[266]. Вечером у кн. Кочубей.

25 марта. Утром у обедни. Был у испанского посла и у гр. Палена (по делам остзейским). Обедал, и целый вечер дома. Пасмурно на горизонте и на сердце.

26 марта. Утром Государственный совет. Рижские дела о торговых сборах и браковке. Бахтин и Департамент экономии по обыкновению против меня, но без успеха. Потом заседание Главного комитета. Дело о государственных имуществах. Несмотря на все усилии Бахтина, на симпатию вел. князя и на проделки Государственной канцелярии, вопрос о праве собственности казны на земли, состоящие в пользовании государственных крестьян, разрешен в моем смысле [132]. Я и здесь резко высказал мое мнение. На сей раз Чевкин и Панин также решительно пошли против вел. князя. Государственная канцелярия, т. е. главные ее дельцы, должны меня глубоко ненавидеть.

27 марта. Утром Комитет министров. Почтовое дело Анненского и К° решено по-моему [132а]. Чевкин сделал выходку против Министерства внутренних дел по вопросу об одном из московских городских займов. Выходка совершена без повода и основания. Отвечал sans me fâcher[267]. Обедал у испанского посла. Оттуда на вечере у вел. кн. Константина Николаевича. La creation de Haydn[268]. Во время чайного intermezzo меня потребовала императрица. Продолжительный разговор и с ее стороны много любезности. Je n'ai pas perdu du terrain[269].

28 марта. Утром Остзейский комитет по вормсскому делу [133]. Потом финансовый комитет до $6^1/_2$ ч. Рейтерн с несколько тупоумным aplomb, другие члены с несколько коми-

---

[266] Щеголихи.

[267] Не сердясь.

[268] Творение Гайдна.

[269] Я не потерял почвы под ногами.

ческой важностью и патетичностью, требовали от военного министра уступки 15 мил. по его смете на 1863 г. Милютин отвечал, что в настоящее время ничего определительного сказать не может о 1863 годе, но вообще считает уступки в подобных размерах невозможными. Кн. Горчаков в порыве самоотвержения предлагал, буде министр финансов того потребует, уничтожить и самого себя, и вверенное ему Министерство. Рейтерн говорил, что, может быть, уже среди лета прекратят платежи, Чевкин «умолял» военного министра «спасти Россию от погибели» и пр. и пр. Я не вмешивался в дело, но, когда г. Панин сослался на меня, сказав, что в губерниях вообще покойно и много войска не нужно, я отвечал, что при ходе крестьянского дела, и в особенности при нашей системе заправлять Царством Польским и Западным краем, я не усматриваю возможности значительного в них и внутри империи уменьшения войск, что я вообще не думаю, чтобы можно было заранее установлять обязательные цифры, и чтобы государство могло само себя посадить на жалование, и что химерические планы насчет несбыточных сбережений не мое дело.

29 марта. День рождения Никса [134]. Да благословит его бог! Утром Совет министров. Пустые дела. День, как всегда, за работой. Забыл упомянуть о том, что вчера в заседании Комитета финансов была речь о негоциациях бар. Штиглица в Париже с Ротшильдом и в Аахене с Берингом и Гопе насчет нового займа [135]. Не очень верю успеху этого дела.

30 марта. Утром всеподданнейший доклад. Государь был задумчив, и я старался сократить доклад по возможности. Перед тем виделся в приемной с Рейтерном и Милютиным. Рейтерн говорит об уходе. Потом соединенное присутствие по делу об уездной полиции. Бутков говорил, будто бы на сегодняшний день по безымянному письму было назначено покушение на жизнь государя, Кн. Долгоруков о том не

упоминал и, по-видимому, не беспокоится. Вчера вечером был у меня Ахматов. Il finasse[270].

31 марта. Заседание финансового комитета. Прежняя бестолковица. Рейтерн сначала продолжал говорить о 15 мил. сбережений по Военному министерству, о прекращении в противном случае платежей и т. п. Чевкин возобновил возгласы о честности, о гибели России, кн. Горчаков в порыве великодушия предложил уничтожить свое министерство и самого себя. Гр. Панин вообразил себе, будто бы военный министр забыл про целый пехотный корпус (№ 5-ть) и предложил его упразднить и т. д. Я молчал. Вел. князь обратился ко мне лично, вызывая меня сказать мое мнение. Я ограничился тем, что в общих выражениях противопоставил систему мер положительных системе мер отрицательных и сослался на различие между моими взглядами и взглядами большинства членов Комитета[45]. Обедал у кн. Паскевича. Вечером у всенощной. Потом доклад Земского отдела.

1 апреля. Утром у обедни. Обедал у гр. Ферзена. Читал записки Varnhagen’a [135а].

2 апреля. Утром в заседании Особого комитета по остзейским делам. Вечером был у меня гр. Сумароков. Замечательно, что, между прочим, я от него слышал, по поручению вел. кн. Александры Иосифовны, что она за меня опасается, что меня хотят отстранить и заменить Милютиным и т. п. Она говорит про Головнина: cette araignée a une constitution dans sa bosse[271]. Меня также прочат в Варшаву. О последнем я сам часто думаю. Чтобы меня удалить отсюда, Варшава может действительно служить лучшим предлогом. Кроме меня, мало кто знает Царство Польское.

[270] Он хитрит.

[271] Этот паук носит конституцию в своем горбу.

3 апреля. Утром заседание Комитета финансов. Телеграфическое известие о согласии Ротшильда на заем в 15 мил. фунт. стерл. по 94 мил. Об этом заявлено.

4 апреля. Утром заседание Остзейского комитета. Дело о пасторских повинностях [136]. Мое мнение, вероятно, будет принято всеми. Во все эти дни говенье и работа пополам.

5 апреля. Удостоился причащения святых тайн. Вчера вечером ко мне прислан был журнал Комитета финансов, изложенный односторонне и с явным намерением преградить мне дорогу по вопросу о выкупе. Посылал за управляющим делами Комитета Небольсиным, чтобы объяснить ему, что подписывать журнала без оговорки я не намерен. (Он уже был подписан всеми членами, кроме Милютина и меня). Небольсин признал справедливость моих замечаний, с моей точки зрения. Я показал ему начало моего дополнительного мнения, мной уже написанное. Он заметил, что в одной фразе есть, по его мнению, желчная резкость. Я при нем же разорвал бумагу и сказал, что напишу иначе. Сегодня это мною сделано [137].

6 апреля. Утром всеподданнейший доклад. Государь был очень любезен и при прощаньи, крепко пожав мне руку, сказал: «Courage, vous savez que vous avez ma confiance. — Sire, ce n'est pas le courage ni la persévérance, que je crains de me voir faire défaut; mais vous me permettez au moins d'espérer que votre majesté sait que ma position est très difficile. — Je le sais bien, mais je vous ai soutenu et je vous soutiendrai. — Quand on a bonheur d'entendre ce que vous venez de me dire il serait difficile de ne pas persévérer. — Adieu, et que dieu nous aide»[272]. Чего

---

[272] «Мужайтесь! Вы знаете, что вы располагаете моим доверием — Государь, я не боюсь, что у меня не хватит смелости или настойчивости. Но вы мне разрешите, по крайней мере, надеяться, что ваше величество знает о моем очень трудном положении. — Я это хорошо знаю, но я вас поддерживал и буду поддерживать. — Когда имеешь счастье услышать то, что вы

лучше можно было желать! Государь явно видит борьбу между мною и спутниками вел. князя и меня одобряет, и поддерживает.

7 апреля. Утром за работой. Выходил пешком и был у гр. Келлер, которая по-прежнему рассыпается удивительными фразами. Как не догадаться с ее чрезвычайным умом, что те, которым эти фразы приносятся поочередно, под конец узнают, что они более или менее все ценимы и отличаемы в множественном числе.

Вечером Рейтерн меня уведомил, что государь написал на моем мнении: «Я во многом совершенно разделяю мнение ст. секр. Валуева».

Утром был у меня Павлов из Москвы с новою просьбою о деньгах. Он уверяет, что без значительного пособия не может продолжать издание газеты «Наше время» и ставит меня этим в неприятное и затруднительное положение, ибо по моему ходатайству ему же ссужено до 26 тыс. руб.

8 апреля. Христос воскресе! День святой Пасхи. Ночью был во дворце. Императрица не так здорова и не была на выходе.

Узнал от Зеленого, что всем членам финансового комитета и министрам, участвовавшим в его последних совещаниях, было сообщено по высочайшему повелению мое дополнительное мнение. Зеленый упрекал и говорил, что другие упрекают меня в том, что я подал это мнение, не заявив разногласия в заседании. Но разногласия собственно не было. Редакция журнала, составленная односторонне, без предварительного соглашения с членами и явно против моих возражений направленная, принудила меня подписывать его безоговорочно. Притом, послав за правителем дел Комитета и заявив ему прямо о моем намерении приложить к журналу

только что мне сказали, было бы трудно не быть настойчивым. — Прощайте, да поможет нам бог».

мои особые по содержанию оного объяснения, я предупредил всякий основательный в том упрек. Зеленый это понял. Рейтерна во дворце не было[46]. Оттуда после обычных записываний у вел. князей и княгинь вернулся домой, и, поздравив своих, отправился на ¼ часа к кн. Кочубей.

Целый день дома, кроме предобеденной прогулки, которою воспользовался, чтобы навестить Шереметевых, Мухановых и Тройницкого.

9 апреля. Целый день дома. Приводил в порядок бумаги.

10 апреля. Утром Комитет у министра двора для совещаний о празднестве тысячелетия России в Новгороде, назначаемом на 8-е сентября. Государь занимается этим предметом. На меня он наводит тоску и беспокойство. Какое-то предчувствие говорит мне, что лития и панихида, входящие в церемониал, в него войдут недаром. Вообще несчастная мысль ставить памятник живым. Россия еще жива. Будет ли жить после тысячелетия та же самая Россия, которую мы ныне чтим своею матерью?

Вечером у и. и. величеств. Императрица упрекала меня в том, что меры, принятые в пользу иноверных исповеданий, приняты без предварительного соглашения с об.-прокурором Святейшего синода. Есть в этом доля правды. Но возможно ли у нас соглашение, когда, кроме меня, никто сознательно не уступает до известных пределов? У нас требование соглашения есть требование подчинения.

11 апреля. Утром Остзейский комитет. Все заседание ограничилось подписанием журнала и взаимными благодарительными комплиментами. Потом в Государственном совете заседание соединенного присутствия по вопросу об уездных полициях. Вел. кн. ген.-адмирал в заседании не присутствовал, но во время оного вызывал меня в комнату государственного секретаря для объяснений по делу о земско-хозяйственных учреждениях и, между прочим, по

предмету моего дополнительного мнения в журнале финансового комитета. Он упрекал меня, но осторожно и мягко в том, что я его поставил в затруднительное положение. Я объяснил, почему не мог поступить иначе и опросил его прямо, на чем основан тон авторитета Комитета финансов и его членов, на дефиците от 40 до 50 мил.? На упадке нашего кредита? На односторонней заботливости о казначейской части финансового управления в ущерб финансовой? Вел. князь отвечал, что он и сам признает только авторитет нового министра финансов.

12 апреля. Утром дома. Перед обедом ходил с Оболенским по Невскому. Разговор о председательствуемой им комиссии. С моей стороны я занимаюсь принятьем ближайших мер безотлагательно к учреждению несуществующего ныне надзора за типографиями и книжною торговлей. Вечером дома.

Вчера кн. Воронцов убил у меня два часа времени самыми пустыми речами о крестьянском деле и других современных затруднениях. Завтра он едет в Париж. Таковы, к сожалению, у нас почти все люди высшего круга. Ничего толком не сообразят, покричат наудачу вкось и вкривь, да и уедут в Париж.

13 апреля. Утром всеподданнейший доклад. Потом в Министерстве совещание по делам книгопечатания. Вечером у вел. кн. Елены Павловны. Живые картины, между прочим, Юдифь Allori[273] фр. Стааль и полковник Рихтер, голова которого представляла голову Олоферна и чрезвычайно удачно. (Рихтер был посажен ниже, и верхняя часть туловища закрыта драпировкой). Тициан с женою — герцог Мекленбургский и M-me Stolipina, фламандская сцена — Алексанти Мейендорф, фр. Эйлер, цесаревич и фр. Рихтер; рыцарь и дама — вел. кн. Николай Николаевич и фр. Козен. Два

[273] Кажется, так. (*Прим. автора, писанное на полях*).

рыцаря, обнажающие мечи, кн. Николай Максимильянович Лейхтенбергский и полковник Рихтер.

Затем «Оттето» Мендельсона, отлично исполненный, несколько других музыкальных пьес и бал для молодежи.

14 апреля. Утром у вел. кн. Константина Николаевича совещание по проекту земско-хозяйственных учреждений. Его высочество, Чевкин, Панин, Головнин, Рейтерн, Зеленый и я. Рейтерн без всякого рационального повода сделал довольно комическую выпадку на меня. Вел. князю и Головнину было совестно за него. Вел. князь весьма внимателен и любезен ко мне. Co z tego bedzie?[274]. Вечером за работой.

В городе разбросаны новые возмутительные прокламации к войскам и преимущественно к офицерам, их приглашают поднять на виселицу царя и аристократов [138]. Говорят, будто бы в ночь на Пасху несколько экземпляров было найдено в Зимнем дворце. Дело, однако же, не доказано. Кн. Долгоруков и Суворов уверяют, что этого не было, другие говорят противное.

15 апреля. Утром у обедни. Несколько визитов. Вечером за работой.

16 апреля. Утром Государственный совет. Потом заседание Главного комитета. Вечером за работой.

17 апреля. Jour des grâces[275]. Зеленый утвержден министром. Кн. Горчаков сделан вице-канцлером. Разным лицам пожалованы аренды земли и ордена. Мне самому орден св. Владимира 2-ой степени. Утром на выходе. Потом был у государя, благодарить. Он меня два раза обнял и весьма тепло благодарил за мои труды. Это гораздо лестнее ордена, который мне стоит деньги [139], а удовольствия принести не может. Вечером бал. Температура в 35°. Нестерпимо душно. Бал

---

[274] Что из этого будет?

[275] День милостей.

был на так называемой половине и. и. величеств, где 700 человек принимать нельзя.

Вчера у вел. кн. Константина Николаевича был с ген. Зеленым крупный разговор по поводу некоторых неловких замечаний ген. Назимова насчет люстраций. Вел. князь напал на систему поземельных оценок Министерства государственных имуществ вообще и сказал Зеленому, «что он в нем ошибся, что его направление ведет к гибели России, что он ожидал от него пользы, а теперь видит, что он только проводит муравьевские идеи» и т. п. Зеленый отвечал резко. Потом к нему приходил Головнин и просил обождать не говорить государю, присовокупляя, что вел. князь погорячился, что это «сумасшествие» и т. п. Вечером на бале. Вел. князь посылал звать к себе Зеленого, но сей последний уклонился, предпочитая ехать к вел. князю завтра для объяснений и вместе с тем для представления в звании министра.

18 апреля. Объяснение состоялось. Вел. князь формально извинился, даже просил прощения. Он выразил желание, чтобы Зеленый не говорил о сем государю, но Зеленый отвечал, что умолчать не вправе.

Утром Комитет министров. Вечером заседание у вел. князя по делу о земско-хозяйственных учреждениях. Печальные известия из-за границы о кн. Вяземском. Он в Бонне в прямом умопомешательстве. Грустные вести и с Кавказа [140]. Да будет мне и ему бог в помощь.

19 апреля. Утром за работой. Ходил пешком. Солнце, но солнце холодное. Нева очищена от льда, но взволнована ветром и похожа на свинец.

Здесь теперь Лидерс и Велопольский. По польскому вопросу так же мало установились мысли, как и прежде.

20 апреля. Утром всеподданнейший доклад. Государь говорил мне, что он вызывает Милютина для занятия должности управляющего гражданскою частью в Царстве Польском. Из дворца был у гр. Шуваловой на Царицыном лугу смотреть

на парад (майский, что в апреле). Погода прекраснейшая. Зрелище блестящее, как обыкновенно, народ кричит государю «ура» охотно, не по приказанию. Вел. кн. Константину Николаевичу лошадь ушибла ногу, вероятно, опять не состоится назначенное на завтра заседание по выкупному вопросу. Обедал у лорда Нэпира, который говорит насчет вел. кн. Елены Павловны «que c'est la curiosité la plus intelligente qu'il ait jamais rencontrée»[276]. Видел там Велопольского, который весьма не в духе и говорит, что отныне не будет участвовать ни в каком комитете, потому что государь утвердил по польскому училищному вопросу мнение Тымовского и Платонова. Действительно странно, что государь, назначив к участию в совещании бар. Мейендорфа, гр. Панина. Головнина, Велопольского и меня, нам всем предпочел ничтожного Тымовского и наипосредственнейшего Платонова. К чему идем мы и к чему придем подобным ходом?

21 апреля. Заседание по выкупному делу действительно отменено. Утром несколько визитов. Был у гр. Гурьева по его саратовскому делу, напрасная вежливость. Его умственные способности уже кристаллизованы. Он говорит языком, на котором и беседовать не могу, и моего языка не понимает.

Перед обедом был у меня Constant. Ungern с картою американских железных дорог. Он затевает опыт подобных построек у нас отрывочными участками, удешевленными способами. Но Чевкин!

Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Характеристично. Немецки живут и говорят промеж себя члены императорского дома. Принесли записку вел. княгине. Она прочитала и сказала герцогу: «Der Kaiser ist Morgen bei Костя, und Sani ladet uns ein»[277].

---

[276] Что это наиболее умная любознательность, которую он когда-либо встречал.

[277] Император завтра будет у Кости, и Сани нас приглашает.

22 апреля. Утром у обедни. Прогулка пешком. 2–3 визита. Вечером дома.

23 апреля. Утром в заседании Главного комитета. Обедал у кн. Горчакова с Велопольским, Будбергом, Зеебахом, Жомини и Тютчевым. На завтра назначено особое совещание у государя по предмету польских дел. Быть или не быть Велопольскому. Он уже хотел послать государю просьбу об отставке вследствие неутверждения его мнения по училищному делу. После обеда был у вел. кн. Константина Николаевича для заседания финансового комитета. Заем покрыт. Обмен кредитных билетов на монету сначала по биржевому курсу начнется с первого мая. После заседания вел. князь просил меня зайти к нему в кабинет, чтобы переговорить о делах польских. Он за Велопольского и вообще весьма здраво судит о положении Польши. По этим вопросам государь с ним не совещается, и вел. князь принужден от нас выведывать, что делается или не делается. Он готов быть наместником или вице-королем. Кн. Горчаков даже говорит, qu'il meurt d'envie[278]. Возвратясь домой, я посылал за ст. секр. Энохом, который теперь совершенно предался Велопольскому и в нем одном видит спасение наших интересов в Царстве. Энох умен, говорит хорошо, сам себя слушает, но доверия не внушает. Мне не нравится, что Велопольский его величает «un homme de bien»[279]. Это колеблет мое доверие и к Велопольскому.

24 апреля. Утром в 11 час. совещание у государя. Ген. Лидерс, кн. Горчаков, кн. Долгоруков, Милютин, гр. Панин, Платонов и я. Кроме Горчакова и меня, никто не признавал возможным подчинить гражданское управление Велопольскому. При этом гр. Панин был нелеп, по обыкновению. Слушая его, можно было бы предположить, что весь ход дел в Царстве зависит от первого слова государя и может быть направляем по благоусмотрению без принятия в эпоху критическую каких-либо

---

[278] Что он этого до смерти хочет.

[279] Порядочный человек.

чрезвычайных мер. Четырнадцать месяцев анархии, военного положения и разного рода неудач будто не протекали. Кн. Долгоруков также смотрит близоруко на вопрос и ограничивается весьма тесным кругом суждений. Милютин в вопросах этого рода всегда ниже своего обычного уровня. Платонов опустился до безобразных сплетен насчет Велопольского. Что же касается до ген. Лидерса, то его ограниченность на поприще гражданских и государственных дел очевидна. Он не надеется справиться с Велопольским и положительно высказал убеждение, что если его назначат начальником гражданского управления, то он, Лидерс, не останется на нынешнем месте. Этим, конечно, решилось дело. Государь сказал, что он постарается приискать ему другого помощника. Таким образом, решение польского вопроса снова отодвигается вдаль, ибо без прямого участия какого-нибудь именитого поляка он решен быть не может, а таких поляков, кроме Велопольского, у нас нет в запасе. Впрочем, я на сей раз заметил, что государь, прежде круто отвергавший всякое помышление о предоставлении Велопольскому столь значительной роли, ныне, видимо, начинает свыкаться и примиряться с подобными мыслями. Ce ne me semble plus qu'une question de temps[280]. Но успеем ли мы дождаться? Потом был в заседании Комитета министров. Дело о лифляндских церковных повинностях было приготовлено к слушанию, но Чевкин и Анненков объявили, что желают с ним ближе ознакомиться. Затем оно отложено.

Обедал у вел. кн. Елены Павловны с гр. Кайзерлингом, гр. Сиверсом и фрейлен Раден.

25 апреля. Утром Комитет финансов у вел. кн. ген.-адмирала, вслед за тем заседание отдела Совета министров у него же по делу о земско-хозяйственных учреждениях.

---

[280] Это мне представляется только вопросом времени.

Под конец заседания я был в лихорадке от постоянного напряжения мыслей и нервов при медленном, трудном и нередко беспорядочном ходе совещания.

26 апреля. Почти целый день дома за работой. Двор переехал сегодня в Царское Село.

Вчера был у меня Зеебах. Немцы ненасытны. Нессельроде завещал его жене, между прочим, арендное владение именьем Нейгут в Курляндии. Эта аренда приносит ежегодно до 10 тыс. руб. Остается ею пользоваться еще 21 год. Зеебах уже хлопочет о том, чтобы купить это имение у казны, но подешевле с тем, чтобы заплатить через 21 год то, чего оно стоит теперь.

27 апреля. Доклад государю в Царском Селе. Остался там обедать у их и. величеств, за обедом были, между прочим, герцог Оссуна, Титов и Рейтерн. На возвратном пути речь в вагоне о Чевкине и железных дорогах. Рейтерн справедливо заметил, что нынешние затруднения к устройству железных дорог заключаются не в одной личности Чевкина, а в специальных недостатках всего ведомства путей сообщения, и что они не будут устранены до тех пор, пока главою управления не будет назначено лицо, не принадлежащее к означенному ведомству.

Отправил в Комитет министров проект временных правил о надзоре за типографиями и пр.

28 апреля. Заседание у вел. князя по выкупному делу. Его высочество сильно гнул на свою сторону, но скоро обнаружилось, что большинство будет на моей стороне. Тогда председатель предложил изыскание других путей для достижения целей. Следовательно, необходимость ее достижения признана, и первый шаг выигран. Поручено Рейтерну и мне войти по этому предмету в предварительное соглашение. Опасаюсь только, что при нашей привычке сдаваться на

всякие уступки, те члены собрания, которые меня поддерживали, уступят более, чем должно.

У меня обедал Эттинген. Вечером был Влад. Менгден из Тулы. Кн. Долгоруков сообщил мне представленные им государю записки о нынешних внутренних политических опасностях и о мерах, предполагаемых им к их устранению [141]. По этому вопросу предстоит мне особое совещание с кн. Долгоруковым и кн. Суворовым.

29 апреля. Утром у обедни. Заезжал к старикам Шуваловым, которые получили известие о смерти в Берлине их малолетнего внука.

30 апреля. Утром Государственный совет. По высочайшему повелению возобновлено суждение по вопросу о распространении на майораты ст. 123 Крестьянского положения [142]. Кн. Горчаков подавал о том записку государю. Он не понимает дела и доказал это сказанной сегодня речью. Против него говорили многие, за него никто, но, когда собрали голоса, оказалось с ним 15, со мною 24 голоса. Характеристично — 15 членов не имели способности сказать своего мнения, но могли подать его молча. Потом рассматривался вопрос о новых бюджетных формах. Заседание продолжалось до 5 ¼ часа [47].

1 мая. Утром был у леди Нэпир, у гр. Хрептович. Перед обедом совещание у меня с кн. Суворовым и кн. Долгоруковым по предмету поставленных государю сим последним записок по вопросу о преобразовании с.-петербургской полиции. Возлагается на ген.-м. Потапова, действ. статс. тов. Турунова, об.-полицмейстера Анненкова и ген.-м. Огарева поручение составить предварительные предположения. Кн. Суворов уверяет, что он на днях накроет двух или трех из главных зачинщиков здешней агитации и беспорядка.

2 мая. Отправил к Рейтерну мои новые соображения по выкупному вопросу. Потапов сообщил о разных распоряже-

ниях de haute police[281]. Между прочим, от него отправлен агент в Лондон к Герцену с разными статьями и условным знаком: «СБ.» (сблизиться) [143].

3 мая. Утром у вел. кн. Константина Николаевича заседание комитетов Кавказского и Крестьянского, остальное время дня дома за работой.

4 мая. Утром в Царском Селе, доклад. Обедал там же у и. и. величеств с кн. Долгоруковым, кн. Суворовым и бар. Мейендорфом. При окончании доклада Рейтерна государь призывал меня в кабинет и затем нам обоим выразил желание, чтобы выкупной вопрос был разрешен по возможности безотлагательно. C'est déjà une pression manifeste en ma faveur; mais Reitern est dur à la détente[282].

5 мая. Утром был у меня рижский архиепископ Платон, сюда вызванный, по моему желанию, для заседаний в будущем комитете по делам духовенства и вместе с тем назначенный присутствовать в Синоде. Обедал у «барышень» Смирновых. К чему дают они обеды и неотвязчиво на оные приглашают? Единственное объяснение — III отделение. Но какая в том польза для III отделения? Из Парижа получено известие об окончательном осуждении Долгорукова по его делу с Воронцовым. Вечером у лорда Нэпира. Возвращаясь домой, видел пожар в Малоконюшенной. Ходил туда пешком. К счастью, его скоро потушили.

6 мая. Утром у обедни. Был у Одоевских. Какой пустой человек кн. Одоевский. Обедал у Хрептовичей. Вечером был у меня Рейтерн. Мы с ним окончательно согласились по выкупному вопросу. Не совсем так, как я желал, но лучше, чем ничего и даже не мало.

---

[281] *Высших* полицейских органов.

[282] Это уже явное давление в мою пользу, но с Рейтерном трудно сговориться.

7 мая. Утром Государственный совет. Три часа прений по делу золотопромышленников Зотова и Рышкина, тому самому, по которому попал в беду Паткуль, и которому косвенно прикосновенны Огарев и Адлерберг. Никогда по государственному вопросу не обнаруживается столь живого и всеобщего участия: auri sacra fames[283]. За Рышкина было 30 голосов, за Зотова —10 [144]. Вечером заседание у вел. кн. ген.-адмирала по делу о польском законе очиншевания (Велопольский, Панин, Чевкин, Тымовский, Платонов и я). Все спорные вопросы разрешены довольно удовлетворительно. Панин был при вел. князе мягче, Тымовский отделился от Платонова, вел. князь судил и говорил, как западник. Не худо бы ему бывать почаще таким и по русским делам.

8 мая. Утром Комитет министров. Одно из нелепейших заседаний, в которых мне привелось участвовать. По делу о лифляндских церковных повинностях были приглашены кн. Суворов, об.-прокурор Святейшего синода и ген.-губернатор бар. Дивен. Последний даже по телеграфу. Вместо совещания по делу начались рассуждения о том, рассматривать ли дело или нет, обратив оное в Государственный совет. Так провели два часа и кончили разногласием. Я желал, по крайней мере, мотивировать перенос дела согласием с Остзейским комитетом и не задерживать оного в Комитете министров, где, очевидно, окончательное разрешение оного сделалось невозможным. Со мною пошло большинство, четыре же члена остались при том, что дело надлежало предварительно рассмотреть подробно в Комитете министров. Мой проект правил о надзоре за типографиями принят Комитетом [144а].

9 мая. Утром Комитет в Царском Селе по делам польским. Два вел. князя Константин и Михаил, кн. Горчаков, гр. Панин, кн. Долгоруков, Милютин, Платонов, бар. Мейендорф и я.

[283] Проклятая жажда золота.

Государь вторично предложил вопрос о назначении Велопольского, присовокупляя, что он решился, коль скоро можно будет снять военное положение, назначить наместником вел. кн. Михаила Николаевича. Долгоруков с непривычной решимостью настаивал на немедленном назначении вел. князя и Велопольского. Кн. Горчаков, Мейендорф и я, а за нами ген.-адмирал находили необходимым назначение Велопольского, но допускали возможность не назначать и не отправлять в Варшаву немедленно вел. князя. Милютин и Платонов были против Велопольского. Вел. кн. Михаил сидел, как обреченная жертва, безмолвно или ограничиваясь моносиллабическими выражениями смятенной мысли. Платонов пространно излагал свои возражения против Велопольского, но когда его государь спросил, к какому же заключению он приходит, то Платонов сказал: «il faudrait trouver un bras de fer comme celui du maréchal Paskéwitsch»[284]. Это желание воскресить князя варшавского никому не показалось практическим указанием, но средство выйти из нынешнего хаоса. Гр. Панин, видя, что государь склоняется на сторону Велопольского, возражал против его назначения менее упорно, чем прежде. Даже предлагал mezzo-termine[285] между различными высказанными мнениями. Но соглашения не составлялось. Государь рассердился, встал и сказал отрывисто: «Нечего сказать, утешительный результат. Все рассуждения ни к чему не привели. Оставить все по-прежнему». Конференция кончилась. Советники вышли avec des mines plus au moins embarrassées[286]. В коридоре я шел с Мейендорфом. «Ce

---

[284] Надо было бы найти такую железную руку, как рука маршала Паскевича.

[285] Нечто среднее.

[286] С более или менее растерянными лицами.

n'est pas définitif»[287], — сказал я. «Welop. a gagné son procès»[288], — отвечал он.

10 мая. Утром получил записку кн. Долгорукова с извещением, что государь просит меня за час до Совета министров. Потом прислал за мною вел. кн. Михаил Николаевич. Был у него в ½ 12-го. Он в большом смущении говорит, что не приготовлен к той задаче, которую исполнять призывается и т. д. Два раза обнимал меня со слезами на глазах при прощании. Потом у государя. Вчерашний царскосельский совет государь объявил, что надобно постановить решительное заключение. Очевидно, дело Велопольского было выиграно. Кн. Долгоруков настойчиво и решительно сказал, что нужно назначить вел. князя тотчас же и не Михаила Николаевича, а Константина Николаевича. Постановлено написать к ген. Лидерсу о назначении вел. князя, иметь в виду, не делая, впрочем, из оного секрета, коль скоро ответ Лидерса будет получен. Насчет выбора между вел. князьями государь не сказал ничего, кроме того, что Константин Николаевич ему здесь нужен. Потом Совет министров. Одобрен цензурный циркуляр Головнина, и представлено Министерствам народного просвещения и внутренних дел право отнимать у журналов и газет право печатать политические статьи и прекращать на время до 8 месяцев (suspension)[289] журналы и газеты, упорствующие в противуправительственном направлении [145]. После Совета государь переговорил с братьями и окончательно предназначил в Варшаву Константина Николаевича[48].

11 мая. Утром в Царском Селе. Всеподданнейший доклад. В 3½ часа заседание соединенного присутствия по выкупному делу в Мраморном дворце. Окончательных суждений не бы-

---

[287] Это не окончательно.

[288] Велопольский выиграл свое дело.

[289] Временное прекращение.

ло. Анненков прочел длинную запоздалую записку, в которой ратовал против моей первоначальной записки 1-го января. Вечером заседание по польско-еврейскому вопросу во II-м отделении е. в. канцелярии (бар. Корф, кн. Долгоруков, Тымовский, Платонов, Велопольский и я). Закон, проектированный Велопольским, одобрен.

12 мая. Утром на даче. Впрочем, весь день, как и все прошедшие дни, за работой. Вчера лифляндским гражданским губернатором назначен вместо ретирующегося Эссена Эттинген. На обратном пути из Царского я ехал с вел. кн. Константином Николаевичем. Разговор о Польше и новом поприще деятельности его высочества. Вел. князь доволен этим назначением. Это изумляет всех, начиная с государя, который вчера говорил Милютину и мне, что он этого не ожидал. Вел. князь утверждает, впрочем, что он приносит жертву, что он здесь имел «великолепное положение» и т. д., но при всем том видно, что он занят новым делом, что он давно об нем думал, что он надеется на успех, одним словом, что он доволен. Полагаю, что ключ к этому — влияние вел. княгини, и что она желала Варшавы еще более вел. князя. Я сказал ему: «Позвольте une question indiscrète[290], что сказала вел. княгиня о Вашем назначении?» — «Жена, — ей будет легче, чем мне. Она свое дело сделает лучше меня. La réprésentation elle l'entend à merveille»[291].

13 мая. Утром у обедни. Были у меня Николай Милютин, вызванный из-за границы под влиянием уже изменившихся предположений насчет устройства управления в Царстве Польском, Энох и Грейг. Милютина я не видел. Энох еще не знает о назначении вел. князя. Грейг от этого назначения не ожидает ничего доброго и приписывает желание вел. князя

---

[290] Нескромный вопрос.

[291] Представительство, она это очень хорошо понимает.

ехать в Варшаву влиянию вел. княгини, «qui veut à toute force être reine[292]». Перед обедом заходил к Милютину, но его не застал. Завтра он будет в Царском Селе у государя, куда позван и Велопольский. После обеда у меня был Велопольский, вследствие сделанного мною Эноху намека о моем желании его видеть до его царскосельской аудиенции. Не говоря ему ничего положительного о намерениях государя, мне хотелось дать ему некоторые советы по случаю предстоящего ему с е. величеством объяснения. Желательно, для пользы государства, чтобы свидание с ним оставило в государе благоприятное впечатление. Кроме Велопольского, не на кого опереться, а он тяжел и крут.

В последнее время сделано несколько арестований по поводу возмутительных прокламаций и тайных попыток поколебать преданность войск. Кавалергардский солдат взял в кабаке, или по приводе из кабака в казармы, некоего художника Карамышева, раздававшего возмутительные листки [146]. В саперном батальоне взят студент Яковлев, приходивший в казармы бунтовать солдат [147]. Полиция арестовала поручика[293] Аверкиева [148], бывшего студента Евреинова [149] из Москвы и еще двух или трех разного звания лиц. Кажется, что нити всех этих происков начинают обнаруживаться. Но дело ведется как-то бессвязно. III-е отделение, ген.-губернатор и об.-полицмейстер действуют как бы каждый на свою руку.

14 мая. Утром в Государственном совете. Потом заседание Департамента законов. Вечером дома.

15 мая. Утром по первому поезду в Царское Село. Особое совещание у государя касательно устройства военного правления в Царстве по случаю новых назначений и касательно

[292] Которая всеми силами хочет быть королевой.

[293] В тексте ошибочно *полковника.*

устройства Канцелярии вел. князя наместника. Вернулся экстренным поездом вместе с государем, который делал весеннее учение Кавалергардскому и л.-гв. Конному полкам. Был в Комитете министров. Вечером за работой.

16 мая. Утром за работой. После обеда заседание у вел. князя по вопросу о земско-хозяйственных учреждениях. Оттуда на Аптекарский остров.

17 мая. На Аптекарском острове. Утром у обедни. Устраивался на летних квартирах. После обеда был у меня Велопольский. Были также разные другие лица, в том числе гр. Старжинский, которому крепко хочется сделаться литовским Велопольским. Была Ам. Евг. Менгден с дочерью, гр. Толстою и сыном Александром, которого я не видел с 1858 года.

В городе разбрасывают новые произведения нашей тайной прессы «Молодая Россия». В ней прямое воззвание к цареубийству, к убиению всех членов царского дома и всех их приверженцев, провозглашение самых крайних социалистических начал и предвещение «Русской, красной, социальной республики [150].

О разысканиях в саперном батальоне и результатах других полицейских исследований не имею ближайших известий. Кн. Долгоруков меня только предуведомил через Турунова об учреждении следственной комиссии под председательством кн. А. Ф. Голицына[49] [151].

18 мая. Утром в Петергофе, где находился государь по случаю весеннего учения полкам л.-гв. Уланскому и Конногренадерскому. Всеподданнейший доклад. Вернулся с Рейтерном с часовым поездом. Был в городском доме, где видел калужского губернатора Арцимовича, которого сюда вызвали для предложения ему места директора Комиссии внутренних дел в Царстве Польском. Между тем в отношении к нему, как в отношении к Милютину, план переменился прежде, чем он

успел прибыть для его осуществления. Велопольский предпочитает ему гр. Келлера, или, точнее, графиню Келлер, на салонные таланты которой он рассчитывает.

Говорят, что брачный союз ген. Альбединского и кн. Долгоруковой (la grande demoiselle[294]) — дело решенное и даже объявленное.

Вернулся на дачу к обеду. Выехал при прекрасной погоде и 15° тепла. После обеда буря и 5°. Сегодня в Европе 30 мая. Здесь едва начинает распускаться зелень.

19 мая. Утром в городе. Видел ген.-ад. Глазенапа, которого вел. кн. Константин Николаевич прочит в новороссийские губернаторы, Похвиснева, приехавшего из Вильно, и несколько других приезжих. Вечером дома.

20 мая. Утром у обедни. Ходил с женою смотреть оранжереи на даче Голенищевой, бывшей Нессельроде. Воспоминания прошлого, в нас дремлющие или покоящиеся, пробуждаются вследствие их связи с известными местностями. Я вспоминал сегодня начало сороковых годов. Я тогда был на этой самой даче. Граф и графиня Нессельроды, M-me Guerrère, M-me Kallergi, где вы теперь? Первых двух нет более в этом мире... Сколько было другого тогда и перебывало с тех пор. Мне жаль стало, что Нессельроде продал свою дачу. Впечатление перерванной нити. Садовник мне говорил, что еще за день до смерти графа, который по временам посещал прежние свои оранжереи, он ему изготовил букет цветов. У каждого человека есть нежная, тонкая эстетическая струна. В гр. Нессельроде этого струною была его любовь к цветам.

Вечером были у меня Старжинский и Рейтерн, последний по выкупному делу и некоторым другим вопросам. С ним теперь очень лажу и тому радуюсь. Он признает безусловную необходимость железных дорог и сегодня был у Чевкина в

---

[294] Фрейлина.

видах настояния на принятии решительных мер по этой части. Чевкин обещался представить государю в будущий четверг свои предположения, но он обещал это уже несколько раз.

21 мая. Утром в Павловском по случаю Константинова дня. Съезд довольно многочисленный. Вся официальная Польша была налицо. После обедни завтрак. Императрица посадила около себя Велопольского. Я слышал разговор, потому что сидел подле е. величества с другой стороны. Велопольский напоминает иногда Муравьева. У него почти нет разговора помимо «дел». Он или говорит о делах, или молчит. После завтрака развод. На подобных «загородных разводах» я не был с 1842 года. В прошлом году я слышал развод на петергофском балконе, но тогда императрица помешала мне подойти к краю и смотреть вниз, а вел. кн. Мария Николаевна — уйти с балкона. В Павловском я не был с того же 1842 года. После развода вел. князь позвал меня к себе для того, чтобы «потолковать» о польских делах. Он умен, но исполнен странных противоречий, имеет опыт в делах и порою изумительно незрел, обнимает быстро, понимает тонко и в некоторых вопросах почти детски наивен. В особенности нет у него форм ни в телодвижениях, ни в образах речи. Быть может, что он на польском языке будет говорить лучше, чем на всяком другом, потому что не научится на нем тем не великокняжеским выражениям, которые он употребляет на русском, французском и немецком языках.

Вел. княгиня se pose un peu en heroine de dévouement patriotique, mais cependant on voit qu'elle préfère aller, plutôt que de rester. Elle m'a dit: «Là-bas la position du gr. duc sera très difficile; mais celle qu'il avait ici était encore moins bonne pour lui»[295]. Был также намек на Головнина и К°; удостоверяя меня

[295] Выставляет себя немного героиней патриотизма, но, тем не менее,

в своем благорасположении, вел. княгиня прибавила: «Je vous ai toujours défendu; le gr. duc vous aime, mais il y a des gens qui cherchaient à le monter»[296]. Вечером ездил на Крестовский остров, но не застал кн. Кочубей. Она именинница. В эти дни учтивость считается вдвое, и я имею один визит в экономии. В городе перед возвращением на дачу видел Сиверса, приехавшего из Риги. Заезжал к Милютину (Н. А.), но его не застал и был у Велопольского, которого видел.

22 мая. На даче. Кн. Горчаков прислал мне ответ Фелинского на его письмо. Кн. Горчаков отзывается об нем как о писании ультрамонтанном. Ультрамонтанизм [152], конечно, в нем есть, но нельзя не признаться, что письмо Фелинского написано отлично, благородно, просто, рассудительно. Кн. Горчаков не ожидал, конечно, подобной «parade»[297], когда отправлял свое послание, так же превосходно написанное. C'est que dans la situation du P-ce Gortschakoff il faut être habile pour avoir raison, dans celle de l'archevêque il suffit d'avoir du sens et du cœur[298].

23 мая. Утром в Министерстве. Обедал в клубе. После обеда утомительное заседание у вел. князя по вопросу о земско-хозяйственных учреждениях. В городе шесть пожаров, за раз три, потом два, и еще один ночью. В Ямской выгорело 35 домов. Густой и широкий столб дыма стоял над этою частью города с ¼ 4-го до ночи. Подозревается зажигательство. По-

---

видно, что она предпочитает уехать, чем остаться. Она сказала мне: «Там положение вел. князя будет сложным, но положение, которое он занимал здесь, было еще менее благоприятным для него».

[296] Я вас всегда защищала; вел. князь вас любит, но есть люди, которые пытались настроить его против вас.

[297] Пышности.

[298] Дело в том, что в положении кн. Горчакова надо быть ловким, чтобы быть правым; в положении архиепископа достаточно иметь здравый смысл и сердце.

жары были вчера и третьего дня. Пожарные команды измучены.

24 мая. Утром в Царском Селе. Совет министров. Ехал назад с кн. Горчаковым и гр. Паниным. Первый восхвалял себя, второй его персифлировал [153], поддакивая.

25 мая. Утром в Царском Селе. Доклады. Остался там обедать. После обеда был у княжны Долгоруковой, la Grande demoiselle[299] и чуть-чуть не прогулял поезда железной дороги, что было бы смешно. Обедали барон с баронессою Мейендорф, гр. Гольд, прусский посланник, профессор Ваген (знаток картин, пересортирующий теперь Эрмитажную галерею), гр. Шувалов, Лоен, кн. Гагарин с женою, Бартенева старшая, кн. Долгорукова, флиг.-ад. Рылеев и я. Гр. Александр Адлерберг вернулся из Варшавы. Там несколько спокойнее, впрочем, я не видел Адлерберга.

Шувалов мне говорил, что государь принимал на днях вернувшегося из-за границы Тимашева, который прямо высказал свою решимость при нынешнем положении дел, отсутствии единства в администрации и отсутствии определительности в направлении не принимать никакой должности. Шувалов сказал мне также, что кн. Суворов, qui est amoureux de l'Impératrice et parle les larmes aux yeux du chagrin de manquer à telle ou telle soirée[300] говорил е. величеству о необходимости удалить Адлербергов et cela plutôt aujourd'hui que demain [301].

26 мая. Утром у вел. князя ген.-адмирала. Совещание по вопросу о новой редакции указа, определяющего права и отношения наместника, начальника гражданского управления и начальника войск в Царстве Польском. Кн. Горчаков, кн.

---

[299] Фрейлина.

[300] Который влюблен в императрицу, и говорит со слезами на глазах, что пропустил тот или иной вечер.

[301] И сделать это лучше сегодня, чем завтра.

Долгоруков, Велопольский, Тымовский, Платонов, Энох и я. Потом совещание у государя в Зимнем дворце по тому же предмету, с теми же лицами, кроме Эноха. Государю угодно подписать указ и все другие бумаги о новых назначениях завтра в Троицын день. Потом был в Министерстве. Обедал у кн. Кочубей. Познакомился с M. и M-me Regina, которых везде видел 4 года сряду без ознакомления по опасению прибавочных визитов.

27 мая. Утром у обедни. Pfingsten, das herrliche Fest, mal gekommen...[302] Целый день дома. Надеялся отдохнуть. Помешали разные лица, которых я не мог не принять. Между прочим, был Велопольский, прощаться. Он едет в Варшаву во вторник вечером. Прочитал, по случаю слышанных мною безмерных похвал, эпизод из «Misérables»[303]. В. Гюго, описание сражений при Ватерлоо. Кроме француза, никто не мог написать ничего подобного. Атака кирасир описывается во вкусе китайских военных рисунков: «le sabre aux dents, le pistolet au poing — telle fut la charge»[304]. Затем le point d'orgue [...] et le mot je vous en donne en mille — «merde»![305]

28 мая. Утром у Рейтерна. После обеда в 8-м часу мне прислали сказать, что пожар, обнявший Щукин и Апраксин дворы (с 5 часов), угрожает домам Министерства. Когда я приехал в город ½ 9-го, дом Министерства уже был обречен на жертву. Верхний этаж горел. Ни одной трубы перед ним не было. Все силы пожарных команд сосредоточивались в квартале между Садовой и Чернышевским переулком, где сильная опасность угрожала Государственному банку, Гостиному двору и Пажескому корпусу и за Фонтанкою в другом объя-

[302] Троица, прекрасный праздник, наконец, наступил.

[303] «Отверженных».

[304] С саблей в зубах, с пистолетом в руках — такова была атака.

[305] Музыкальная передышка... *(Следующее слово не поддается прочтению).* И слово, я его вам полностью привожу, «дерьмо!»

том пламенем квартале между Щербаковым переулком, пятью углами и Троицким переулком. В 4-м часу ночи ветер, дувший порывисто целый день, начал стихать, и пределы пожара обозначились. Дом Министерства, Апраксин и Щукин дворы, дровяные дворы за Фонтанкою и прилегающие к ним строения выгорели. В поджоге не предстоит никакого сомнения. На пожаре были государь в 10-м часу, вел. кн. Михаил Николаевич — в 1-м утра, вел. кн. Николай Николаевич — в 3-м. Когда я ехал туда, на Каменно-островском проспекте встречались мне во множестве дамы и кавалеры, весело отправлявшиеся на Елагинскую «pointe»[306], у Излера играла музыка, в Летнем саду было обычное в Духов день гулянье. А между тем черная туча дыма, испещренная искрами и т. н. пламенными «галками», расстилалась над городом. Когда, после проведенной на пожаре ночи я возвращался на дачу, сияло прекраснейшее утро, солнце грело, зеркальная Нева блистала перед ним, и птицы веселым хором пели в деревьях. Наш мир — мир противоположностей.

29 мая. В городе утром. Сделаны распоряжения для разбора спасенных дел и для устройства разных департаментов в новых помещениях. Они отведены частью в Министерстве народного просвещения, частью в Дворянском собрании, частью в доме министра.

Был в Комитете министров. Кн. Долгоруков заезжал ко мне для совещания об учреждении Особого комитета для принятия мер к охранению безопасности в столице. Обедал на Каменном острове у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером дома.

30 мая. Утром в городе. Получил от садовника ботанического сада Регеля и купца Глинца сведения о социалистическом антирелигиозном и революционном учении,

[306] «Стрелу».

распространяемом между работниками, посещающими воскресные школы на Выборгской и Петербургской сторонах. Снесся с кн. Долгоруковым и распорядился через ген.-губернатора арестованием двух работников, которые в артели говорили о необходимости сжечь весь Петербург и о свободе Польши [154]. Работа по разбору дел Министерства продолжается с успехом. Их погибло менее, чем можно было ожидать[50].

31 мая. Утром в городе. Департаменты уже открыли свои действия, хотя и в малых размерах, на новых местах. Учрежден Комитет de salut public et de bienfaisance[307] под председательством ген.-ад. Зиновьева. Город разделен на три военных губернаторства (временных), вверенных ген.-адъютантам Толстому, Философову и Ланскому. Богаты мы людьми. Объявлено осуждение военным судом поджигателей и вообще подстрекателей к беспорядкам. Объявление сделано, как водится, без толку и умения.

Вечером был у меня Тимашев. Умен, сердит, односторонен, честолюбив, стоик.

Вчера был лорд Нэпир, la grande fouine[308], он остро замечает о Велопольском: «Il fut un temps où son parti à Varsovie se composait de son fils»[309].

1 июня. Утром в городе. Комитет у государя по предмету мер, предстоящих к принятию, вследствие поджогов, и вообще для охранения общественного порядка. Кн. Долгоруков, кн. Горчаков, Милютин, Головнин, Чевкин, кн. Суворов, Рейтерн, я, потом гр. Панин. Мне разрешено закрыть две воскресные школы и назначить следствие о действиях их распорядителей и преподавателей. Исполнено тотчас. Го-

---

[307] Общественного спасения и благотворительности.

[308] Большой проныра.

[309] Было время, когда его партия в Варшаве состояла только из его сына.

ловнин действует двусмысленно, хотя сам предположил закрыть шахматный клуб[50a] [155]. Положено постепенно закрыть не только эти клубы, но и читальни и другие школы, где бесконтрольно преподается народу учение, направленное против общественного порядка.

Отрывки всеподданнейшего доклада в два приема. Часть дел отложена до следующей пятницы. Затем заседание соединенного присутствия по выкупному делу. Предположения Рейтерна и мои приняты.

2 июня. Утром в городе. Совещание об устройстве рыночной временной торговли и Апраксина, и Щукина дворов.

Рейтерн, Чевкин, кн. Суворов, Головнин, Милютин, Погребов (городской голова) и я. Чевкин даром убил два часа времени разными Weitläufigkeiten[310].

3 июня. Утром у обедни. Работал дома. Вечером ездил на «pointe»[311] с женою. Холодно и скучно. Заезжал к кн. Суворову. Quel jeu de paroles[312]. Панин называет Чевкина «самоговор». Кн. Суворов далеко выше в этом роде.

4 июня. Государственный совет. Потом заседание Главного комитета. Потом совещание de salut public[313] у кн. Горчакова. Он, кн. Долгоруков, Панин, Чевкин, кн. Суворов, Милютин и я. Самолюбие кн. Суворова, поверхностность кн. Горчакова, односторонность гр. Панина и способность всеобщей загвоздки Чевкина в полном блеске. Почти безрезультатные прения. Решили только испросить высочайшее разрешение распространить военно-судные правила о поджогах на все губернии, купить паровые трубы для Нижегородской ярмарки и возобновить суждения по некоторым вопросам в присутствии государя.

---

[310] Пространными рассуждениями.

[311] «Стрелу».

[312] Какая игра слов.

[313] Общественного спасения.

5 июня. Утром в городе. Комитет министров. Следствие о воскресных школах идет. Но следствие политическое (кн. Голицына) и о поджогах (по управлению ген.-губернатора) почти не подвигаются. Результаты нужны скоро. Их обещают ежедневно, но обещание не исполняется.

Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны на Каменном острове. Вечером были лорд Нэпир, Сиверс, Тройницкий и др.

6 июня. Утром в городе. Был на пожарище Апраксина и Щукина дворов. Теперь еще виднее, чем во время самого пожара, какое огромное пространство сделалось жертвою пламени. Место походит на лагерь. Разбито множество палаток, и торг возобновился. Кочевой элемент в русской природе здесь ясно обнаруживается. Видна необычайная способность приютиться и устроиться под каким бы то ни было временным кровом. Императрица была сегодня в городе и лично посетила другой торговый лагерь, разбитый на Семеновском плаце, и квартиры, отведенные для погорельцев в Московских казармах (Глебовом дворе). Заезжал к Т. Б. Потемкиной. Вечером у г. Режина.

7 июня. Утром в Царском Селе. Совет министров. Предположения Головнина об открытии С.-Петербургского университета, о Новороссийском университете и о запрещении журналов «Современник» и «Русское слово». Все решено иначе, чем он предлагал, и согласно моему мнению. Эволюции Головнина произвели на присутствующих, начиная с государя, незавидное впечатление. Он хотел запрещения журналов в окончательном виде, чтобы закрыть высочайшим повелением. Я настаивал на 8-месячном запрете (suspension)[314] потому, что это могло быть сделано им и мною собственною властью. Он предлагал открыть университет, но

[314] Временное прекращение.

при сем объяснял, что лично будет рад, если его не откроют, и т. п.

Обедал в Царском у Шуваловых. Вечером за работой для доклада на завтра.

8 июня. Утром в Царском. Всеподданнейший доклад. Потом в Мраморном дворце заседание крестьянского комитета [156] по делу о государственных крестьянах. Безрезультатное совещание. Бахтин полусоциалист. Вел. князь пристрастно гнет на одну сторону. Никто из членов не дал себе труда вникнуть в предположение Министерства государственных имуществ [157].

9 июня. Утром в городе. Вечером были Тимашев, Неелов и Потапов. Разные следственные комиссии работают медленно. В комиссии воскресных школ [158] был допрашиваем арестованный шт.-кап. Ушаков (16 стрелковый батальон, посещавший инженерную академию) [159]. Он дерзкий атеист и с цинизмом высказал, что считает себя более полезным человеческому роду, чем спаситель. В комиссии о поджогах [160] обнаружено, что Апраксин двор зажжен 12-летним мальчиком, которому один студент Медико-хирургической академии обещал за то 20 руб. Звание студента определено описанием мундира. Мальчик признал этого студента в лице арестованного за несколько дней пред сим по другому поводу (революционная пропаганда) студента Мультановского [161]. Расследование еще не окончено. По комиссии политической (кн. Голицына) продолжаются арестования. В бумагах арестованной гувернантки Павловой [162], принадлежавшей к clique[315] Блюммер и К°, найдена следующая характеристичная заметка: «28 мая. Пожар. В пожарах есть что-то поэтическое и утешительное. Они уравнивают состояния» [163].

10 июня. Утром у обедни. Два-три визита. Работал.

---

[315] клике.

11 июня. Государственный совет утром. Потом заседание соединенного присутствия по выкупному делу [164]. Потом заседание Главного комитета по вопросу о государственных крестьянах. Вел. князь председательствовал лицеприятно. Бахтин, Чевкин и Панин говорили без умолку. Первый как социалист, последние двое как не понимающие дела. Стоит замечания, что по вопросу о системе оценок государственных имуществ никто из членов Комитета не дал себе труда справиться, в чем именно заключается ее основание и какие ею даны результаты. Зеленый слаб, защищает и разъясняет дело плохо. У меня была стычка с вел. князем. Я молчал первую половину заседания, предварив Буткова, что я буду записывать, сколько раз каждый из членов Комитета будет говорить. Потом, когда я начал излагать свое мнение, то начал с следующих цифр: Чевкин 10 раз, Бахтин — 9, гр. Панин — 5, ген. Зеленый — 6, кн. Долгоруков — 1, прочие члены (гр. Адлерберг, Рейтерн и я) — ни одного раза.

Обедал с женою у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером у кн. Кочубей.

12 июня. Утром в Комитете министров. Потом в соединенном присутствии Департаментов законов и экономии по делу о лифляндских церковных повинностях. Кн. Гагарин, (председательствовавший) вчера, говорил лифляндскому губернскому предводителю кн. Ливену, что он убедился его аргументами, а сегодня внес ряд предположений, клонящихся к установлению совершенно нового законодательства по предмету вышеупомянутых повинностей. Ему настрочил это, очевидно, Желтухин. Весь ряд предположений совершенно несостоятелен. Характеристично, что опытный в делах сановных, как кн. Гагарин, мог себе вообразить, что дело, не разрешенное с 1846 года и занимавшее несколько раз людей более или менее рассудительных, могло быть им решено на лету. Наперекор тому мнению, которое состоялось за не-

сколько недель пред сим в Остзейском комитете и внесено в Совет министром внутренних дел. Совещание было непродолжительно. Со мною подали голоса все члены (Брок, Княжевич, Ковалевский, Толстой, Литке, Метлин. бар. Корф, кн. Суворов, бар. Ливен), кроме одного об.-прокурора Святейшего синода Ахматова, который не мог не согласиться, как он выразился, «скорее с кн. Гагариным, чем со мною».

Вечером дома.

13 июня. Утром в городе. Последнее заседание у вел. князя по делу о земско-хозяйственных учреждениях. Гр. Строганов со свойственною ему непоследовательностью после продолжительных возгласов против «растления» наших учебных заведений и нашей литературы теперь находит слишком «ретроградными» меры, одобренные в последнем Совете министров. Он был у государя, чтобы выразить ему это убеждение. Таким образом, в высшей сфере постоянные колебания и противоречия.

14 июня. Целый день на даче. Погода октябрьская, буря, дождь и температура между 6-ю и 3°

15 июня. Утром в Царском Селе. Доклад. Потом у вел. кн. наместника совещание по вопросу об упразднении Варшавского генерал-губернаторства. Ген. Крыжановский (сделавшийся ген.-адъютантом), военный министр, Платонов, Набоков и я. Вечером дома. Трудно вообразить, какое безлюдье в Министерстве, коль скоро дела требуют обобщения и политического такта.

16 июня. Утром в городе. Особый комитет у государя по вопросу об освобождении из-под ареста тверских мировых посредников. Вопрос возбужден кн. Суворовым, который при добром сердце и плохом понимании дела воображает, что он держит и лепит, как воск, в своей руке реченных посредников, точно так же, как и здешних профессоров и студентов. Дело не в излишней строгости к тому или другому лицу, но в том,

что явное восстание против закона и правительства не может быть ни терпимо, ни оставляемо окончательно без наказания после мгновенной вспышки правосудия. У нас всегда так. Струна законной строгости натягивается в первую минуту. Потом словно надоест дело, и струпу спускают.

Вечером на даче, куда вернулся к обеду. Были два Ливена, Сиверс и еще кое-кто.

17 июня. Утром у обедни. Потом в городе для нескольких прискорбно неизбежных визитов. Вчера получено известие о том, что неизвестный убийца ранил гр. Лидерса выстрелом из пистолета в Саксонском саду [165]. Пуля прошла навылет из задней части шеи в нижнюю челюсть. Рана не опасна, по словам телеграфа, но в лета Лидерса я этим не успокаиваюсь. Замечательно, что полиция не могла схватить злодея. Никаких других подробностей не знаем. Вел. кн. ген.-адмирал решился ехать 19-го числа. Это происшествие здесь смутило многих. Готовы уже считать ошибкою все то, что в последнее время сделано, и назначение вел. князя, и назначение Велопольского, и упразднение Варшавского ген.-губернаторства. Как будто от одной пули одного убийцы могло зависеть разрешение подобных вопросов.

18 июня. Утром в Государственном совете. Председательствовал кн. Татарин. Лифляндское дело о церковных повинностях и дело о выкупе. Последнее прошло без всякого спора, почти беззвучно и незаметно. Не так еще давно его успех считали невозможным. По лифляндскому делу большинство было против заключения Остзейского комитета (17 против 16). Об.-прокурор Святейшего синода Ахматов заявил на основании отзыва Рижского архиепископа, что, в случае успеха предложенной Комитетом меры, все 100 тыс. лифляндских православных латышей готовы обратиться или могут обратиться снова в лютеранство, а их примеру, пожалуй, последуют и смежные с латышами униаты. Этот аргумент,

по-видимому, сильно подействовал, принять его было легче, чем разобрать его основательность и оценить его значение. Главное в том, что, несмотря на все мои усилия, почти никто из членов не понял сущности дела, большая часть министров, кн. Долгоруков, Милютин, Головнин, Краббе, гр. Адлерберг, Муханов (за Горчакова), Чевкин, Анненков и Прянишников, подали голос против меня [166].

Кн. Долгоруков сообщил мне, что необходимо преобразовать комиссию, учрежденную кн. Суворовым, по делам о пожарах. Кн. Суворов не решается ни на какую положительную меру и не конфирмировал одного ему уже представленного приговора. Между тем в Сенате плохо идет тверское дело [167], а в Министерстве народного просвещения так темно, что путей министра никому не разобрать. Мне порою приходит на мысль: не погибли ли мы окончательно? Не порешена ли судьба Российской Империи? При таком разладе управления, при таком отсутствии людей, мыслящих более или менее одинаково и действующих заодно, возможно ли предупредить распадение Отечества на части? Неужели я призван только к тому, чтобы быть свидетелем его последних содроганий, или, может быть, подать ему законный прием мускуса перед кончиною, т. е. перед разложением в новые жизненные формы? Стараюсь не упадать духом, крепиться и продолжать борьбу.

19 июня. Утром в городе. Сегодня в 9½ часа утра вел. кн. Константин Николаевич уехал в Варшаву. Вел. кн. Александра Иосифовна, несмотря на 9-й месяц беременности, настояла на том, чтобы ехать вместе с ним. Их сопровождает весьма небольшая свита. Три адъютанта, действ. стат. сов. Набоков, Чечирин, одна фрейлина и двое врачей. Со стороны вел. княгини решимость естественная, но тем не менее прекрасная. Существенно новых известий из Варшавы нет.

Вечером были у меня Паскевич, Шувалов, Тимашев, Сиверс и Крейг. Последний передал поручение от вел. кн. Константина Николаевича, который выражал сожаление о том, что со мною не виделся перед отъездом, и, между прочим, как «завещание умирающего», по случаю разлуки надолго, меня «умоляет», чтобы я противодействовал слишком сильной реакции, которая, по его мнению, должна обнаружиться в высшей правительственной сфере.

20 июня. Целый день на даче. Видел разных лиц, несносного калужского предводителя Щукина, несносно-плачущего почт-антрепренера Анненского, минского губ. Кожевникова и смоленского уездного предводителя Потемкина. Последний — кремень. Принужден был убить три часа времени на переделку проекта журнала Государственного совета по последнему заседанию и по статье о лифляндском деле. Потапов сообщил весьма интересные сведения от наших агентов в Лондоне. Кн. Гагарин назначен председательствующим в Государственном совете, как вице-Блудов, и даже председательствующим членом Главного комитета. Давно ли он из него выбыл при его пересоставлении?

21 июня. На даче. Ездил к кн. Гагарину на Елагин, но его не видал, а вместо того видел живущего рядом с ним, в так называемых кавалерских домах, Бажанова. Вечером были кн. Ливен и Сиверс. Первый провел вчерашний день в Царском Селе. После обеда он решился завести разговор с государем о лифляндском деле, но государь уклонился от ближайших объяснений, сказав только, что он сделает tout ce qui sera humainement possible[316].

22 июня. Утром в Царском. Доклад. Ночью получена была из Варшавы депеша, извещающая о покушении на жизнь вел.

[316] Все, что будет в человеческих силах.

князя. При выходе из театра в 9½ часа вечера, в то время, когда вел. князь садился в коляску, к нему подошел неизвестный человек и выстрелил в него в упор из пистолета. «Бог спас», — как замечает сам вел. князь в депеше. Пуля пробила платье, но только поцарапала и оконтузила ключицу. Убийца тотчас схвачен, но его имя и звание пока не известны. Это известие, конечно, произвело сильное впечатление, государь им, видимо, поражен, нахожу его благоприятным. При подобном исходе можно, во-первых, уповать на дальнейшее покровительство божее, столь явно в настоящем случае обнаружившееся и никогда не знаменующее себя тщетно в столь явных чертах, и, во-вторых, можно рассчитывать на впечатление, которое должно быть произведено на всех честных и порядочных людей в Царстве столь гнусным злодейством, совершенным вслед за прибытием вел. князя и вел. княгини в Варшаву и вслед за другим злодейским покушением на жизнь гр. Лидерса.

Видел в Царском кн. Горчакова, еще не оправившегося от сильного припадка подагры. Он разделяет мое мнение о варшавских событиях. Мы оба находим, что попытки убийц доказывают, что революционная партия опасается последствий совместного назначения вел. князя и Велопольского и старается отчаянными средствами предотвратить эти последствия.

23 июня. Убийцу вел. князя зовут Ярошинским. Он портной-подмастерье. Кн. Долгоруков говорил мне сегодня, что в Варшаве арестовано много лиц и что, по-видимому, подтверждается известие, полученное несколько недель тому назад, об отправлении революционною партиею в Варшаву целой шайки убийц.

Утром был в Исаакиевском соборе на благодарственном молебне за спасение жизни вел. князя. Ген.-губернатор как-то поздно распорядился оповещением. Из высших лиц никого

не было, кроме кн. Суворова, об.-прокурора Святейшего синода и меня.

Обедал на официальном обеде in fiocchi[317] у турецкого посланника по случаю годовщины восшествия на престол «de l'empereur des Ottomans»[318], как говорит он в пригласительных билетах, «de s. m. le sultan»[319], как сказал товарищ министра иностранных дел Муханов, предлагая тост за здравие е. величества.

24 июня. Утром у обедни. Целый день на даче. Писал письмо к вел. кн. Константину Николаевичу. Из Варшавы получено известие, что убийца гр. Лидерса сам себя открыл и уже арестован. Ни он, ни Ярошинский не выдают сообщников.

25 июня. Утром в Государственном совете, потом заседание Главного комитета. Кн. Долгоруков говорит, что вести, привезенные из Варшавы кн. Ухтомским, адъютантом вел. князя, sont noires comme de l'encre[320]. Траур не снят. Ни к кому доверия нет. Полиция не организована. У нас также горизонт не розовый. Я говорил об этом Долгорукову и спросил, видит ли это вполне государь? Он отвечал утвердительно, присовокупляя, что я в этом удостоверюсь при следующем докладе в пятницу. И. М. Толстой также говорил мне que l'empereur est très à bas aujourd'hui[321]. Быть à bas[322] не следует, но нужно вовремя решиться у нас и не делать, как в Польше, всего только тогда, когда это делать уже поздно.

26 июня. Утром в городе. Комитет министров. Кн. Долгоруков говорит, что движение красных в Варшаве усиливается.

---

317 В парадном костюме.

318 Императора турок.

319 Е[го] в[еличества] султана.

320 Черны, как чернила.

321 Император сегодня очень подавлен.

322 Подавленным.

Вечером был Грейг. Передал мне подробности о покушении на жизнь вел. князя, слышанные от приехавшего из Варшавы его шурина кн. Ухтомского, который был в коляске с вел. князем во время этого покушения. При допросе убийца отвечал с величайшим хладнокровием, что хотел убить наместника и что они, т. е. поляки, решились на то, чтобы убивать всех наместников, которых к ним будут посылать.

Отправил к кн. Долгорукову записку, в которой излагаю общий взгляд на положение дел и возвращаюсь к мысли о преобразовании Государственного совета. Ночью получил телеграмму из Новгорода об обнаруженном рядовом тамошнего гарнизонного батальона подговоре какого-то юнкера Кудрявого на преступление против первых двух пунктов [168]. Следствие начато и Кудрявый арестован [169].

Вчера был у меня Некрасов по делу о «Современнике». Неприятная личность, но лично он не заговорщик, у него есть деньги.

27 июня. Утром в городе. Ездил с женою, Скарятиным, гр. Паленом, гр. Сиверсом и Мартыновым смотреть памятник тысячелетия. Отдельные фигуры весьма хороши. Об общем эффекте судить нельзя в сарае, где теперь собран памятник. Барельефы, или, точнее, горельефы пьедестала, мне менее нравятся. Фигура императора Николая очень неудачна, он сидит в казацком мундире и оборотился спиною к Сперанскому, показывающему ему из-за кого-то том законов.

28 июня. Утром в Царском Селе. Совет министров. Дело о земско-хозяйственных учреждениях и дело о Комитете для устройства быта духовенства. Оба прошли. Заходил к кн. Горчакову и к гр. Шувалову. Nous avons reconnu le royaume d'Italie[323]. Для переговоров по этому предмету был послан в

---

[323] Мы признали королевство Италии.

Париж бар. Будберг, который предназначается in petto[324] на место гр. Киселева. Гр. Шувалов все хлопочет о сыне и интригует, сколько может.

29 июня. Утром в Царском. Доклад. Государь долго говорил о современном положении дел и о моих предположениях на счет преобразования Государственного совета. Он повторил однажды уже сказанное, что противится установлению конституции «non parce qu'il serait jaloux de son autorité, mais parce qu'il est convaincu que cela ferait le malheur de la Russie et mènerait à sa dissolution»[325].

Он также повторил, что не хочет временных членов Государственного совета по выбору, как в австрийском Beichsrat'е, а по назначению, как в Царстве Польском, в тамошнем Государственном совете. Преобразование он теперь считает несвоевременным, но не прочь от него впоследствии. По делу о лифляндских церковных повинностях он был в затруднении, находя l'opinion de la majorité très concluante[326]. Я указал на недостатки и неудобства этого мнения, присовокупляя, что, впрочем, я сам заранее признавал, что по столь щекотливому вопросу е. величеству нельзя утверждать мнение меньшинства. Mais alors comment faire[327]. Я предложил два biais[328] на выбор, предлагая изложить оные письменно, буде государю угодно. Государь просил это сделать, что мною и исполнено по возвращении в город. Вечером был кн. Долгоруков. Непостижимо, до какой степени доведено расстройство армии в некоторых корпусах. К чаю были несколько посетителей.

---

[324] Негласно.

[325] Не потому, что он дорожит своим авторитетом, но потому, что убежден, что это принесло бы несчастье России и привело бы к ее распаду.

[326] Мнение большинства очень убедительным.

[327] Но что же делать?

[328] Два окольных пути.

30 июня. Утром в городе. Множество разных лиц и дел. Признаки разложения продолжаются. Подполковник Александрийского гусарского полка Красовский в Киевской губернии разбрасывал возмутительные воззвания к солдатам и подстрекал крестьян к неповиновению, в малороссийском национальном костюме [170]. Из Тюмени городничий доносит по телеграфу о бывших там поджоге и уличных беспорядках. Получил от государя уведомление, что он принял одну из предложенных мною двух мер по лифляндскому делу. Гр. Бобринский, тульский предводитель, был у меня и сообщил, что будет просить увольнения от должности. Он окутывал это в разные фразы, и я отвечал также фразами, не говоря, до какой степени все это было предусмотрено. Он утвержден, чтобы не утверждать другого кандидата, Минина, и утвержден именно в ожидании, что останется недолго. Прошло четыре месяца, и уже ожидание осуществляется [51, 52].

1 июля. На даче. Утром у обедни. В 2 часа гром пушек возвестил рождение вел. кн. Вячеслава Константиновича.

2 июля. Утром заседание Государственного совета. Потом Главный комитет по крестьянскому делу, где Канцелярия и Бахтин попытались по вопросу о государственных крестьянах объявить неразрешенными вопросы, обсуженные в двух предшедших заседаниях. Я помешал, потребовав, чтобы мое мнение о том было записано в журнал, и чтобы впредь читались журналы заседаний. Канцелярия рассердилась, тем более, qu'elle s'est sentie prise sur le fait[329].

3 июля. Комитет министров. Потом заседание Департамента законов по вопросу об отмене телесных наказаний.

4 июля. На даче. Были разные посетители. Между прочим, ген. Волоцкой, который метит в новороссийские ген.-губернаторы, и чтобы меня соблазнить, рассказывал

[329] Что она почувствовала себя застигнутой на месте преступления.

очень многое о своих подвигах в Ставрополе и своих наблюдениях в Мар [..?][330]. Он не заметил, в какой мере он при этом обнаружил seine Flachheit[331]. Сегодня в «Северной почте» Premier Pétersbourg Ржевского с моими модификациями [171]. Завтра будет другой, мною написанный сегодня.

Княжевич писал мне, что рекомендует в новороссийские ген.-губернаторы гр. Лидерса или гр. Сакена. Значит, что от того и другого он ожидает назначение своего племянника таврическим губернатором.

5 июля. Утром на военном пароходе «Ильмень» отправился в Петергоф. Совет министров. Моя записка о средствах противодействовать современному направлению прессы. Конечно, она не встретила большого сочувствия в членах Совета. Однако государь поддержал мою мысль в общих чертах. Чевкин, говоря в пользу отрицательных или чисто запретительных мер, сказал, что на стороне, противной правительству, более уменья и более способностей, и что все литераторы, которых он знает, люди, продающие свое перо и свою совесть скандалу и деньгам. Кн. Горчаков довольно резко отвечал выражением сожаления о сношениях и знакомстве Чевкина с подобными людьми. Головнин перечитывал довольно длинные выписки из своих прежних докладов, вероятно, чтобы доказать, что он прежде меня уже высказал то, что я говорил в настоящем случае [171[а]].

Обедал в Ораниенбауме у вел. кн. Екатерины Михайловны. Ночевал в Петергофе.

6 июля. Утром в Красном Селе для доклада. Государь, прощаясь перед отъездом, обнял меня и благодарил. На время его отсутствия учреждается Comité de salut public[332] вроде прошлогоднего, под председательством вел. кн. Нико-

---

[330] *Слово не разобрано.*

[331] Свою поверхность.

[332] Комитет общественного спасения.

лая Николаевича. Членами назначены кн. Горчаков, кн. Суворов, Милютин и я. Государь говорил мне о каких-то таинственных открытиях, которые надеется сделать кн. Суворов [172]. Накануне сам кн. Суворов предуведомлял меня об этом. Выходит, что Костомаров, обвиненный и судимый по прошлогоднему делу Заичневского и Аргиропуло, обещал «ревелации», будто бы не сделанные им в то время по случаю каких-то неловких приемов Шувалова.

Вернулся к обеду в Петергоф. Обедал у и. и. величеств. Вечером ездил с женою по саду, и с последним поездом вернулся на дачу.

7 июля. Утром в городе. После обеда был у меня Потапов. Серно-Соловьевич и Чернышевский арестованы, вследствие обнаруженных сношений с Герценом, и эти сношения обнаружены при арестовании некоего Ветошникова, бывшего в Лондоне, и о приезде коего наш агент известил Потапова [173].

8 июля. Утром у обедни. Перед обедом ездил на Каменный остров к Рейтерну, турецкому посланнику и к Милютину.

9 июля. На даче. Вечером были у меня Потапов и Лауниц. Сделаны окончательные распоряжения насчет командирования сего последнего в Нижний Новгород.

10 июля. Телеграф сообщает, что путешествие и. и. величеств совершается благополучно. Третьего дня дождь помешал отчасти празднеству в Кокенгузене, но, впрочем, все, по-видимому, удалось. Сегодня и. и. величества в Митаве. Вчера был въезд в Ригу и бал в биржевом зале. Государь телеграфирует, что прием был «неслыханный и небывалый».

Целый день на даче. Погода сентябрьская. Вообще нынешний год погода во всех частях исключительная. Зимою ни одной оттепели, ни одной метели и ни одного настоящего тумана. Весною ни одного теплого апрельского дня и ни одной ясной и тихой майской ночи. Летом до сих пор два теп-

лых дня и одна теплая ночь, да и та пасмурная, с 4-го на 5-е июля.

После обеда был у меня купец Левинштейн из Берлина, рекомендованный Зимундом Fifficus ex filiis Israël[333]. Впрочем, умен, наметан и бывалый. Он сказывал, между прочим, что его отец всегда советовал ему говорить правду, присовокупляя: Sprichst du wahr, so brauchst du ein Gedächtniß; lügst du, so brauchst Du zwei[334].

Получил указ по делу о тверских посредниках. Сенат приговорил их к заключению в смирительном доме [174].

11 июля. Утром в городе. Аресты лиц, компрометированных бумагами Ветошникова, продолжаются. Ген. Лауниц был у меня перед отъездом. Топильский заезжал по поручению гр. Панина. Дело Заичневского и Аргиропуло оканчивается в Московских департаментах Сената [175]. Топильский по случаю дурной погоды характеристически говорит, что «лето следует оставить в подозрении».

12 июля. Утром на даче. Вечером жена и Никс уехали в Ригу и Дуббельн. Провожал их до железной дороги. По возвращении на дачу был у меня Путилин по делу об ожидаемых от Костомарова ревелациях [176]. Костомаров требует, чтобы его разжаловали в солдаты и обеспечили существование его матери, и, кроме того, не выдавали его показаний, как было по делу Михайлова. Все возможно, кроме первого, потому что дело в Сенате, следовательно, нельзя определять наказания произвольного. Костомаров говорит об обширно распространенном заговоре, обещает назвать членов революционного комитета, им управляющего, и земской думы, ему содействующей, говорит о денежных средствах общества, о связях с армиею и т. п. Негоциация с Костомаровым затор-

[333] Плут из сынов Израиля.

[334] Если ты говоришь правду, то тебе приходится припоминать один раз, а если лжешь — дважды.

мозилась, вследствие личных щекотливостей кн. Суворова, который вел дело на свою руку, и Потапова, который о нем знал. Я дал Путилину положительный от себя отзыв и послал его в Москву для переговоров с Костомаровым.

13 июля. На даче, кроме поездки в Лесной, чтобы навестить ген. Зеленого, который болен. У меня были разные лица, между прочим, пермский губернатор Лошкарев, один из несноснейших и пустейших губернаторов, а таковых, увы, немало.

14 июля. На даче. Собираюсь сегодня в город, потом до завтрашнего вечера в Ораниенбаум, Сергиевку, Петергоф и Знаменское.

16 июля. Был в Ораниенбауме с 14-го по 15-е. Вместе со мною были m. и m-me Regina, Жеребцова и Эверс. Погода мешала обычным вечерам на катальной горе, la Katalna, как говорит герцог, с особым ударением на последний слог. Выехал оттуда 15-го в 2 часа. Вел. княгини не было в Сергиевке, а вел. князя — в Знаменском. Вернулись в город к обеду, обедал в клубе, после обеда был на даче. Видел в Петергофе кн. Горчакова и вернувшегося из Риги кн. Долгорукова.

Сегодня на даче до вечера. Получено известие, что возвращение и. и. величеств отложено до 26-го. Писал к гр. Адлербергу, прося доложить государю, что я желал бы, тем не менее, выехать отсюда 22-го числа. До 2-х часов был в духе и работал. День летний. С 2-х часов постоянно мешали разные неотразимые посещения. Милютин, Варадинов, Тройницкий, Турунов. Ахматов, Ревертера, Сиверс. Вечером ездил на ½ часа к кн. Кочубей.

Путилин вернулся из Москвы. Ничего путного пока нет.

17 июля. Утром в Комитете министров. Вечером дома.

18 июля. Утром Государственный совет. Дело об отмене телесных наказаний. По сущности дела было три голоса в пользу мнений гр. Панина: его собственный, Танеева и Гас-

форта. По вопросу об отсрочке дела до введения нового судебного устройства голоса разделились почти поровну: 13 или 14 против отсрочки, 12 или 13 в пользу ее. Я был против, во-первых, потому что в настоящее время одно сохранение плетей не обеспечивает общественного порядка, во-вторых, потому что для меня другое мнение было неудобно [176а].

19 июля. Утром в городе. Заседание комиссии о губернских учреждениях. Потом дома. Работал. Получил по телеграфу разрешение ехать в Ригу 22 числа.

20 июля. На даче. Работал целый день. Кончил записку о преобразовании генерал-губернаторства по случаю устройства новых военных округов [177].

21 июля. Утром в городе. Заседание Главного комитета. Дело о государственных имуществах. Гернгрос не в выгодном свете. Trop sûr de son fait[335]. Вечером за работой. Приготовление к отъезду. Высочайше повелено освободить завтрашнего числа мировых посредников, заключенных в смирительный дом по тверскому делу. Характеристично. Их посадили третьего дня. Гр. Панин крепко сердит. Это устроили кн. Суворов и кн. Долгоруков. Весьма иррегулярно то, что подобные вещи у нас могут случаться, не спросясь мнения министра внутренних дел. Сегодня утром являлся ко мне член губернского присутствия Оренбургской губ., Авдеев, которого по телеграфу велено было арестовать за политические преступления [178]. Он, видно, почуял недоброе и прискакал просить паспорта помимо губернатора и ген.-губернатора. Я дал знать о том Потапову.

22 июля. Выезжаю вечером. Авдеев арестован вчера.

Дуббельн. 25 июля. Благополучно прибыл в Ригу 23-го вечером. Переезд из Динабурга совершен в сопровождении Кубе, который приехал ко мне навстречу. Ночевал в рижском

[335] Слишком уверен в себе.

замке. На другой день, вечером, был в Дуббельне, успев встретить в Риге вел. кн. Александра Александровича, отправляющегося в Варшаву на крестины вел. кн. Вячеслава. Сегодня провел весь день по-дуббельнскому и благодарю бога за то, что позволил мне сюда вернуться. Дуббельн все прежний. Люди изменились. Многих нет. Но небо, море, зелень деревьев, воздух, наполненный миром, тишиною, настоящим и прошлым, потому что воспоминания связуются с ныне переживаемым, — вот что прочно, неизменно и мне остается верным. Их и. величества отсрочили возвращение из Либавы, и мне дано знать, чтобы я ожидал их в Риге 28 и с ними ехал в Петербург.

На даче на Аптекарском острове. 29 июля. 26, 27 проведены в Дуббельне. 28-го утром в 5 ½ купался в море, в 7 был на пароходе, в 9 в Риге, в 12-ть на станции железной дороги. В 12½ приехали и. и. величества. В ¾ 1-го выезд. На пути до Кокенгузена доклад. В Кокенгузене обед. Вечером в Динабурге, где останавливались к чаю, нас ожидали Чевкин и Назимов с военною свитой. Все тот же. На пути из Динабурга длинный разговор с императрицей. Она заметила, со свойственной ей проницательностью, что между курляндцами менее способных личностей, чем в Лифляндии. Их и. величества восхищены сделанным им приемом. Действительно, все было, как следует. При всем том я небольшой охотник до того, чтобы они восхищались немцами. Прибыли в Петербург в 9½ час. утра. В 10½ я был на даче. Был у обедни. Работал. Нехотя принимаешься за дела, когда предстоит новая отлучка, а прежняя еще так свежа в памяти. Новостей нет, кроме того, что в Велопольского выстрелил из пистолета (но дал промах) некто литограф Грилль, и что в разных губерниях обнаруживаются злонамеренные кружки. Число арестований увеличивается.

30 июля. Утром в Государственном совете. Потом Главный комитет. Вечером дома.

31 июля. Утром в Комитете министров. Потом в заседании Департамента законов по вопросу о правилах для предстоящего рекрутского набора. Вечером дома. Милютин говорит, что в Царстве Польском добились «ревелаций» и производятся новые аресты.

1 августа. На даче. Обедал у Рейтерна.

2 августа. Утром в Петергофе по железной дороге. Часть доклада сдал на пароходе «Александрия»; конец — в Петербурге в Зимнем дворце. Успел вернуться домой и переодеться для аудиенции японских послов. Три главные фигуры, бывшие впереди (вероятно, два посла и приданный им по обычаю Японии шпион или агент тамошнего 3-го отделения), произвели на меня каждый различное впечатление. Старший и главный дикарь pur sang[336], второй (вероятно, шпион) дикарь с примесью хитрости и злой увертливости полуцивилизации, третий, младший дикарь по закону, уже готовый перестать быть дикарем по вкусу. Присутствовали, кроме государя и государыни императрицы, вел. кн. Екатерина Михайловна и Александра Петровна, вел. кн. Николай Николаевич и т. д.

Был потом в здании Министерства, где в первый раз видел работы. Они значительно подвинулись.

У государя происходило после доклада краткое совещание по вопросу о генерал-губернаторствах. Начала, предложенные в моей записке, одобрены, и мне поручено составить более подробные и окончательные по сему предмету соображения[53,54].

1 сентября. Пробел почти за целый месяц. Тому причиной Дуббельн. Выехав отсюда 4-го августа вечером, я вернулся

[336] Чистокровный.

29-го, быв по 25-е в Дуббельне, а 26, 27 и часть 28 — в Лаукене. Благодарю бога за дарованный мне отдых, хотя и не безусловный, потому что я ежедневно был пытаем просителями и посетителями. В Риге 23-го числа мне был дан большой обед, даже с латинскою речью. 30 августа был в Александро-Невской лавре. 31-го — с докладом в Царском Селе, где обедал у их и. величеств. Во время моего отсутствия государь ездил в Тверь и Москву. В Твери был блистательный прием со стороны офицеров; дворянство a brillé par son absence[337]. Гр. Баранов не сумел dissimuler le fait[338]. В Москве восторженный прием со стороны народа. От дворянства были по крайней мере все предводители. Видел вчера в Царском фельдмаршала кн. Барятинского. Он почти выздоровел. Видел приехавшего из Варшавы Набокова. Он говорит, что тамошнее положение дел хотя и не улучшается блистательно, но все-таки лучше, чем было.

Сегодня был в городе. Утром заседания соединенных присутствий Департамента законов и Главного комитета, Департамента экономии и Главного комитета, наконец, одного Главного комитета. Вечером дома, на даче. К нам приехали в гости еще до нашего возвращения из Дуббельна Голицыны.

2 сентября. Утром у обедни. Весь день дома. Видел разных лиц, ничего особого, кроме телеграфического известия о пожаре в Новгороде, куда государь едет 7-го числа. Если поджог, неладно.

3 сентября. Утром в Государственном совете. Рассматривались основные начала уголовного судопроизводства. Из Варшавы получены известия, которые сильно взволновали государя. Там составлен адрес Замойскому о воссоединении

---

[337] Блистало своим отсутствием.

[338] Скрыть факт.

Литвы с Польшею и т. п. Вел. князь сообщает, что, по мнению Велопольского, следует Замойского выслать за границу, но что, по его мнению, надлежит его выслать в Петербург. Государь, ни с кем не советовавшись, отвечал по телеграфу, что Замойского следует прислать сюда с жандармами. Кн. Горчаков и кн. Долгоруков, бывшие в Царском Селе, узнали об этом от государя на вечере и оба выразили мнение, что подобного приказания отдавать не следовало. То же сказал и бывший при том Милютин.

4 сентября. Государь, видно, послушался данного ему совета или же вел. князь принял на себя отступить от полученного по телеграфу повеления. Замойский едет сюда, но без жандармов. Вел. князь вообще распорядился правильно и самостоятельно. В секретной телеграмме кн. Горчакову он говорит «qu'il ne peut pas épouser les haines personnelles de Wielopolski»[339], и что вообще арестование Замойского было бы тем более неудобно, что он противился адресу. Вел. князь при этом случае приостановил на некоторое время передачу каких бы то ни было депеш по варшавской телеграфической линии. Сегодня утром в Государственном совете было экстренное заседание для рассмотрения основных начал судоустройства. Совещания по важному вопросу о судебных преобразованиях, таким образом, окончены[55].

5 сентября. Замойский приехал вчера вечером. Его привез адъютант вел. князя Сержпутовский. До железной дороги, другие говорят до Динабурга, его сопровождали несколько жандармов.

Целый день на даче.

6 сентября. На даче. Еду завтра в Новгород с государем. Кн. Долгоруков уехал сегодня.

---

[339] Что он не может взять на себя ответственность за неприязнь Велопольского к отдельным лицам.

11 сентября. Вернулся из Новгорода вчера вечером. Подробности пребывания там заключаются в моей переписке и в современных газетах [179].

Сегодня целый день дома. Работал. Вечером был Грейг, который собирается в Варшаву.

12 сентября. Утром заседание Государственного совета для подписания журналов по судоустройству и уголовному судопроизводству. Первый журнал о гражданском судопроизводстве получен от государя, который, по-видимому, при разрешении разногласий руководствовался мнением гр. Панина [180]. Вечером был у меня Жданов. Из бумаг, доложенных в голицынской комиссии, оказывается, что заговор наших революционеров успел охватить часть Закавказья и для сего пользуется вопросом об армянской народности, о которой фельдмаршал мне говорил, что эта одна народность, которой он там опасается.

13 сентября. Утром в Царском Селе. Совет министров. Докладывались результаты исследований разных следственных комиссий: голицынской о пожарах, о воскресных школах, по военному и морскому ведомствам. Положено распространить, или, точнее, продолжать действия комиссий под председательством кн. Голицына. Совещание было бесцветно. Возбуждать общего вопроса о современном политическом положении России при настроении умов собрания я признал неудобным.

Кн. Суворов из рук вон. Во все вмешивается. Кричит. Сердится. Ругается. Дела не делает.

14 сентября. Утром в Царском Селе. Доклад. Был потом у императрицы, которая желала переговорить со мною о Вяземских. Она высказала мысль, что полезно было бы государю и ей побывать в Москве в ноябре. Она очевидно озабочена изысканием случаев и средств к оживлению чувств и демонстрации преданности со стороны дворянства.

15 сентября. Утром в Комитете финансов. Обедал в клубе. Были у меня депутаты от тульских уездных предводителей г.г. Чижов и Федоров с просьбою о созыве чрезвычайного дворянского съезда для выбора губернского предводителя вместо гр. Бобринского. Этим путем можно бы уничтожить право правительства выбирать между двумя кандидатами. Стоило бы только утвержденному выходить в отставку, а не утвержденному быть снова избираему на съезде. Отклоняю это ходатайство.

16 сентября. Утром у обедни. Тяжелый день. Личные огорчения и заботы. Как иногда внутренняя жизнь человека не походит на внешнюю и скрыта от наблюдательного взгляда ближних. Как могущественна та незримая рука, которая внезапно ниспосылает горе или заботы и вдруг как бы скрутит ум и сердце!

17 сентября. Утром в Государственном совете. Заезжал к Муравьеву, который вчера приехал из-за границы. Работал.

18 сентября. Был у меня Бороздна, черниговский губернский предводитель, назначенный смоленским губернатором. Целый день на даче. Работал. Горизонт снова хмурится.

19 сентября. На даче. Целый день доклады или другая работа.

20 сентября. Утром в Царском Селе. Совет министров по делу о записке Назимова, в которой он предлагает манифест à le Garibaldi в честь народностей, чтобы во имя и с помощью (?) литвинов, русинов и т. п. противодействовать польской пропаганде. Между тем из Подольской губернии получено по телеграфу уведомление, что подольское дворянство на губернском съезде составило адрес о присоединении Подолии в административном отношении к Царству Польскому. Под влиянием этого известия положено воскресить прежний высший комитет о западных губерниях [181]. Мне это выгодно, потому что поможет справиться с

ген.-губернаторами, в особенности с Виленским. Из бережливости к особым взглядам и привычкам государя мне неудобно было одному открыто воевать с Назимовым и вообще напоминать, что ген.-губернаторы мне прямо подчинены. Обедал у и. и. величеств с фельдмаршалом [182] и с кн. Гагариным (председатель Государственного совета), который вчера имел особую аудиенцию у государя по вопросам о судопроизводстве и судоустройстве. Аудиенция была испрошена для контрабалансирования конфиденциальных записок гр. Панина, имевших влияние на разрешение е. величества по разногласиям в Совете. Бутков писал о том докладную записку для Гагарина. Жаль только, что по предмету столь важному и столь специальному государь может рисковать поддаться влиянию того или другого мнения при одностороннем его изложении без состязания в его присутствии. Императрица с сожалением говорила о неудовольствиях, возбужденных в новгородском дворянском мире тем, что по представлению губернатора губернскому предводителю дан только орден св. Анны II степени, а уездным предводителям ничего не дано. Я уже прежде этим озабочивался. Кажется, можно будет поправить post festum[340].

21 сентября. Утром в Царском. Доклад. В Институте путей сообщения была демонстрация воспитанников, протестовавших письменно, в числе 150 чел., против исключения одного из них, не возвратившегося из отпуска. Вчера было предположено дать им три дня для размышления и затем, в случае упорства, всех исключить. Сегодня Чевкин приезжал в Царское и просил разрешения исключить для примера только человек 15. Но сам не знал еще, кто именно подлежит включению в число 15-ти. Ему разрешено это сделать. Сомневаюсь в успехе.

[340] После праздника.

22 сентября. Утром в городе. Был по обыкновению в Казанском соборе. Да благословит бог новые лета моей жизни.

23 сентября. Утром у обедни. Целый день на даче. Работал. Кн. Васильчиков сообщает, что подольское дворянское собрание закрыто и разошлось в порядке.

24 сентября. Утром в Государственном совете. Работал целый день.

25 сентября. Утром Комитет министров. Потом заседание Западного комитета, в котором я просил господ членов высказаться насчет общих, всем известных вопросов края. Они предпочли выждать, пока будет внесен изготовляемый по моему распоряжению очерк положения дел западных губерний и событий за последние 1½ года[56]. Потом заседание Главного комитета и Департамента законов.

26 сентября. Кончил сегодня утром пересоставление проекта нового Положения о генерал-губернаторах. Проект, дважды составленный Китицыным под руководством гр. Толстого, оказался неудовлетворительным.

Перед обедом был у меня Безобразов — магистр правоведения. Между им и сумасшедшим различия немного. Вечером был Корш, будущий издатель «Санкт-Петербургских ведомостей».

27 сентября. На даче. Работал.

28 сентября. Утром в Царском Селе. Доклад. В Одессу государь предполагает назначить ген.-губернатором кн. Воронцова. Видно здесь влияние императрицы. В Тверь вместо гр. Баранова назначается Багратион.

29 сентября. Утром заседание Комитета финансов. Переехали в город, с сожалением расставаясь с дачей, и с обычным чувством сомнения насчет возвращения туда на будущее лето. Обедал у Гернгроса.

30 сентября. Утром у обедни. Разбор бумаг. Вечером в Царском Селе. Французский спектакль. Pièces impossibles, quoique bien données[341].

1 октября. Утром на акте в Petrischule, по случаю 100-летнего юбилея школы. Остальное время дня за работой. Из Подольской губ. получил адрес, которого я государю не представил, испросив разрешения вскрыть адресованный к нему конверт. Адрес подписан 249-ю дворянами и, резко обвиняя во всей неурядице Западного края правительство, нарушившее его природную связь с Польшей, требует восстановления этой связи [183]. Местные власти очевидно растерялись. Государь назначил это дело к докладу в Совете министров на 4-е число.

2 октября. Утром заезжал к Зеленому для объяснений по вопросу о государственных крестьянах. Был у Рудницкого. Вечером дома. С редкими промежутками весь день за работой.

3 октября. Утром заходил к лорду Нэпиру. Работал. Вечером был Грейг, недавно возвратившийся из Варшавы. Он передал мне разные поручения от вел. князя.

4 октября. Совет министров в Царском Селе. Подольское дело. Решено предать суду предводителей [184]. Я предлагал, кроме того, упразднить Подольскую губернию, переформировав ее границы; я говорил, что слова, произнесенные подольским дворянством в его адресе, должны быть его последними словами. Никто не поддержал этой мысли, хотя Зеленый накануне мне говорил, что он ее поддержит, и Корф мне после сказал, «que c'était une belle parole»[342].

Сегодня доклад Чевкина происходил в присутствии Мельникова. Чевкин уходит. Говорят, он будет председателем Департамента экономии и Комитета финансов. Ген. Мель-

[341] Невозможные, хотя и хорошо поставленные пьесы.

[342] «Что это была прекрасная речь».

никова я не знаю. Об нем отзываются с похвалою как о технике.

5 октября. Доклад в Царском. Сперва у обедни, по случаю рождения вел. кн. Марии Александровны. Государь говорил при докладе, что он желает, чтобы я под каким-нибудь предлогом побывал в Москве до прибытия туда и. и. величеств — pour préparer et sonder le terrain, et pour que cette visite ne présente pas le caractère peu satisfaisant de la première»[343].

Кн. Суворов сообщил мне, qu'il avait mis martel en tête à l'Impératrice à cet égard et qu'il lui avait dit que j'étais le seul homme qui pût leur préparer le terrain d'une façon convenable»[344].

6 октября. Целый день за работой. Забыл вчера заметить, что при докладе государь говорил о назначении в Одессу герцога Мекленбургского. Эта мысль подана военным министром. Я сказал, что ее не разделяю и предпочитаю комбинацию с кн. Воронцовым[57].

7 октября. Утром у обедни. Потом в Гатчине к обеду, на вечер и на ночь. В первый раз видел Гатчинский дворец после его возобновления. Vit de château[345] по намерению; дворцовая по исполнению. Нескончаемый французский спектакль. Гостей много. Удовольствия мало.

8 октября. Возвратился в город с 9-часовым утренним поездом. Государственный совет, потом заседание Главного комитета. Вечером были гр. Борх, ген. Хрулев и Гончаров по делам «Северной почты».

[343] Для подготовки и зондирования почвы, и для того, чтобы данный визит не оказался бы таким малоудовлетворительным, как первый.

[344] Что он в связи с этим поверг в беспокойство императрицу, и сказал ей, что я являюсь единственным человеком, который сможет им подготовить почву должным образом.

[345] Помещичья жизнь.

Комбинация с Воронцовым для Одессы не удается. Он прислал просьбу об увольнении его вовсе от службы. Какое безлюдье. Не знаешь, за кого взяться.

9 октября. Утром дома. Был у меня Барановский. Характеристичная для нашего времени личность. Он преисполнен «убеждений», он видит то, чего «правительство» не видит, он говорит о правительстве, как о некоем неизвестном обитателе Петербурга, а не о сложном организме, объемлющем всю империю, и коего он сам, как губернатор, состоит членом; он говорит о шпионах, о доносах, об арестациях, как «Современник», о польском вопросе, как середина между «Днем» и «Czas'ом[346]. Он два раза сказал, что не может и не хочет слушать, как будто его о том просят, и ни разу не обнаружил какого бы то ни было сознания в неловкости его положения после писем его жены и разговорного тона в его доме. Это литературный отрывок в мундире[58].

Потом был кн. Долгоруков. Я старался ему объяснить, как важен вопрос о системе «само434разверстания» податей, проводимой комиссиею податей и сборов. Не знаю, успел ли?

10 октября. Утром несколько визитов. Работал. Вечером были генералы Крыжановский, Рудзевич, Забудский и еще кое-кто.

11 октября. К обеду был в Гатчине. Ночевал там же.

12 октября. Всеподданнейший доклад в Гатчине. Вопрос о моей поездке в Нижний, Владимир и Москву окончательно решен. Вчера подписаны указы об увольнении Чевкина и назначении на его место Мельникова. Вечером вернулся в город.

13 октября. К обеду снова был в Гатчине. Вечером там же. Proverbes et tableaux в роде Polterabend'a. On se bat les flancs pour s'amuser, mais sans trop de succès[347]. Получено из Афин

---

[346] «Часом».

[347] «Пословицы и картинки, как на вечеринке перед свадьбой. Изо всех сил стараются развлечься, но без большого успеха.

известие об изгнании короля Оттона. Кн. Горчаков меня спрашивал, доволен ли я его «прозой» по случаю обмена депеш между лордом Росселем и им по делам Монтенегро [185]. Депеши напечатаны en «journal de St. Pétersbourg». Прочитал их только. Кн. Горчаков говорит, qut la dépêche de Lord John Russel est naïve. Je ne sais si la sienne ne l'est pas davantage[348]. Вернулся ночью, ускользнув от ужина.

14 октября. Целый день за работой.

15 октября. То же. Составляю очерк дел Западного края для воскресшего Западного комитета.

16 октября. Утром Комитет министров. Потом заседание соединенного присутствия Главного комитета и Департамента законов и Главного комитета.

17 октября. Дома. Кончил западный очерк. Утром был на освящении возобновленного здания Министерства. Вечером были лорд Нэпир, Вяземский, Багратион. И еще кое-кто. Лорд Нэпир осведомлялся насчет изданных в Царстве Польском временных правил о рекрутском наборе [186]. Знаю об них только то, что они изобретение Велопольского для очистки городского населения от беспокойных элементов. Он говорит: «nous opérons notre abcès»[349].

18 октября. Дома. Работал. Утром явился новый тверской губернатор кн. Багратион. Был рязанский — Муравьев — с известием, что в его губернии где-то поколотили исправника, а в Егорьевском уезде дворяне перессорились на съезде, и один из них сбросил со стола зерцало. Вечером был и. д. смоленского предводителя Потемкин. Хитрый агитатор. Был Чевкин, прощаться. Тихий, как ручеек, мягкий, как шелк, нежный, как невеста. Он говорил о предстоящем уходе Панина[59]. Кем его заменить? Бутковым? Un coureur de filles, —

---

[348] Что донесение лорда Джона Росселя наивно. Думаю, что его донесение не менее.

[349] «Мы вскрываем наш гнойник».

une mazette entre les mains de M. M. Zablatski et Cie[350]. Оболенским? Хуже всякого другого. Игнатьевым? Милютиным? Шуваловым? (губернским предводителем). Кем-нибудь из сенаторов? Но кем?

4 ноября. Выехав из Санкт-Петербурга 10/X, я вернулся 1/XI. Насчет поездки в Москву, Владимир и Нижний см. переписку [187]. 2 числа я был в Царском Селе. Обедал у их и. величеств. Вчера утром — на похоронах бедного Мороза[351], умершего скоропостижно в вагоне на Валдайской станции железной дороги на возвратном пути со мною из Москвы. Заезжал к кн. Долгорукову. Видел у него гр. Панина, qui porte avec grâce et bonne humeur sa retraite[352]. Видел у себя множество разных официальных лиц, в том числе ген.-ад. Коцебу, торгующегося насчет принятия должности новороссийского ген.-губернатора. В Царском государь сказал при мне императрице: «Si j'en suis content, je l'inviterai à dîner»[353]. Между тем il ne fut pas invité[354]. Замятнин воцаряется на место Панина. Гр. Блудов вернулся ganz abgängig[355]. Но между тем он вступает в должность председателя Государственного совета. И. и. величества едут в Москву 10-го. Императрица желает найти кого-нибудь, хорошо знакомого с местными личностями и отношениями, для справок. Я предложил, между прочим, Н. А. Милютина. Спустя несколько минут, она сказала: «mais il faut aussi quelque intelligence»[356].

5 ноября. Утром в Государственном совете, потом дома за работой.

---

[350] Волокита, кляча в руках г-на Заблатского и К°.

[351] *После* Мороза *в скобках написано:* чиновника особ[ых] поручений *(Т, I, л. 171).*

[352] Который очень мило и добродушно переносит свою отставку.

[353] Если я буду им доволен, то я его приглашу к обеду.

[354] Он не был приглашен.

[355] Совершенно изнуренным.

[356] Но нужно также иметь хоть немного ума.

6 ноября. Утром Комитет министров. Вечером заседание у бар. Корфа по вопросу об издании дополнительного постановления об адресах, Корф, кн. Долгоруков, Замятнин, Головнин и я.

7 ноября. Работал. Тяжкие частные заботы.

8 ноября. То же. Говорят, что фельдмаршал решительно оставляет свою должность на Кавказе, и что на его место прочат вел. кн. Михаила Николаевича. Был утром у сего последнего, по случаю его тезоименитства. Он ничего о том не сказал. В Одессу решено назначить Коцебу. Были у меня барон Унгерн и рижский купец Тило вчера и сегодня по делам о железных дорогах.

9 ноября. В Царском Селе. Утром. Всеподданнейший доклад. Был у императрицы. Сегодня там свадьба Альбединского с княжною Долгоруковою.

10 ноября. Их и. величества сегодня выехали в Москву. Обедал у Головнина с лордом Нэпиром, гр. Кейзерлинским, кн. Гагариным, бар. Николаи и адмиралом Шестаковым. Вечером в итальянской опере. La forza del destino[357]. Она заключается в том, что все умирают, большею частью по два раза каждый. Впрочем, представление было хорошо. Тамберлик, Грациани, m-me Nantier и m-me Barbot очень старались.

11 ноября. Утром у обедни. Работал.

12 ноября. Получено известие о кончине кн. Васильчикова[358]. Еще вакансия, которую заместить трудно. Сожалею об этой утрате. Несмотря на ограниченность умственных сил кн. Васильчикова, с ним можно было вести дело без тех неприятных столкновений, которыми отличается управление ген. Назимова.

---

[357] Сила судьбы.

[358] *После* Васильчикова *в скобках написано*: киевского ген.-губ[ернато]ра. (*Т. I, л. 171 об.).*

Утром в Государственном совете. Потом заседания соединенного присутствия Главного комитета и Департамента экономии и Главного комитета. Обедал у Рейтерна. Вечером заседание комиссии для преобразования губернских учреждений.

Вчера были у меня Бутков и кн. А. Ф. Голицын. Оба более или менее с извинением, первый за неуместные притязания Государственной канцелярии или его самого по крестьянскому делу, второй — за неосновательный доклад государю о пропуске объявления о газете «Очерки» [188] в «Северной почте».

Из Москвы получено известие о благополучном прибытии и. и. величеств.

13 ноября. Утром в Комитете министров. Потом заседание Западного комитета. Получил разрешение принять пожалованный мне императором австрийский орден св. Леопольда. Вечером были у меня Цеэ с бесконечными объяснениями по делам цензуры и ген. Лауниц, которому, очевидно, хочется быть ген.-губернатором.

14 ноября. Выезжаю с божиею помощью в Москву, как теперь полагаю, до 25 числа.

3 декабря. Вернулся из Москвы 27-го. Пребывание там и возвращение, благодаря бога, благополучны. Насчет подробностей см. письма [189]. Был в день приезда у цесаревича. Обедал 29/XI у вел. кн. Елены Павловны. 1-го декабря у цесаревича, который завтра едет в Москву. Еду сам туда послезавтра. Был сегодня в Государственном совете и соединенном присутствии Главного комитета и Департамента законов. Был у киевского митрополита, у военного министра три раза, между прочим, по поручению государя относительно назначения ген.-губернатора в Киев. Был у Ахматова. В Киев, вероятно, назначается ген.-ад. Анненков, вытребованный в Москву по телеграфу. «По моим понятиям», он добра сделает не-

много. Но государь настаивает на том, чтобы гражданская и военная власть были в одних руках. По-видимому, решается и участь Кавказа. Кн. Барятинский, к которому государь посылал из Москвы гр. Александра Адлерберга, просит увольнения. Наместником назначается вел. кн. Михаил Николаевич. Дай бог, чтобы все было к лучшему.

17 декабря. По 15-е число был в Москве, куда выехал 5-го. Насчет пребывания там см. переписку [190].

Вернулся вчера утром. Был у обедни, потом у вел. кн. цесаревича. Сегодня в Государственном совете, где по вопросу о государственных крестьянах Бахтин снова проповедовал теорию Герцена и Бакунина о правах собственности государственных крестьян на землю [191]. К нему пристали при подаче голосов Головнин, Краббе, Прянишников, Гофман и Ковалевский. 38 голосов были на противной стороне. Потом краткое заседание соединенного присутствия Главного комитета и Департамента экономии. Заезжал к гр. Шуваловой. Вечером был у меня бар. Ливен.

18 декабря. Утром Комитет министров и заседание Западного комитета. Кн. Гагарин предлагает послать доверенное лицо с деньгами для немедленного улучшения быта духовенства и церквей в Западном крае. Там 5 тыс. приходов. Будто можно проездом завести их как 5 тыс. часов. Вечером разные аудиенции и доклад Соловьева.

19 декабря. Утром заседание Остзейского комитета. Вечером были лорд Нэпир, остзейские предводители и еще кое-кто.

20 декабря. Заседание Главного комитета и Департамента законов и экономии. Потом Главный комитет и Департамент законов. Passe d'armes[359] с кн. Гагариным, который обвинял Министерство внутренних дел в нарушении Положений 19-го

[359] Стычка.

февраля. Обедал у Зеленого. Вечером возвращение государя и императрицы из Москвы. Кн. Суворов и вел. кн. Николай Николаевич устроили род триумфального въезда. Иллюминация. Офицеры гвардии на станции железной дороги. Кавалергардские и конногвардейские офицеры верхом вроде почетного конвоя. Народу много и крик «ура» весьма дружный, от сердца. Я был на Аничкином мосту и видел все это своими глазами[60].

21 декабря. Утром всеподданнейший доклад. Видел в приемной государя принца Баденского[360].

22 декабря. Утром заседание Государственного совета. Дела о новых сборах и торговле, о преобразовании полиции и пр. Остальное время дня дома. Нездоровится.

23 декабря. Дома. Утром был Рейтерн для предуведомления, что нас государь собирает в среду для особого совещания по вопросу о железных дорогах.

24 декабря. Утром выезжал с женою для закупок к елке. Вечером всенощная и елка, по обыкновению.

25 декабря. Целый день дома.

26 декабря. Утром совещание у е. величества: министры военный и финансов, вице-канцлер, кн. Долгоруков, бар. Мейендорф, Мельников, гр. Алексей Бобринский и я. Кроме того, случайно присутствовал гр. Блудов, который прежде был у государя и не уехал вовремя. Государь, выйдя из кабинета и увидев его, предложил ему остаться. Положительных результатов совещание не имело. Была речь о новых предложениях господ Перейра. Положено дать им определительнее высказаться.

Вчера был у меня Оболенский. Головнин, поощрявший его во время составления проекта новых законоположений о печати, выпросивший ему затем чин тайного советника, те-

---

[360] *После* Баденского *в скобках написано:* приехавшего для бракосочетания с княжною Мариею Максимилиановною. *(Т. I, л. 173).*

перь признает проект непригодным к делу. У Оболенского есть записка Головнина, писанная в ноябре, где он выражает готовность подписать первые 308 страниц проекта. Головнин дал перед государем делу следующий оборот: при всей дружбе к Оболенскому и т. д. Государь поэтому сказал Оболенскому: «Это благородно со стороны Головнина. При всей вашей дружбе и пр. Оболенский написал затем Головнину, что все это, с его стороны, уже не мнение, а поступок и т. д.» Чем кончатся все эти finesses[361], увидим после, но с моей стороны оставаться в настоящем положении по делам прессы я не намерен.

Вечером на небольшом бале у и. и. величеств. Длинный разговор о железных дорогах между императрицей, Мейендорфом, гр. Бобринским и мною. Гр. Бобринский с особою похвалою отзывался о Рейтерне. Он, между прочим, сказал ее величеству: «Plus je vois et j'entends le ministre des finances, plus j'admire sa sagesse. Depuis le c-te Cancrine nous n'avons eu personne qui fût de sa force en matière de finances»[362]. Правда, что со времен Канкрина никого путного и не было.

27 декабря. Утром заседание Западного комитета у государя. Он приказал прочитать мои дополнительные предположения или соображения[363] и заявил, что с ними вполне согласен, хотя и не предрешает дальнейших по сему предмету соображений Комитета [192]. Головнину его величество довольно жестко заметил, что в деле устройства народных училищ надлежит действовать, а не отписываться. Кн. Гагарин под конец заседа-

---

[361] Хитрости.

[362] «Чем чаще я встречаю и слушаю министра финансов, тем больше я восхищаюсь его благоразумием. Со времен гр. Канкрина у нас не было никого, кто бы был так силен, как он, в области финансов».

[363] *После* соображения *в скобках написано:* дополнительные к очерку. *(Т. I, л. 174).*

ния предъявил по своему обычаю сверток замечаний или контрпредположений. Государь оставил его у себя[62].

Вечером на несколько минут у гр. Разумовской на рауте.

28 декабря. Утром у вел. кн. Елены Павловны с поздравлением, она сказала мне, что я, возвратясь из Москвы, «couvert de lauriers»[364], но что я напрасно принес в жертву Арцимовича[365] [193]. Vous vous êtes trop pressé de l'offrir en holocauste[366]. Я отвечал: «que ses vertus l'appelaient au Sénat et que d'ailleurs il s'était toujours considéré comme ministre de l'intérieur spécial pour Kalouga, ce qui avait suffisamment duré» [367] . Потом всеподданнейший доклад. Потом заседание Комитета министров по делу Анненского [194]. Кроме гр. Адлерберга, никто не решился поддержать Анненского.

29 декабря. Утром особое совещание по проекту о генерал-губернаторах у военного министра с кн. Долгоруковым и ген.-ад. Анненковым. Последнему все кажется, что у него будет слишком мало власти. Впрочем, с некоторыми уступками состоялось соглашение.

Вечером в Михайловском театре. Les pièces d'à présent sont impossibles à force d'invraisemblance[368].

30 декабря. Утром у обедни. Был у меня ген.-ад. Коцебу. После обеда Головнин, который опять переменил дирекцию и привез проект всеподданнейшего доклада, в котором предлагает всю цензурную часть in toto[369] и с проектом Оболенского передать нам же в Министерство внутренних дел.

---

[364] Увенчанный лаврами.

[365] *После* Арцимовича *в скобках написано:* уволенного около того времени с пожалованием в сенаторы, калужского губернатора (*Т. I, л. 175).*

[366] Вы слишком поторопились принести его в жертву.

[367] Что его добродетели его призывали в Сенат и что, впрочем, он себя всегда рассматривал как министра внутренних дел специально для Калуги, что продолжалось достаточно долго.

[368] Теперешние спектакли невозможны по неправдоподобности.

[369] В целом.

Вечером на бале à surprise[370] по обыкновению у вел. кн. Елены Павловны.

31 декабря. Утром заседание Комитета министров. Потом Западный комитет. В первом гр. Адлерберг и Прянишников пытались возобновить суждения по делу Анненского. Во втором читалась записка кн. Гагарина, и ген.-ад. Анненков изъяснял, с какими «масляничными ветками» он полагает ехать в свое генерал-губернаторство[63].

Встретил новый год по обыкновению дома.

---

[370] С сюрпризами.

1863 год

1 января 1863 г. Утром на выходе во дворце. Главным начальником почт назначен И. М. Толстой, государственным контролером Татаринов. Кн. Гагарину пожалованы алмазные андреевские знаки. Целый день дома.

2 января. Утром заезжал к гр. Блудову и к Муравьеву. Последний, имея досуг, занимается преимущественно критикой всего, что делает правительство. Заезжал затем к гр. Протасовой, где на лестнице встретил государя, и к Оболенскому, которого я просил на случай перехода всех цензурных дел ко мне, принять на себя окончательное проведение проекта новых законоположений по делам печати.

3 января. Утром Комитет у государя императора по делам железных дорог. Вечером большой бал во дворце.

4 января. Утром всеподданнейший доклад. Вечером за работой. Совещание с губернаторами и директорами департаментов по вопросу о мерах, которые могли бы быть приняты при сближении 19 февраля [195]. De l'eau claire[371] [64]. Потом бал у Тройницкого.

5 января. Утром Западный комитет. 3½ часа почти без результата [196]. Настоящее истязание!

6 января. Утром у обедни. Несколько визитов. Вечер дома.

7 января. Утром Государственный совет. Заседание Главного комитета. Обедал у вел. кн. Михаила Николаевича. Вечером за работой. Составлял заметку к проекту университетского устава [197].

8 января. Утром Комитет министров. Вечером работал.

9 января. Целый день за работой. Утром два, три визита. Вечером несколько посетителей за чаем.

---

[371] Пустые слова.

10 января. Совет министров по вопросам о съездах врачей и об устройстве цензурной части. Теперь все хотят съезжаться и устраивать. Tag'и, Juristentag'и, Aerztentag'и[372] и т. п.

Вопрос разрешен отрицательно. Против другого разрешения преимущественно говорили гр. Строганов, кн. Гагарин и принц Ольденбургский. Я не хотел высказываться в этом смысле, но не жалел о результате. Вечером за работой.

11 января. Доклад. Потом заседание Западного комитета, замечательное тем, что в нем ничего не происходило, кроме толков о заседании предшедшем. Оказалось, что не могли утвердить журнала, что члены друг друга не поняли или находили, что их мнения не точно были выражены и т. п. Обедал у лорда Нэпира. Вечером дома. Жена была на бале у Апраксиных, но я не поехал.

12 января. Утром заезжал к Анненкову, которого не застал, к прусскому посланнику Редерну, с которым вчера познакомился, и к Т. Б. Потемкиной, у которой встретился с государем. Он мне сообщил депешу из Варшавы, в которой говорится о частных восстаниях, или беспорядках, о нападениях на воинские чины, убийствах в домах, образовании вооруженных шаек и т. п. До сих пор жертв немного, убитых до 30, раненых втрое более; войска большею частью находили возможность строиться и отражать нападения. Убит полковник Козлянинов. Ранен ген. Канабих. Вел. князь объявил военное положение в Царстве. Сегодня же гродненский губернатор телеграфировал мне, что вооруженные шайки показались около Сурожа с намерением испортить железную дорогу. Он отправился на место.

Если у наших начальств не будет недостатка в энергии, то дело может повернуть к лучшему. Лопнувший нарыв лучше,

[372] Съезды, съезды юристов, врачей и т. п.

чем скрытое гноение. Обедал у герц. Монтебелло. Вечером дома.

13 января. Утром у обедни. На разводе государь собрал офицеров и сказал им speech по поводу польских известий. Его слова произвели надлежащее впечатление.

Перед обедом несколько визитов. Вечером бал в Зимнем дворце. Существенно новых известий из Варшавы не получено.

14 января. Утром на похоронах Отсолига. Пастор Фроман избрал текстом своей речи слова Спасителя, когда он явился ученикам во время бури, идя по волнам, и они устрашились, думая видеть призрак. Он же сказал: «Не бойтесь, аз есмь. Смерть — призрак, Иисус — спаситель. Не бойтесь, аз есмь». Вот сущность речи. Впервые встречаю эту счастливую и высокую мысль. Государь прислал за мной. У него были кн. Горчаков, кн. Долгоруков, Милютин, гр. Баранов (как председатель Совета общества железных дорог) и ген. Мельников. Совещание касалось польских дел. Сообщение с Варшавой прервано. Телеграфические нити перерезаны. Железная дорога от Варшавы до Белостока испорчена. Первая станция от Белостока, Лаппы в руках мятежников. Из Варшавы послана колонна для исправления пути.

Позже заседание Государственного совета и соединенного присутствия Департамента законов и Главного комитета.

Вечером за работой. Был к чаю ген. Гильдебрант. У него свои кристаллизованные мысли насчет польских дел.

15 января. Государь приказал нам (см. выше) бывать у него ежедневно в ½ 12-го, пока польские дела того будут требовать. Сегодня нам сообщены полученные телеграммы. Сообщение восстановлено через Ковно. Впрочем, существенно нового нет. Вел. князь обещает энергию. Потом заседание Комитета министров. Потом заседание Западного комитета.

Вечером в театре «Le fils de Giboyer»[373], много толков об этой пьесе. Дается отлично, написана умно. Производит впечатление, хотя много несообразностей и в характере Giboyer, détestable auteur et père sublime и в характере Fernande dont l'esprit a changé de sexe et qui ignore ce que c'est que les sexes[374] и в некоторых других частностях. Не трудно было бы сделать une contre pièce[375]. Потом заезжал на ½ часа к Хитровым на бал.

16 января. У государя в ½ 10-го, ранее обыкновенного, по случаю его отъезда на охоту. Известия из Варшавы довольно удовлетворительные. Но ни одной решительной стычки и ни одной широкой меры, кроме объявления военного положения. Военные диспозиции невероятно плохие до восстания. Шайки появились уже 3 и 4-го чисел. Послали войска против них 5-го, а 10 и 11-го можно было еще нападать на солдат поодиночке на квартирах и разграбить два артиллерийских парка в Любартове и Кодне (в 21 версте от крепости Бреста-Литовского). По моему предложению объявлено военное положение во всех сопредельных с Царством уездах Западного края. Кроме того, я предложил привлечь общества городские и сельские к некоторому участию и к некоторой ответственности в деле охранения железных дорог и телеграфных линий. Мне поручено составить о том предположения по соглашению с ген. Мельниковым. Он прислал мне сегодня ген. Дельвига для объяснений по этому делу[65].

Из Зимнего дворца заехал вместе с кн. Долгоруковым к кн. Горчакову. Целый час продолжалось представление разных

[373] «Сын Жибуайе».

[374] Жибуайе, отвратительного автора и превосходного отца, и в характере Фернанды, ум которой не соответствует ее полу, и которая не знает, что такое пол.

[375] Контр-пьесу.

его vanités[376], отцовских, министерских и селадонских. Ездил потом в Александровскую лавру с визитом к митрополиту, которого не застал.

Погода ужасная. Оттепель. Буря, поднявшая воду выше колец. Вечером разные посетители к чаю, в том числе Бажанов, Нэпир, Ревертера [?].

17 января. Утром в 11½ у государя. Совещание по польским делам. Решительных вестей нет. К сожалению, есть некоторая вялость в наших распоряжениях и в нашем военном министре. В 1 час заседание Главного комитета под высочайшим председательством. Решено, что никакого нового манифеста к 19 февраля 1863 года не будет. Потом в 2 часа Совет министров по предмету записки, внесенной Головниным по приказанию государя. Едва ли Головнин ожидал этого. Речь была о сохранении некоторых отношений к прессе. Его заподозрили в намерении что-нибудь у меня отжилить. Горчаков сказал мне после довольно сильных нападок: ai-je bien attaché le grelot?[377] Моя роль была очень удобна, ибо мне оставалось только выступить на защиту Головнина.

Вечером у митрополита [198] первое заседание Комитета по делам духовенства. Entrée en matière[378]. Ничего не испорчено на первом шагу, а это много. Два митрополита — Исидор и Арсений, архиепископ Платон, преосвященные Филофей и Евсевий, Бажанов, Кутневич, кн. Долгоруков, Зеленый, Ахматов, Урусов и я. Характеристично пренебрежение, с которым митрополит киевский заблагорассудил отзываться о покойном кн. Васильчикове. Говоря о его отчете, Арсений сказал: «Вероятно, князь не помнил, а подписывал во второй раз прошлогодний отчет».

---

[376] Тщеславий.

[377] Хорошо ли я начал?

[363] Вступление в дело.

18 января. Утром всеподданнейший доклад и совещание по польским делам. Новых известий почти нет. Сообщение с Варшавой, кажется, снова прервано. Вечером получил телеграмму от Галлера о взятии нескольких мятежных шляхтичей и 4 ксендзов. Были у меня Цеэ с разными запрещенными карикатурами и кн. Черкасский.

19 января. Утром у государя. Из Польши ничего решительного. Милютин невероятно вял, ввиду нынешних обстоятельств, государю также не хочется передвигать войска. Однако решено отправить лейб-казачий полк и привести сюда новгородские конные полки, чтобы двинуть их вслед за казаками. Равным образом сказано, что в случае надобности можно отправить 2-ю гвардейскую дивизию.

Вечером совещание у гр. Строганова по делу об университетском уставе. Большею частью речь о мелочах. По главным вопросам мне будет трудно согласиться с прочими. Они в пользу усиления штатов, т. е. мечты[379], и против системы гонорариев.

20 января. Утром у государя. Телеграф действует между Варшавой и Петербургом, но ничего решительного и даже положительного из депеш вел. князя не усматривается. Заезжал к Рейтерну, к Ленскому и Платонову. Оба мне говорили, что их dualisme ставит их в ложное положение и никакой пользы не приносит. Давно это знаю.

Вечером был у меня ген. Мельников. Он так же, как и я, беспокоится промедлением в отправлении войск в Польшу и в западные губернии. От вел. князя получены две депеши. В одной говорится о тревоге в Варшаве вследствие неосновательного донесения казацкой патрули. В другой — о том, что в Венгрове собираются мятежники, но что вел. князь против них не может выслать войск потому, что гарнизон Варшавы

---

[379] *Так в подлиннике.*

более ослаблен быть не может. Кн. Долгоруков, сообщая мне о том, присовокупляет: «Jolie positition»[380]. Был также гр. Сумароков, проповедующий мысль, что с поляками в западных губерниях следует поступить, как Наполеон с теми жителями Ниццы, которые себя не признавали французами, т. е. лишить их права русской национальности, заставить продать имения и предоставить выселиться в Польшу. Он остался мною весьма недоволен. Я эту песнь давно слышу. Когда я спрашиваю: «Разве Польша не подвластна русской короне? Разве Западный край город или уезд? Можно ли заставить землевладельцев 9 губерний продать их имения? Кто их купит?» и т. п., мне не дают никакого ответа, но остаются при своем.

21 января. Утром у государя. Сообщения прерваны с Варшавой. Л.-гв. казачий полк [199] отправляется сегодня. В Гродненской губернии движение проявляется в Бельском и Белостокском уездах. Был в Государственном совете. Потом заседание Сибирского и Кавказского комитетов.

22 января. Утром у государя. Из Варшавы приехал фельдъегерь и получены телеграммы. Утром ничего замечательного. Кн. Долгоруков настаивал на необходимости действовать в помощь Варшаве со стороны Литвы. Государь рассердился. После обеда получены шифрованные телеграммы, из коих видно, что около Скерневиц собираются мятежники, но у вел. князя нет свободных войск под рукою, и что с юга он 5 суток не имеет известий. Был в Комитете министров. Потом заседание Главного комитета. Вечером совещание по университетскому делу у гр. Строганова. Потом заезжал в Михайловский театр, где видел конец новой пьесы «Les ganaches»[381]. M-me Lagrange, Volnis, m-r Léménil очень хороши. Кончил докладом Земского отдела. Ouf![382]

[380] Нечего сказать, хорошее положение!

[381] «Дураки».

[382] Уф!

23 января. Утром дома. Государь в Царском Селе до вечера. Известий нет. Ночью получил только телеграмм от Рамзая, который говорит, что по его приказанию войска стянулись в самостоятельные отряды.

24 января. Утром у государя. Известие о стычке под Венгровой. Впрочем, ничего особенного. Вечером дома.

25 января. Утром всеподданнейший доклад. Перед тем обычное совещание у государя по польским делам. Две попытки отравить Велопольского и его сына. Гр. Шувалов вернулся из Вильно. He is below the mark[383]. Государь сказал мне при докладе: «Vous ne devinerez pas de quoi l'on vous accuse. — On dit que vous protégez les Polonais et l'on redoute votre influence. — Concevez-vous cela? — Mais oui, Sire, je le comprends assez; je combats les mauvaises mesures à l'égard des Polonais, que d'autres voudraient voir prendre»[384].

Это Шувалов передал мысль Назимова. После было заседание Западного комитета, в котором Шувалов передавал свои Виленские впечатления и предположения ген. Назимова. После его ухода спорили 1½ часа о чем-то, относящемся до журнала предшедшего заседания, и разошлись.

26 января. Утром у государя. Из Польши и с Запада ничего существенного. Весь ход дела мне внушает серьезные опасения. Не чую силы, которая в подобных случаях необходима. Днем получены телеграммы из Житомира, Ковно и Вильны. В Грубешовском уезде Царства мятежники полные хозяева. В Тройском уезде Виленской губернии появились шайки; в Ковенской губернии начинают образовываться; в Гродне-

---

[383] Не на высоте.

[384] «Вы не догадаетесь, в чем вас обвиняют. Говорят, что вы покровительствуете полякам и опасаются вашего влияния. Понимаете ли вы это? — Конечно, государь, я это достаточно понимаю; я борюсь со злостными мерами, которые другие хотели бы видеть осуществленными в отношении поляков».

ской об них ничего не слышно от наших начальств после первых известий об их формировании.

Мы кончим тем, что отправим 2-ю гвардейскую дивизию. Для чего не сделали это ранее?

Вечером на бале у герц. Монтебелло. Лорд Нэпир изъявляет подозрение насчет отравления семейства Велопольского. Перед тем был на совещании по делу об университетском уставе у гр. Строганова.

27 января. Утром у государя. Ничего замечательного с Запада. Вечером на бале в Эрмитаже.

28 января. Утром у государя. Он решился отправить отсюда вторую гвардейскую дивизию в Вильно. Полки Гродненский и уланский е. в. отправляются прямо в Варшаву. Надобно было решиться на то сразу. Есть известие о развитии двух, трех шаек, но ничего решительного. Вообще все известия как-то неполны, отрывисты, не обнаруживают единства и энергии действий на местах.

Государственный совет, потом заседание Главного комитета. Вечером за работой.

29 января. Утром Комитет министров. Потом комитет Западный. Вечером в Михайловском театре. «Les ivresses»[385]. Пьеса сумасбродная, но игра г-жи Naptel-Arnault и г-жи Lagrange превосходная. Потом на $^1/_4$ часа у Бибиковой на бале.

30 января. Утром у государя. Из Польши ничего решительного. Гр. Шувалов назначается начальником железной дороги до Вильно. Первый полк 2-й бригады 2-й гвардейской дивизии [200] сегодня отправился в Вильно.

Собирал у себя цензоров для программатического с ними объяснения. Г. Цеэ неловко, но он вынужден вытерпевать. Некоторым цензорам, наприм., г. Еленеву, не по сердцу, но скрепить сердце приходится.

---

[385] «Упоения».

Вечером бракосочетание Марии Максимилиановны с принцем Баденским. Вернулся из дворца довольно поздно. Невеста не была особенно attendrie[386].

31 января. Утром у государя. В 2 часа Совет министров. Заезжал записываться, по случаю вчерашней свадьбы, к разным высочествам, в том числе к прибывшему сюда вел. герц. Ольденбургскому. Он похож на Тамберлика. Вечером заседание Духовного присутствия. Я был принужден на себе вынести те малые результаты, коих мы достигли. У господ духовных членов невысокий уровень гражданской способности рассуждать, изобретать и узаконить. Митрополит Арсений, пользующийся особою репутацией, точь-в-точь ген. Назимов.

1 февраля. Утром у государя. С Запада ничего решительного. Из Варшавы приехал Стюрлер. По его мнению, положение дел серьезное. Военного начальника в Польше нет. Рамзай полуразбит паралитическим головным недугом. Вел. князь не хочет, чтобы на место его был назначен другой, но об этом не пишет. Он требовал по телеграфу Домантовича, чтобы заняться законом о выкупе. Государь советовался с кн. Горчаковым, кн. Долгоруковым, Милютиным и мною насчет замещения Рамзая. Ничего не решено. Всеподданнейший доклад. Государь просил меня по делам Западного комитета принять на себя роль Ростовцева в крестьянском деле. Вечером бал у вел. кн. Марии Николаевны[66].

2 февраля. Утром у государя. Потом Комитет финансов. Вечером совещание по университетскому вопросу у гр. Строганова. С польских границ ничего решительного.

3 февраля. Утром у государя. Из Польши ничего решительного. Милютин вял. Горизонт заволакивает. Работал целый день. Вечером бал во дворце. Из Гродненской губернии известия нехороши. Литовский край в волнении. Единства нет в направлении дел.

[386] Растрогана.

4 февраля. Утром у государя. В Государственном совете не был. Работал целый день. Нездоровится.

5 февраля. Утром в Комитете министров и Западном комитете. Нездоровье так усилилось, что вечером не мог ехать на бал к вел. кн. Николаю Николаевичу.

6 и 7 февраля. Дома, болен. Работал. Из Польши ничего решительного. Гр. Алексанти Адлерберг послан в Варшаву для личных объяснений с вел. князем о назначении нового военного начальника.

8 февраля. Утром у государя. В Польше теперь 87 тыс. войска, в Виленском генерал-губернаторстве более 70 тыс., в Киевском более 50 тыс. При этих громадных средствах, какие жалкие результаты! Потом всеподданнейший доклад, по обыкновению. Остальное время дня дома. Нездоровье по-прежнему.

9 февраля. Утром у государя. Потом у него же заседание соединенных комитетов Западного и Главного. Государь упрекал членов Западного комитета в безрезультатности его совещаний. Затем предложен был вопрос об обязательном выкупе крестьянских угодий в Северо-Западном крае. Несмотря на сильное сопротивление кн. Гагарина, кн. Горчакова, кн. Долгорукова, гр. Панина, Бахтина и на отрицание sotto voce[387] гр. Адлерберга и бар. Корфа, вопрос решен утвердительно. Это мера огромной важности и огромных размеров. Считаю ее необходимою, ввиду нынешних польских дел, коих дальнейшее развитие столь загадочно и двусмысленно, но не скрываю от себя всех с ней сопряженных затруднений [201].

10 февраля. Утром у государя. Из Польши ничего решительного. По обыкновению folle journée[388] в Эрмитаже. Был там к обеду и до 10 час. вечера.

---

[387] Нерешительное отрицание.

[388] Безумный день.

11 февраля. Утром у государя. Потом заседание соединенного присутствия Главного и Западного комитетов,

12 февраля. Утром у государя. Потом у об.-прокурора Святейшего синода, совещание с ним, министром государственных имуществ и министром народного просвещения по вопросу о западных школах.

13 февраля. Утром у государя. Адлерберг приехал, но из того, что нам сегодня сказано, ничего нельзя извлечь положительного насчет его наблюдений. Вел. князь, наместник, ожидает благоприятного исхода дел. Велопольский в прежней силе и по-прежнему неприятен. Вот и все. Для меня загадочность ситуации продолжается. Вел. князь хочет иметь начальником войск не гр. Берга, но гр. Сумарокова. Государь согласен.

14 февраля. Утром у государя. Потом Совет министров. Университетское дело. Вечером был у Гернгроса. На сердце весьма тяжело. Здоровье физическое впору нравственному.

15 февраля. Утром обычное совещание у государя. Потом доклад. Потом у военного министра с ген. Рокасовским и гр. Армфельдом по делу о Сестрорецком заводе. Вечером совещание у об.-прокурора Святейшего синода по вопросу о народных училищах в Западном крае.

16 февраля. Утром у государя. Потом совещание Западного комитета. Вечером разные доклады.

17 февраля. Болен и целый день дома, не работал.

18 февраля. Утром у государя. Потом в Государственном совете. Потом заседания соединенного присутствия Западного и Главного комитетов и Главного комитета. В соединенном присутствии докладывался проект указа об обязательном выкупе в северо-западных губерниях. Кн. Горчаков весьма упорно и весьма бессвязно настаивал на своем мнении против этой меры.

Видел ген.-ад. Безака, приехавшего вчера и переполненного своею историей с действ. ст. сов. Григорьевым. При нашем безлюдьи Безак терпится и должен быть терпим, но он вполне заслуживает свое прозвище «еврея».

19 февраля. Утром в соборе святого Исаакия. Потом у государя. Обедал у вел. кн. Елены Павловны с вел. герцогом и пр. Ольденбургскими. Были, кроме trio фрейлин, кн. Долгоруков, ген.-ад. Притвиц, бар. Перглас и еще кое-кто.

На вчерашний и сегодняшний дни пророчили разные невзгоды [202]. Благодаря бога все спокойно, только появилось кое-где новое возмутительное воззвание к войску. Потапов, который был у меня перед обедом, говорит, что он напал на след. Он приводит к военной и инженерной академиям и к артиллерийскому училищу [203].

20 февраля. Утром у государя. Потом Комитет министров и соединенное заседание Главного комитета и Департамента законов. Обедал у пр. Ольденбургского с разными honoratiores[389]. Из Польши все те же вести. Между тем на западе тысячегласный don Basilio прессы вопит против нас. Горизонт сомнителен. Прусская конвенция, подавшая повод стольким толкам и за границею, и у нас, канула в воду [204]. Кн. Горчаков fait jouer ses batteries[390], но я мало на них надеюсь. Все как-то неясно и неотчетливо, и вести от вел. князя, и от наших посольств, и из западных губерний. Конечно, я не обнаруживаю того, что думаю и чувствую; но то и другое неотрадно. Не одна Польша нас тревожит и затрудняет. Правительство даже внутри империи некоторым образом в осадном положении. Обуревающие волны поднимаются незаметно. Слабость орудий, неповоротливость механизма, отсутствие господствующих или руководящих личностей — вот

---

[389] Почетными гостями.

[390] Выставил свою артиллерию.

те признаки, которые меня тревожат и смущают. Сто раз в день думаю о том, что мне делать. Отделиться — я, быть может, пожертвую некоторою пользою для дела, для государя, для России. Не отделяться — я жертвую только собой, т. е. своею репутацией.

21 февраля. Утром у государя. Потом Совет министров. Вечером жалкое заседание у митрополита. Потом вечер у вел. кн. Елены Павловны.

22 февраля. Утром обычное совещание у государя и всеподданнейший доклад. Вечером дома. Работал.

23 февраля. Утром дома. Доклады и пр. Обедал в Английском клубе. Людно, но пусто и скучно.

24 февраля. Утром у государя. Решительного из Польши нет. Туда решаются отправить гренадерскую дивизию. Жаль, что не решились на то ранее. Очевидно, что возмущение поддерживается только в надежде на вмешательство Европы, но явно также, что чем долее длится борьба в Царстве, тем более эта надежда крепнет и оправдывается.

25 февраля. Утром у государя. Потом Государственный совет и заседание Главного комитета. Вечером заседание комиссии о губернских учреждениях и полчаса на вечере у гр. Chauveau (Юсуповой).

26 февраля. Утром у государя. Из Варшавы вести неутешительны. Верхний слой общества пристает к движению. Надежда на вмешательство из-за границы его поддерживает. Вел. князь не в уровень с событиями. На днях Нэпир сообщил кн. Горчакову ноту лорда Росселя по польским делам, весьма, впрочем, умеренную [205]. После объяснения с кн. Горчаковым лорд Нэпир сообщил ему и свой ответ Росселю. Вчера Горчаков говорил: je lui ai dicté sa réponse[391]. Меня беспокоит

[391] Что император Луи Наполеон не высказывается за польское движение, но и не отказывается им воспользоваться.

именно самоуверенность Горчакова. Гр. Редерн мне говорил вчера, что английская депеша написана для blue-book[392]. Насчет Франции Будберг телеграфирует: «que i'empereur L. N. ne se prononce pas pour le mouvement Polonais, mais ne paraît pas décidé à ne pas en profiter»[393]. От него было письмо к герцогу Монтебелло вроде английской ноты, но герцог получил затем приказание не предъявлять письма.

Комитет министров. Потом Западный комитет. Обедал у английского посла in fiocchi[376], по случаю празднования бракосочетания принца Валлийского. Кроме членов дипломатического корпуса (главных), были вице-канцлер, министр двора, гр. Шувалов, гр. Рибопьер, кн. Суворов и я. Вечером у него же. Раут in fiocchi, на котором были и. и. величества, вел. князья и княгини, и множество distinguished guests[377].

27 февраля. Утром у государя. Вечером совещание по вопросу о народных училищах у гр. Строганова [206].

28 февраля. Днем за работой. Вечером заседание духовно-светского присутствия у митрополита и вечер, обычный Jeudi[378] у вел. кн. Елены Павловны.

1 марта. Утром у государя по польстим делам. Потом всеподданнейший доклад. Воспользовался представившимся при разговоре случаем, чтобы снова заявить мысль о преобразовании Государственного совета на началах австрийского Reichsrat [207]. Государь ничего не отвечал, но задумался. Я довольствовался этим впечатлением и сам перешел к другим предметам разговора. Обедал у Веневитиновых. Тютчев говорил про гр. Блудова, который часто говорит грубости, но, впрочем, добр и не злопамятен, que c'est ainsi qu'il pratique l'oubli des injures[394]. Вечером у гр. Блудовой. Потом раут у

---

[392] Почётных гостей.

[393] Четверг.

[394] Так он забывает обиды.

кн. Горчакова. Государь подписал сегодня указ об обязательном выкупе в Литовском крае [208].

2 марта. Утром у государя. Из Польши ожидались известия о решительном нападении на шайки Лангевича [209]. Получено только сведение, что Лангевич будто бы успел «к востоку» или пошел «на восток». Ничего, впрочем, замечательного нет, а это весьма неудовлетворительно. Чем далее длится дело, тем оно становится хуже.

Вечером совещание у гр. Строганова по училищному вопросу.

3 марта. Утром у государя. Затем дома за работой. Вечером у Анненковой.

4 марта. Утром у государя. Потом Государственный совет. Потом заседание соединенного присутствия Главного комитета и Департамента экономии. Вечером заседание Комиссии земских учреждений [210]. Порядочно измучен. Вчера открыто здешнее очередное губернское собрание [211]. Кн. Суворов произнес речь в современном вкусе, вероятно, писанную Ивановым. За обедом его здоровье было горячо принято. Сегодня он этим превозносится. Из Польши ничего хорошего. Вел. князь телеграфирует, что он получил от Шаховского известие, что он собрал 10 рот в Мехове и что Лангевич на старом месте. Итак, всего 10 рот на важнейшем пункте! А в Царстве более 90 тыс. войска.

5 марта. Утром у государя. Потом Комитет министров. По делу Стецкого я вывел на чистую воду кн. Гагарина вместе с Бутковым, испросившего высочайший указ, несогласный с высочайше утвержденным мнением Государственного совета, тогда бывшего под председательством самого кн. Гагарина. Потом Западный комитет. Вечером дома.

6 марта. Целый день дома. Работал.

7 марта. Утром у государя. Из Польши ничего нового. Прежний недостаток единства и решительности в направле-

нии дел. В Витебской губернии, в Люцинском уезде, на границе Лифляндии, в имении Липских, Мариенгаузен, обнаружены приготовления к мятежу [212]. Вечером заседание у гр. Строганова по вопросу о народных училищах.

8 марта. Утром у государя. Всеподданнейший доклад. Потом дома. Работал. У государя происходило тягостное совещание по вопросу о назначении Сумарокова. Государь сам видит, что выбор неудачен, но он же сам во внимание к вел. кн. Константину Николаевичу пригласил Сумарокова принять должность. Жаль было видеть внутреннюю борьбу. Между тем сам Сумароков, едва движущийся физически и нравственно, или умственно, сидел в приемной или переходил, опираясь на палку, от одного стула к другому, все толкуя о том, что намерен выехать 11-го числа. Государь решил наконец тем, что объявил ему свое намерение обождать.

9 марта. Получено через австрийцев, via[395] Краков и Вену, известие о разбитии Лангевича и о задержании его австрийскими властями при переходе в Галицию. Вел. кн. этого известия не имел, хотя военные действия происходили не далее 200 верст от Варшавы и даже ближе. Потом нам сообщены у государя полученные из Лондона сведения о найме польскими выходцами парохода для перевозки 200 или 300 из них, с грузом оружия и пороха, в окрестности Либавы, откуда они намереваются перебраться в Ковенскую губернию [213]. Ливену дано знать. Говорят, что поляки особенно рассчитывают на Францию и что будто бы император Луи Наполеон сказал: «Je m'entendrai avec l'Autriche, ou bien si elle demeure à l'écart je ferai l'affaire sans elle»[396]. Кн. Горчаков сказал это Монтебелло, который, конечно, отрицает возможность подобного отзыва.

---

[395] Через.

[396] Я договорюсь с Австрией, или же, если она останется в стороне, я сделаю дело без нее.

После совещания у государя был у министра финансов, потом в заседании Департамента законов по вопросу о новых постановлениях насчет адресов. Обедал в Английском клубе.

10 марта. Утром у государя. Целый день работал. Нездоровится. Указ об обязательном выкупе сегодня напечатан, в газетах и уже объявлен Назимовым на местах.

Из Польши ничего нового. Вел. князь еще не имеет известий по делу Лангевича.

Отправил к Урусову 19 страниц folia моей руки по делам Духовного присутствия[67].

11 марта. Утром у государя. Потом в Государственном совете. Потом заседание Главного комитета и Департамента законов. Вечером заседание комиссии о земских учреждениях. Из Польши нет ничего замечательного. Гр. Ностиц, вернувшийся из Литвы после уничтожения шайки Рогинского, привез разного рода трофеи, которые выставлены напоказ в биллиардной у государя. Там есть призовые вазы, похищенные из Янова, косы, значки, конфедератки и даже чье-то исподнее платье. Вся эта выставка неизвестно почему и для чего продолжается уже два или три дня.

12 марта. Утром у государя. Ничего замечательного, кроме сообщенной герцогом Монтебелло депеши, им написанной к Drouyn de Lhuys, и написанной совершенно в наших интересах. Потом на похоронах бар. Мейендорфа. Обедал у Рейтерна. Вечером у меня совещание между преосвященным Евсевием (могилевским), кн. Урусовым и мною по предмету составленных мною предположений.

13 марта. Заседание Комитета министров. Потом заседание Западного комитета. Дела о инвестрации имений лиц, участвовавших в беспорядках в Западном крае, и наставление войскам, и о школах. Вечером последнее совещание у гр. Строганова по делу о народных училищах.

14 марта. Утром у государя. Известия с Запада неутешительны. В Польше тоже разладица. В Париже и Лондоне расшевеливается интервенция.

Обедал у турецкого посланника. Вечером за работой[397].

15 марта. Утром у государя. Потом был у Горчакова, который сообщил Долгорукову и мне разные депеши, предвозвещающие дипломатическую бурю, а вслед за нею быть может, и бурю военную.

Потом всеподданнейший доклад[398] государю. Получил от него приказание совещаться по вопросу о финансах Царства с Рейтерном, Платоновым и Милютиным, разумеется, негласно, и с Ленским, Платоновым и Мельниковым по вопросу о переделанном в Варшаве проекте правил для безопасности железных дорог и телеграфов. Вечером был у Ленского. Воздух у него тяжел и его лицо мне не нравится.

16 марта. Утром у государя. Решено отправить в Царство вместо Сумарокова Берга. Меня мучит неопределительность нашего положения. Меня тревожит в особенности наш внутренний разлад. Я вижу признаки разложения. Можем ли мы с ними вступить в борьбу против Европы? Я вижу наших деятелей. Можно ли с ними надеяться на успех?

17 марта. Утром у государя. Сегодня нам заявлено, что ежедневные совещания прерываются, и государь нас созовет особо, когда потребуется. Гр. Берг назначен.

18 марта. В дворянском собрании удалось губернскому предводителю гр. Шувалову отклонить рассмотрение предложения Платонова (о допущении выборных от дворянства в

---

[397] *На полях рукописи имеется авторская вклейка* (несколько страниц мною уничтожены, потому что некоторые из заключающихся в них сведений подлежат забвению в интересах России» (Тагернзее, 1/13/VIII, 1868).

[398] *Далее уничтожено автором четыре листа. Последующий текст за 15, 16, 17, 18, 20, 21, 22, 25 и 28 марта восстанавливается по «Отрывкам из дневника». (Т. II, лл. 15—16).*

Государственный совет), но только на этот раз и с изъявлением к нему сочувствия. Большинство было 211 против 57. Но вслед за тем принято другое предложение об исходатайствовании дворянству права собираться, когда пожелает, не испрашивая на то разрешения. Большинство было 213 против 55. Я написал кн. Долгорукову, что признаки времени умножаются. На днях он говорил государю: «qu'il n'y a pas une voix pour la monarchie pure»[399]. Государь не отвечал ничего, как и мне, когда я недавно снова заговорил об Австрийском Reichsrat'е.

20 марта. Утром у государя. От Испании уже получена дружелюбная нота по польским делам. Между Францией и Англией состоялось соглашение якобы по настоянию первой.

21 марта. Вечером заседание духовного присутствия, где приняты мои предложения. Позже у вел. кн. Елены Павловны. Живые картины и музыка.

22 марта. Утром всеподданнейший доклад. Потом у императрицы, которая продолжает утверждать, «qu'elle a une infinité dé choses à me reprocher»[400], но не говорит, какие именно «choses»[401].

Сегодня в Дворянском собрании единогласно принят всеподданнейший патриотический адрес по поводу польских дел [214], предложенный Безобразовым[68].

25 марта. Утром после обедни у государя. Кн. Горчаков того мнения, qu'il faut laisser venir l'Europe[402].

28 марта. В 2 часа совещание у государя по польским делам. ...во всяком случае он скорее бы согласился на мое предложение, чем на предложение кн. Долгорукова, что вмешательства Европы допускать в наши внутренние дела

---

[399] Что нет ни одного голоса в защиту абсолютной монархии.

[400] Что она могла бы меня упрекнуть во многом.

[401] «В чем именно».

[402] Что надо открыть дорогу Европе.

нельзя и т. д., но что еще nous n'en sommes pas là[403]. Затем государь прервал совещание, назначив вторник 2-е апреля для его возобновления. Рейтерн и Милютин не сказали ни слова. Государь их не спрашивал, вероятно, не желая слышать ответа, его видам не соответствующего. Уходя, Рейтерн сказал мне, que depuis aujourd'hui il m'aime[404]. Кн. Горчаков сообщил, между прочим, что Будберг, Балабин и Убри, все трое, в пользу инициативы.

Уходя, я передал Горчакову мою записку, государю не посланную. Он возвратил и написал, что ее следовало бы послать. Я спросил, могу ли приложить его отзыв. Тогда он ответил, «qu'il m'expliquera prochainement pourquoi ce serait inopportun»[405]. Без этого я не захотел послать записки, но возьму ее завтра на всякий случай к докладу.

29 марта. Утром всеподданнейший доклад. Государь не подал мне удобного случая представить мою записку. Выходя, я встретил Горчакова très fringant[406], потому что ему дано знать по телеграфу, что Англия, Франция и Австрия шлют к нам три различные ноты и не постановляют определительных требований [215]. Едва успел я вернуться домой, как получил от кн. Горчакова приглашение быть снова у государя в 2 часа. Кроме вчерашних членов совещания явились еще двое, Корф и Платонов. Оказалось, что мнение кн. Горчакова уже установилось, что оно ограничивалось спокойным выжиданием ноты и тою самою амнистией, которую он еще 25-го числа признавал преждевременною. Государю явно хотелось избежать этим «что-нибудь» неприятной надобности принять какие-либо меры более решительные. Кн. Горчаков прочел

---

403 Мы еще до этого не дошли.

404 Что с сегодняшнего дня он меня любит.

405 Что он объяснит мне все вскоре, почему это было бы некстати.

406 Очень разгоряченного.

проект амнистии, им будто бы за час пред тем продиктованный. Кн. Горчаков, гр. Панин и гр. Блудов поспорили о некоторых выражениях (в особенности Панин, который чутьем слышит всякое слово, сколько-нибудь направленное к обещанию представительных учреждений), наконец, Корфу, Платонову и мне поручено написать к завтрему два милующих манифеста, один для Царства Польского, другой для западных губерний. Выходя, я сказал Долгорукову, что это бесполезно, но по крайней мере безвредно, и что я дивлюсь Панину, который на аптекарских весах взвешивает слова в то время, когда уже и для дела требуются торговые важни.

30 марта. Корф написал манифест, я написал указ Сенату [216]. Мы были у государя. Наши проекты одобрены. Мы вышли, как будто бы сделав дело. Сомневаюсь, чтобы оно на деле оказалось делом[69].

31 марта. Христос воскресе! День святой Пасхи. Ночью был во дворце, но тотчас после высочайшего выхода вернулся домой, где и слушал обедню.

Утром, т. е. перед обедом, заходил к Тройницкому и к кн. Долгорукову, которого не застал, но потом встретил. Видел гр. Панина. Semper idem[407].

Вечером приводил в порядок бумаги. Перелистывал эти заметки. Как взгляды меняются со временем, хотя глаз один и тот же.

1 апреля. Утром у обедни. Заходил к Тройницкому и Муравьеву. У последнего слышал, разумеется, разные толки о современных делах. Избегаю встречи с людьми в настоящее время. Неприятно слышать их мнения. Опровергать их иногда нельзя, иногда неловко, иногда не стоит. Вечером дома.

2 апреля. Погода прекрасная, ходил к Карамзину, которого, конечно, не застал, потому что он в Москве. Я всегда делаю

[407] Вечно одно и то же.

визиты кстати. Вчера был у Паскевича в первый раз после размолвки, причиненной моим ноябрьским письмом. Должно быть, в нем была глубокая правда. Он еще не вышел из-под того впечатления, которое это письмо на него произвело.

Вечером Писемский читал у меня в присутствии Тютчева, Цеэ, Веневитинова, Оболенского, Тройницкого и Гончарова несколько глав из своего политического романа «Взбаламученное море», а Майков читал отрывки из поэмы «Смерть Люция».

Все это время я в раздумьи. Оставаться ли мне министром внутренних дел или просить увольнения. Могу ли далее быть полезен? Могу ли быть полезен и впоследствии, если теперь дам себя идентифицировать с нынешнею системою?

3 апреля. Утром дома за работой. Обедал у Рейтерна с Тенгоборским. Известия из Польши неутешительны, с Запада еще хуже. Розовое расположение духа кн. Горчакова рассеялось! Уже вчера Будберг дал знать по телеграфу из Парижа, что наша амнистия не произвела напрасно ожидаемого впечатления. Сегодня, по словам Грейга, который был у меня перед отъездом в Варшаву, Горчаков ездил к Краббе, в 17-ю линию, чтобы еще раз осведомиться о возможности защищать Кронштадт и С.-Петербург. Плохой признак. Еще хуже знать, что нас не созывают в Зимний дворец. Это значит, что государь не желает совещания и довольствуется tête-à-tête'ами с кн. Горчаковым и военным министром.

Вечером были Щербатов, гр. Дубенский и Шамшин.

4 апреля. Ходил по Невскому. Скучно встречать людей. Работал. Перед обедом был у меня кн. Долгоруков. Из Казани сведения о готовящихся будто бы около 10-го числа беспорядках. Одним из тамошних студентов, прибывших сюда, сделан донос. Наименованы некоторые лица, действующие будто бы по указаниям центрального революционного

комитета, в том числе ротный командир Охотского полка Иваницкий [217]. Дано знать по телеграфу о наблюдении. В Казань командируется флиг.-ад. Нарышкин за неимением налицо более способного.

5 апреля. Доклад у государя. Он сегодня не говорил о Польше. По-видимому, он был или необыкновенно спокоен, или особенно озабочен, так что скрывал это. Я не решился сказать то, что имел в виду высказать. Отложил до следующей пятницы и после сожалел, что отложил.

Вечером на ½ часа у гр. Блудова, день его рождения. Поспешил уехать, чтобы не встретиться с Нэпиром и Монтебелло. Вообще избегаю разговоров про нынешние обстоятельства. Кн. Горчакову переданы ноты Англии, Франции и Австрии. О содержании их ничего положительного не знаю.

6 апреля. Утром заседание Главного комитета и Департаментов экономии и законов по делу о башкирах [218]. Ничего нового и в особенности ничего хорошего. Для меня настает критическая минута.

7 апреля. За исключением утренней прогулки, целый день дома. В раздумьи или, точнее, в размышлении о том, что и как мне сделать в будущую пятницу. Ничего не слышу ни из Польши, ни с Запада.

8 апреля. Государственный совет. Дело [о] собственных землях крестьян. Со мною было всего 9 голосов, 35 или 36 против, большею частью под влиянием бессознательной паники или старой досады [219]. Потом заседание Сибирского и Кавказского комитетов. Телеграф приносит недобрые вести из Приволжского края и из некоторых внутренних губерний. Революционная пропаганда деятельна[70].

9 апреля. Утром у государя, вследствие сделанного мною и одобренного государем предположения распространить высочайшее повеление о поджигателях 4-го июля 1862 г. на ви-

новных в разбрасывании и раздаче возмутительных воззваний. Поводом к тому были полученные из Приволжского края сведения. Потом совещание по сему предмету с кн. Горчаковым, который находит эту меру неудобною при его дипломатических трудах. Она отсрочена. Комитет министров. Затем заседание Западного комитета.

10 апреля. Утром у государя. Совет по делам польским из тех же лиц, как 29-го марта + Тенгоборский. Государь читал свою программу для Польши. Кн. Горчаков читал полученные ноты и свои ответы. В отношении сущности дела мы не сделали и шага вперед. Вечером Théâtre de bienfaisance et de société[408], устроенный княжною Паскевич в зале Мятлева.

11 апреля. Целый день дома за работой. В заседание духовного присутствия я не поехал.

12 апреля. Утром всеподданнейший доклад. Рад объяснению с государем не совсем в той форме, на которую я готовился, но с тем результатом, которого я мог желать. Я поехал в Зимний дворец с решимостью просить увольнения, указав на минование срока для введения в действие Положения, на исполнение возложенной на меня главной обязанности, на встречаемые мною затруднения в исполнении других обязанностей и т. п. Объяснение завязалось иначе, чем я ожидал, и вышло мягче и глаже. Государь запретил мне, весьма любезно, думать об отставке и разрешил изложить мои соображения по вопросу о призвании в Государственный совет представителей от земства и т. д. Великий шаг, хотя и первый.

Возвратясь, провел целый день в работе над другими делами, в приеме прибывших сюда ген.-губернаторов, губернаторов и т. п., чтобы завтра не отрываться от главной.

---

[408] Благотворительный театр для избранного общества.

13 апреля. Обедал у вел. кн. Елены Павловны с кн. Долгоруковым и гр. Паленом. Она говорит про подносимые государю императору адресы (московские очень хороши), «que leur donnera-t-on? On n'aime pas pour rien»[409]. Кн. Долгоруков, который разделяет мои мнения и надеется на успех, отвечал à demimots[410] и отшучиваясь, что он сам так думает, qu'on n'aimera point pour rien[411]. Он мне говорил, что вел. кн. Мария Николаевна знает о возложенной на меня работе или, по крайней мере, о том, что мы оба стараемся убедить государя в необходимости заявления своей решимости по предмету предоставления выборным членам Совета участия в делах законодательных и государственно-хозяйственных и что она весьма сему сочувствует.

Кроме обеда, целый день за работой. В 12 час. ночи отправил к государю составленную мною записку, которую обещался сегодня представить.

14 апреля. Утром у обедни. Визиты. Получил приказание быть у его величества завтра в 11 час. для совещания по предмету моей записки. Кн. Долгоруков сообщил мне, что, кроме нас, будут гр. Блудов, гр. Панин, бар. Корф, кн. Горчаков, Милютин, Рейтерн и кн. Гагарин. Состав этой коллегии мне мало нравится. Однако кн. Долгоруков говорил мне, que l'emperour est d'accord[412] [71].

15 апреля. Утром у государя. Я читал свою записку. Прения были довольно живые. Кн. Гагарин, гр. Панин, кн. Горчаков, гр. Блудов, бар. Корф и Рейтерн были против предложенной мною меры. Кн. Долгоруков решительно и твердо в ее пользу. Милютин в ее же пользу, но с тем различием, что я предлагал указ или рескрипт, прямо возлагающий на министра внут-

---

[409] «Что им дадут? Без причины не любят».

[410] Полусловами.

[411] Что просто так не полюбят.

[412] Что государь согласен.

ренних дел и на председателя Государственного совета обязанность заняться предварительными соображениями и работами, до нее относящимися, а Милютин находил достаточным заявление словесное и притом не тотчас, а со временем. Кн. Горчаков был ниже всякой критики[413]. Он первый дал отрицательный толчок совещанию, сказав тотчас после прочтения моей записки: «ce qu’on nous propose c’est une constitution et deux chambres»[414]. Гр. Панин себе верен, следовательно, в смысле отрицания jusqu’à l'absurdité[415], первый забыв о соборах и Аксакове находил, что всякие выборные не в русских нравах и обычаях; второй ядовито указывал на предстоящие государю и его дому опасности. Кн. Гагарин в патетическом порыве преданности идее самодержавия дошел до того, что он не находил более слов для выражения своих чувств. Он вдруг остановился с поднятыми вверх руками. Рейтерн, к крайнему моему сожалению, говорил как немец, предполагающий, das für die Russen und das Gestrige gut genug sei[416]. Бар. Корф, вероятно, сомневавшийся в согласии государя, сухо отвергал мои предположения. Гр. Блудов
бесцветно и бессвязно отрицал их своевременность и предлагал вместо того амнистию и для наших заговорщиков. A propos[417] этого предложение всем показалось сомнительным и оно осталось без последствий. С моей стороны я довольно резко высказал мой взгляд и, между прочим, сказал, что, если бы государь поручил гр. Панину или кн. Гагарину привести к нему тех, кто мыслит подобно им, то они не

---

[413] *Далее со слов* он первый дал… *до слов* et deux chambres *вписано на полях.*

[414] То, что вам предлагают, эго — конституция и две палаты.

[415] До абсурда.

[416] Что для русских хорош и вчерашний день.

[417] В отношении.

привели бы его величеству десяти человек, между тем как за кн. Долгоруковым и мною пришли бы сотни и тысячи, и что я не понимаю противоречия, заключающегося в том, что когда нужны жертвы, преданность, умственный труд или кровь, то мы зрелы и самостоятельны, но когда речь о других проявлениях зрелости и самостоятельности, то мы обращаемся в несовершеннолетних и в людей, против которых принимаются дипломатические предосторожности. Государь, ввиду большинства, решил, что теперь ничего не следует делать [220]. Посмотрим, что будет завтра. Потом в Государственном совете. Потом заседание Главного комитета и Департаментов экономии и законов. Вечером дома. Были Багратион из Твери, Скарятин из Курска, Муравьев из Пскова, Щербатов, Шувалов и Урусов. Государь прислал приказание быть у него завтра в 12 час. Надежда еще есть[72].

16 апреля. Утром у государя. Он говорил о вчерашнем совещании и, признавая вообще правильность моих соображений, однако же сказал, что в настоящее время после того, что он вчера слышал, он решился не делать никакого положительного заявления, потому что к тому не предстоит прямого повода, ибо даже по земско-хозяйственным учреждениям проект не внесен еще в Государственный совет.

Потом Комитет министров и Западный комитет.

Вечером дома. Мне прислан в урочное время орден Белого орла.

17 апреля. Утром во дворце малый выход. После прием разных депутаций. Речь к ним государя в ответ на адресы (насчет подробностей см. газеты) [221]. Впечатление сцены несколько холодное, потому что никто не решился закричать «ура!» И, следовательно, ответа на слова его величества не было. Целый день я получал от государя и прямо от местных начальств и общества телеграфические депеши с выражением всеподданнейших поздравлений и преданности. Прием рас-

кольников, поповцев и беспоповцев, есть политическое событие. Сила вещей взяла свое. Сделав этот шаг, трудно будет не сделать других. После обеда я видел у себя Солдатенкова, которого желал, так сказать, закрепить в известном направлении. Вечером были остзейцы и лорд Нэпир.

18 апреля. Утром дома за работой. Вечером в Лавре заседание духовного присутствия.

19 апреля. Всеподданнейший доклад, потом совещание у государя по польским делам. Вести из Варшавы плохи. Велопольский просил увольнения и, вероятно, ненадолго удержан. Архиепископ Фелинский учреждает процессии в противность правилам военного положения и формальному запрещению местного начальства.

В Инфляндских уездах беспорядки [222]. Крестьяне, вследствие появления мятежнической шайки, вооружились, в Динабургском уезде разграбили и сожгли до 20 помещичьих мыз, в Режицком и Люцинском они перевязали нескольких посредников, становых и помещиков и представили их военным начальникам. Гр. Шувалов, туда посланный, смотрит на дело поверхностно и неверно. До сих пор нет опасности распространения какой-нибудь jacquerie. Между тем эта мысль до того обуяла и Шувалова и кн. Долгорукова, что они почти забыли о главном, т. е. о польских шайках. Число бегущих из войск офицеров и из учебных заведений воспитанников из поляков увеличивается[73].

20 апреля. Утром совещание у военного министра с кн. Долгоруковым, министром государственных имуществ и Шуваловым об инфляндских делах. Пред тем парад. После обеда у французского посла. Из разговора с герцогом Монтебелло видно, что он не верит в войну, и что если его превосходительство [223] имеет другие виды, то он не посвящен в его тайны.

21 апреля. Утром у обедни. Потом второе совещание у военного министра по инфляндским делам. Остальное время дня за работой.

22 апреля. Утром Государственный совет, потом заседание Главного комитета. С Запада все те же вести.

23 апреля. Утром Комитет министров, потом Западный комитет. Проведены предположения о сельских сторожевых командах и о запрещении отлучаться без ведома для известных классов населения и на известное расстояние [224]. Обедал у Горчакова. Большой дипломатический обед. Ничего замечательного. Для чего даются подобные обеды? Чтобы быть хорошими, они слишком многочисленны. Чтобы быть вежливостью, — тоже, чтобы быть приятными, — тоже.

24 апреля. Государь на охоте, в Лисине. Был на совещании о польских финансовых делах. Ленский, Платонов, Милютин, Рейтерн и я. Результат нуль и не мог не быть нулем, коль скоро к нему был приглашен Ленский, и оно происходило официально. Рейтерн не догадался, что этим путем ничего нельзя сделать. Моя первоначальная мысль искажена. Мне нужно было изыскать средства, налечь крепче на Царство. Ленский, конечно, тому не мог помочь, и официальная гласность, при его участии неизбежная, делала самое изыскивание невозможным.

25 апреля. Утром у государя по поводу новых невзгод в варшавском управлении. Архиепископ Фелинский прямо метит в Фиалковские, настаивает на процессиях 11, 12 и 13 мая [225], несмотря на военное положение, и говорит, qu'il aime mieux voir dix mille hommes couchés par terre par la mitraille que décéder sur un point quelconque touchant les droits de l'église[418]. Велопольский, кажется, теряется или уже расте-

[418] Что он предпочитает видеть десять тысяч человек, сраженных картечью, чем уступить по какому-либо пункту, затрагивающему права церкви.

рялся. Вел. князь below the mark[419]. Берг ничем еще не обнаружил пользы своего прибытия. Одним словом, плохо!

По крайней мере, государь сегодня решился проститься с Назимовым. Он послал за М. Н. Муравьевым, который принимает на себя назимовское наследие, и потом был у меня, чтобы о том сообщить. Конечно, не без обычных в подобных случаях оговорок. Во всяком случае, похвально, что в подобные времена от подобной ноши он не уклонился. Вечером был на выносе тела недавно умершего римско-католического митрополита Жилинского.

26 апреля. Утром всеподданнейший доклад. Потом снова совещание у государя по делам польским. Пожар мятежа вспыхивает по приказанию и по заранее задуманному плану в Витебской и Могилевской губерниях. Получено известие о нападении шайки на Горки и о разграблении тамошнего казначейства. Несколько инвалидов зарезано. Местечко зажжено. В других местах шайки. Крестьяне содействуют и хватают мятежников. Был сегодня у Муравьева.

27 апреля. Утром был на похоронах митрополита Жилинского. Не мог дождаться конца, потому что должен был присутствовать в ½ 2-го на обеде, данном в Думе городом роте Литовского полка, прибывшей из Варшавы. Там были государь и великие князья, цесаревич и Николай Николаевич. Потом на 2-часовом совещании у военного министра с Муравьевым, кн. Долгоруковым и Зеленым. Толку мало, но это сговаривание было необходимым.

28 апреля. Утром у обедни. Был у Карамзина. Остальное время дня за работой.

29 апреля. Утром Государственный совет. Потом заседание соединенных департаментов и заседание Главного комитета. Из Могилева тревожные вести. В Приволжском крае

[419] Не на высоте.

распространяется подложный манифест фабрикации Герцена и К⁰ [226].

30 апреля. Утром Комитет министров. Работал. С кн. Горчаковым решительно нельзя знать, в каком положении наши заграничные дела. Отправил вечером к кн. Долгорукову подробное изложение некоторых мыслей о мерах, кои следовало бы принять.

1 мая. Утром доклады по департаментам. Был у меня кн. Долгоруков из Царского. Он мою записку докладывал государю. Завтра мы должны совещаться у военного министра. Вечером государь был верхом на гулянье в Екатерингофе. Кн. Долгоруков, его сопровождавший, мне писал, что народ принимал его с энтузиазмом.

2 мая. Утром Западный комитет. М. Н. Муравьев присутствовал. Все его старые замашки налицо. Вечером заседание духовного присутствия. Проведены кое-как правила о церковных попечительствах. На днях был у меня архиепископ Платон. Он говорит о смешанных браках и о раскольниках, как и сам. Не без удивления я его слушал, потому что, хотя и предполагал нечто в этом направлении, но не так далеко. Я сказал ему, что желал бы видеть его митрополитом. Недаром. Он намекнул на возможность разделения митрополий С.-Петербургской и Новгородской.

3 мая. Утром в Царском Селе. Доклад. Потом прием депутаций. Императрица нездорова. Ее состояние внушает немалые опасения. С Запада и из Польши ничего замечательного. В западных губерниях разбита главная ковенская шайка [227]. Взят, между прочим, ее предводитель, генерального штаба капитан Сераковский под именем «Доленги». Он недавно уехал из Петербурга как бы в отпуск. Замечательно, что едва успели получить о том известие, как лорд Нэпир обратился с письменным частным за него ходатайством к военному министру.

4 мая. Утром работал. Заходил к Муравьеву. Он занят кроением себе наместничества из генерал-губернаторства. Обедал у Карамзина.

5 мая. Обычная прогулка в Казанский собор. Не легко мне. Впрочем, давно так.

В Могилевской губернии вспышка восстания, как доносит губернатор, подавлена.

6 мая. Утром сын Александр уехал в Киев курьером. Оттуда в батальон стрелкового № 8. Да благословит его бог.

Государственный совет. Потом заседание Главного комитета. Потом особое совещание с кн. Долгоруковым, Милютиным, Зеленым и Муравьевым по западным делам. Муравьев был в высшей степени неприличен и нахален. Полагая себя необходимым, он пользуется этим, чтобы заявлять самые неуместные притязания и позволять себе самые неуместные выходки. Основываясь на каких-то рассказах майора Павлова, присланного к нему Назимовым, он теперь распускает слух, что все затруднения в литовском крае происходят от распоряжения Министерства внутренних дел, которое будто бы стесняло энергию ген.-ад. Назимова! Гр. Шувалов (Петр Андреевич) с своей стороны исподтишка пособляет.

Я написал государю, что если ему угодно оставить на мне звание министра внутренних дел, то надлежит положить предел неуместным проделкам ген. Муравьева.

7 мая. Комитет министров. Потом краткое заседание Западного комитета. Государь, возвращая мое письмо, отметил на нем, что он имел с ген. Муравьевым весьма серьезный разговор и надеется, что оный на него подействует.

8 мая. Работал дома. Ген. Зеленый заезжал ко мне и говорил, что при докладе его в Царском государь объяснялся с ним насчет вчерашнего разговора с ген. Муравьевым и говорил ему, что он, государь, вышел совершенно из себя и просит его, Зеленого, и нас всех просит, чтобы уладить все ввиду нынешних затруднений, призывая на помощь наши

патриотические чувства. Не в них у меня недостаток. Вечером были Грейг, из перемены лица коего я видел, когда мельком сказал ему о рассказах Муравьева, что он знает о рассказах своего друга Шувалова, и гр. Дубенский, который, между прочим, спросил меня, нельзя ли à certaines conditions[420] высшим сословиям в Юго-Западном крае употребить свое влияние для остановления мятежа. Я отвечал в осторожных выражениях, что всякое заявление (démonstration, acte de présence)[421] партии закона и порядка может быть полезным, но что об «условиях» не может быть и речи.

9 мая. Утром у кн. Горчакова. Рассуждения по вопросу о папском нунции. Папа написал письмо к государю, в котором изложил старые griefs à propos de Pologne[422]. В ответ ему вновь предлагают прислать нунция, чтобы лучше осведомиться о том, что у нас делается. Вечером заезжал к Муравьеву по его просьбе. Он поворотил на более правильную дорогу. Мы расстались хорошо.

10 мая. Утром всеподданнейший доклад. Потом совещание у государя с военным министром, кн. Долгоруковым, Муравьевым и Зеленым. Государь был жесток с Муравьевым. Обедал у вел. кн. Елены Павловны с Горчаковым, Оболенским и Шестаковым.

11 мая. Утром работал. Был у Муравьева для прощанья. Обедал в Английском клубе. Вечером переехал на дачу.

12 мая. Утром у обедни. Потом разные посетители. Работал. Турунов надоедает мне рассказами об интригах кружка Государственной канцелярии, который на мое место прочит Грота.

13 мая. Утром Государственный совет. Потом заседание Сибирского и Кавказского комитетов. Вечером на даче.

---

[420] На некоторых условиях.

[421] Демонстрация, присутствие.

[422] Жалобы в отношении Польши.

14 мая. Утром в Министерстве. Потом Комитет министров. Целый день за работой. Все усилия устроить сильную и согласную администрацию тщетны.

15 мая. Целый день на даче. Доклад. Разные посетители. Вечером Замятнин, Мещерский, Тройницкий, гр. Толстой и Соловьев. Гр. Толстой прощался. Много грубого эгоизма и немало неблагодарности при некоторой теплоте чувств и немалом добродушии. Сочетанию этих свойств у нас не редкость.

16 мая. Утром у обедни. В 4 часа в городе у военного министра для совещания с кн. Долгоруковым и министром государственных имуществ. Результатов мало. Вечером за работой.

17 мая. Утром всеподданнейший доклад в городе. Решено командировать на Волгу ген.-ад. Огарева, а в Казань, Пермь и Вятку на правах временного ген.-губернатора — ген.-ад. Тимашева. В Казани учредить особую следственную комиссию под председательством тайн. сов. Жданова. Ввиду панического страха от поляков, занимающих разные должности, обнаружившегося в Смоленске, Москве, и других местах, предположено удалить или удалять их по крайней мере из состава полиции, почтовых управлений и управления железных дорог. Предположено дать особые секретные инструкции губернским начальством насчет лиц, подозрительных в отношении к нынешней революционной пропаганде, в особенности в Западном крае. Получше всего этого то, что государь согласился допустить в департамент Государственного совета при обсуждении проекта о земских учреждениях губернских предводителей с.-петербургского, московского, новгородского и псковского и городских голов с.-петербургского и московского; затем отделить председательство в Комитете министров от председательства в Государственном совете, затем по отъезде гр. Блудова и в Комитет министров назначить председателем, хотя бы временно,

кн. Долгорукова; наконец, дать постоянное место в Государственном совете и Комитете министров об.-прокурору Святейшего синода. Всего этого я давно добивался. Государь был вообще очень любезен ко мне и два раза повторил, что ценит мой труд и мою ревность, присовокупляя: «Ce ne sont pas des phrases, que je vous dis»[423].

Вечером дома. Холодно. Май в календаре, на дворе октябрь.

18 мая. Утром в городе. Прием. Заседание в Департаменте законов по делу о прибалтийских паспортах [228]. Бар. Корф, как всегда, без всякой стойкости. Вечером были лорд и леди Нэпир. Не разгадаешь, предвидит ли он или не предвидит войну. Но пахнет не миром.

19 мая. Троицын день. Дождь и холод. Был у обедни. Целый день дома. Работал. Вечером были кн. Долгоруков и Огарев. Долгоруков доволен мыслью о председательстве; но уже находит председательство несовместимым с отдельным «ministère»[424], что не соответствует моей мысли, потому что мне кажется нужным именно такой председатель, который участвовал бы, как начальник отдельной части, в ежедневном движении администрации и находился бы в соприкосновении с другими ведомствами постоянно, а не раз в неделю по вторникам на 2 или на 3 часа. Кн. Горчакова я давно не вижу, но слышу, что он считает войну возможною к августу.

20 мая. Утром были Безак и Милютин. Последний неутешителен и неуспокоителен. Он слышал от Горчакова сегодня, что война ожидается уже в июле или даже июне. Приготовления западных держав будто бы делаются на 15-ое июня.

21 мая. Утром у вел. кн. Елены Павловны. Потом в Комитете министров и в Западном комитете. Вечером дома за работой.

---

[423] То, что я вам говорю, не слова.

[424] Министерством.

22 мая. Целый день на даче. Разные доклады. Получил от кн. Долгорукова извещение, что по вопросу о порядке рассмотрения проекта о земско-хозяйственных учреждениях государь назначает в своем присутствии особое совещание в будущую субботу. Блудов и Гагарин успели переработать дело и возбудить разные сомнения.

23 мая. Целый день на даче. Работал. Вчера вечером был Фирс Голицын (т. е. Сергий), которого я не видал, кажется, с 1844 года. Все тот же. Говорил без умолку и не дал ни слова сказать Александру Трубецкому, который охотник пустозвонить и в этом упражнении преуспевает более и более.

24 мая. Утром в Царском Селе. Доклад. Государь сам сказал мне о предстоящем совещании. Я ограничился тем, что скажу свое мнение вместе с прочими. Я нарочно не хотел входить в разговор, потому что его величество некоторым образом s'était déjugé[425] и отменял или допускал возможность отменить данное мне разрешение. На завтра назначен еще другой предмет совещания. А именно вопрос о московской городской страже. Третьего дня прибыл сюда московский городской голова кн. Щербатов с приговором Московской городской думы и одобрительным отзывом ген.-губернатора, который в деле подобной важности не счел нужным предварительно осведомиться о взгляде на оный высшего правительства. Здесь мысль об обывательском вооружении возбудила различные толкования и толки. Одни видят в нем национальную гвардию, другие прямой и полезный порыв патриотизма. Я тогда же отправил кн. Щербатова в Царское Село к Долгорукову, которого прием, говорят, обдал его холодом. С моей стороны я не очень сочувствую этому делу, но в настоящем его положении после обсуждения в Думе и формального представления ген.-губернатора считаю отказ

[425] Изменил свое мнение.

невозможным. Так и докладывал о том сегодня государю. Сегодня же подписан указ об увольнении Цеэ, который давно мне сделался несносным по недостатку уменья, ума и в особенности прямодушия и правдивости. Он пропустил в печать неслыханную статью в журнале «Время». [229] под наименованием «Роковой вопрос» [230] и пытался мне доказать, что статья хороша. Журнал запрещается. Он имел вообще вредное направление.

25 мая. Утром в городе. Прием просителей. Потом совещание у государя. Очевидно, le tout était un coup monté[426]. Были кн. Гагарин, гр. Блудов, кн. Горчаков, кн. Долгоруков, бар. Корф, гр. Панин, Милютин, Рейтерн, Зеленый, я и кн. Суворов по делу о городской страже, потому что и здесь возникла подобная мысль, но в другой форме, а именно в форме стрелков-охотников. По делу стражи гр. Панин и кн. Гагарин были против, кн. Долгоруков выражал сомнение и высказывал предостережения. Гр. Блудов, кн. Горчаков, кн. Суворов, Милютин и я были в пользу дела. Государь с нами согласился. По делу о земско-хозяйственных учреждениях гр. Блудов, кн. Гагарин и бар. Корф выступали против меня, гр. Панин был в пользу немедленного рассмотрения. Кн. Долгоруков и кн. Горчаков тоже. Рейтерн и Милютин молчали. Дело осталось на том, что рассмотрение будет происходить безотлагательно, и что «эксперты» будут приглашены, но только от Департамента, по ст. 12 учреждения [231], а не по высочайшему повелению. «Cela valait la peine de monter une intrigue pour finir par cela»[427], — сказал мне, выходя, Рейтерн. Кн. Долгоруков упрекал меня также по выходе из кабинета государя в том, что я говорю mit Stichen[428], потому что, действительно, я не берег Корфа. Прав ли он? Что лучше? Быть

---

[426] Все было подстроено.

[427] Стоило затевать интригу, чтобы прийти к этому.

[428] С насмешками.

смирным или скалить зубы? Меня не любят и любить не могут. Я им мешаю. Добром их не задобрить. Быть может, лучше не спускать ничего.

26 мая. Целый день на даче.

27 мая. Утром Государственный совет. Потом заседание Главного комитета. Получено известие, что гр. Платер расстрелян в Динабурге. Из Царства ничего нового. Вопрос о мире и войне в прежнем положении. Вечером был кн. Щербатов. Он доволен приемом государя. Il est plein de son rôle et difficile à manier. Il n'y a plus d'enfants [429].

28 мая. Комитет министров утром. Получил длинное письмо от ген. Муравьева. Он распоряжается диктатором, но распоряжается.

29 мая. Целый день на даче. Замечательных новостей у меня нет. Вчера лорд Нэпир уверял, что и он нового не знает. Сегодня был, между прочим, кн. Оболенский. Он слышал от вел. кн. Елены Павловны, что гр. Берг и вел. кн. Александра Иосифовна жалуются на то, будто бы кн. Горчаков, Милютин и я интригуем против вел. князя. Плохой признак, когда при подобных обстоятельствах и действиях нападают на других и притом на своих же.

30 мая. Целый день на даче. Работал. Из Варшавы получено известие, что из тамошнего главного казначейства украли 3½ мил. рублей. Все это пошло или пойдет в пользу восстания.

31 мая. Утром в Царском. Доклад. Потом был на несколько минут у императрицы. Ей лучше. Говорят, что она поедет в Крым по железной дороге, между тем как уже приготовлялись ее везти по каналам до Волги. Из Варшавы плохие вести. Высочайше поведено доставить сюда Фелинского за обнародование его письма к государю [232]. Надолго ли? Я сказал

---

[429] Он весь в своей роли, не поддается влиянию. Мы уже не дети.

государю, что во всяком случае нельзя оставлять его в Петербурге.

1 июня. Утром в городе. Из Вильно доходят известия, показывающие, что управление М. Н. Муравьева начинает уже приносить плоды. Говорят, будто составилась партия, готовящаяся к изъявлению покорности.

2 июня. Утром у обедни. Работал почти целый день. Тяжело и грустно, потому что, кроме наших дел, есть и другие тяжкие заботы.

3 июня. Утром Государственный совет. Потом заседание Главного комитета и Департамента экономии. Кн. Горчаков подвергается, по-видимому, разжижению мозга от излишка прилива тщеславия. Я на него смотрел во время заседания Совета. Невероятно.

4 июня. Утром заседание Комитета министров. Потом Западный комитет. Вечером были гр. Кутузов, кн. Щербатов и еще кое-кто — Je suis décidément misanthrope. Je n'en puis plus do mes semblables, quand ils ne sont pas de la maison[430].

5 июня. На даче.

6 июня. В Царском Селе. Совет министров. Вопрос о предварительном контроле. Прискорбные впечатления. Кн. Гагарин, Бутков, Татаринов крайне недобросовестны. Пользуясь тем, что государь не может в подробности изучать подобных вопросов, и пользуясь, кроме того, обычаем высочайших резолюций на представляемых его величеству записках, кн. Гагарин представил совокупное и единодушное мнение всех министров по настоящему делу как уклонение от высочайшей воли, когда-то и где-то выраженной словами: «исполнить по отметкам» и «справедливо». На этом плохом Kunstgriffe[431] чуть-чуть не разбились все дела. Понятия о

[430] Я решительно мизантроп. Я не выношу мне подобных, если они не члены моей семьи.

[431] Уловке, хитрости.

предварительном контроле вообще и о нем чрез чиновников государственного контроля умышленно перемешаны и остались перемешанными. Однако удалось, по крайней мере на время, задержать исполнение претензий г. Татаринова. Несносно заниматься делом при подобных условиях. Вернулся на дачу в 7-м часу.

7 июня. Утром в Царском. Доклад. Положение дел в Царстве нестерпимо. Вел. князь явно в руках предателей или под влиянием страха за свою особу, или, что еще было бы хуже, под влиянием расчетов на возможность отделения Польши под его скипетр. Вечером на даче. В Царском заходил ко мне гр. Петр Шувалов, отправляющийся по обычаю снова за границу, en partie pour revoir sa belle, la c-sse Orloff[432]. Частью же, чтобы выжидать каких-нибудь новых для себя шансов. Ему предлагали, по желанию вел. кн. Константина Николаевича, принять на себя жандармское управление в Царстве. Он, конечно, уклонился.

8 июня. Целый день на даче. Доклады. Работал. Устраивается перемена редакции «Северной почты».

9 июня. Утром у обедни. Работал. Обедал у гр. Пален.

10 июня. Утром в Государственном совете. Потом заседание Главного комитета. Пустые толки о форме будущего совещания по делу о земских учреждениях в Государственном совете. Кн. Суворов сделал сцену Рейтерну за то, что сей последний не дал какого-то места его свояку Иванову.

11 июня. Утром Комитет министров. Потом заседание Западного комитета. Обедал у вел. кн. Елены Павловны. Вечером за работой.

12 июня. Утром в Зимнем дворце. Совещание по вопросу об архиепископе Фелинском. Кн. Горчаков, кн. Долгоруков, военный министр, Платонов и я. Решено пока оставить его в

[432] Отчасти, чтобы повидать свою красавицу, гр. Орлову.

Гатчине. Из Вильно получено сведение, что Муравьев выслал в Вятку епископа Красинского.

13 июня. Целый день на даче. Вечером были у меня Щербатов и кн. А. Васильчиков, которого я не видал со времени смерти его жены. Вчера я встретился в Зимнем дворце с его братом кн. Виктором, приехавшим pour se mettre à la disposition de s. m.[433]

Странные вещи рассказывал мне вчера Милютин про вел. кн. Константина Николаевича. Он переводит тайно значительные суммы за границу. Он для сего употребляет лично состоящих при нем фельдъегерей, определенных из морского ведомства. Между тем на довольно жесткое письмо государя он отвечал благодарностью, усматривая в нем знак дружбы, а вел. княгиня пишет императрице, qu'il vaut mieux faire revenir leurs cadavres que les rappeler de Varsovie[434], а вел. кн. Елене Павловне, что ей следовало бы приехать в Варшаву, чтобы убедиться в несправедливости всех нареканий на вел. князя и т. п. После обеда 11-го числа вел. кн. Елена Павловна читала мне полученное ею письмо. Оно преисполнено жалобы на всех и на все, но не указывает никакого выхода из затруднений[74].

13 июня[435]. Целый день на даче. Ноты иностранных держав получены и будут переданы послезавтра кн. Горчакову. Между тем в Париже произошла частная перемена Министерства, без известной к тому причины и без сведений о направлении новых министров.

14 июня. Утром в Царском Селе. Доклад. Потом был у императрицы на ¼ часа. Торопился вернуться с 2 ¼ час. по-

---

[433] Чтобы поступить в распоряжение его величества.

[434] Что пусть лучше нам вернут их трупы, чем мы отзовем их из Варшавы.

[435] *Так в тексте. На полях против даты* «13 июня» *написано в скобках:* кверху.

ездом. Важных известий ниоткуда нет, но как-то пахнет гарью. Без войны не обойтись. Быть может, она к лучшему. Все натянуто, и внешние и внутренние отношения. Императрица собирается в путь 3-го числа будущего месяца на юг, как будто войны в Черном море не могло быть. Вел. кн. цесаревич уехал 11-го числа.

15 июня. Утром в городе. Получено известие о неблагоприятном деле близ Шавель или в Шавельском уезде, где пострадали 4 роты л.-гв. 1-го Стрелкового батальона и Елецкого полка[233]. Я депеши не видал, но мне передал содержание оной гр. Келлер. Ковенская губерния вообще в самом неудовлетворительном положении. Иностранные ноты сегодня переданы кн. Горчакову. Содержание их я в точности еще не знаю [234].

16 июня. Утром у обедни, кн. Долгоруков пишет, что ночью на сие число, в 3-м часу утра, загорелся верхний этаж Царскосельского дворца. Причина пожара еще не открыта. Сгорели частью комнаты, прилегающие к церкви, и ее куполы. Он же пишет: «entre nous, si le p-ce Gortschakoff garantit notre dignité, il sera bien habile d’éviter une rupture»[436]. Давно так думаю. Я даже утомился этою мыслью, постоянно меня преследующею. Кажется, как будто уже лучше было бы дойти до разрыва. По крайней мере, положение станет определительнее.

17 июня. Утром в Государственном совете. Потом заседание Главного комитета. Пожар в Царском произошел от беспорядочности прислуги. Убытки значительные по беспорядочности местной пожарной части. Трубы не годились. Пожар остановлен посланными отсюда средствами. У нас всегда так.

---

[436] Между нами говоря, если кн. Горчаков гарантирует сохранение нашего достоинства, то ему будет очень трудно избежать разрыва.

150 тыс. убытку, потому что в свое время не издержано 3 или 5 тыс. на устройство подлежащей части.

18 июня. Утром Комитет министров. Потом заседание Западного комитета. Важных известий ниоткуда нет. Милютин сегодня решился передать кн. Долгорукову известия о поручениях, возлагаемых вел. кн. Константином Николаевичем на своих фельдъегерей. Кн. Долгоруков поморщился. Посмотрим, что будет, когда он переварит, а варит он медленно.

19 июня. Собирался ехать в Кронштадт осматривать укрепления. Но буря заставила на сей раз отложить поездку. Целый день на даче. Вечером приехал ко мне лорд Нэпир с письмом от кн. Горчакова. Лорд Нэпир полемизирует, как говорит, с своим правительством насчет разглашаемых нашими клеветниками обвинений, он опровергает разные толки о жестокости наших начальников и солдат. На сей раз он поднялся по случаю телеграмма от гр. Росселя о предстоящей будто бы в Вильно казни гр. Старжинского [235]. Он писал к кн. Горчакову: «mon prince, aidez vos amis»[437]. С письмом от него г. Ломлей отправился в Царское. Кн. Горчаков отослал письмо ко мне via Lumley et Napier[438]. Я ничего не знаю о настоящем положении дела Старжинского.

В продолжительном разговоре с Нэпиром я мог ясно усмотреть, что и он, и Монтебелло действуют в пользу мира, последний по естественному к тому влечению, первый в особенности по желанию противодействовать наполеоновской политике. Лорд Нэпир сказал мне, между прочим, что он писал лорду Росселю, что если английский кабинет не решается на войну, то следовало бы это высказать, чтобы не вовлекать в погибель напрасною надеждою на помощь извне множества «enthusiastie men». Россель отвечал частным

[437] Князь, помогите вашим друзьям.

[438] Через Ломлея и Нэпира.

письмом, что не может этого сделать, потому что не хочет себя обезоруживать, и что Россия не сделает уступок, если не будет опасаться войны. Далее лорд Нэпир сказал, что «Times» начинает поворачивать к миру, и что поворот не мог быть слишком быстр, но непременно совершится. Писал обо всем к кн. Долгорукову.

20 июня. Целый день на даче. Вечером был Монтебелло, который сидел у меня до 2-го часа ночи, с ним также продолжительный разговор о польских делах. Между прочим, он сказал мне, что писал в Париж, «que l'histoire, en prononcant un jugement impartial sur ce qui se passe, devra plutôt accuser le gouvernement russe de faiblesse que d'un excès de rigueur»[439]. Верно, но что сказал бы он, если бы знал то, что я знаю о нашем управлении в Царстве?

Фелинский представил по требованию государя письменную profession de foi[440], вследствие коей, как и ожидалось, решено его отправить в Ярославль [236].

21 июня. Утром доклад в Царском Селе. Государь был озабочен. Отъезд императрицы назначен на 3-е июля. Государь передал мне для прочтения письмо Фелинского. Любопытный документ, особливо при сравнении с проектом пастырского послания, составленным им до отъезда в Варшаву. Из Царства Польского вести со дня на день хуже. Действия вел. князя необъяснимы. Леса по линии железных дорог не вырубаются, а между тем революционное правление объявило чинам управления железных дорог и телеграфов, что оно запрещает дальнейшее движение и передачу депеш. Сведение о том получено здесь по почте вчера г. Алкье и передано мне гр. Барановым. Но Кербедз, Берг и вел. князь

---

[439] Что история, вынося беспристрастный приговор всему происходящему, должна скорее обвинять русское правительство в слабости, чем в чрезмерной суровости.

[440] Изложение своих взглядов.

молчат. Между тем его высочество выслал сюда с жандармами действ. ст. сов. Пономарева, русского старожила в Польше, за грубый отказ в принятии возлагаемых на него поручений. Но Пономарев, которого я, впрочем, не знаю и не видал, объясняет свои действия иначе.

Видел в Царском следы пожара. Куполы на дворцовой церкви исчезли. Впрочем, дворец пострадал мало.

Из Царского заезжал к кн. Долгорукову, потом к В. И. Анненковой, которая хлопочет об том, чтобы мужу дали голубую ленту, а сыну вензелевый аксельбант [236а]; потом к госпоже Гернгрос à propos d'ennuyeux commérages[441] [236б].

На днях умер в Париже М. В. Пашков. На его место назначается директором Департамента внешней торговли кн. Оболенский.

22 июня. Целый день на даче. Кн. Долгоруков, которого по особенностям моих отношений к ген. Муравьеву и его характера, я просил написать в Вильно о Старжинском, и который тогда в этом отказал, сегодня получил высочайшее повеление телеграфировать о том к ген. Муравьеву. Я писал к нему еще третьего дня. Надеюсь, что-то и другое не сделано слишком поздно.

23 июня. Утром у обедни. Ездил на Каменный остров к бар. Штиглицу и был за Невкой у гр-ни Пален и г-жи Родоконаки. Вечером дома.

24 июня. Утром полузаседание Государственного совета для подписания журналов. Потом заседание соединенного присутствия по делу о земских учреждениях. Эти господа по-прежнему наиболее озабочены тем, как будут они рассуждать при посторонних, т. е. при тех губернских предводителях и головах, которых решено пригласить к

---

[441] По поводу скучных сплетен.

совещательному участию. (Пред тем, вместо завтрашнего дня, краткое заседание Комитета министров).

25 июня. Сегодня в Зимнем дворце, в 12 1/2 час. пополудни собран был особый тесный совет для обсуждения проектов ответных депеш кн. Горчакова на депеши, или т. н. ноты трех держав. Были в личном присутствии его величество, кн. Гагарин, вел. кн. Николай Николаевич, кн. Долгоруков, гр. Адлерберг, гр. Панин, бар. Корф, кн. Горчаков, Милютин, Рейтерн, Краббе, Платонов и я. Сперва читали три ноты, потом обсуживали вопрос о том, что делать и что отвечать, потом читали ответы. Не знаю, почему третье не было вторым, а второе третьим. В пользу решительного отклонения всех предложений, не соответствующих достоинству России, были кн. Гагарин, гр. Адлерберг, кн. Долгоруков, бар. Корф, вел. кн. Николай Николаевич и я. При этом заявлена была (гр. Адлербергом и кн. Долгоруковым) мысль стараться отвлечь Австрию от западных держав и, вместо conférences sur la base des six points[442], предложить une conférence entre les trois puissances limitrophes[443], т. е. Россией, Австрией и Пруссией. Кн. Горчаков молчал. Милютин, Краббе, Рейтерн, гр. Панин и Платонов говорили с гораздо меньшею решимостью и преимущественно указывали на необходимость стараться продолжать переговоры и избегнуть войны. После того кн. Горчаков прочитал свои депеши, которые оказались вообще в нашем смысле. Оказалось таким образом, что и государь разделял наше мнение, ибо Горчаков сказал, qu'il avait suivi les ordres de s. m.[444] Редакция депеш так удовлетворила меньшинство, что и оно более не возражало. Aléa jaeta est[445].

---

[442] Конференций на основе шести пунктов.

[443] Конференцию трех граничащих между собой держав.

[444] Что он выполнял приказания его величества.

[445] Жребий брошен.

Перед заседанием был в Министерстве. Вечером, как всегда, дома.

26 июня. Целый день на даче. Работал. Отъезд ее величества отложен под предлогом продолжения лечения, но собственно, чтобы выждать, будет ли война или нет.

27 июня. На даче. Работал. Заезжал утром к Монтебелло, но его не застал. Жена была целый день в Царском, а я не выходил на улицу после обеда и не зажигал ламп на уличной стороне, чтобы избавиться от посетителей.

28 июня. Утром в Царском Селе. Доклады. Важных известий нет. Кн. Суворов, сильно кричавший на Муравьева, перестал кричать и его хвалит, вследствие записки, поданной ему полк. Лебедевым, возвратившимся из Вильно, и вследствие некоторых любезностей, сказанных Лебедевым от имени Муравьева. Муравьев будто бы просит Суворова доложить государю о том, что ему передаст Лебедев. Характеристично, но истинно. Сам кн. Суворов говорит, что Муравьев прислал или надел ему намордник. На обратном пути заезжал к кн. Долгорукову. Вечером был у меня Нарышкин, только что вернувшийся из Казани и Пензы.

29 июня. Утром у обедни. Работал. Погода прекраснейшая. Шидловский сегодня уехал за границу. В «Северной почте» сегодня напечатана последняя из 5-ти статей, помещенных в ней по моему распоряжению и отчасти из-под моего пера, о земских учреждениях.

30 июня. Утром у обедни. Вечером на гонке судов речного яхт-клуба. Был у нас вечером старый товарищ и приятель мой Крузенштерн, на два дня приехавший сюда из Эстляндии.

1 июля. Утром в городе. Первое заседание Особого присутствия в Государственном совете по делу о земских учреждениях. Нельзя сказать, чтобы оно было блистательно. У большинства членов нет не только установившейся системы, но даже и приблизительно полного понятия о предмете су-

ждений. Председатель не очень благоволит ко мне, а, следовательно, и к проекту. Бахтин идет в свойственном ему радикальном направлении далее проекта. Гр. Адлерберг и Толстой видят в нем преимущественно удила и почту [237]. Милютин наиболее озабочен демократическою нивелировкою представительства. Даже Рейтерн видит только частности, а не целый строй дела, а кн. Долгорукову оно представляется sous la forme d'une nébuleuse que son télescope ne parvient pas à résoudre[446]. Кн. Григ. Щербатов, обуреваемый сильнейшим самолюбием и томимый обратившимся во внутрь честолюбием, пытался ораторствовать, но не слишком удачно. Бар. Корф, как всегда, — маятник между крайними, проходящий через средину, но никогда на ней не останавливающийся. Прочие члены эксперты — кн. Ал. Щербатов, кн. Гагарин и Погребов — весьма бледны[75]. Вечером по обычаю за работой.

2 июля. Утром Комитет министров. Потом заседание Главного комитета. Написал вчера и сегодня передовую статью для «Северной почты» о польском вопросе [238]. Из Вильно получено известие об оставлении гр. Бобринским места в Гродне и о предварительно уже сделанном ген. Муравьевым назначении туда ген. Веселитского. Бобринский при всем благородстве характера новичок и белоручка. Муравьев при всем уме и знании — татарин. Оба погорячились и забыли, что от этого терпит и страдает общее дело. Кн. Долгоруков говорил мне, что на случай войны решено не оставлять вел. кн. в Царстве. Государь возвратил ему мою записку, в которой об этом упоминалось.

Ункoвский вызван из Ярославля для принятия начальства над эскадрою, которую предполагается послать в Атлантический океан для корсарного крейсерства на случай войны[76].

[446] В форме туманного пятна, которое в телескоп ему не удается разглядеть.

3 июля. Утром в Царском Селе совещание по вопросу о том, где и как быть посвящению нареченных для Царства Польского епископов гр. Лубянского и Попеля. Тенгоборский писал из Варшавы, что там нельзя, что в Петербурге неудобно, и потому было бы всего лучше избрать Рим. Накануне спрашивали нашего мнения письменно. Я отвечал, что в настоящее время считаю все это второстепенным, что дело в разрешении польского вопроса силою, что если разрешение будет в нашу пользу, то к нам вернутся все нынешние предатели и изменники, а если не в нашу пользу, то отвернутся окончательно и полуизменники, и полупредатели, и что затем я не вижу особого неудобства и в посвящении в Риме. Были кн. Горчаков, кн. Долгоруков, Платонов и я. Решено дать знать, что посвящению быть в Варшаве, а если там не состоится за неприездом ассистентов из губерний, — в Петербурге.

Утомился от большого обеда в Царском в честь л.-прен. полка [239] и вернулся на дачу. Вечером был лорд Нэпир за разными справками. Он усердно работает в пользу мира.

4 июля. Утром второе заседание присутствия по земско-хозяйственным учреждениям. Туго, тяжело, тупо, невежественно, но нечего делать. Надо вытерпеть. Кн. Гагарин выходит из себя по поводу статей в «Северной почте» о земских учреждениях [240]. Он жаловался кн. Долгорукову, усовещевал меня и т. п. Он постичь не может, как решился я говорить в официальном органе о предмете, рассматриваемом в Государственном совете. Я не знаю, где искать те аргументы, которые для этих господ пригодны. И здесь, видно, нужно терпение. Вечером дома.

5 июля. Утром в Царском. Всеподданнейший доклад. Государь читал мне свое письмо к вел. кн. Константину Николаевичу по поводу денег, присылаемых с фельдъегерями

(см. выше)[447] и некоторых других предметов. Доклад начался очень поздно. Я спешил, чтобы поспеть на 2¼ часовой поезд и, видно, руководим был судьбой. Возвращаясь в одном вагоне с бывшими в Царском герц. Монтебелло, которому вице-канцлер сообщил свой ответ на ноту французского правительства, и гр. Редерном, который был там для прощания, я услышал от Редерна, что дела принимают самый неблагоприятный оборот, что Montebello extrêmement monté[448], ибо кн. Горчаков по-видимому толкует наше предложение d'une conférence à trois[449] в смысле окончательного устранения Франции и Англии от дальнейшего участия в деле. Редерн весьма встревожен. Он мне говорил: «Vous savez que nous sommes vos amis; je vous parle en ami; voyez s'il n'y a pas moyen d'expliquer les choses autrement»[450]. Меня изумило это сообщение. Я никогда не предполагал, чтобы после conférence à trois и не допуская conférence à huit[451] (трактат 1815 г.) [241] можно было избегнуть дальнейших соглашений с двумя великими западными державами, с которыми их продолжали несколько месяцев сряду. Очевидно, что в попытке к тому заключалось бы оскорбление, которого не могли бы перенести ни Англия, ни Франция. Редерн потом обратился к Монтебелло и разговор продолжался à trois в присутствии сидевших рядом Милютина и Рейтерна. Мое положение было весьма затруднительно. Я осторожно старался успокоить раздражение Монтебелло, говоря, что сколько я помнил, таков не был смысл наших ответных нот, что сношения

---

[447] *См. стр. 365-366.*

[448] Монтебелло чрезвычайно взвинчен.

[449] О конференции трех.

[450] Вы знаете, что мы ваши друзья, я разговариваю с вами как друг. Посмотрите, нет ли возможности подойти к вопросу иначе.

[451] Конференции восьми.

с Англией и Францией были как бы sous entendus[452], и что далее мне казалось, будто на то есть прямое указание в нотах. Монтебелло сказал: mais que le p-ce Gortschakoff me dise donc ce que vous me dites! Je l'ai bien mis en demeure de le faire et il ne l'a pas fait; il m'a dit que je pouvais mettre cette idée en avant comme une idée à moi![453]

Возвратясь в город, я заехал к кн. Долгорукову и, сообщив ему о моем разговоре в вагоне, прибавил, что я напишу о том Горчакову. Кн. Долгоруков со свойственной ему флегмою и медлительностью соображений сказал, что он понимал дело так, как Горчаков, и косвенно дал мне совет не подвергаться упрекам вследствие вмешательства в чужие дела. Я возразил, что если бы дело следовало так понимать, то нельзя было бы говорить об открытии дверей к миролюбивой развязке, и государь не мог бы сказать мне еще сегодня при докладе, que le vent qui souffle semble tourner à la paix[454]. Воевать мы должны за существо дела, а не за форму, нами самими придуманную, и можем принять войну, но не должны ее вызывать. Впрочем, присовокупил я, тут нет вовсе с моей стороны вмешательства, и я ограничусь осторожною передачею кн. Горчакову того, что случилось.

Вечером я заезжал к Рейтерну и Милютину, чтобы поверить свои собственные воспоминания и спросить их, не было ли мною сказано в вагоне какое-нибудь неосторожное слово. Они подтвердили, что нет. В 11 час. приехал лорд Нэпир от Монтебелло с письмом от него и просьбою от обоих тотчас переслать оное в Царское к кн. Горчакову. Нэпир был еще

---

[452] Подразумеваемыми.

[453] Но пусть кн. Горчаков скажет мне то же, что вы говорите! Я его поставил перед необходимостью это сделать, и он этого не сделал; он мне сказал, что я могу выдвинуть эту мысль, как мое собственное мнение.

[454] Что ветер начинает дуть в сторону мира.

гораздо более «monté»[455], чем Монтебелло. Он сказал мне: «mais c'est une rupture»[456]. Я уклонился от всяких объяснений, говоря, что дело n'est pas de ma province[457], но принял на себя доставление письма и отправил его с нарочным. Из слов Нэпира я между прочим заключил, что он имеет высокое мнение о значении, достоинстве и силе Франции. Он раза два восклицает: «mais la France!., mais faire cela à l'égard de la France»[458].

6 июля. Заезжал утром к кн. Гагарину и кн. Кочубей. Не застал ни того, ни другой. От Елагинской пристани шел пешком до Каменноостровского моста. Нельзя не признаться, что острова очень хороши. Луч солнца сверху, луч любви или веселия на душе, возможность беззаботно предаться этим чувствам — и острова восхитительны. Без этих условий они — красивая декорация. Взглянешь, чувствуешь, что при этой обстановке и содержание жизни могло бы быть ярче, потом пройдешь мимо и поглощаешься снова содержанием, как оно есть. Из полученных от Милютина и кн. Долгорукова записок вижу, что Горчаков испрашивал повеления государя и получал будто бы разрешение успокоить послов. Невероятно, непостижимо! Как мог вице-канцлер в подобном деле не предусмотреть случившегося и быть поставлен в надобность испрашивать внезапно и торопливо высочайшую волю![77]

7 июля. Утром у обедни. Целый день на даче. Из Лондона получено известие, что наша нота произвела там весьма неприятное впечатление.

8 июля. Утром заседание по делу о земских учреждениях. Невероподобно, но тем не менее истинно, что там происходит. Почти никто не имеет точных понятий о том, что он

---

[455] Взвинчен.

[456] Но это разрыв.

[457] Не относится к моей компетенции.

[458] Но Франция! ...Делать это в отношении Франции!

обсуживает, чего хочет, к чему идет. Жалкое зрелище представляет также неподготовленность господ членов, т. н. экспертов. Какие они эксперты! Кн. Гагарин, губернский московский предводитель, разверз свои уста только один раз и этот один раз только для того, чтобы представить выписку из статьи Каткова в «Московских ведомостях» и чтобы представить ее на том основании, что будто бы в «Северной почте» сказано, что и литературные статьи будут обсуживаться в Государственном совете.

В Париже наша нота также произвела плохое впечатление. Австрия отклоняет предложение trinum'a[459]. Кн. Долгоруков сказал мне, что вчера Горчаков был в высшей степени неприличен на вечере во дворце своими шутками и выходками по поводу настоящих дел.

9 июля. Целый день на даче. Нового нет.

10 июля. На даче. Важных известий нет.

11 июля. Утром в Царском Селе. Совет министров по делу о концессии Севастопольской железной дороги [241а]. Ген. Зеленый, военный министр и некоторые другие члены восстали против проекта концессии, потому что компания требует для себя части местности около Южной бухты и т. п. Они говорили, что таким образом навсегда устраняется возможность восстановить наши морские силы в Черном море. Ergo: мы хотим железной дороги, потому что она необходима для того, чтобы быть сильными, и не хотим ее, потому что когда-нибудь надеемся быть сильными в Черном море. Мы не хотим дать Южной бухты потому, что в ней можем когда-нибудь устроить военный порт. И не хотим признать, что если торговый порт может быть устроен в другом месте, то и военный тоже. Мы непременно требовали, чтобы линия проведена была к Севастополю, и теперь уклоняемся от по-

---

459 Трех государств (*термин искусственный, созданный, возможно, Самим автором на основе латинского корня* tri=Три).

следствий этого требования и т. д. Под влиянием замечаний Милютина и Зеленого государь почти решил, что Южной бухты нельзя дать, а так как это conditio sine qua non[460], то и решил, что не бывать железной дороги. К счастью, кто-то подал мысль рассмотреть вопрос в специальном комитете из министров военного, морского, финансового и ген.-ад. Тотлебена, и затем в Комитете министров. Таким образом, остается шанс не проиграть окончательно дело. Рассуждали, как будто есть в виду целая ватага других компаний или целый ряд других предложений. Все шло так быстро, что я, вставши с своего места, чтобы сказать несколько слов, не мог их высказать, потому что государь, не смотревший в мою сторону, внезапно объявил совещание конченным. Рассуждали о Севастополе без плана Севастополя и т. п.

Вечером на даче. Работал, по обыкновению. Меня сильно обременяет теперь корреспонденция с ген.-губернаторами.

12 июля. Утром всеподданнейший доклад в городе, куда государь приезжал для смотра войск. Вечером на даче.

13 июля. Утром в городе. Кн. Долгоруков пишет из Царского: «Les nouvelles sont mauvaises; Drouyn de Lhuys cherche à intimider; L'Autriche louvoie l'Angleterre se recueille; il faut armer»[461].

14 июля. На даче. Утром заезжал к кн. Кочубей и к кн. Гагарину. Первая говорит, что бар. Бруннов, не запинаясь, указывает на увольнение кн. Горчакова, как на меру, которая принесла бы большую пользу.

Из Царского слышно, что австрийский кабинет отклонил наше предложение en termes très cassant[462], и что отозвание послов ожидается на днях.

---

[460] Непременное условие.

[461] Плохие новости; Друэн де Люис старается запугать; Австрия виляет, Англия настораживается; надо вооружаться.

[462] В очень резких выражениях.

15 июля. Утром в городе. Заседание Особого присутствия по делу о земских учреждениях. Потом Главный комитет. «Эксперты» из рук вон плохи. На завтра назначено было к слушанию в Комитете министров дело Южной железной дороги. Кн. Гагарин, об этом не опрошенный, чрезвычайно гневался и горячился, и написал государю, что он дело отложил. Рейтерн и я просили И. М. Толстого, ехавшего в Царское Село, доложить его величеству о необходимости безотлагательного разрешения и дали ему о том памятные записки. Вечером Толстой телеграфировал, что поручение исполнено с успехом.

16 июля. В ночь на сие число государь отплыл в Гельзингфорс на своей яхте «Штандарт» в сопровождении кн. Долгорукова ни военного и морского министров. Предполагает возвратиться 20-го.

Утром Комитет министров. Дело Южной железной дороги заслушано и прошло [242]. В предварительном совещании министров военного, морского, финансов и главноуправляющего путей сообщения сделаны были некоторые изменения (в сущности, редакционные) в проекте концессии. Итак, 11-го числа дело казалось проигранным, 16-го оно выиграно. Так обсуживаются и разрешаются у нас вопросы.

С европейского Запада решительных вестей нет.

17 июля. Замечаю, что по странной рассеянности я несколько раз сряду помечаю июль апрелем.

Получено известие о прибытии государя в Гельзингфорс. На пути сломалось колесо на «Штандарте». Государь был вынужден пересесть на фрегат «Олафн». Кроме того, между Гельзингфорсом и Петербургом где-то поврежден телеграф. До полудня не имели никакого известия о прибытии государя в Гельзингфорс и начинали беспокоиться. Обедал у Рейтерна с И. М. Толстым.

18 июля. Утром заседание по земским учреждениям. Потом Главный комитет и Комитет министров по делу о Южной железной дороге. Ничего нового нет.

19 июля. Целый день на даче. Жена уезжала в Петергоф к Апраксиным. Был на инструментальном заводе. Вечером приезжал лорд Нэпир. Были Замятнин и Потапов.

20 июля. На даче. Обедал у Штиглица (Н. Б.) с лордом и леди Нэпир, маркизом Пеполи и т. д. Судя по речам Нэпиров, особенно ее, которая менее дипломатизирует, чем он, не предстоит разрыва[463] с Англией, по крайней мере, на первое время.

Государь возвратился благополучно. Прием был, говорят, весьма хороший со стороны финляндцев. Вечером у вел. кн. Елены Павловны.

22 июля. Утром в Царском по случаю тезоименитства императрицы, она не выходила.

25 июля. Заседание Главного комитета, где в противность моему настоятельному мнению почти все члены высказались по предложению кн. Гагарина в пользу распространения обязательного выкупа на две белорусские губернии — Витебскую и Могилевскую. Для меня неожиданно постановляется вопрос: оставаться или не оставаться министром внутренних дел.

26 июля. Утром в Царском Селе. Доклад государю. Именины жены.

27 июля. Утром в Царском Селе по случаю дня рождения императрицы. На сей раз она была у обедни и после обедни, сидя, принимала поздравления в форме baise-main[464]. Из министров были только кн. Долгоруков, кн. Горчаков, гр. Адлерберг и я. Кн. Гагарин, председатель Государственного

---

[463] *Далее уничтожен автором один лист. Последующий текст за 20, 22, 25 и 26 июля устанавливается по «Отрывкам из Дневника». (Т. II, л. 42).*

[464] Обряда целования руки.

совета, Ахматов, кн. Суворов и кн. Урусов равным образом были налицо. Из Вильно получено телеграфическое известие о всеподданнейшем письме de fidélité et de contrition[465], поданном виленским дворянство [243]. Муравьев достиг цели. Я сообщил об этом лорду Нэпиру.

28 июля. Утром у обедни. Потом были у меня несколько лиц, в том числе Костомаров, сильно озадаченный приостановлением популярных изданий на хохольском наречии. Мягко, но прямо и категорически объявил ему, что принятая мною мера останется в силе [244]. Ездил на острова с визитами. Сообщил моему товарищу, что впредь до разрешения кризиса по белорусскому делу он будет везде присутствовать за меня. Был на выставке цветов у Елагинского дворца. Подошел к дверям круглой дворцовой залы, чтобы взглянуть в нее. 28 лет прошло с тех пор, как я был там. Она та же. А я?!

29 июля. На даче. Кн. Долгоруков заезжал после заседания по земским учреждениям. Он находит, что лучше ничего не делать в белорусском крае. Сегодня «эксперты» присутствовали в последний раз. Дойдя до той части проекта, где начинается «наказ» и где, следовательно, уже определены все главные положения, их дальнейшее присутствие признано не необходимым. С одной стороны, желание московских экспертов возвратиться домой, с другой — желание членов присутствия по праву скорее от них избавиться, способствовали всеобщему соглашению. Можно бы отчаиваться, глядя на результаты того, что я признавал сам важным нововведением и важным успехом. Этот результат не только ничтожен, но даже отрицателен. Причиною тому, с одной стороны, неспособность и самонадеянность экспертов, с другой, разлад между неэкспертами. Но я не отчаиваюсь. Мои действия

---

[465] Преданности и раскаянии.

были правильны. Констатировав неспособность одних и неуменье других, остается обоими воспользоваться.

30 июля. На даче. Кн. Гагарин известил меня через Буткова, что белорусское дело будет слушаться еще раз.

Из Вильно получено телеграфическое известие о том, что губ. предводитель Домейко[466] ранен тремя ударами кинжала в левую руку неизвестным убийцею, забравшимся к нему под предлогом подачи просьбы.

Вечером у кн. Кочубей. Монтебелло, Нэпир и я. Разговор большею частью sur des thèmes de religion[467].

31 июля. На даче. Жена ездила в Ораниенбаум с Штиглицами и Нэпирами на пароходе морского министра. У меня были обычные доклады. Заезжал кн. Долгоруков. Политический горизонт пасмурен, особенно внутренний.

1 августа. Утром, с первым поездом по приказанию государя в Царском. Завтра и. и. величества уезжают: императрица в Крым, государь до Нижнего. Доклад. Государь говорил о Польше и сказал, что по возвращении вызовет вел. князя «для объяснений и соглашения, как действовать». Влияние вел. княгини на дела государю известно. Он сам сказал мне, что вел. кн. Елена Павловна отзывается о нем так: «Dès qu'il y a près de Constantin un homme capable, elle le prend en grippe et l'éloigne ou bien s'en accapare et l'embête»[468]. Дела в Польше плохи. На днях первая военная неудача. Инсургенты истребили две роты и взяли две пушки.

Был у императрицы после крестного хода чрез сад. В одно время со мною ожидал приема у ее величества кн. Горчаков.

---

[466] *После* Домейко *в скобках написано:* подносивший вышеупомянутое всеподданнейшее письмо дворянства. *(Т. II, л. 42 об.).*

[467] На религиозные темы.

[468] Как только при Константине находится способный человек, она начинает его недолюбливать и отдаляет или же завладевает им и надоедает ему.

Был также Мориц. Пришел Бажанов с крестного хода с крестом в руке в сопровождении наиплотнейшего диакона. Кн. Горчаков подошел к кресту, потом вступил в разговор с Бажановым, потом оба начали ходить по комнате, взялись под руку и продолжали прохаживаться, смеясь и болтая, причем Бажанов продолжал держать крест в правой руке. Встретил Горчакова, который сказал мне, что ее величество «lui a écrit quatre pages pour lui dire que s'il se rapprochait de l'Autriche en son absence, il sacrifiait sa réputation et sa personne»[469]. Мне она сказала, qu'elle espérait, que je ne lui ferais pas de «surprises»[470] Surprises означают формы представительного правления и льготы иноверцам или хотя раскольникам. На этот счет взгляды императрицы не выходят из круга взглядов гр. Блудовой, фр. Тотчевой, Ахматова и т. п. Не в первый раз замечаю я, какое неблагоприятное влияние, хотя и незаметное, ее величество может иметь на дела, gutta cavat lapidem[471]. Государь слышит императрицу часто, следовательно, нередко и слушает. Из того, что она сказала мне о земских учреждениях, видно, что она, как и многие, преимущественно видит в них средство откупиться от «конституции». И здесь это слово как призрак пугает и толкает к ошибке. Разве и теперь у нас в сущности не «конституция». Только неправильная и беспорядочная под маскою самовластия. Разве мы не остерегаемся направо и налево, не бережем там и сям, не любезничаем с тем и другим, не переносим многого от многих? Возвратясь, я написал к кн. Долгорукову, что жалею обо всем, мною слышанном, и вижу, что мнения императрицы проистекают от «demi-connaissance des faits»[472].

---

[469] Написала ему на четырех страницах, чтобы сообщить, что в случае, если он сблизится с Австрией в ее отсутствие, то он может пожертвовать своей репутацией и самим собой.

[470] Что она надеется, что я ей не причиню «неожиданностей».

[471] Капля долбит камень.

[472] От полузнания фактов.

Он отвечал qu'il regrette comme moi cette demi-connaissance et ses suites[473].

Государь поручил мне написать благодарственное письмо Муравьеву к его подписи. Сын Муравьева переименован в ген.-майоры, чего давно добивался, и назначен временно управлять Ковенской губернией. Ротмистр кн. Шаховский, привезший виленский адрес, сделан фл.-адъютантом.

2 августа. На даче. И. и. величества отправились в путь в 12 час. по Николаевской железной дороге. Утром был у меня Рейтерн. Он сильно озабочен. Его теория «currency»[474] подвергается тяжким испытаниям.

3 августа. Утром в городе. Ничего особого.

4 августа. Утром у обедни. Был на гонке судов речного яхт-клуба. Вечером были Крузенштерн (Варшавский), Massignac. Потом приехал Нэпир, в этот вечер получивший свою ноту для кн. Горчакова. Все три будут переданы кн. Горчакову в среду. Нэпир долго говорил о настоящем положении дел и, между прочим, сказал, que nous avons trois, quatre, six mois de temps, mais que si nous ne finissons pas jusques là, on ne pourra plus répondre de rien, et qu'il se croit pour sa part, plus près de la guerre dans six mois, qu'il ne l'était de tantôt à deux mois[475]. Взгляд Нэпира, правилен. Он явно старается навести нас на то, что нам следовало бы сделать, т. е., как он уже говорил мне раз, manifeste pour l'Empire, corollaire pour la Pologne[476]. Я в тот же вечер написал о том кн. Долгорукову. Обычное, хотя и

---

[473] Что он сожалеет, как и я, об этом полузнании фактов и его последствиях.

[474] «Денежного обращения».

[475] Что у нас есть три, четыре, шесть месяцев времени, но что, если мы до тех пор не кончим, ни за что нельзя будет отвечать и что сам он считает, что к войне мы будем ближе через шесть месяцев, чем он (был ближе) к ней два месяца тому назад.

[476] Манифест для Империи, а, следовательно, и для Польши.

слабое средство. Что же делать, коль другого нет, ибо последнее нужно беречь на решительный случай и час.

5 августа. На даче. Вечером у всенощной.

6 августа. Утром у обедни. Ездил с женой и Никсом на Елагин остров. Нового нет. Как-то не работается, берет раздумье.

7 августа. Утром в городе. Заезжал к гр. Муравьеву-Амурскому предлагать ему наследие М. Н. Муравьева. Это уже сделано было, впрочем, военным министром, которому я предпочел дать tâter le terrain[477]. Амурский охотно берется за дело[78]. Был в Комитете министров, и в Главном комитете. Заезжал на пробу паровой пожарной трубы у Аничкина моста.

8 августа. Утром доклады. Обедал с женою у кн. Кочубей; Вечером на bal manqué[478] у маркиза Пеполи. Туда езда почти с опасностью жизни. Он занимает дачу Чернышева за Старой деревней. На Елагином острове ни одного фонаря. У въезда на дачу по плохому мосту то же самое.

Австрия без всякого усилия заткнула за пояс Пруссию в Франкфурте [245]. Что значит уменье вести дело. Австрия, в 1849 г. нами спасенная от конечного упадка, в 1853–56 гг. нам же сделалась опасною. Потрясенная снова и обрезанная италианскою войною 1858 г., затрудняемая на каждом шагу Венгрией и Венецией, обремененная долгами и дефицитом, Австрия все-таки поднялась грозно нам и осадила Пруссию на второй план. Reichsrat и конференция во Франкфурте — две великие и смелые мысли. В Вене есть правительство. У нас — «Комитет господ министров».

9 августа. Целый день на даче.

10 августа. На даче. Нового важного нет.

---

[477] Прощупать почву

[478] на неудавшемся балу

11 августа. Государь возвратился благополучно вчера в 10-м часу вечера. Впечатления путешествия самые благоприятные, слишком благоприятные, потому что общее положение дел под влиянием этих впечатлений представляется в успокоительном свете, а этот свет усыпляет.

12 августа. Заседание Государственного совета. Потом Главный комитет. Вечером был у меня Тимашев. Le caractère a plus de portée que la tête [479].

13 августа. Утром Комитет министров. Вечером были Багратион, крайне утомительный по частым сюда наездам, М. Метвиль, парижский наш вице-консул [246], и лорд, и леди Нэпир. Лорд Нэпир говорит про Австрию: «l'Autriche commence à étonner le monde au lieu de l'ennuyer»[480].

14 августа. На даче. Вчера вечером должен был приехать вел. кн. Константин из Варшавы по вызову государя. Но известия о том я еще не имею.

15 августа. На даче. Вел. князь приехал вчера. От императрицы получено известие, что она вчера вечером прибыла в Ялту.

16 августа. Утром в Красном Селе. Доклад, неконченный за краткостью времени до назначенного кавалерийского маневра. До доклада конференция с военным министром, кн. Долгоруковым и мною в присутствии вел. князя о временном подчинении части Августовской губ. ген. Муравьеву. Решено подчинить, несмотря на сильную оппозицию вел. князя, который произвел на меня самое прискорбное, самое жалкое впечатление. Поручик армейской пехоты не мог бы рассуждать так неприлично бестолково. И в этих руках Царство Польское в такую минуту! Я не понимаю, что с ним сделалось. Он был прежде умен и деловит, несмотря на многоразличные

---

[479] Характер имеет большее значение, чем голова.

[480] Австрия начинает изумлять мир, вместо того, чтобы ему досаждать.

недостатки. В чьи руки попал он? Что делал он во все это время?[79]

17 августа. Утром в Царском для окончания вчерашнего доклада. Пред тем трехчасовая конференция у государя по делам польским. Вел. князь, кн. Горчаков, кн. Долгоруков, ген. Милютин, Платонов и я. Вел. князь был еще жалче и бестолковее, чем вчера. Он до неприличия затруднял совещание детскими рассказами о подробностях своих полицейских распоряжений, обещал бездоказательно, что восстановит порядок, если ему прибавят войска, столь же бездоказательно объяснял невозможность достижения цели без этого и т. д. Государь прекратил совещание, объявив, что нас снова соберет в среду и сам напишет свои мысли о польском деле. Во время совещания кн. Горчаков высказал прямо вел. князю, что при его взглядах на дело, его сане и нынешнем положении края его присутствие там не может быть полезным. Вел. князь сначала погорячился, но потом присовокупил, что государь уже разрешил ему ехать в отпуск в Орианду. После совещания я отправился к е. высочеству по его требованию. Прием сухой. Потом нечто вроде выговора за цензуру, который меня рассердил. Я напомнил вел. князю о моей просьбе более 2-х лет тому назад насчет «очных ставок» и просил указать на те достоверные источники, из коих заимствованы сведения о запрещенных будто бы цензурою благонамеренных статьях насчет дел Царства. Вел. князь, забыв, что речь идет об очных ставках, сказал, что я его не должен выдавать, что это было бы н е б л а г о р о д н о, и назвал Феоктистова и Корша. Le bout de l'oreille de Golovnin y a percé![481] Потом его высочество прибавил, что все, «показывавшие вид» преданности, ему изменили, кроме Головнина, что он впредь будет посылать статьи чрез Головнина и чрез него поверять дело, что с тех пор как

[481] Рука Головнина почувствовалась в этом!

цензура перешла в Министерство внутренних дел, оно защищает только себя, Министерство государственных имуществ и «одно блаженное место Вильно», и что, если я так держу весы, то хороша будет свобода печати. Я встал и сказал, что после этого мне остается только откланяться его высочеству и о его мнении насчет моих весов доложить государю. «Позвольте я еще скажу Вам «третие» (какое третие?), — добавил вел. князь. Я отвечал: «Имею честь доложить вашему высочеству, что с меня и этого будет» и вышел. Оттуда зашел к кн. Долгорукову, где нашел Чевкина. Оба заметили, что я был бледен. Я рассказал, что происходило, и оба отвечали, что я напрасно погорячился. Почему же напрасно? Я даже не погорячился, но рассердился и имел к тому полное основание.

18 августа. Ездил в Ораниенбаум после обедни. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Заезжал потом в Петергоф к гр. Апраксину. Вечером вернулся на дачу и в вагоне имел длинное объяснение с Чевкиным на разные современные темы. Он сказал государю, que c'était son devoir de souverain et de frère de rappeler le g. duc[482].

19 августа. Утром в городе. Заседание по земским учреждениям. Потом Кавказский и Сибирский комитеты.

20 августа. На даче. Заезжал к Рейтерну и к герцогу Монтебелло, который говорит, что по сведениям, получаемым от французского консула в Варшаве, восстание усиливается.

21 августа. Утром в Царском Селе. Совещание у государя, который прочитал написанные им самим краткие заметки, в которых значилось, что прежде всего надлежит восстановить в Царстве общественный порядок и уважение к власти и восстановить это военною диктатурой. Общее согласие, даже со стороны вел. князя, который за ½ часа пред тем сказал Платонову, что он на подобную систему согласиться не может, и

---

482 Что это было его долгом государя и брата отозвать вел. князя.

что она противна его убеждениям. Вел. князь едет завтра. Сегодня откланивалась государю его свита, всем членам коей вел. княгиня пред их отъездом из Варшавы отдельно и накрепко наказывала присматривать за ее супругом и не дать ему возможности согласиться на удаление от его поста. Гр. Берг под ее влиянием писал к кн. Долгорукову, что он без вел. князя оставаться не может.

22 августа. Утром в городе. Заседание по вопросу о земских учреждениях.

23 августа. В Царском Селе. Всеподданнейший доклад. Государь по поводу моей сцены с вел. князем сказал, что «с ним надобно быть снисходительным». Заходил к Горчакову для разговора на тему «cabinet». Обедал у государя с обоими Аддербергами, Перовским и Loeu. Перед обедом был в саду, где видел, как дамы подкарауливают его величество. Гр. Кушелева, Корсакова, Варлаховская e tutti quanti[483].

24 августа. На даче. Много забот по предмету разных назначений.

25 августа. На даче. Утром у обедни. Был у Рейтерна.

26 августа. На даче.

27 августа. Утро, довольно наполненное разными делами. Прием просителей и 4 заседания подряд — Западного комитета, Комитета министров, по земским учреждениям и Главного комитета.

28 августа. На даче, доклады. Был у меня кн. Долгоруков. Вел. кн. Константин Николаевич, уезжая из Варшавы, распустил значительную часть чинов управления, уволив их в отпуск с сохранением содержания. Берг в тем более затруднительном положении.

29 августа. Утром в Царском Селе. Совет министров по вопросу о приготовительных мерах для судебной реформы.

---

[483] И им подобные.

Замятнин играл жалкую. Бутков — неприличную роль. Результат совещания — нуль. После Совета был в саду вместе с Горчаковым. Тот же tour du lac[484], те же дамы, лодки, офицеры, как скучно, должно быть, это ежедневно.

30 августа. Утром в Александровской лавре. Потом на завтраке у митрополита, где я представлял государю самарского губернского предводителя Обухова. Затем criket-match[485] на плацу 1-го кадетского корпуса с лордом и леди Нэпир. К обеду вернулся на дачу. Сегодня даны андреевские ленты ген. Муравьеву и Анненкову. Большие производства по военному ведомству.

31 августа. На даче. Есть работа, но не работается. Государь сегодня вечером отплыл в Финляндию. Его сопровождают кн. Горчаков, кн. Долгоруков, министр двора, военный министр и, кажется, морской министр.

1 сентября. Утром у обедни. Погода, необыкновенно мягкая и теплая во весь август месяц, окончательно перешла в обычную петербургскую форму. Темно, сыро, холодно. Под стать настроению мыслей, но от этого не легче.

2 сентября. Утром в Государственном совете заседание по земским учреждениям. Тяжело идет дело. Кн. Гагарин для облегчения суждений ежедневно затрудняет их неожиданными записками, перестановляющими и изменяющими вопросы. Он всячески старается направить дело на свой лад. Бахтин и другие в свою очередь стереотипно повторяют зады. Приходится одному выносить тяжесть прений. Впрочем, Панин иногда помогает. Потом краткое заседание Главного комитета. Вечером был у меня Платонов. Он получил письмо от гр. Берга, в котором сей последний сообщает, что вел. князь пред отъездом из Варшавы призывал к себе Эноха, Островского и Велопольского (сына), но Бергу не позволил

---

[484] Прогулка вокруг озера.

[485] Состязание в крикет.

присутствовать при свидании, затем сказал ему, что они, по его желанию, останутся на своих местах, но что это не помешало в тот же самый день всем трем просить увольнения, причем Островский отозвался, что, по словам его высочества, предстоит перемена системы управления и т. п.

3 сентября. Утром Комитет министров. Из Гельзингфорса уже есть известие о прибытии государя.

4 сентября. На даче. Работал. Нового нет.

5 сентября. Утром в городе. Заседание по земским учреждениям. Потом Комитет финансов, где решен вопрос о перемене вида наших кредитных билетов.

6 сентября. На даче. Целый день доклады. Вчера решился на увольнение Соловьева, давно имевшееся в виду.

7 сентября. Сегодня в газетах напечатана тронная речь государя при открытии сейма в Финляндии [247]. Странное впечатление производит она. Недаром писал я кн. Долгорукову в Гельзингфорс, что здесь слышится вопрос: «А мы?»

Целый день на даче. Работал.

8 сентября. Государь возвратился. Все очень довольны пребыванием в Гельзингфорсе. On a l'air de n'avoir pas tiré la morale de la fable[486]. Обедал у кн. Кочубей. Там были князь и княгиня Суццо. Приезд греческого короля, ожиданный завтра, их смущает. Суццо поторопился отречься от Оттона. Здесь ему этого не прощают. Пристать к новому королю не представляется удобной оказии.

9 сентября. Утром заседание по земским учреждениям. Потом обед в Царском Селе в честь греческого короля [248]. Министры и свита его величества. После обеда род défilé[487], причем государь нас называл королю. Вечером бал, от которого я уехал. Король довольно благовидный и развязный юноша лет 17-ти. Если б он не был королем, его никто бы не

[486] Создается впечатление, что мораль басни не понята.

[487] Парада.

заметил. Но будучи королем он имеет то достоинство, что в нем нет ничего shocking[488].

10 сентября. Утром ездил в Царское для всеподданнейшего доклада. Но благодаря длинной аудиенции, данной возвратившемуся из Варшавы ген. Кауфману, и другим делам, моя аудиенция отложена до завтра. Таким образом, я даром потерял все утро. Об аттентате на гр. Берга, о чем известие получено по телеграфу третьего дня, никаких новых подробностей нет. Кауфман, по-видимому, не совсем доволен Бергом. Он говорит, что около него нужны столбы или подпорки, если нет в виду другого «лада». Заезжал потом к кн. Долгорукову. Toujours la même placidité et la même «Halbheit» penchant généralement vers ce qu'il faut faire, mais comme empêché d'y atteindre par ce qu'il a eu l'habitude de faire jusqu'ici[489].

11 сентября. Утром в Царском Селе. Доклад. Простился с его величеством, который сегодня вечером уезжает в Крым. Кн. Долгоруков его сопровождает и будет там особенно нужен для противодействия Ориանде. Вернулся на дачу к обеду.

12 сентября. Утром в городе. Заседание Западного комитета. Потом заседание по земским учреждениям. Потом другое заседание соединенных департаментов Государственного совета по проекту устава о народных училищах. Туго, раздражительно, но не безуспешно.

13 сентября. На даче. Соловьев был у меня прощаться. Transit gloria mundi[490].

14 сентября. Утром у обедни. Целый день на даче.

---

488 Шокирующего.

489 Все то же благодушие и та же половинчатость с разговорами о том, что нужно делать, но чему препятствуют привычки к тому, что он делал до сих пор.

490 Проходит слава мира.

15 сентября. Утром у обедни. Разные посетители. Нового нет.

16 сентября. Утром Государственный совет. Потом заседание Главного комитета. Вечером был Н. А. Милютин, который собирается в Варшаву.

17 сентября. Утром Комитет министров. Принимал в городе разные доклады. Обедал у английского посла, с m. и m-me Moffott. Г. Моффот — член парламента, богат, глуп, тщеславен. Он беспрестанно рассказывал о своих разговорах с лордом Пальмерстоном, о том, как он с ним встретился или его проводил домой, или его о чем-то спросил и, будучи доволен оказываемым ему вниманием, принимает в отношении к России des airs de protection[491]. Смешно, но увы при настоящей нашей разладице небесполезно стараться пользоваться подобными личностями. Заезжал к французскому послу. Герцогиня Монтебелло опасно больна карбункулом. Вечером был у нас Массиньяк. Расположение французского посольства невоинственное.

18 сентября. Утром дома. Обедал у Штиглицов, после обеда пели Корчиков и Силуяпов. У обоих прекрасные голоса. Видел m-me Osten, которая вернулась из-за границы на несколько дней. Постарела несколько, но зато несколько выросла. Каблуки выше.

19 сентября. Целый день на даче. Погода хорошая. Не хочется работать, а работа есть.

20 сентября. На даче. Нового нет, кроме писем от гр. Берга, который, по-видимому, действует с энергиею. Но как-то не верится, чтобы он был в уровень с выпавшею ему задачей. Quels misérables hommes d'état nous sommes! Qu'avons nous prévu, organisé, prévenu, accompli? Toujours aux expédients

[491] Покровительственный тон.

d'un jour à l'autre et jouant à une sorte do loterie avec l'espoir de gagner un gros lot[492].

21 сентября. На даче. Галахов вернулся из Варшавы. Ген. Тренов пишет, что положение дел отчаянное. После 8-месячной борьбы и сотни тысяч штыков! Галахов рассказать многого не мог. Мозг не слишком емок. Видно только, что в управлении Берга колебания. Вечером был Огарев, который читал мне проект своего отчета. Наивен.

22 сентября. На даче. Утром у обедни. Да благословит бог новое лето моей жизни.

23 сентября. Утром Государственный совет. Потом заседание Главного комитета. Был у Н. А. Милютина. Вечером работал.

24 сентября. Утром Комитет министров. Потом комитет Западный. Был на пробе паровых пожарных труб на Введенской площади. Оттуда на дачу.

25 сентября. Целый день на даче. Разные доклады. Перед тем были у меня делегаты от министерств Военного и Юстиции и от Главного управления путей сообщения по вопросу о распределении высылаемых из Царства Польского арестантов.

Погода прекрасная. Тепло и ясно. Ходил по саду. Зелень держится, хотя испещрена всеми яркими оттенками осени. Думал об осени жизни. Сравнивал. Молился. Как цвет листьев, изменяются и испещряются взгляды на жизнь, мнения, стремления, желания. Прошлое не совсем забыто. Настоящее резко от него отделяется. Как поблекшие листья, отпадают желания и страсти. Путь ими усеян. Но над головою то же небо, то же солнце, хотя и менее высоко поднимающееся над

---

[492] Какие же мы жалкие государственные деятели! Что мы предвидели, организовали, предупредили, выполнили? Изо дня в день всегда заняты текущими делами, играя как бы в лотерею в надежде на большой выигрыш.

горизонтом. То же ощущение беспредельного и вечного. Та же непроницаемая, спокойная, светлая лазоревая глубь.

26 сентября. На даче. Работал над запиской по вопросу о раскольниках.

27 сентября. На даче.

28 сентября. Переехали в город, с сожалением расставаясь с дачей, хотя сегодня погода осенняя. Обедал у Гернгроса. Нездоровится от сильной простуды.

29 сентября. Утром у обедни. Целый день дома.

30 сентября. Утром Государственный совет. Потом Комитет министров. Потом заседание Главного комитета.

1 октября. Утром у обедни. Целый день дома. У нас обедали Рудницкие, завтра отъезжающие за границу. Польский вопрос обратился для них в паспорт. Что будет далее с ними? Довлеет дневи злоба его.

2 октября. Дома. Работал. Кончил записку о расколе. Сегодня утром скончалась герцогиня Монтебелло.

3 октября. Утром в Государственном совете. Заседание по земским учреждениям. Вечером в Михайловском театре. Pièce impossible dont je n’ai pas pu attendre la fin[493].

4 октября. Дома. Работал.

5 октября. Утром на похоронах герцогини Монтебелло. Были все sommités[494], начиная с вел. кн. Николая Николаевича, с герц. Мекленбургского, прин. Ольденбургского и герц. Лейхтенбергского. Потом дома за работой.

6 октября. Утром у обедни. Несколько визитов. Встретился с ген. Гильдебрантом, который уверяет, что «Голос» — единственная газета, которую можно читать. Он до того под влиянием своей виленской катастрофы, что почти готов идти в шайку. Жандармский генерал! Один из тех, которых мнение

---

[493] Невозможный спектакль, до конца которого я не мог досидеть.

[494] Светила.

принималось как данное в высших слоях администрации. Хороша администрация!

7 октября. Утром Государственный совет. Потом заседание Главного комитета. По трем представлениям ген. Муравьева я был другого мнения [249]. Министр-матрос Зеленый при сем заявил со свойственным ему aplomb из мелочной лавки, что «у меня составляются соображения о наделении землею всех батраков, что непременно, хотя еще не знаю как, они все будут наделены» и пр. и пр. Я спросил, на каком основании, если каждого батрака обращать в хозяина и чрез то самое каждого хозяина в батрака, в земледельческом сословии, правительство может отказаться от наделения чем-нибудь батраков и бобылей других сословий? Ответа, конечно, не было. Вечером был лорд Нэпир. Он видит в отъезде Милютина и К° в Варшаву зарю либеральной системы управления в Царстве. На сей раз многознающий лорд не узнал, в чем дело, и ошибается насчет людей.

8 октября. Утром Комитет министров. Вопрос об Охтинском раскольничьем кладбище. Высказал в главных чертах взгляд, выраженный в записке о расколе, отправленной к государю. Разногласие. Кн. Гагарин, Чевкин, гр. Адлерберг, Урусов (приглашенный в заседание) и Потапов, который воображает, что по званию полицейского консерватора он должен быть консерватором и в делах раскола, были одного мнения, 14 голосов — другого [249[а]].

9 октября. Утром дома. Доклады. Отправил кн. Долгорукову написанное вчера длинное письмо, в котором еще раз пытался высказать то, что лежит на сердце и гнетет мозг[80].

10 октября. Нового нет. Работал. Ходил пешком и сделал несколько визитов. Был, между прочим, у Чевкина и у графини Редерн.

11 октября. Утром опять несколько визитов. Был у Сухозанета и у Головнина. Работал.

12 октября. Утром Еврейский комитет [250]. Вечером получены бумаги с курьером из Ливадии. Впечатление неотрадное.

13 октября. Утром у обедни. Работал. Несколько визитов.

14 октября. Утром Государственный совет. Потом заседание Главного комитета.

15 октября. Утром Комитет министров. Вечером совещание по делу о новом уставе книгопечатания [251] с Тройницким, Щербатовым и Оболенским.

16 октября. Утром доклады. Обедал у пр. Ольденбургского. Последнее отправление в Крым.

17 октября. Утром заседание по делу о земских учреждениях». Три с половиной часа прений без результата. Тяжкое испытание. Был у киевского митрополита и у Мещерских. Вечером совещание по делу о новом уставе книгопечатания. Военный министр сказал мне сегодня, что вел. князь окончательно уволен от польского наместничества.

18 октября. Утром в Новом адмиралтействе и на Галерном островке. Видел хорошие начинания. Делу дан толчок. Вечером заключительное заседание по делу об уставе книгопечатания с Щербининым, Оболенским, Тройницким и Туруновым.

19 октября. Утром доклады и прием просителей. Обедал в клубе, где, между прочим, встретил Эдмунда Гана, которого не видел с 1858 или даже с 1857 года.

20 октября. Утром у обедни. Несколько визитов. Дома. Работал.

21 октября. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Потом заседание по земским учреждениям. Опять продолжительная и бесплодная борьба.

22 октября. Утром Комитет министров. Потом заседание соединенных департаментов законов и экономии по вопросу о канцелярских сборах для полиций. Сильное противодей-

ствие со стороны кн. Гагарина, Чевкина и Государственной канцелярии. Разные маневры, чтобы отсрочить дело. Наконец разногласия. Еще дело пойдет в Общее собрание.

23 октября. Доклады. Письма. Нового нет.

24 октября. Утром дома. Обедал с женою у Нэпиров. Вечером был у меня Катков. Разговор продолжительный, обнимавший почти все наши внутренние вопросы. В главном я с ним согласен. В частностях видно, что он не у дел и смотрит на дела с точки зрения человека, не имеющего дела с кн. Гагариным, кн. Горчаковым e tutti quanti[495].

25 октября. Утром у кн. Горчакова. Совещание с бар. Корфом и министром финансов по вопросу о принятии в наше подданство иностранцев. Из Парижа получена депеша от Будберга о тронной речи Наполеона. Он предлагает конгресс и объявляет, что венские трактаты утратили свою силу. Вся речь, за исключением одного или двух мест, искусно и ловко задумана. Он сразу притупил жало оппозиции и неожиданностью конгрессного предложения озадачил Европу [252]. Кн. Горчаков, сообщая нам речь, сказал: c'est un secret entre ministres[496]. Но вслед за темой сообщил этот секрет всем и каждому. Да и к чему секрет?

Позже заседание Комитета финансов. Видел там кн. Меншикова, который говорит, что вывез из внутри России неблагоприятные впечатления: «La démocratie gagne du terrain partout»[497].

Вечером опять был Катков. Он обедал у Горчакова, а часть утра провел у лорда Нэпира, который показал ему свои конфиденциальные депеши и депеши английского консула из Варшавы. Горчаковым Катков недоволен, он заметил, что Горчаков готов признать необходимость дать Польше учреждения

---

[495] И им подобными.

[496] Это секрет между министрами.

[497] Демократия повсюду завоевывает новые позиции.

европейского покроя, не давая их империи и стараясь здесь откупиться по возможности земскими учреждениями, которые он, т. е. Горчаков, простодушно называет «мирскими».

26 октября. Утром дома. Доклады. Катков заходил еще раз перед отъездом в Москву. Он снова виделся с Горчаковым и на сей раз, после долгой беседы наедине, полагает, что убедил его в необходимости «некоторого представительства». Говоря о преобразовании Государственного совета посредством введения в состав оного выборных членов, кн. Горчаков выразился так: «Но тогда наши старички не могут устоять против свежего элемента...» statesmanship[498] доморощенный. Будто дело в этих «старичках». Впрочем, я верю, что, когда Катков сказал Горчакову, что его популярность не устоит при подобном направлении, — это подействовало. Если вице-канцлер убедится, что его тщеславие пострадает от неисполнения им своих настоящих обязанностей, то он, может быть, их и исполнит. Вечером у кн. Кочубей. Petite soirée diplomatique[499] при герцоге Мекленбургском. Лорд Нэпир метко анализирует последствия наполеоновской речи и конгресса, буде оный состоится. Наполеон созывает и созывает в Париж конгресс государей, а не министров.

27 октября. Утром у обедни. Ходил пешком в Казанский собор, по обыкновению. Только туда иду я охотно, только там отрадно и только оттуда выхожу с чувством облегчения на сердце. В частной жизни, благодаря милости божией, все мирно, хотя не без забот и опасений, но в жизни общественной и тяжело, и тревожно, и даже как бы неловко. Мне хочется бежать людей. Я чувствую, что правительственное дело идет ошибочной колеею, идет под знаменем идей, утративших значение и силу, идет не к лучшему, а к кризису, кото-

---

[498] Искусство управлять государством.

[499] Небольшой дипломатический вечер.

рого исход неизвестен. Но я сам часть этого правительства. На меня ложится доля нравственной ответственности. Я принимаю на себя ношу солидарности с людьми, коих мнений не разделяю, коих пути — не мои пути, коих цели — не мои цели. Для чего же я с ними? Озираюсь, думаю, соображаю, и остаюсь, потому что нет явного признака, чтобы время к уходу наступило, а, напротив того, есть явные указания на то, что я еще должен оставаться.

28 октября. Вчера принялся после обедни за составление проекта преобразования Государственного совета, применяясь к моей давней о том мысли. Не знаю, пойдет ли впрок эта работа, но мне желается ее завершить на всякий случай, а там что бог даст. Сегодня утром не был в Государственном совете, где к слушанию назначены были пустые дела. Заходил к Милютину, у которого читал рескрипт, данный вел. кн. Константину Николаевичу при увольнении от наместничества. Длинен, неискренен и неверен. Напрасно говорится и о том, что благие намерения его величества отсрочены. Когда речь о конгрессе, и была речь о конференциях, то неловко возвещать отсрочку благих намерений на том основании, что «польский народ оказался недостойным» умиротворяющих стремлений его высочества. Жаль, что государь присваивает своему брату в деле, которое есть дело России, значение, которое ему не подобает. Рескрипт написан для его удовлетворения и отчасти написан, или исправлен, им самим, как видно из письма гр. Александра Адлерберга.

Между тем Берг, не дождавшись своего окончательного назначения, уже завел речь о деньгах и просил в письме к Платонову, чтобы ему сохранили все те оклады, которыми пользовался вел. князь.

Телеграф извещает, что в Англии предложение конгресса принято неблагоприятно. Lord Napier мне говорил еще

третьего дня, что Англия любит stare super vias antiques[500]. Не знаю, что окончательно скажет кн. Горчаков. Пока он говорит о конгрессе: «c'est mon idée»[501].

Получено известие, что по вопросу об обязательном выкупе в Могилевской и Витебской губерниях государь утвердил мнение большинства, т. е. мнение, противное мнению министров внутренних дел и финансов [253]. Если бы не временная популярность Муравьева, то следовало бы на этом вопросе, как я первоначально предполагал, просить позволения tirer mon épingle du jeu[502]. Но при этой популярности это было бы ошибкой. Лучше обождать того вопроса, где ничья популярность мне не испортит значения и последствий моего ухода[81].

29 октября. Дома за работой.

30 октября. Дома. Нового нет, кроме приближения банкового кризиса.

31 октября. Государя задержали отчасти дорога и время года, отчасти переправа у Серпухова. Он может прибыть только завтра утром.

1 ноября. Государь еще вчера дал мне знать по телеграфу из Москвы, что отлагает мой доклад до завтрашнего дня. Видел кн. Долгорукова. Semper idem[503].

2 ноября. Утром в Царском Селе. Доклад. Государь говорил про мои письма к кн. Долгорукову и упрекал меня в том, что я нервозно расстроен, начиная походить на кн. Суворова, и в том, что, пользуясь его доверием, я как будто готов отшатнуться. Его благодушная приветливость взяла свое, и я почти ничего не высказал из того многого, что высказать мог. Вече-

[500] Стоять на древних путях.

[501] Это моя мысль.

[502] Выйти из игры.

[503] Вечно одно и то же.

ром Комитет финансов по вопросу о прекращении банком размена.

3 ноября. Утром у обедни. Ходил. Работал.

4 ноября. Болен. Вчера я себе ставил рожки [254]. Сегодня повторил и упал в легкий обморок. Вечером однако же работал, а утром был в Государственном совете.

5 ноября. Утром в Комитете министров. Потом совещание с кн. Долгоруковым, военным министром и товарищем министра финансов по вопросам об учреждении жандармских команд и о досмотре пассажирских вещей и товаров на железной дороге. Есть ограниченность взглядов, которые несносны. Слушаешь министра, слышишь канцеляриста. Обедал у прусского посланника. Вечером Комитет финансов. Заезжал к Мещерским.

6 ноября. Размен банком приостановлен [255]. Рейтерн до сего крепился, но делать было нечего. Когда я вчера повторил в заседании, что наш металлический фонд истощается не по-книжному — банкирскими оборотами, а практически нашими absentus[504], никто не противоречил. Я говорю это два года с половиною, и до сих пор все противоречили.

Вечером были у нас Нэпир, до ½ 2-го ночи говоривший о польских делах, и еще кое-кто.

7 ноября. Дома. Работал.

8 ноября. То же. Забыл отметить, что 6 числа был у вел. кн. Елены Павловны, вернувшейся из-за границы. Длинная беседа на политические темы. Much ado about nothing, as final result[505].

9 ноября. Утром в Царском Селе. Доклад. Обедал у государя с кн. Долгоруковым, гр. Муравьевым-Амурским и вел. княгинями и князьями. Вечером у кн. Кочубей.

---

[504] Отсутствующими.

[505] И, как окончательный итог, много шума из ничего.

10 ноября. Утром у обедни. Несколько визитов. Работал.

Вечером в Преображенском соборе на свадьбе кн. Ал. Мещерского, женившегося на Рюминой.

11 ноября. Утром Государственный совет. Потом заседание соединенного присутствия по земским учреждениям. Tour de Babel[506].

12 ноября. Комитет министров. Потом заседание Главного комитета. После этого заседания кн. Гагарин вступил с некоторыми членами в жаркий разговор по вопросу о предоставлении земским учреждениям заведования на время государственными земскими повинностями настолько, насколько оные в ведении нынешних особых присутствий по земским повинностям. Кн. Гагарин говорил, что он готов броситься в воду под лед (которого еще нет) и т. п. Наконец он сказал в присутствии всех чинов канцелярии: «После того остается созвать общую думу и тогда нас выгонят. Вас (обращаясь ко мне), может быть, выберут, но нас выгонят». Voilà le bout de l'oreille [507].

13 ноября. Дома. Доклады. Работал. Сегодня императрица возвратилась из путешествия.

14 ноября. Утром заседание соединенного присутствия по делу о земских учреждениях. По вопросу о земских повинностях я говорил с горячностью и навредил своему делу. Есть люди, которых всякая горячность отталкивает. Toute vivacité les effarouche, toute véhémence leur suscite un malaise[508]. Между тем состояние моего здоровья ежедневно делает для меня более и более затруднительным сохранять прежнее мое хладнокровие.

---

[506] Вавилонская башня.

[507] Вот где проявился кончик (ослиного) уха.

[508] Всякая горячность их пугает, всякий порыв вызывает у них чувство беспокойства.

Все три струи моей жизни текут обычным током. Внутренняя — полная забот, но проясняемая упованием в милость божию, явная, официальная — среди усиленной работы и разных столкновений, и официальная, неявная, приносящая с собою заветные думы и соответствующие им труды. Сегодня кончил проект преобразования Государственного совета. Остается написать два приложения и составить краткую записку [256]. Сбудется ли что-либо из моих предположений? Но знаю. Но — in mangnis et valuisse satis est[509].

15 ноября. Утром в Царском Селе. Доклад. Потом был у императрицы. Она, видать, поздоровела. В делах ничего замечательного. Датский вопрос [257] отвлекает часть европейского внимания от польского.

16 ноября. Утром доклады и работа дома. Вечером у кн. Кочубей.

17 ноября. Утром у обедни. Работал в честь воскресенья целый день.

18 ноября. Утром Комитет финансов для прекращения трассировок Банка. Потом Государственный совет. Потом комитеты Кавказский и Сибирский. Кончил вечером проект преобразования Государственного совета. Да будет с ним благословение свыше.

19 ноября. Утром Комитет министров. Потом Западный комитет. Читал записку, предоставленную Н. Милютиным из Варшавы о поездке его, Арцимовича, Самарина и Черкасского по селам и весям Царства [257[а]]. Написано Самариным литературно, хорошо, в деловом отношении наивно. Странно, что эти умные люди описывают свою поездку по Царству в тоне поездок по Египту или Бразилии и не замечают, какая в этом насмешка над правительством, полвека господствовавшим в Царстве, если ему подобные описания нужны, и над ними самими, если они не нужны.

---

[509] Достаточно иметь силу в главном.

20 ноября. Дома. Работал. Заезжал потом в Главное казначейство, чтобы благодарить управляющего Лишевича за содействие при введении[510] нового кассового порядка[82]. Вечером некоторые посетители.

21 ноября. Работал. Заходил к гр. Кутузовой, которой не видел столько лет. Видел du temps l'irréparable outrage[511].

22 ноября. Утром в Царском. Доклад. Обедал у их и. величеств с гр. Строгановым, Рейтерном, гр. Протасовым и г. Альбединскою. Винберг назначен вместо Мартынова директором Департамента общих дел. Встретил там Арцимовича, назначенного вице-председателем совета в Царстве. Вечером был Мезенцов. Он, кажется, прочится на место Потапова.

23 ноября. Целое утро работал. Не выходил. После обеда и до поздней ночи снова за работой, за исключением 2-х часов, проведенных на музыкальном вечере у марк. Пеполи.

24 ноября. Утром по случаю екатерининского дня в Михайловском дворце. Потом заезжал к Мещерским. Вечером за работой.

25 ноября. Утром в Государственном совете. При обсуждении мерзкого уголовного дела о скотоложстве с кобылою совещание продолжалось ¾ часа. Бахтин и принц Ольденбургский настаивали на смягчении наказания, а принц дошел до того, что спросил, лучше ли соблазнять женщину, чем употреблять кобылу? Vix non credibile[512]. [...][513] Потом заседание по вопросу о земских учреждениях. Беспутное и неприличное. Председатель употребил все усилия [258], даже недобросовестные, чтобы привлечь большинство на свою сторону по вопросу о числе гласных от разных сословий, но не

---

[510] *После* при введении *в скобках написано:* по Министерству в[нутренних] дел. *(Т. II, л. 55 об.).*

[511] Непоправимые удары времени.

[512] Невероятно то, чему едва можно поверить.

[513] *Слово не разобрано.*

успел в этом. Образовались четыре мнения [259]. Гернгрос был невозможен.

Обедал у вел. кн. Елены Павловны.

26 ноября. Утром в Зимнем дворце. Выход по случаю кавалерского праздника св. Георгия. Ненавижу церемонии, но в этой есть, по крайней мере, нечто особенное, есть идея, есть нечто трогательное при виде стоящих под ружьем георгиевских кавалеров, молящихся набожно и искренно при возглашении вечной памяти их павшим сотоварищам. Был сегодня на этом выходе первый раз и был по желанию помолиться и призвать св. победоносца на помощь в моей брани, упорной и трудной, хотя и не кровопролитной. По возвращении кончил и подписал записку, составленную мною по делу о земских учреждениях, в которой я приурочиваю к ним вопрос о преобразовании Государственного совета. Записка служит как бы предисловием к составленному мною проекту[83]. Испытываю все пути, натягиваю все струны. Святый великомучниче и победоносче Георгии, моли бога о нас!

27 ноября. Утром дома. Доклады. Вечером некоторые посетители. Между прочими бар. Унгерн-Штернберг, сдержавший слово и построивший прошлым летом часть Одесско-Парканской железной дороги.

28 ноября. Утром заседание по делу о земских учреждениях. Последнее до внесения дела в Общее собрание. Передал там Долгорукову проект преобразования Государственного совета. Обедал у Головнина. Вечером был у меня Шернваль по вопросу о статьях финляндской и нашей пресс касательно отношений Финляндии к России.

29 ноября. Утром в Зимнем дворце. Всеподданнейший доклад. Государь сообщил мне депешу Будберга из Парижа. Вопрос о конгрессе еще не сошел со сцены. Государь предварил меня также, что в особых совещаниях, куда я назначаюсь, будут рассматриваться привезенный Милютиным из

Варшавы проект устройства особого в Царстве военного управления и ожидаемые от него предположения по крестьянскому делу. Наделы! Слабая струна государя и тетива господ редакционистов! Давно знаю вас.

Заезжал к Паскевичу, к Ленскому (которого не видал), к Платонову и к Шернвалю. Ходил пешком. Встретил Нэпира, который сказал мне о слышанном от Горчакова объяснении между бар. Брунновым и лордом Росселем. Последний говорит, «qu'ils sont disposés à un rapprochement mais que l'opinion publique les gêne, qu'il faudrait faire quelque chose pour lui faire changer de couleur»[514]. Кн. Горчаков будто присовокупил, «qu'il pense aussi qu'il est temps de faire quelque chose»[515]. Увы! Мы в заколдованном круге.

Шидловский вернулся после 5-тимесячных странствований. Сожалею о том, что не заметил его отсутствия в движении дел. Немного места занимает иногда в этом круге личность, которой кажется, что она его наполняет.

30 ноября. Утром Комитет финансов. Вопросы польские [260] и вопросы о сделке Штиглица с Ротшильдом для покрытия наших трассировок [261]. Оказывается, что кроме 30 млн, которых стоил недоносок размена, нужно еще 30 млн для покрытия траты. Об этом Комитет финансов узнает внезапно! Вернулся для принятия доклада Земского отдела. Работал до поздней ночи.

1 декабря. Утром у обедни. День по обыкновению. Кух с женою и детьми прибыли сегодня утром.

2 декабря. Утром Государственный совет. Потом заседание Главного комитета. Работал.

---

[514] Что они расположены к сближению, но что им мешает общественное мнение, и что надо было бы что-то сделать, чтобы дать ему другое направление.

[515] Что он тоже думает, что пришло время что-то предпринять.

3 декабря. Комитет министров. Вечером приехал Анненков из Киева и был у меня 1½ часа. Честный, благородный, ограниченный и болтливый, как прежде, но физически ослабевший. Мало проку, мало надежды. Муравьев и Анненков! Неужели нет других? Фонарь Диогена в ходу. Потом был на музыкальном вечере у гр. Орловой-Давыдовой. Она писала ко мне пригласительную записку. Вероятно, у него есть до меня дело.

4 декабря. Утром за работой. Вечером несколько гостей и опять работа.

5 декабря. Заседание по земским учреждениям для просмотра и подписи журнала. Вернулся пешком. Заходил в Исаакиевский собор. Как темно! Как можно было построить храм божий для ночи. Вечером был, между прочим, гр. Орлов-Давыдов. Точно, было дело.

6 декабря. Утром малый выход. Baise-main[516]. Потом заезжал к герц. Лейхтенбергскому. Был у Гернгроса и Зеленого. У сего последнего совещание по вопросу о выселении из Царства Польского колонистов с ним и Платоновым. Дела польские вообще мало подвигаются к развязке. Затишье или, точнее, даже полузатишье. Мы тешимся надеждами без основания. Мы все ищем моральной силы, на которую могли бы опереться, и ее не находим. А одною материальной силой побороть нравственных сил нельзя. Несмотря на все гнусности и ложь поляков, на их стороне есть идеи. На нашей — ни одной. В Западном крае и в Царстве повторяются теперь проскрипции древнего Рима времен Мария и Суллы. Это не идея. Мы говорим о владычестве России или православия. Эти идеи для нас, а не для поляков, и мы сами употребляем их название неискренно. Здесь собственно нет речи о России, а речь о самодержце русском, царе польском, конституционном

[516] Обряд целования руки.

вел. кн. финляндском. Это не идея, а аномалия. Нужна идея, которую мог бы усвоить себе хотя один поляк.

Намедни[517], в понедельник, было совещание у военного министра, о котором я забыл упомянуть. Речь шла о новом устройстве полицейского управления в Царстве с ген.-полицмейстером Треповым и его помощником флиг.-ад. Анненковым, т. е. ministère de la police[518] на время. Были оба Милютины, кн. Долгоруков, Платонов и я. Платонов на другой день приезжал ко мне советоваться по делам, лично до него касающимся. Ленскому дан consilium abeundi[519], форма для исполнения избираемая, годовой отпуск. Платонов считает себя оскорбленным постоянною ролью подъездка и хочет уйти. Он говорит: «C'est faire voir trop srûment qu'on neme garde que peur me faire faire un métier que je ne trouve pas de mon goût et pour me donner un coup de pied injuste[520]. Предварил об этом в четверг кн. Долгорукова.

7 декабря. Утром работал, потом всеподданнейший доклад. Оставил у государя мою записку по вопросу о земских учреждениях. Государь говорил об Анненкове. Я сказал, что его недостатки были известны до его отправления в Киев. Государь отвечал: «qui n'a pas de défauts»[521]. Дело в том, что недостатки Анненкова преимущественно заключаются в его ограниченности. Il y a du monde qui n'a pas ce défaut-là[522]. Сказал государю, что разделяю мнение, изложенное в записке Зубова, переданной ему вел. кн. Николаем Николаевичем, и

---

[517] *После* намедни в *скобках написано:* 2-го (Т. II, *л. 57 об.).*

[518] Департамент полиции.

[519] Совет удалиться.

[520] Это означает показать слишком откровенно, что меня здесь держат только для того, чтобы я выполнял дело, которое мне не по вкусу, и чтобы дать мне незаслуженный пинок.

[521] Кто без недостатков!

[522] Есть люди, у которых нет этого недостатка.

испросил разрешения передать ее в Главный комитет. Это будет случай, наконец, начать войну против безрассудных распоряжений ген. Муравьева. Сегодня в первый раз мне показалось, что государь начинает видеть его действия в их истинном свете.

Обедал в Английском клубе в честь нового почетного члена кн. Горчакова. 250 чел. за столом. Много речей. Слишком много. Почетный член также говорил не слишком мало и не слишком разборчиво. Он воздал должное государю, но публика, сильно ему аплодировавшая, когда он не забывал себя, приняла холодно напоминание о его величестве. Неблагоприятный признак. Отделять министров от государя в делах, которые восхваляются прежде, чем их отделит закон, значит, что закон отстал от времени. Поздно вечером был у Гернгроса. Передал лично министру государственных имуществ телеграфическое известие, что гр. Берг отправляет 1800 чел. 6-ю партиями в 300 чел. каждая на поселение в Самарской губ. в декабре месяце! У наших властей на западе будто сделалось хроническое головокружение. Они выселяют, переселяют, высылают массами, не тревожась ни географией, ни климатологией. Завтра будет доложено государю о необходимости приостановить подобные распоряжения.

8 декабря. Утром у обедни. Потом был у меня ген.-ад. Анненков 4 битых часа сряду! До изнеможения!

9 декабря. Утром Государственный совет. Вопрос о полицейских сборах. Бурное заседание. Чевкин и в особенности кн. Гагарин выходили из пределов приличий. Тем не менее на нашей стороне главные голоса в собрании и вообще, хотя меньшинство, но меньшинство значительное. 20 против 24-х. Обедал у Карамзиных.

10 декабря. Утром совещание у государя. Кн. Горчаков, кн. Долгоруков, Зеленый, Платонов, Н. Милютин и я по вопросу о конфискации и секвестре в Царстве Польском. Потом

Комитет министров. Потом Западный комитет. Потом соединенное присутствие Департамента законов и Главного комитета по делу посредника Климова. Наконец, Главный комитет. Всего вообще 6 часов сряду. Однако же в промежутке успел побывать в сельскохозяйственном музее и Эрмитаже, где видел прекраснейшую вазу, добытую в нынешнем году археографическим обществом в екатеринославских курганах.

Меткое замечание сделал в прошлом году кардинал Антонелли в разговоре с гр. Орловым-Давыдовым. «Pourquoi la nouvelle législation de votre empire est-elle si uniformément démocratique? Lequel des ministres exerce une influence dominante? — Aucun. — Tous les ministres sont sur un pied d'égalité dans le cabinet. — Alors je commence à comprendre. Pour une tendance aristocratique, il faut qu'un esprit domine et dirige la marche des affaires. — Pour une tendance démocratique il suffit d'un accord entre les sous-ordres»[523].

11 декабря. Утром доклады. Вечером заседание Духовного присутствия.

12 декабря. Утром дома за работой. Вечером на ½ часа на бале у Родоконаки.

13 декабря. Утром всеподданнейший доклад. Государь возвратил мне записку по вопросу о земских учреждениях. Он возвратил ее с сердцем без пометы и, хотя ничего не сказал мне неприятного, но видно было, что записка ему была неприятна. Он забыл, что говорил в апреле насчет мысли о преобразовании Совета, и теперь сказал, что эту мысль с са-

[523] Почему новое законодательство вашей империи так односторонне демократично? Кто из министров имеет господствующее влияние? — Никто. Все министры на равной ноге в кабинете — Тогда я начинаю понимать. Для аристократического направления надо, чтобы один ум господствовал и руководил ходом дел. Для демократического достаточно согласия между подчиненными.

мого начала будто бы отвергнул. Одним словом, les Bourbons n'ont rien appris et rien oublié [524]. Я кратко объяснил поводы к представлению записки и затем, не входя в дальнейшие объяснения насчет апрельских и прежних бесед с е. величеством, продолжал доклад. Выходя, я посмотрел на икону в его предкабинете, поклонился Казанскому собору на пути домой и дома взглянул на другую икону. Господь бог да будет мне бездомному страннику покровителем и да укажет мне приют. Долго в этом доме я не останусь. Моя роль разыграна. Выждать следует некоторое время, чтобы не подумали, будто я хотел провести е. величество и ухожу с досады, что это не удалось. А уходить следует, потому что я, очевидно, чужой в здешней среде и чем далее, тем менее надежды сойтись.

14 декабря. Утром в Государственном совете. Дело о земских учреждениях. 5-часовое заседание при 19° теплоты в зале. Утомительно и бесполезно. Работал до ночи по обыкновению.

15 декабря. Утром у обедни. Несколько визитов. Тяжкие частные заботы. Вечером работал.

16 декабря. Утром в Государственном совете. В деле земских учреждений большинство решительно склонилось по всем разногласиям на мою сторону. Вечером за работой.

17 декабря. Утром Комитет министров. Обедал у английского посла, между прочим, с Милютиным, которого Нэпир после обеда исповедовал. Сомневаюсь, чтобы он был восхищен исповедью.

18 декабря. Утром дома. Разные доклады. Вечером в Министерстве. Совещание с разными горнозаводчиками.

19 декабря. Утром Государственный совет. Конец дела по земским учреждениям. Сегодня по вопросу об исключении государственных земских повинностей из временного ведения

---

[524] Бурбоны ничему не научились и ничего не забыли.

земских учреждений я произнес довольно длинную и, как сам чувствовал, безукоризненную речь. Результат был — не только значительное большинство против меня, но и объявление кн. Горчаковым в конце совещания совершенного непонимания дела. Travaillez, après celà à l'Européenne[525]. Перед Государственным советом краткое заседание Западного комитета.

20 декабря. Утром всеподданнейший доклад. Государь говорил о раскольничьем вопросе и при этом случае спросил, знаю ли я монаха Порфения. Я отвечал, что знаю, и что он у меня был. Потом государь спросил: «А Карамзин не говорил об этом деле?» Я отвечал, что не только говорил, но и прислал ко мне Порфения. «Vous voyez que je suis bien informé»[526], — заметил его величество и «les deux partis se donnent beaucoup de mouvement dans cette affaire»[527]. Мне следовало бы сказать: l'un des partis, non les deux[528], но я этого не сказал. Все это через заднее крыльцо императрицы, через Тютчеву, Блудову и К^О восходит сперва до ее, а потом и до его величества.

Заезжал к Нэпиру. Вечером у Moira.

21 декабря. Утром на совещании у Зеленого с Анненковым и Рейтерном по вопросу о пособиях русским помещикам и вообще русским уроженцам для приобретения имений в Западном крае. Вечером был у меня Анненков, который завтра едет обратно в Киев. Pauvre cervelle[529].

22 декабря. Утром у обедни. Потом несколько визитов. Вечером дома.

23 декабря. Утром Государственный совет. Потом комитеты Сибирский и Кавказский. В Государственном совете наскоро

---

[525] Вот попробуйте после этого работать по-европейски.

[526] Вы видите, что я хорошо осведомлен.

[527] Обе партии создают много шума в этом деле.

[528] Одна из партий, а не обе.

[529] Глупый человек.

прочитан и подписан журнал по делу о земских учреждениях. К 1-му января, как сказано, дело поспеет. Вечером дома.

24 декабря. Утром у обедни. Потом Комитет министров. Вечером елка по обыкновению.

25 декабря. Утром у обедни. Целый день дома.

26 декабря. Дома. Разбирал бумаги и работал.

27 декабря. Утром всеподданнейший доклад; вечером в опере Rigoletto на 1½ часа времени. Потом на 72 часа на бале в дворянском собрании.

28 декабря. Утром совещание у государя по вопросу о милютинских проектах для Царства Польского, в особенности по проекту крестьянской реформы. Кн. Гагарин, кн. Горчаков, кн. Долгоруков, гр. Панин, Зеленый, Чевкин, Рейтерн, Платонов и я. Печальное впечатление. Государю угодно, чтобы проект, еще ненапечатанный, еще нам не сообщенный, был облечен в форму закона, буде можно к 19-му февраля. Проект составлен лицом, не знающим Польши, пробывшим там 6 недель и будет обсуживаться, и обращаться в закон без участия хотя бы единого поляка! Совещания не было; было только чтение доклада Милютина и некоторые разглагольствования о том, что делалось и делается в Польше. Чевкин был себе верен, кн. Гагарин тоже. Сей последний говорит, что Польша, польская народность, стремление к восстановлению политической независимости и т. п. — только слова; на деле только социальная революция. Гр. Панин, осторожный и покорный гр. Панин, решился заметить, что никаким краем нельзя управлять без его уроженцев, подразумевалось — и для него писать законы. Это замечание прошло бесследно. Кн. Горчаков решился резервировать свое мнение с дипломатической точки зрения. Его резервация не приостановила суждений unisono со стороны говоривших. Я и Платонов молчали. Рейтерн также ничего не сказал, но, по-видимому, соглашался. Где мы? В Европе? — нет. В Азии? — Нет. Где-нибудь между

обеими ими в полу-европе, в Белграде или Бухаресте[84]. Между тем к новому году во всех кассах налицо 4 мил. и министр финансов мне говорил сегодня: «Si I. Napier savait, qu'il lui suffit de froncer le sourcil encore pendant un an pour nous mettre à ses pieds!»[530]. Это говорит министр финансов. Le président en herbe[531] Государственного совета, кн. Гагарин, в тот же день утверждает, что нам нечего заботиться о том, что скажет Европа, что мы у себя хозяева, что можем делать в Польше, что и как нам угодно и пр. и пр. Cela s'appelle un gouvernement![532]

Перед совещанием был у вел. кн. Елены Павловны по случаю дня ее рождения. Вечером в Французском театре: Montjage. Отлично играно.

29 декабря. Утром у обедни. Заходил к Замятнину и к гр. Паниной. Вечером за работой.

30 декабря. Утром заезжал к кн. Долгорукову и гр. Гейдену. Переговоры с гр. Левашовым, который уклоняется от назначения в Житомир. Дома за работой остальную часть дня.

31 декабря. Утром в Министерстве. Обошел департаменты вместо приема у меня в Новый год, что мне противно. Затем дома. У всенощной. Потом работал. Тяжкие вести с Кавказа. Давно это горе мне сжимает сердце. Оно печально оттеняет и без того не светлый конец 1863 года.

---

[530] Если бы лорд Нэпир знал, что ему достаточно хмурить брови еще в течение года для того, чтобы подчинить нас себе.

[531] Будущий председатель.

[532] И это называется правительством!

1864 год

1 января 1864 года. Утром во дворце. Большой выход отказан. Говорят, по нездоровью императрицы, быть может по дипломатическим уважениям, потому что Нэпир слег в постель и, следовательно, не был бы во дворце. Малый выход состоялся. В Государственный совет посажен Гринвальд. На кн. Александра Федоровича Голицына надета андреевская лента. Милютин сделан ст.-секретарем. Замятнин утвержден министром юстиции. Корфу, Корнилову и еще кое-кому даны земли. Буткову аренда и пр. и пр. Положение о земских учреждениях утверждено, причем во многих важных вопросах государь принял мнение, противоположное моему мнению [262]. Если бы у меня сохранились некоторые иллюзии, то они бы теперь должны были рассеяться. Но они давно рассеивались понемногу и наконец окончательно улетучились. Остается выдержать характер и роль до известного момента. Судьбою еще не подан знак, но он будет подан. Даже по моему близорукому взгляду не настало к тому время. Но оно настанет. Зеленые деревья Аптекарского острова, золотые главы аптекарской церкви, стрижи, реющие около церкви, соловей в саду, зеркало серебристой Невы, бог пошлет вам другого соседа.

Заезжал утром к Тройницким, к Мухановым, к кн. Долгорукову и к гр. Панину. Довольно длинный разговор с сим последним. Один из тех разговоров, которые во мне возбуждают нечто похожее на внутренний ужас. Мы говорим одним языком и, несмотря на то, между нашими речами ничего нет общего, кроме звука. Мысли идут по совершенно различным направлениям. Гр. Панин этого не замечает. Я вижу различие, вижу, что оно резче, чем я мог ожидать, и перестаю говорить, чтобы высказывать свою мысль, а продолжаю, чтобы ее закрыть. Как эти люди верят в прочность порядка, который я

считаю в основаниях своих потрясенным. Как мало места дают они в будущем непредвиденному. Будто они предвидели то, что теперь ввиду их сбывается.

2 января. Утром доклад по назначению государя вместо завтрашнего дня. Заходил к кн. Кочубей. Работал. Писал письма.

3 января. Утром дома. Прошелся только пешком по левой стороне Невского, избегая людей, которые ходят по правой. Вечером на бале у Орловых-Давыдовых. Сказал Долгорукову, que bientôt ma position pourrait n'être plus tenable[533]. Он на сей раз не противоречил, что много значит.

4 января. Утром выезжал на короткое время. Потом работал. После обеда были у меня Пущин, Мартынов, Литвинов, Рибопьер и Чертков, который решился ехать в Юго-Западный край. Принимаю меры к составлению отчета и к снятию копий с некоторых бумаг, которые я передам моему преемнику.

5 января. Утром у обедни. Выходил. Вечером за работой.

6 января. Утром у обедни. Перед обедом у вел. кн. Елены Павловны по делу о проектированном Галаганом обществе поощрения народного образования в Юго-Западной России [263]. Вечером у Мещерских.

7 января. Утром в Министерстве. Потом Комитет министров. Потом комитет Западный.

8 января. Утром в Государственном совете. Вечером несколько посетителей.

9 января. Утром первое совещание под председательством кн. Гагарина по милютинским проектам для Царства. На сей раз вопрос об устройстве гмин. Виделся там с Очкиным, которого не встречал с 1845 года. По одну сторону стола сидят кн. Гагарин, гр. Панин, Зеленый, Рейтерн (Чевкин болен), Платонов и я. Против нас — Очкин, Арцимович, Милютин,

---

[533] Что вскоре мое положение может стать невыносимым.

Самарин и Черкасский. Элементы разнородные. Черкасский хорошо и отчетливо говорит. Вечером на ½ часа у Пеполи на музыкальном рауте.

10 января. Утром доклад. Видел во дворце весьма многих по случаю рождения в прошлую ночь вел. кн. Петра Николаевича. Обедал у Орловых-Давыдовых.

11 января. Утром Совет министров. Две слабые записки Толстого [263[а]]. Работал.

12 января. Утром несколько визитов после обедни. Вечером большой бал во дворце.

13 января. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Гр. Блудов болен, но продолжает воевать с кн. Гагариным, и на завтрашний день оба спорят насчет назначения заседаний. Один хочет собрать у себя Западный комитет. Другой собирает Польский. Корнилов fait la navette sans aboutir[534]. Перед Государственным советом совещание у кн. Горчакова по вопросу о вызове из-за границы «absentus»[535] Царства Польского.

14 января. Утром Западный комитет у гр. Блудова. Старческая энергия гр. Блудова и кн. Гагарина и смешна, и прискорбна. Полтора часа рассуждали о «резолюции» и не кончили. Оттуда в заседании по польским проектам Милютина. Кн. Гагарин предлагает вместо выкупа дать землю крестьянам за вознаграждение «из общих налогов», т. е. в даровом виде. Я заметил, что, два раза завоевав Польшу мечом, мы теперь собираемся ее купить на чужие деньги у польских крестьян. Кн. Гагарин отрекся от мысли о «даре» и дал делу вид редакционного недоразумения. Заключили переделать редакцию и пересудить. Вечером дома.

---

[534] Безуспешно бегает туда и обратно.

[535] «Отсутствующего».

15 января. Утром дома. Работал. Вечером несколько посетителей.

16 января. Утром заезжал к кн. Горчакову для объяснения по польскому делу. Shallow waters[536]. Потом в заседании по этому делу. Когда я заметил, что раздача земель безземельным крестьянам как бы по праву ведет к раздаче домов бездомным мещанам, Милютин до того вышел из себя, что отвечал грубо, что считает лишним и бесполезным возражать, потому что подобное предположение было бы безумным. К счастью, я сохранил нужное хладнокровие и отвечал спокойно и без нарушения приличий. Уже опасаются Zeichen der Zeit[537]. При тепершней обстановке с теперешним направлением мне делать здесь нечего. Вечером работал. Потом на ½ часа у Гернгроса.

17 января. Утром всеподданнейший доклад. Был у гр. Блудова и у Очкина. Впечатление неудовлетворительное. Вечером на ½ часа у португальского посланника.

18 января. Утром работал. Вечером тоже. Смутно.

19 января. Утром у обедни. В 2 часа заседание по польским проектам. Там нечего делать. Судьбы да свершаются. Вечером дома. Читал, чего давно не делал.

20 января. Утром в Государственном совете. Потом заседание Главного комитета. Вечером за работой.

21 января. Утром Комитет министров. Потом Западный комитет у гр. Блудова. Вечером бал во дворце. Получено известие о смерти ген.-ад. Тучкова. Государь говорил на бале о кандидатах на его место: кн. Меншиков — но стар и опустился умственно, Офросимов — но есть неудобства, Муравьев-Карский — еще большие неудобства. Назимов, бывший на бале, ходил в раздумье. Хотелось бы, но надежды нет. Обедал

---

[536] Пустой разговор.

[537] Знамений времени.

у вел. кн. Елены Павловны с лордом и леди Нэпир и супругами Пеполи.

22 января. Государь на охоте; на сей раз с ним ездил в числе прочих лорд Нэпир. Утром заседание по польским проектам. Потом обед у Смирновых. Вечером дома. Получено известие о первой стычке в Дании. Искра брошена. Раздуть пожар недолго [264].

23 января. Утром Западный комитет у гр. Блудова. Вечером бал у кн. Кочубей.

24 января. Утром всеподданнейший доклад. До обеда доклады департаментов. Обедал у Паскевича. Вечером за работой.

25 января. Утром заседание в особой комиссии под председательством кн. Гагарина по вопросу о конфискациях. Перед тем выход во дворце по случаю крестин вел. кн. Петра Николаевича. Вечером в итальянской опере «Faust». Моя нервическая система так расстроена, что я не могу выдерживать сценических впечатлений.

26 января. Утром после обедни заседание по польским проектам. Остальное время дня дома. Опасная болезнь Куха меня сильно тревожит.

27 января. Утром у кн. Горчакова. Совещание по вопросу об униатах в Царстве. Потом Государственный совет. Потом Главный комитет. Вечером за работой.

28 января. Утром Комитет министров. Потом комитеты Западный и Сельского состояния. Первый из 4-х литовских вопросов. Беспутное совещание. Но дело решится только при последующих. Вечером за мною посылала вчера госпожа Этлингер, якобы по весьма нужному делу. Оказалось qu'elle pourrait être une des souris qui rongent les filets du lion; qu'une forte cabale est montée contre moi, que le ministre de la guerre

travaille à mettre son frère à ma place[538] и прочая дребедень в этом роде. Сегодня явился ко мне гр. Орлов-Давыдов и ждал у меня до моего возвращения из комитета для сообщения того же самого, что мне сказала вчера Эдм. Этлингер. Странно, но мало этим озабочиваюсь. Эти господа воображают, что мне жаль было бы расстаться с Министерством, и что меня нетрудно опрокинуть. Ошибаются в том и другом.

30 января. Утром в заседании по польским проектам. Вечером получено известие о пожаре в Петрозаводске. Литейное заведение для пушек объято пламенем [265]. Послал за губернатором, который здесь, и отправил его на место.

31 января. Утром всеподданнейший доклад. Потом выходил пешком, чего давно не случалось. Вечером дома.

1 февраля. Утром совещание у его величества по возбужденному ген. Муравьевым вопросу о восстановлении таможенной линии на границе Царства Польского. Кн. Горчаков, кн. Гагарин, кн. Долгоруков, военный министр, Н. Милютин, Чевкин, Платонов, Рейтерн и я. Чевкин, конечно, в пользу восстановления. «Превыше всего отделить западные губернии, сделать их русскими, а там увидим». Рейтерн, видно, подготовился согласиться и имел с собою какие-то справки. Но прочие члены конференции восстали, и государь с ними согласился, даже сам прежде их высказал свое мнение в этом смысле.

Перед конференцией Горчаков имел доклад и вышел из кабинета его величества весьма красный. Что-нибудь да не ладилось. Но что? Полагаю, что по польским делам он попытался проводить более английские, чем муравьевские, воззрения.

---

538 Что она может стать одной из тех мышей, которые грызут сеть, в которой пойман лев, что против меня начали вести крупную интригу; что военный министр делает все, чтобы на мое место поставить своего брата.

Несколько раскольников подали ген.-ад. Огареву, которого видели в Нижнем, всеподданнейшую просьбу о даровании им льгот гражданских и духовных. Просьба, вероятно, писалась в Москве. Здесь она исправлялась при содействии Мельникова и по его советам. Сектаторы просят почти того же, что я предлагал в моей записке. Огарев передал мне просьбу. Я довел о том до сведения государя и передал ему просьбу негласно, т. е., не объявляя о том просителям, чтобы ввиду суждений по моей записке попытаться удержать за правительством инициативу реформы. Государь, по крайней мере, решился назначить совещание по моей записке в будущий четверг.

Вечером вчера был у меня новый московский ген.-губернатор [266]. Сдается, человек хороший, спокойный, но Скалозуб, произведенный в полные генералы.

2 февраля. Утром у обедни. Потом на рысистых бегах при неприятнейшей и холодной погоде. Monde à part[539], мало развития.

Вечером за работой. Нового нет. Старое не светлеет.

Quarterly Review, Jan. 1864 p.p. [62, 63].

We are acquainted with New Englanders in whom the Old Home feeling is at times inexpressibly strong. When their life has been more than usually moved dewn to the very roots of it under the influence of a great sorrow, it has seemed y as though they touched England at that depth, and they have experienced a «hlind pathetic tendency» to wander back to the old place once more. Having no wish to disparage their own country, they yet feel there is something in English air and the tender sweetness of the green grass, the lark, singing in the blue sky over head; our wild flowers which seem as the affectionate diminutives used by nature in her fondest speech; our field footpaths that wander and shady lanes that loiter along their lines of beauty; the homesteads that nestle in the heart of rural life, and the thatched cottages that peep on the way-

[539] Свой мир.

farer through their wreaths of honeysuckle and roses; our grand Gothic cathedrals, grey old Norman towers and village church-spires; the long rich grass that fattens round the old abbeys, which they cannot find in their own country. We have heard them say that the only real quiet life seems to be in England, and the only stillness sacred for the dead to rest in seems to lie under the mossy stone or daisied mound of an English country church-yard. Home is not easily extemporised on so vast a scale as is mapped out in America; and England alone, with her nestling nooks and old associations and brooding peace, satisfies the finest sense[540].

3 февраля. Утром Государственный совет. Потом заседание Департамента экономии для рассмотрения моей сметы.

---

[540] «Квартерли Ревью», январь 1864 г., стр. 62, 63.

Мы знакомы с жителями Новой Англии, в которых тоска по старой родине иногда невыразимо сильна. Когда их жизнь под влиянием какого-либо тяжелого переживания в большей степени, чем обычно, приближается к своим истокам, им кажется, что на этой глубине они как бы прикоснулись к Англии, и они испытывают «неосознанное трогательное стремление» побывать еще раз на своей прежней родине. Не имея желания унизить свою собственную страну, они тем не менее чувствуют, что есть что-то такое в воздухе Англии и в нежной прелести зеленой травы, в жаворонке, поющем в голубом небе, в наших полевых цветах, которые кажутся нежными, ласковыми словами, произнесенными Природой; в наших полевых дорожках, приветливо вьющихся среди полей, и в тенистых аллеях, медленно движущихся вдоль своих красивых оград; в усадьбах, уютно устроившихся в самом центре сельской жизни, и в крытых черепицей коттеджах, поглядывающих на путника сквозь свои обрамления из жимолости и роз; в наших величественных готических соборах, седых древних норманнских башнях и колокольнях деревенских церквей; в сочной траве, буйно растущей вокруг старых аббатств, чего они не могут найти в своей собственной стране. Мы слышали их слова о том, что подлинно спокойная жизнь может быть только в Англии, и тот священный покой, в котором пребывают мертвые, кажется, можно найти только под обросшим мхом камнем или покрытым маргаритками могильным холмом английского сельского кладбища. Но легко создать свой очаг заново на таких обширных пространствах, которые имеются в Америке; и только Англия с ее уютными уголками, старыми воспоминаниями и задумчивым спокойствием удовлетворяет людей, умеющих тонко чувствовать.

Странное стремление тратить время на толки о графах для сотен, когда в прошлом году 25 мил. израсходовано вне всяких граф и без всяких кредитов. Государь по вопросу о конфискациях утвердил мнение кн. Гагарина. A bon entendeur salut[541].

4 февраля. Утром Комитет министров. Дела западные отложены, потому что у Зеленого флюс. Время уходит, впрочем, для меня лично все это уже мало имеет значения.

5 февраля. Бедный Кух умирает. Неисповедимы судьбы божии.

Целый день за работой. Вечером были у меня, между прочим, архиепископ Платон с запискою, поданною ему каким-то раскольником из Казани о реформе единоверия, и кн. Оболенский, который говорил о несостоятельности Новосельского на миллионы, частию казенные, частию частные.

6 февраля. Утром совещание у государя по вопросу о раскольниках. Кн. Долгоруков, бар. Корф, Ахматов, кн. Урусов и я. Несмотря на противодействие Ахматова и Урусова, комитет назначен под председательством гр. Панина, по случаю увольнения бар. Корфа в отпуск, за границу. Ахматов обнаружил при этом случае свое крепкое нерасположение к архиепископу Платову. Вместо одного духовного члена назначены трое. Другого предварительного совещания не будет. Потом Совет министров по пустому докладу бар. Корфа о замене для канцелярских чиновников производства в классный чин пожалованием в почетные граждане. И. М. Толстой справедливо заметил, что это значило бы сравнять писцов с знаменитыми художниками, которых награждают почетным гражданством. Дело упало в воду. Был потом у гр. Панина.

---

541 Имеющий уши да слышит.

7 февраля. Бедный Кух скончался сегодня в 2½ часа пополудни после длинной и трудной агонии.

Утром доклад у государя. Пред тем он призывал меня вместе с военным министром по делу об упразднении Оренбургского генерал-губернаторства, учреждении нового Степного округа из киргизских степей и пограничных наших территорий и т. п. При докладе государь говорил, что он очень доволен разрешением вчерашнего вопроса о раскольниках.

8 февраля. Утром заседание по польским проектам. Последнее. Вечером по просьбе гр. Орлова-Давыдова в Обществе сельских хозяев [267], где он должен был произнести речь. Он и произнес ее весьма порядочно. Но собрание само по себе похоже на гимназистов, упражняющихся в парламентаризме.

9 февраля. Утром у обедни. Был на бегу, где полиция не узнала цесаревича и вел. кн. Александра Александровича и не впустила в беседку членов. Кн. Суворов написал мне сегодня, две записки по поводу слухов о моем выходе из Министерства. Видно, молву разносят и раздувают.

10 февраля. Утром погребение бедного Куха. В первый раз был на Волновом кладбище. Впечатление тихое и мирное. Солнце, белый снежный саван на земле, безмолвные, безлиственные деревья кругом. Гроб опустили в землю, засыпали цветами и песком. Мир праху опередившего нас.

Оттуда в заседание соединенных комитетов Главного и Западного по литовским вопросам. Semper idem[542], т. е. безнадежно.

11 февраля. Утром Комитет министров и соединенное заседание тех же комитетов, что и вчера. То же впечатление. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером за работой.

---

[542] Вечно одно и то же.

12 февраля. Утром работал. Обедал у Щербатовых. Вечером на оригинальном бале у американского посланника. Помещение тесное, но гостей много, и все в хорошем настроении духа.

13 февраля. Утром совещание у государя по польским проектам, которые утверждены. Потом Совет министров, где читалась записка Татаринова о новой системе отчетности и ее результатах. Вечером бал во дворце, в концертном зале, где я 22 года не [бывал][543] и где 20 лет не было бала.

14 февраля. Утром доклад. Оттуда в соединенное заседание комитетов Главного и Западного по литовским вопросам. Продолжение той же песни. Вечером у Moira.

15 февраля. Утром работал. Обедал у Карамзиных. Вечером опять за работой. Тяжелая тоска давит грудь. Небо заволакивает со всех сторон. Из Ст. [268] грустные и тревожные вести. Ни минуты, где бы я вздохнул свободно.

16 февраля. Утром у обедни. Потом на бегу. Вечером у Хитровых на ½ часа.

17 февраля. Утром Государственный совет. Обедал у Корсаковой. Vanity fair[544].

18 февраля. Утром Комитет министров. Потом Западный комитет. Гр. Блудов по болезни не председательствует и уезжает за границу. Кн. Гагарин по этому случаю сказал гр. Панину: «Je vais présider pendant quelque temps et après moi vous présiderez pendant vingt ans»[545]. Гр. Панин, передавая мне это, довольно кисло прибавил: «croit-il que je vivrai aussi longtemps»[546].

---

[543] *В тексте* не видал.

[544] Ярмарка тщеславия.

[545] Я буду председательствовать в течение некоторого времени, а после меня вы будете председательствовать двадцать лет.

[546] «Неужели он думает, что я так долго проживу».

19 февраля. Сегодняшним днем помечены указы по крестьянскому делу в Царстве Польском [269]. Утром в соборе. Работал. Сегодня умер гр. Блудов без предсмертной борьбы, почти внезапно, хотя давно был умирающим. Мир его праху. Он был в свое время полезным, всегда добрым, честным, правдивым и почтенным деятелем.

20 февраля. Утром за работой. Вечером заседание духовного присутствия. Вопрос о братствах, потом на музыкальном рауте у английского посла.

21 февраля. Утром всеподданнейший доклад. Некоторое объяснение с его величеством насчет трудностей моего положения вообще и в отношении к Вильно в особенности. Упомянул о том, что называют здесь излишнею с моей стороны уступчивостью. Возвратил государю письмо короля прусского, третьего дня им мне присланное. Оно относится к поверкам в Северо-Западном крае и писано в пользу тамошних помещиков, прусских князей Радзивиллов. Государь ничего не сказал об этом письме ни кн. Долгорукову, ни кн. Горчакову. Был потом у панихиды по гр. Блудову, потом у герц. Мекленбургского, который получил от королевы прусской такое же рекомендательное в пользу Радзивиллов письмо и советовался, как его представить государю и что по оному делать с кн. Горчаковым, кн. Долгоруковым и со мною. Вечером у вел. кн. Елены Павловны, которая прислала за мной, чтобы посоветовать мне предложить управление тюремною частью кн. Орлову вместо Абазы.

22 февраля. Утром на похоронах гр. Блудова в Невском. Потом работал. Вечером дома.

23 февраля. Утром у обедни. Был на бегу. Вечером бал в Эрмитаже. Заезжал оттуда к Гернгросу.

24 февраля. Утром Государственный совет. Совещание по предмету pseudo посмертной записки гр. Блудова об учреждении особого верховного совета или попечительства народ-

ных училищ под председательством высшего духовного лица, т. е. духовное министерство народного обучения рядом или в связи с Министерством народного просвещения [270]. Потом заседание Главного комитета. Вечером дома.

25 февраля. Утром в Невском. Потом Комитет министров. Дело по неприличной просьбе Новосельского, неприлично представленной государю министром юстиции. Некоторые члены было готовились ее поддержать, но, ввиду решительного отпора со стороны министра финансов, бар. Корфа, Чевкина и меня, не решились на это [271]. Потом заседание Западного комитета и Западного в соединении с Главным. Записка Радзивиллов. На сей раз мое заключение по вопросу о поверочных комиссиях принято [272]. Вечером составил и отправил к Ахматову проект правил о братствах.

26 февраля. Утром доклады. Ездил к кн. Гагарину, который третьего дня назначен председательствующим в Государственном совете и председателем Комитета министров. Заезжал к гр. Армфельту. Вечером в Михайловском театре. «Unruhige Zeiten»[547].

27 февраля. Утром за работой. Вечером кн. Долгоруков сообщил мне о назначении бар. Корфа председателем Департамента законов, а гр. Панина главноуправляющим II-м отделением.

28 февраля. Утром всеподданнейший доклад. Видел в Зимнем дворце бар. Корфа и гр. Панина. Первый довольно penaud[548]. Он опять оборвался на хитростях. Он просил или, по крайней мере, заявил желание быть председателем Департамента законов тотчас после смерти гр. Блудова. Ему, вероятно, хотелось соединить это председательство по бывшим примерам с управлением II-м отделением, а там он себе

[547] Неспокойные времена.

[548] Скучен.

подготовил для сего Сольского. Теперь Сольский остается как бы на воздухе, и все установленные бар. Корфом во II-м отделении порядки будут опрокинуты гр. Паниным. Из дворца заезжал к кн. Горчакову. Вечером в итальянской опере; «Othello». Известный ut dièse[549]. Тамберлик в полном блеске.

29 февраля. Утром прием разных посетителей. Потом в Мариинском театре. Pech-Schulze[550]. Невыносимо глупо. Заезжал к маркизу Пеполи. Субботнее музыкальное утро. Обедал в Английском клубе.

1 марта. Утром у обедни. Потом целый день дома, за исключением кратковременной прогулки.

2 марта. Первый день великого поста. Дома работал.

3 марта. Утром Комитет министров. Потом Западный комитет. В последний был приглашен гр. Бобринский, подавно вернувшийся из Киева и представивший государю рапорт, который слушался в Комитете.

4 марта. Обычные доклады. Нового нет.

5 марта. Заезжал утром к кн. Гагарину, потом к Э. Этлингер, по ее желанию. Ее решительно сводят с ума кн. Суворов и некоторые интриганы, которые с нею толкуют о государственных делах. Не знаю последних, но догадываюсь, что к ним принадлежит полковник Н-ий и кое-кто из здешних поляков.

6 марта. Утром всеподданнейший доклад. Государь любезен. Заходил к гр. Шувалову, где был слишком gutmütig und offen[551]. Работал.

7 марта. Работал.

8 марта. Утром у обедни. Потом ездил смотреть т. н. Суворовский квартал близ Галерной гавани. Оттуда на бег.

---

[549] До диез.

[550] Неудачник Шульце.

[551] Добродушен и откровенен.

9 марта. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Вечером за работой.

10 марта. Утром в Комитете министров. Потом Западный комитет. Вечером дома. Отправил к министру финансов мой банковый проект [273].

11 марта. Целый день за работой, дома.

12 марта. Утром работал. Ходил пешком при прекрасной погоде. Вечером у вел. кн. Елены Павловны.

13 марта. Утром всеподданнейший доклад. Потом Комитет финансов. Новый заем негоцируется Штиглицом с банкирами Берингом и Гоне. Он нужен для наших заграничных платежей. Вечером дома.

14 марта. Утром совещание у его величества по вопросу о письмах архиепископа Фелинского. Первое заседание нового Комитета по польским делам [274]. Потом у гр. Панина первое заседание комитета, учрежденного по вопросу о раскольниках. Я воспользовался им, чтобы резко обозначить свое положение к делу и опровергнуть возводимые на меня задними крыльцами обвинения в вредоносном равнодушии к интересам церкви и т. д. Должно быть, Ахматов ходит по этим крыльцам, потому что он принял эти объяснения на свой счет. Никто не отвечал, но после заседания Ахматов сказал мне: «que je le fais passer pour un intrigant...»[552]. Если он не интригует, почему думал он, что другие так подумают.

Обедал в Английском клубе. Вечером у кн. Кочубей. Познакомился только там с пр. Нассауским, которого уже давно здесь встречаю.

15 марта. Утром у обедни. Ходил по обыкновению в Казанский собор. Затем целый день за работой.

16 марта. Утром в Государственном совете. Решено, что 19 марта будет парад в воспоминание взятия Парижа.

---

[552] Что я его выставляю интриганом.

Вице-канцлер, военный министр и кн. Долгоруков просили государя, когда о том была речь дней 8 тому назад, не назначать парада, потому что именно в этот день подобная демонстрация оскорбительна для Франции. Государь, по-видимому, согласился с ними и назначил вместо парада обед. Теперь обед будет 18, а парад 19-го. Говорят, что гвардейские офицеры и вел. кн. Николай Николаевич это выпросили. Государь не сказал до сих пор ни слова, ни Горчакову, ни военному министру, а отдал приказание министру двора и вел. князю. Ce sera la parade du «bon ami»[553].

Обедал у кн. Кочубей. Вечером на рауте у кн. Горчакова.

17 марта. Утром Комитет министров. Потом Западный комитет. Получено известие, что датчане отбили три приступа к Дюппельну. Шведский посланник Ведель, которого я встретил на Невском, остановил меня, чтобы с торжеством передать эту месть. Геверс, которого я встретил после, уверяет que Wedell est beaucoup plus exalté que Plessen[554], что и правда. Пруссия не может остаться под впечатлением неудачи. Требуется новая кровь. Дела более и более запутываются.

Кн. Горчаков, с которым я вышел из Комитета, старается теперь легко отзываться о параде. «J'ai déjà dans ma tête un article tout fait et de bon goût, pour le cas où il faudra faire parler le «Journal de St. Pétersbourg»[555] , сказал он мне, но прибавил: «il faut avouer qu'en fait de politique nous ne sommes pas des artistes. Nous ne sommes pas des peintres, mais des[556] суздальские икономазы».

---

[553] Это будет парад «доброго друга».

[554] что Ведель гораздо более пылкий человек, чем Плессен.

[555] В моей голове статья уже готова, и хорошая статья, на случай, если надо будет предоставить слово «Journal de St. Pétersbourg».

[556] Надо признать, что в вопросах политики мы не мастера, мы не художники, а ….

Вечером в Министерстве. Заседание комиссии для пересмотра штатов и нового распределения дел по департаментам.

18 марта. Утром дома. Доклады. Вечером у С. С. Бибиковой, называемой матушкой с точкой в честь ее дочки, которую никак пристроить не может.

19 марта. Утром работал. Парад. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны. Вечером обычный концерт инвалидов, где я по обыкновению не был. Был у кн. Кочубей.

20 марта. Утром всеподданнейший доклад. Просил государя послать кого-нибудь от себя в Лифляндию, по случаю движения между тамошними православными крестьянами в пользу лютеранства [275]. Для меня этот вопрос важен по общей связи с вопросом о системе насильственных или принудительных мер по делам веры. Голос Министерства внутренних дел при известном влиянии в Зимнем дворце и при известной тактике Ахматова будет представляться или выставляться односторонним. Важен был выбор лица, которое бы не поддавалось здешним влияниям и не выезжало отсюда с готовым мнением. Из числа предложенных мною кандидатов государь выбрал гр. Бобринского.

Вечером у вел. кн. Елены Павловны.

21 марта. Утром заседание раскольничьего комитета у гр. Панина. Годовой обед в Английском клубе. После обеда блистательный speech лорда Нэпира, слабый кн. Горчакова, весьма слабый гр. Орлова-Давыдова. Вечером Полонский читал у меня в присутствии нескольких лиц свои «Сцены не для сцены», в которых изображается во многом весьма удачно борьба между гуманитарным и патриотическим направлением, по случаю польских смут.

22 марта. Утром у обедни. Несколько визитов. Работал вечером.

23 марта. Утром Государственный совет, потом комитеты Главный, Сибирский и Кавказский. Вечером за работой.

24 марта. Утром Комитет министров. Потом Западный комитет. Вечером за работой.

25 марта. Утром у обедни. Работал и писал запоздавшие письма. Обедал у вел. кн. Елены Павловны. Вечером опять за работой.

26 марта. Утром Польский комитет. Потом разные доклады. Обедал с лордом и леди Нэпир у гр. Орлова-Давыдова quasi en famille. Вечером за работой. Moniteur [276] косвенно заговорил о параде.

27 марта. Утром всеподданнейший доклад. Ходил. После обеда был у меня по указанию архиепископа Платона единоверец Петров из Казани, староста единоверческой церкви с проектом записки на мое имя и проектом всеподданнейшего прошения о средствах воссоединения старообрядцев, писанными священником здешней единоверческой церкви Верховским. Замечательные документы. Резко, дерзко и бойко в них предлагается создание особой старообрядческой иерархии и усваивается половцам значение древней, а православным значение новой, на греческий лад устроившейся церкви. Ненависть к нашим епископам дышит в каждом слове. Новейшие, а может быть, и старые понятия об отдельности государственной власти от церковной выражаются и проводятся с замечательною последовательностью. Я знал уже о 16 пунктах предположений, заключающихся в прошении, но не подавая вида, что знал об них, и предусматривая, что принять окончательно подобные бумаги будет невозможно, я сказал Петрову, что оставлю их у себя для прочтения. Сущность предположений была сообщена Петровым архиепископу Платону, который против некоторых из них сделал собственноручные одобрительные заметки. Я послал все эти бумаги к кн. Долгорукову, который завтра будет у государя.

28 марта. Утром на похоронной литургии в Екатерининской церкви по умершей 13-летней дочери прусского по-

сланника гр. Редерна. Потом раскольничий комитет у гр. Панина [277]. Вопросы о браках и правах по имуществу. Потом особое совещание по высочайшему повелению, переданному кн. Долгоруковым, между членами того же Комитета без духовных Сольского и Корнилова, по вопросу о том, что мне отвечать Петрову на поданные им бумаги. Я полагал их возвратить с присовокуплением, что они по форме и содержанию непригодны, и что я отклоняю от себя участие в деле. (Это не слова, но смысл ответа). Члены совещания его одобрили и вечером я изложил оный на бумаге, чтобы кн. Долгоруков, который завтра снова увидит государя, мог показать это изложение его величеству. Во время совещания Ахматов и Урусов, а во время заседания Комитета они и духовные члены следовали обычной системе недобросовестной лавировки. Когда я напомнил Ахматову после совещания, что соборное начало — догмат церкви и что некоторые епископы весьма склонны его поддерживать, он старался дать этому стремлению политический смысл и сказал: «Моя вера не православная, а русская вера (т. е. самодержавно и в церкви). Но о самодержавии и речи не было, а мы вообще таковы, как скоро какой-либо вопрос нас тревожит vite donner le change et chercher en haut lieu une corde sensible[557]. Когда речь о смешанных браках, о лютеранах и т. п., мы православные и об интересе государства нет речи. Когда же дело касается внутреннего быта церкви, мы русские, и догматы православия на заднем плане.

29 марта. Утром у обедни. Выезжал утром. Послал государю, по его требованию, подлинные заметки Платона на записке Петрова. Вечером был у меня Ламанский. Наше

[557] Быстро переменить тему и искать в высших сферах чувствительные струны.

финансовое положение весьма затруднительно и исхода не видно.

30 марта. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Вечером за работой.

31 марта. Утром Комитет министров и Западный комитет. Вечер по обыкновению.

1 апреля. Целый день дома за работой. На ¼ часа прогулка пешком перед обедом. Был у меня гр. Сакен из Варшавы.

2 апреля. Утром за работой. Обедал у гр. Хрептович. Вечером у вел. кн. Елены Павловны.

3 апреля. Утром всеподданнейший доклад. Обедал у и. и. величеств. Вечером у лорда Нэпира.

4 апреля. Утром раскольничий комитет у гр. Панина. Заходил к гр. Петру Шувалову. Вечером у кн. Одоевской. Вел. княгиня, обыкновенно бывающая на ее вечерах, сегодня не сходила по нездоровью и приказала просить меня к себе. Разговор около часа на разные темы. Вел. княгиня говорит, что вел. кн. Константин Николаевич намерен был пробыть здесь не более двух недель, но что государь намерен его задержать до отъезда и. и. величеств за границу, т. е. до конца мая. Из Михайловского дворца поехал к кн. Кочубей, где пробыл до 1 час. ночи.

5 апреля. Утром у обедни. Прогулка пешком. Потом дома. Был гр. Андрей Шувалов по пермским делам [278]. На днях арестовали около Зимнего дворца двух молодых людей, которые подходили с назойливостью к трем разным часовым и у одного из них пытались отнять ружье. Оказалось, что они прежде заходили в комнату арапов и там расспрашивали о расположении караулов. Оба студенты, один из них под полицейским надзором и замешан был в деле разбрасывания возмутительных воззваний [279]. Следствие делается полицией. Вообще дело неясно. Ни кн. Долгоруков, ни

об.-гофмейстер гр. Шувалов не могли мне дать точных ответов на мои вопросы.

6 апреля. Утром Государственный совет и Главный комитет. Вечером заседание в Александро-Невской лавре по вопросу о братствах. Потом на вечере у Нелидовой accordéon[558] г. Толмачева и цитра. Оттуда на раут к кн. Горчакову.

7 апреля. Комитет министров. Потом Западный комитет. Сегодня напечатан в газетах указ о новом займе [280]. Штиглиц вернулся вчера из-за границы. Вчера же получено известие о взятии пруссаками Дюппельнских укреплений [281].

8 апреля. Утром за работой. Вечером у гр. Хрептович. Вел. кн. Константин Николаевич приехал вечером в 9 час. Большой прием на станции железной дороги. Он остановился в Зимнем дворце. Герцог Мекленбургский уговаривал меня у гр. Хрептович постараться сблизиться с его высочеством.

Здесь теперь находится депутация от крестьян Царства Польского. Человек 60. Они были вчера у государя и выслушали его allocution[559] на коленях. Их возят по городу в линейках. Есть что-то смешное в этом, но вообще дело полезное. Они возвратятся домой, и от них пойдут в разные стороны толки, противоречащие разглашениям революционной пропаганды. Уже здесь они изъявили удивление, когда были в церкви св. Екатерины, после всего, что им рассказывалось насчет преследования римско-католической церкви в России.

9 апреля. Утром ездил к вел. князю [282]. Он не принимал, и я записался. Потом Польский комитет. Обедал у Веневитиновых. Вечером у вел. кн. Елены Павловны. Видел там вел. князя, который подошел ко мне, подал руку и говорил несколько минут, как будто ничего между нами не происходило.

---

558 Аккордеон.

559 Краткую речь.

10 апреля. Утром доклад у государя. Вечером музыкальная soiree[560] в Зимнем дворце.

11 апреля. Утром Совет министров по вопросу о проекте Морского министерства устроить образцовую тюрьму в башне на Новой Голландии [283]. Проект незрело обдуманный и односторонне представленный на высочайшее утверждение. Я не желал прямо атаковать Краббе и ограничился безличным доказанием, что его проект составлен без справки с общим делом о тюрьмах в империи и что он не применим к другим ведомствам. Военный министр и министр финансов сделали другие замечания, и последний протестовал против предположенных расходов. Проект повелено пересмотреть в особом отделе совета.

Затем был в Думе, где обедали польские крестьяне и наши волостные старшины, qui étaient sensés leur donner à dîner[561].

Были государь, великие князья, министры военный, государственных имуществ и я, Платонов, ген.-губернатор, губернатор и члены Думы, как хозяева. На хорах много beau monde. Вообще сцена довольно удачная. Один старшина провозгласил тост за здравие государя. Потом е. величество за обедавших и «за неразрывную связь России с Польшей». Потом один из поляков, по-русски, за здравие императрицы. Потом старшина за здравие цесаревича. Наконец его величество за здравие Константина Николаевича. Августейшие братья обнялись и у обоих были слезы на глазах.

Обедал у Штиглица (Н. Б.). Вечером дома.

12 апреля. У обедни. Выезжал утром. Потом целый день дома.

13 апреля. Дома.

14 апреля. То же.

---

[560] Вечер.

[561] Которые догадались дать им обед.

15 апреля. То же. Третьего дня был у меня вернувшийся из Лифляндии гр. Бобринский. По его мнению, латыши и эсты не отпадают от православия, а никогда к нему не принадлежали.

16 апреля. Удостоился святого причащения.

17 апреля. Утром всеподданейший доклад, по случаю совпадения 17-го с великою пятницей, разные недоразумения относительно формы поздравлений и т. п. Вчера приехал из Риги и был у меня бар. Ливен. Вопрос о мнимо православной пастве [284] в Лифляндии должен на днях быть рассмотрен в особом совещании в высочайшем присутствии.

18 апреля. Утром на похоронах гр. Баранова, некогда тверского губернатора. Днем дома.

19 апреля. Пасха. Ночью во дворце по обыкновению. Потом в нашей домовой церкви. Потом на ¾ часа у кн. Кочубей. Утром ходил пешком к Тройницкому, кн. Долгорукову и гр. Панину. Кн. Горчакову и гр. Бергу дан портрет ее величества (странное отличие, которое могло иметь смысл только в царствование императриц), военному министру — алмазные знаки Александра Невского, несколько других лент и аксельбантов. Приказ по военному ведомству огромный.

Сегодня скончался гр. Петр Пален, ветеран наших генералов, полвека с непомраченною честью носивший на себе отблеск славы 1812, 1813 и 1814 годов. Он долго умирал и много страдал перед смертью.

20 апреля. Утром у обедни. Был у фрейлин Эйлер, чтобы познакомиться с архимандритом Порфирием. Замечательная и небезопасная личность.

21 апреля. Выезжал утром. Работал.

22 апреля. Утром у государя. Совещание по вопросу о волнении между псевдоправославными лифляндскими крестьянами. Архиепископ Платон, кн. Суворов, кн. Долгоруков, бар. Ливен, гр. Панин, Ахматов, Зеленый, гр. Бобринский и я.

Кн. Суворов преимущественно был занят доказательством того, что при нем все было ладно, а при Ливене испорчено. Зеленый по германофобному принципу не желал никаких мер, архиепископ Платон предложил объехать свою епархию и донести государю о результате своих наблюдений. Ввиду этого предложения я счел неудобным настаивать на постановлении какого-либо в настоящее время решения и предложил впредь до результатов поездки ограничиться объявлением высочайшего повеления о прекращении всяких понудительных полицейских мер. Даже этого нельзя было достигнуть. Ограничились поручением архиепископу Платону дать знать от себя подведомым ему священникам, чтобы они не вчинали никаких дел об уклонении латышей и эстов от православия. Я не настаивал. Быть может, напрасно. Впрочем, кажется, что момент был неудобный, и что предложения Платона нельзя было не принять. Из Зимнего дворца в Комитет финансов. Председательствовал вел. кн. Константин Николаевич. Речь шла о бюджете на 1864 год. Des jérémiades et de l'eau claire[562]. Вечером лорд Нэпир, гр. Рибопьер, и еще кое-кто.

23 апреля. Утром заходил к гр. Панину и кн. Долгорукову, чтобы условиться с ними по вопросу о смешанных браках. Решился предложить государю обратить дело на совокупное рассмотрение Министерства внутренних дел и II-го отделения [285]. Оттуда в Комитет финансов. Остальная часть дня за работой дома.

24 апреля. Утром на похоронах гр. Палена. Потом всеподданнейший доклад. Государь одобрил предположение о смешанных браках и говорил, что он недоволен совещанием 22 числа и его результатом, но, что после предложения архиепископа ехать по епархии, нельзя было сделать другого. В

---

[562] Жалобы и пустые слова.

разговоре государь неоднократно высказал убеждение, что принуждение совести неправильно и несправедливо и не соответствует достоинству церкви. День дома.

25 апреля. Утром у вел. кн. Константина Николаевича, по его желанию. Аудиенция в 1 ½ часа без всяких личных объяснений о прошлом. Вел. князь расспрашивал меня о крестьянском деле, о земских учреждениях и о делах литовских. О сих последних и о ген. Муравьеве он отзывается по-нашему. Вообще я нашел его в довольно умеренном и благоразумном настроении, хотя прежние привычки и замашки сохранились вполне.

Вечером у кн. Кочубей. Аллокуция папы [286] возбуждает много толков. Вчера уже мне о ней говорил государь, неприятное и неблагоприятное столкновение. К сожалению, при всей безрассудной несдержанности папской речи есть к ней некоторый повод. Меры строгости по высочайшему повелению всегда имеют характер произвола самого явного.

26 апреля. Утром у обедни. Выходил пешком. Погода круто свернула с зимы на лето. Был в нашей церкви на свадьбе М. Зарудного.

После обеда, т. е. в шестом часу, прибыл в Петербург ген. Муравьев. Он нездоров или притворяется нездоровым. Его несли на креслах от вагона до кареты.

27 апреля. Утром ездил в исправительную тюрьму, где видел некоторых политических арестантов, девиц Рык, Марию Карпович и Элену Schaff (мариенгаузенское дело), и гр. Роникёра. Хотел иметь de visu понятие об этих личностях. Для того, чтобы с большею уверенностью содействовать к оказанию им некоторых облегчений. Работал. Сегодня парад. Я на нем не был, потому что был в прошлом году и тогда видел сына, который теперь далеко.

28 апреля. Утром Комитет министров. Вечером дома.

29 апреля. Был утром у Потемкиной. Работал. Вечером заседание у гр. Панина по раскольничьему делу.

30 апреля. Утром в Государственном совете, заседание по вопросу о правилах для введения в действие земских учреждении. Вечером дома. Небо заволакивает.

1 мая. Утром всеподданнейший доклад. Потом Государственный совет по делу о государственной смете на 1864 г. Заседание было рядом поражений для Департамента экономии. День дома за работой. Государь говорил мне сегодня об отъезде своем за границу, и о том, что на время его отсутствия назначается особое высшее правление по бывшим примерам, из вел. кн. Николая Николаевича, кн. Гагарина, гр. Панина, военного министра и меня. Он говорил также о своем свидании с Муравьевым, который жаловался ему на противодействия центральных властей. Государь сказал ему, что это слова, и что если противодействие будет указано и доказано, то его дело будет оное устранить.

2 мая. Утром комитет раскольничий у гр. Панина. Прошли вопросы о молельнях и уставщиках. Главное сделано. Архиепископ Платон, на днях заезжавший ко мне, чтобы сказать, что он желал бы быть назначенным постоянным членом Синода и оставить свою епархию, сегодня открыто отделился от других духовных членов. Ахматов и Урусов сердятся, но делать нечего, покоряются. Вечером совет Общества попечительства о тюрьмах. Здешний губернский предводитель кн. Щербатов совершенно непригоден к делам. Он сегодня ничего не говорил, кроме пустых рекриминаций, относящихся ко времени его заведования здешним тюремным комитетом. Заходил к Н. А. Милютину, но его не застал.

3 мая. Утром у обедни. Ходил. День после того провел дома. М. П. Позен прислал государю через кн. Долгорукова книгу, изданную им за границею о его участии в деле Редакционных комиссий [287]. Государь поручил кн. Долгорукову сказать ему свое и мое мнение насчет книги. В ней факты изложены верно. Комплименты Ростовцеву, captatio

benevolentiae[563] его величества, но распространять книгу здесь теперь незачем. История еще не наступила, современность и своевременность миновались.

4 мая. Утром особое совещание у государя. На время отсутствия его величества назначается особая правительственная секретная комиссия под председательством вел. кн. Николая Николаевича из кн. Гагарина, гр. Панина, ген.-ад. Милютина и меня. Министру финансов, управляющему Морским министерством и начальнику III отделения предоставляется быть в оную приглашенными по мере надобности.

Потом Государственный совет. Потом особое совещание под председательством кн. Гагарина по вопросу о корреспонденции политических ссыльно-каторжных. Защищал и провел мысль, что им должна быть дозволена в некоторой мере переписка чрез коменданта. Затем дома. Работал.

5 мая. Утром у государя. Совещание по вопросу об упразднении римско-католических монастырей. (Кн. Горчаков, Милютин. Платонов и я). Потом в Смольном монастыре на столетнем юбилее. В первый раз был в этом прекрасном храме. Потом Комитеты министров и Западный. Вечером дома.

6 мая. Утром работал. Обедал у Штиглица. Потом заседание Комитета о раскольниках у гр. Панина. Герц. Мекленбургский был у меня по делу кн. Гадзивилл.

7 мая. Утром заседание Польского комитета. Вчера видел ген. Трепова. Из его слов явно, что Берг и Милютин плохо ладят. Погода ноябрьская. Задерживает переезд двора в Царское. Сегодня была во дворце вторая партия депутатов от польских крестьян.

8 мая. Утром всеподданнейший доклад. Государь выразил желание, чтобы я был у ген. Муравьева, который, по мнению

---

[563] Снискание благоволения.

его величества, действительно болен. Я поехал туда прямо из дворца, побывав на пути у герц. Мекленбургского. Виделся с виленским героем, который мне не показался очень болезненным. Все тот же Михаил Николаевич, который здесь описан в 1859 и 1860 годах. Только как бы «в случае», так сказать, с педалью. Вечер дома.

9 мая. Утром заседание раскольничьего комитета у гр. Панина. Вечером был у меня Н. Милютин. Речь о предполагаемом упразднении монастырей и т. д. по Царству Польскому. Впрочем, разговор неутомительный, потому что Милютин привык говорить один.

10 мая. Утром у обедни. Был у ген. Муравьева, по его желанию, Semper idem[564]. Говорят, что после первого моего посещения 8-го числа он сказал: «У министра внутренних дел прорвался нарыв». Он, впрочем, вправе так выражаться, и это право ему даровано высочайше. Заезжал к фрейлине Эйлер, которая едет на Кавказ или за Кавказ исправлять должность гофмейстерины вел. кн. Ольги Федоровны. Вечером дома.

11 мая. Утром Государственный совет. Потом особое совещание по поводу высочайших указов на случай отъезда его величества. Потом Главный комитет. Обедал у вел. кн. Елены Павловны, которая отъезжает на днях за границу.

12 мая. Утром Комитет министров. Потом Западный комитет.

Мысль об уходе от настоящей должности и выход из службы меня преследует постоянно. Нет дня, в котором я бы не останавливался на ней по нескольку раз. Кто из тех, которые меня ежедневно видят и со мною имеют дело, знают, что у меня происходит в уме и лежит на сердце. Хожу по своему кабинету и громко говорю сам с собою. Быть может, давно следовало уйти. Быть может, слабостью было оставаться до-

---

[564] Вечно одно и то же.

селе. Быть может, я слишком много думал о тех, на ком тяжело должна отразиться перемена во внешних условиях моей жизни. Но я жду того знака, который мне мог бы дан быть всеблагим промыслом. Он мог бы быть подан. Следовательно, он будет подан. Отчет мною не представлен. Несколько важных дел не закончены. Недоумеваю, колеблюсь, молюсь, уповаю и жду.

13 мая. Утром дома. Доклады. Вечером заседание по раскольничьему вопросу у гр. Панина. Последние вопросы пройдены.

14 мая. Утром был с женою в Императорской публичной библиотеке. Вечером дома.

15 мая. Всеподданнейший доклад в Зимнем дворце, куда государь приехал из Царского для смотра. Встретил там ген. Муравьева. Государь говорил о полученной от него записке [287[a]], которую назначено рассмотреть в его присутствии в Западном комитете. Государь явно тяготится Муравьевым и, несмотря на то, считает его необходимым.

Вечером дома.

16 мая. Утром заседание в Департаменте экономии по вопросу о петербургском бюджете. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны, между прочим с Киселевыми. Вечером читал записку Муравьева, которую государь приказал сообщить кн. Долгорукову и мне до заседания, назначенного на завтра. Записка — faclinn[565], достойный автора. Сообщил мои впечатления кн. Долгорукову, по его желанию, и послал копию с моих заметок кн. Горчакову.

17 мая. Утром у обедни. Потом с 1 час. до 6 заседание Западного комитета. Кроме членов и ген. Муравьева, присутствовал Н. Милютин, говорящий и действующий заодно с Муравьевым. Держал себя по возможности на втором плане.

---

[565] Дело.

Накануне отъезда государя всякий éclat[566] неуместен и несвоевременен. Нужно довольствоваться спасением важнейших начал и выигрывать время. Кн. Гагарин, к крайнему моему удивлению, держал себя отлично. Кроме военного министра, его брата и клеврета Зеленого, никто не был поклонником виленских теорий [288]. Вечером дома.

18 мая. Утром Государственный совет. Потом комитеты Сибирский, Кавказский и Остзейский. В последнем председательствовал в первый раз Гринвальд, и сам откровенно объяснил, что если бы дело шло о лошадях или было с лошадьми, то он бы с ним управился лучше. Вечером был Потапов для конфиденциального сообщения, что ген. Муравьев его себе просит помощником в Вильно.

19 мая. Утром у гр. Панина. Последнее заседание по вопросу о раскольниках. Потом Комитет министров. Потом комитеты Западный и Польский. Всего вообще 7 час. сряду с 11 до 6 ¼. Невыносимо. Сегодня я опять избегал прямого участия в прениях. Зеленый и оба Милютины дружно вторят Муравьеву.

20 мая. Утром дома. Разные доклады. После обеда прогулка пешком. Вечером некоторые посетители.

21 мая. Утром заседание Западного и Главного комитетов. Потом обед у Грейга в честь именин вел. кн. Константина Николаевича. Вечером дома.

22 мая. Утром в Царском Селе. Доклад. Простился с государем. Потом был у ее величества ради объяснения насчет частей моей деятельности, которых она не одобряет. Впрочем, весьма благосклонное объяснение и прощание. Обедал и вечером дома. Нездоровится. Я устал.

23 мая. Утром работал. Заезжал к Муравьеву, который завтра отправляется в Вильно, но не застал. Вечером за работой.

---

[566] Нескромность.

24 мая. Утром начал пить мариенбадскую воду. Скучная ходьба по улицам. Был у обедни. Затем целый день дома.

25 мая. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Вечер дома.

26 мая. Утром Комитет министров. Потом Польский комитет по вопросу о монастырях. Обедал в Английском клубе. Вечером переехал на дачу. Кн. Горчаков провожал ген. Муравьева в воскресенье на станции железной дороги. И. и. величества сегодня уехали за границу.

27 мая[567]. Целый день на даче. Читаю записки гр. Моллиена (Mem. d'un ministre du trésor[568]) [288[a]]. Замечательная книга. Она производит на меня впечатление, однородное с книгою Токвиля «L'ancien régime et la révolution»[569] [289]. Целые страницы как будто для нас написаны.

28 мая. На даче. Заезжал к Рейтерну и к кн. Кочубей. Утром у обедни.

29 мая. Утром в городе заседание регентства — комиссии. Между прочими важными делами мы разрешили военному министру отпуск для 4-х лошадей какого-то саперного батальона сухого фуража вместо подножного корма!

30 мая. На даче. Погода ясная. Плохо работается. Сегодня наконец наведен Троицкий мост. Замечательный пример пренебрежения к публике и самоуправной оплошности отдельного правительственного ведомства.

Панин говорил мне вчера, что работа нашего раскольничьего комитета повезена Ахматовым в Москву к Филарету с высочайшего разрешения. Мне государь об этом не сказал ни слова. Не изумляюсь, но жаль, что это может не изумлять.

---

567 *После* 27 мая *следует:* на Аптекарском острове. *(Т. II, л. 92 об.).*

568 Записки министра казначейства.

569 «Старый порядок и революция».

31 мая. Утром у обедни. После обеда заезжал к Скарятину. Видел у него несколько новгородцев. Введение земских учреждений, по-видимому, и там будет делом нелегким.

1 июня. Утром Государственный совет. Дело об учреждении попечительства по делам о народных училищах на основании полуапокрифной посмертной записки гр. Блудова. 18 голосов против, 16 — за [289[a]]. Потом заседание Польского комитета с Западным. Потом один Польский по весьма опрометчивому предложению гр. Берга изменить высочайшим указом статуты железных дорог в Царстве. В заседание был приглашен один из директоров железных дорог бар. Мухвиц, приехавший из Варшавы. Вечером на даче.

2 июня. Утром в городе. Комитет министров. Потом Западный. Потом Польский с Западным. Потом Польский (я ошибся, приписывая эти заседания вчерашнему числу. Вчера было заседание регентства). Вечером на даче.

3 июня. Утром в городе. Совещание у меня по пермскому делу. Министр финансов с приглашенными, по его желанию, Домантовичем, Арапетовым и Антиповым, гр. Стенбок удельный, несколько пермских землевладельцев (гр. Строганов, гр. Шувалов, Муханов и гр. А. Стенбок) и я. Почти безрезультатное совещание. Затем на даче.

4 июня. На даче. Работал.

5 июня. Утром в городе. Заседание регентства. Обедал на Каменном острове у принца Ольденбургского. Dîner décousu[570]. Состав общества довольно разношерстный. Вел. кн. Екатерина Михайловна и Краббе, M-me Kisseloff и Бутков.

6 июня. На даче. Вечером заседание у меня под председательством Панина по делу о проекте морской тюрьмы. В военном министре неприятная черта. Он не любит, чтобы

[570] Неудавшийся обед.

кто-либо мог сделать что-нибудь прежде его, могущее обратить на себя, внимание государя.

Получил по телеграфу от Тимашева уведомление, что сегодня расстреляны в Казани 4 главные деятеля тамошнего прошлогоднего заговора, Иваницкий, Мрочек, Станкевич и Кевневич.

Вчера и сегодня писал много писем, между прочим, к кн. Долгорукову, к Тимашеву и Ливену.

7 июня. Утром у обедни. Целый день дома. Pfingsten, der herrliche Tag, mal gekommen[571]. Кабы легче было на сердце и в мысли!

Вечером неожиданно прибыли наши Голицыны.

8 июня. Утром в городе. Заседание регентства. Вечером на даче.

9 июня. Утром Комитеты министров. Главный с Департаментом экономии и Главный. Затем дома. Вечером у кн. Кочубей.

10 июня. Целый день на даче. Новые заботы насчет здоровья дочери и устройства ее поездки за границу.

11 июня. На даче. Работал.

12 июня. Утром заседание регентства. Потом Польский комитет, где по вопросу о займе Польского банка Н. Милютин и Чевкин по обыкновению противодействовали предположениям гр. Берга, первый с особою настойчивостью и желчью. Обедал у вел. кн. Екатерины Михайловны.

13 июня. Утром в городе. Заседание Департамента экономии по делам о новых правилах для Нижегородской ярмарки и о передаче строительной части в ведомство Министерства внутренних дел.

14 июня. Утром у обедни, заезжал к гр. Борх. Затем дома. Написал по киевским делам [290] длинное письмо Галагану.

---

[571] Чудесный день Троицы, наконец, наступил.

15 июня. Утром Государственный совет. Потом заседание регентства без вел. князя, который нездоров. Потом заседание до 6 часов в Департаменте экономии, по тем же делам, как и третьего дня. То и другое проведены, но Чевкин невозможен. Это воплощенная задвижка. Татаринов по своей односторонности также до крайности утомителен. С ними иметь дело походит на пытку.

16 июня. На даче. Сегодня около 3-х часов послышалось мне несколько выстрелов как будто из пушек приближающегося парохода. При двух последних зазвенели окна. Оказалось, что это были взрывы на Охтинском пороховом заводе. Выйдя на берег Невы, я увидел над Выборгскою стороною поднимающееся столбом к небу густое белое облако дыма. Подробностей еще не знаю [291].

17 июня. На даче. Нового нет.

18 июня. Утром в городе. Провожал Голицыных на станцию железной дороги. Потом на даче.

19 июня. Утром в городе. Заседание регентства. Вечером у гр. Борх.

20 июня. Утром работал. Вечером у кн. Кочубей.

21 июня. Утром у обедни. Целый день на даче.

22 июня. Утром Государственный совет, где 2 часа спорили о humaniores в гимназиях. Чевкин и Панин настаивали на изгнании латинского языка из половины гимназий. К ним присоединились гр. Адлерберг, Павел Муханов и Метлин. 23 других члена остались при противоположном мнении [291[a]]. Потом заседание регентства. Бутков и кн. Гагарин сообщили мне, incredibile dictu [572], что считают нужным упразднить Главный комитет. Я имел в виду то же самое на то время, когда поставлю вопрос о моем выходе из Министерства. Но теперь, признаюсь, не ожидал встретиться с кн. Гагариным и

---

[572] Невероятную вещь.

Бутковым на пути к одной цели. Впрочем, вскоре объяснились, по каким тропинкам они вышли на этот путь. Вел. кн. Константин Николаевич оставил за собой титул председателя в этом Комитете. Предвидится его возвращение. Дело в том, чтобы ему не председательствовать, а, следовательно, упразднить комитеты.

23 июня. Утром Комитет министров. Потом Главный комитет. Обедал у Нэпира. Вечером дома.

24 июня. На даче. Работал целый день, что весьма утомительно при водопитии. Погода целый месяц стоит прекрасная.

25 июня. Ездил в Кронштадт с кн. Гагариным, Зеленым, Потаповым и несколькими другими лицами на пароходе «Нева». Краббе показывал нам батарею «Первенец», одеваемый бронею фрегат «Севастополь», пароходный завод и т. д. Вернулся в 7-м часу вечера. Многое сделано в последнее время по морскому ведомству и по части укрепления Кронштадта. Северный фарватер теперь защищается вполне надежно.

26 июня. Утром в городе. Заседание регентства. Ничего важного. Но вне регентства важно сильное распространение сибирской язвы в Новгородской, С.-Петербургской и Олонецкой губерниях. Обедал у гр. Борх. Вечером дома.

27 июня. На даче.

28 июня. Утром у обедни. Заезжал к кн. Кочубей и к ее дочери Трубецкой — неприятная жеманность.

29 июня. Утром у обедни. Потом в городе. Заседание регентства. Затем дома.

30 июня. Утром в городе. Прием просителей. Потом Комитет министров. Потом Западный. Вечером дома.

1 июля. На даче. Работал. Получены бумаги из Киссингена [292]. Государь утвердил мое мнение по возбужденному ген. Муравьевым вопросу о распространении действий поверочных комиссий на некоторые поземельные участки ковенских крестьян в пределах Ковенской губернии[85].

2 июля. На даче. Сегодня утром уехала Ольга [293] после 6-месячного жительства в нашем доме.

3 июля. Утром в городе, заседание регентства. Обедал у кн. Кочубей.

4 июля. Утром в городе. Потом ездил обедать в Ораниенбаум к вел. кн. Екатерине Михайловне. Вернулся на ночь.

5 июля. Утром у обедни. Потом был у Краббе просить фельдшеров морского ведомства, по случаю распространения сибирской язвы.

6 июля. Утром заседание регентства. Потом Государственный совет. Потом заседание Главного комитета и Департамента экономии.

7 июля. Утром в Комитете министров. Потом заседание Западного комитета.

8 июля. На даче. Нездоровье и доклады.

9 июля. Утром в городе. Последнее заседание регентства. Потом комитет по вопросу о морской тюрьме под председательством Панина. Панин положительно нездоров головой. У него есть какие-то особые приемы в некоторых случаях и какая-то внезапно появляющаяся спокойно-наивно-упорная тупость, которая невозможна при здоровом состоянии мозга. Я бы себя самого считал больным, если бы один так видел, но не я, а многие это наблюдают и видят. После панинского комитета — Главный комитет. Вечером по обыкновению дома.

10 июля. Государь приехал в Царское Село в 6 час. утра. Был в Царском с докладом, конечно, весьма кратким. Его величество в духе и добром здоровья. Сегодня же он едет в Красное Село или, если не сегодня, то завтра на несколько недель. Около 10-го августа предстоит поездка в Москву, а в конце августа снова отъезд за границу. Видел на столе его величества новый знак отличия, учрежденный для служивших на Кавказе. Видел гр. Ал. Адлерберга, который болен.

Вернулся на дачу к обеду, свободно вздохнул, войдя в сад, и призадумался над тем, что я видел и слышал. Есть над чем призадуматься.

11 июля. Дома. Работал. Погода прекрасная. Наслаждаюсь ею, солнцем, зеленью, голубым небом, теплым и тихим покоем вечера и ночи. Когда обращаюсь к ним, во мне все мирно и ясно. Мысль сама собой делается молитвой. Когда обращаюсь к кругу моей деятельности, во мне поднимается буря, кровь вскипает и тревожные мысли, и намерения быстро сменяются одни другими.

12 июля. Утром у обедни. Благодарственный молебен, по случаю окончания Кавказской войны. Сегодня по этому случаю радость в Красном Селе. Как я рад, что меня там нет. Обедал у Скарятина. Вечером дома. Занимаюсь отчетом.

13 июля. На даче. Работал.

14 июля. Также на даче. В городе не было заседания Комитета министров.

15 июля. На даче. Разные доклады. Обедал у Скарятина. Вечером был Нэпир.

16 июля. На даче.

17 июля. Утром в Красном Селе. Доклад его величеству. Il y a du froid[573]. Видел кн. Долгорукова. Semper idem[574]. Государь сказал мне, что он желает, чтобы я побывал в Киеве, чтобы лично посмотреть, что там делается. Его беспокоят тамошние несогласия между ген.-губернатором и Галаганом и разные толки о действиях тамошних мировых. Полагаю, что его величество еще более озабочивают толки о хохломанах, чем о хлопоманах. Мне не очень подстать это поручение. Я имел в виду проситься прочь после представления отчета. Колеблюсь. Сказал государю, что прошу позволения подумать и доложить в будущий раз. Вернулся на дачу к обеду.

18 июля. Утром в городе. Заседание Государственного совета и Главного комитета с Департаментами экономии.

---

[573] Сквозит холодное отношение.

[574] Все одно и то же.

Потом заседание Главного комитета. Бакинское дело [294] гр. Толстого.

19 июля. Утром у обедни. Потом на гонке судов речного яхт-клуба, куда на ½ часа приезжал государь, бывший на Елагине по случаю похорон гр. Барановой. Сегодня Потапов уезжает в Вильно на новое подвоеводство [295].

20 июля. На даче. Работал.

21 июля. Утром Комитет министров. Заезжал к Тимашеву, который был у меня вчера по возвращении из Перми.

22 июля. На даче. Работал над отчетом.

23 июля. На даче. Работал. Вчера был бал в Красном Селе soit disant[575] данный государю офицерами расположенных в лагере войск. Всегдашнее наше неумение. 2 тыс. офицеров ожидали, встречали и провожали государя и ни один не крикнул «ура!» На дороге от Красного Села к лагерю приказано было «кучкам солдат прогуливаться и веселиться».

Получил от Панина мнение митрополита Филарета по раскольничьему вопросу и от кн. Долгорукова чрез Урусова письмо Платона архиепископа рижского и митавского, достойное подписи полуграмотного дьячка. О, Русь!

24 июля. На даче. Государь отложил доклад до завтра. Тем более тому рад, что вместо Красного Села придется ехать в Царское.

Вечером заезжал кн. Долгоруков. Я был на кеглях и вошел к нему на несколько минут в карету, сказал, что поездка в Киев мешает мне исполнить вовремя предположение о подаче в отставку вслед за представлением отчета. Он не понимает, почему и для чего мне уходить. La position est difficile; mais il faut résister. L'Empereur est dans l'embarres, etc. etc.[576] Кн. Долгоруков не понимает, что можно опасаться себя дискре-

[575] Якобы.

[576] Положение сложное, но надо держаться. Император в затруднении и т. д.

дитировать и что дискредитированный министр государю не может быть полезен.

25 июля. Доклад его величеству в Царском. Моя поездка решена и государь одобрил мою программу, в которой определительно мною был изложен мой взгляд на дело. Обедал у его величества с Рейтерном, Головниным и И. М. Толстым. Die vorhandenen oder noch nicht abgespeisten Ministers wurden allergunstigst abgespeißt [577] . Вечером, наконец, продолжительное и, конечно, бесплодное совещание с кн. Долгоруковым, Тимашевым и Мезенцовым по неразрешенному вопросу о польских internés et déportés[578] и пр. Боятся их влияния у нас. Тютчев уже сказал, que s'est un poison que l'on avale pour s'en débarrasser[579]. Стараются изыскать меры, чтобы их сделать безвредными и, конечно, не находят. При тех условиях и формах высылки, которые приняты, в особенности ген. Муравьевым, можно только размещать высланных, как можно удобнее и обходиться с ними снисходительно. Это Министерство внутренних дел постоянно и делает. По временам пытаются придумать еще что-нибудь и, конечно, находят только то, что нужно положить предел высылкам. Но и об этом Министерство внутренних дел говорит, пишет и твердит около года. Donc rien de neni et il ne s'agit plus que de recommencer à s'en convaincre[580].

26 июля. Утром у обедни. Целый день на даче.

27 и 28 июля. Утром на даче. Работал. Вечером отправился с последним поездом на бал в Петергоф. Приехал к ужину. Государь сказал мне: «Vaut mieux tard que jamais. Je ne vous ai

---

[577] Присутствующие или еще не откушавшие министры прекрасно отобедали.

[578] Заключенных и сосланных.

[579] Это яд, который мы принимаем, чтобы от него избавиться.

[580] Следовательно, ничего нового, и остается только вновь начать себя в этом убеждать.

pas vu de la soirée»[581]. Я не объяснил почему, потому что вместо 9 пожаловал в 11½. Видел на балу M-me et Mlle Gerstenrweig. О, время! Сколько язв ты прикрываешь, если не излечиваешь. Два года тому назад Герштенцвейг уезжал в Варшаву. А потом... какой конец и какая память семейству. Ночевал в Петергофе. Видел Горчакова, который начинает шибко стареть, он пришел ко мне утром и говорил, между прочим, que «l'on me secoue tort»[582], но что он думает, что это безуспешно. — Je ne demande pas mieux que d'être secoué pour un temps[583]. Видел и Долгорукова. Кажется, «il baisse intellectuellement. La fatigue et le temps parlent sur le cerveau»[584].

Вернулся в город и был в Комитете министров. Потом в Главном комитете в соединении с Департаментом экономии. Дело о банке Malinori-Baberti. Из 9 или 10 членов собрания только трое, по-видимому, знали азбуку дела. Странное впечатление. И Россия стоит при таких коллегиях!

29 июля. Утром в городе. Заседание Польского комитета. Вопрос об училищной части.

30 июля. Не бывав 16 лет на охоте, охотился сегодня на préféré'ах[585] Когуна с 8 час. утра до 5-го. Потом у него обедал. Ездил туда с Скарятиным. Нужно было большое усилие, чтобы выдержать до конца утомительную ходьбу по кочкам и болоту. Прежде было не так. Прежнего не воротить.

31 июля. На даче. Доклады. Вечером был Тимашев.

1 августа. На даче.

2 августа. То же. Утром у обедни. Полправительства на маневрах. Дела дремлют. Впрочем, кстати. Погода снова ус-

---

581 Лучше поздно, чем никогда. Я не видел вас весь вечер.

582 Что меня сильно встряхивают.

583 Мне бы хотелось на время встряхнуться.

584 В умственном отношении он сдает. Усталость и время сказываются на его мышлении.

585 Излюбленных.

тановилась прекрасная, но уже есть осенняя печать на всем, даже на лучах солнца.

3 августа. Утром в городе. Заседание Польского комитета. Потом дома.

4 августа. Утром в городе. Комитет министров и Западный. Потом заседание Главного комитета. К обеду на даче.

5 августа. На даче. Доклады.

6 августа. Утром у обедни. Целый день на даче. Работал над отчетом.

7 августа. Утром в Красном Селе. Доклад. Государь говорил про Западный край и прибалтийские губернии, упомянул о неприятном впечатлении, произведенном на него крайним направлением, обнаруженным здесь ген.-м. Чертковым (который, кажется, думает этим путем попасть в киевские ген.-губернаторы), и вообще выражался так, как всероссийскому императору, а не московскому царю подобало. Возвратясь на дачу, я послал его величеству некоторые статистические сведения о народонаселении западных губерний в подкрепление высказанных мною по сему предмету мыслей и при записке [295[a]], в которой выражались некоторые другие мысли того же свойства.

8 августа. На даче. Работал. Вечером у кн. Кочубей.

9 августа. Утром у обедни. Днем дома.

10 августа. Утром в городе. Комитеты Польский и Главный. Особое совещание о преобразовании Оренбургского ген-губернаторства, происходившее по высочайшему повелению между военным министром, ген.-губернатором Безаком, ген.-ад. Тимашевым, Бутковым и мною. Дело в том, что еще зимою здесь составлялся план образования степного ген.-губернаторства в Оренбургской и Заоренбургской степи. Туда предполагался ген.-ад. Игнатьев, который и был главным сочинителем плана. Бутков, не жалующий Безака, ему содействовал. Между тем Игнатьев назначен в Константинополь.

Тогда вместо его предположено назначить Тимашева, которому было подстать принять собственно Оренбургское, а не Заоренбургское ген.-губернаторство, потому что его имение недалеко от Оренбурга, требует его присмотра. Тимашев подал государю записку, которая в ожидании приезда ген. Безака и в предвидении нежелания с его стороны остаться на нынешнем месте была предварительно одобрена. Но Безак, приехавши, вовсе не обнаружил желания оставить свое воеводство. Inde[586] сегодняшнее совещание, которое, конечно, не привело ни к каким положительным результатам.

Государь возвратил мне мою записку от 7-го чрез кн. Долгорукова, написав на ней: «Все это справедливо и доказывает мне еще раз, что наши взгляды совершенно одинаковы; желал бы, чтобы другие органы правительства их разделяли». Долгоруков, которому, по-видимому, записка была передана для прочтения, сказал мне: «c'est très flatteur; mais en attendant on laisse chacun agir à sa guise»[587] [86].

Вечером дома.

11 августа. Утром в городе. Комитет министров, куда я приехал к самому концу и где, впрочем, не было надобности мне быть ранее. Оттуда на дачу. Работал.

12 августа. Утром в Царском Селе. Совет министров. Вопрос о раскольниках. Мнение митрополита Филарета оказалось как бы «non avenu»[588]. Дело прошло целиком в том виде, в каком вышло из Комитета под председательством гр. Панина и прошло легче и глаже, чем я ожидал. Кн. Гагарин пытался переманеврировать дело в Государственную канцелярию, но без успеха, он также предлагал, неизвестно почему,

---

[586] Затем.

[587] Это очень лестно, но пока что позволяют действовать каждому по его усмотрению.

[588] Недействительно.

подчинить раскольников контролю земства и т. п. Все это осталось втуне. Кн. Урусов держал себя очень хорошо[589].

Вечером дома. Massignac и более никого. Он уверяет, что лорд Нэпир сюда не вернется.

В Царском Селе виделся и прошелся по саду с кн. Горчаковым. Он едет в отпуск, за границу. Говорит, что устал, что свое дело кончил и т. п. Полагаю, что он недоволен тем, что государь не берет его за границу с собой и едет туда на свою руку, чтобы быть под рукою. Кроме того, особое расположение, которое императрица оказывала в Киссингене бар. Будбергу, ему было неприятно.

13 августа. Утром в Царском Селе. Доклад у государя. Он благодарил за раскольничье дело и вообще был очень любезен. Едет завтра в Москву и возвращается 20-го[87].

Вечером дома

14 августа. На даче. Доклады.

15 августа. Утром у обедни. Целый день на даче. Работал над отчетом.

16 августа. На даче. Продолжал работу над отчетом, который приводится к концу.

17 августа. Утром в городе. Комитет финансов. Потом на даче. Я получил 14-го числа вечером прискорбные вести из Киева. Сын опасно болен грудью [296]. Ему нужно немедленно отправиться за границу. В тот же день телеграфировал Анненкову в Киев и ген. Забудскому в Ставрополь, прося уволить в отпуск другого сына для сопровождения брата. Писал к Долгорукову, который в Москве с государем и военным министром, об увольнении сыновей за границу. Сегодня утром получил ответ о последовавшем на то разрешении. Из Киева ответа еще нет.

---

[589] *Фраза написана на полях.*

18 августа. Утром в городе. Комитет министров, потом Польский. Потом на даче.

19 августа. Утром на даче. Обедал в городе у Головнина с Орловыми. Вечером дома.

20 августа. Утром в Царском Селе. Совещание у его величества по польским делам. Вернулся к обеду.

21 августа. Утром в Царском. Доклад у его величества. Был потом на скачках. Maigre spectacle[590]. По случаю непрерывного ряда пожаров в Симбирске, туда командируется ген.-ад. бар. Врангель. Он сегодня уехал. За ним последует завтра флиг.-ад. Эссен. Простился с государем, который завтра уезжает снова за границу.

22 августа. На даче. Симбирск окончательно выжжен [297]. Подозревают поляков в войсках. Народ убил одного офицера Самарского полка. Отправляю туда сегодня ген. Галлера и двух других чиновников от Министерства.

23 августа. Утром у обедни. Работал. На днях несколько раз виделся с приехавшим из Киева гр. Бобринским. Il est monté par ce qui se passe là bas; c'est un loyal gentilhomme; mais pourquoi parle-t-il beaucoup lui-même de sa loyauté?[591]

24 августа. Утром в городе. Заседание Главного комитета по пермскому делу [298]. Прежняя отвратительная замашка подозрениями и намеками искажать дело, обвинять каждого помещика, говорить об одних крестьянах и выбрасывать с легкой руки за окно всякое понятие о праве и справедливости. К крайнему моему удивлению, Тимашев, присутствовавший в заседании, спасовал, как говорится, совершенно. Он сказал только несколько слов и то по моему вызову, и притом без всякой положительности и решимости. Заключения не постановлено. Оно отложено до другого раза. После было со-

---

[590] Жалкое зрелище.

[591] Он возмущен тем, что там происходит. Это лояльный дворянин, но почему он много говорит сам о своей лояльности.

вещание по киевскому делу при гр. Бобринском [299]. Здесь он играл довольно жалкую роль. Невольно думается, за ним должен быть какой-нибудь небольшой грех по составлению его уставных грамот. Он не имеет духа в том сознаться и, чтобы скрыть его, бьет только на перемену или точнее отмену правил о пересмотре грамот. Вечером, как всегда, дома.

25 августа. Утром в городе. Комитет министров и потом Польский. Вечером дома.

26 августа. На даче. Доклады. Нового мало или нет.

27 августа. На даче. Кончил работу по отчету[88].

28 августа. Утром в городе. Заседание регентства. Потом Кавказский комитет по вопросу о Закавказской железной дороге [300]. Толчение воды et sans grâce[592]. Обедал у кн. Кочубей.

29 августа. На даче. Работал. Нездоровится.

30 августа. Не поехал в Лавру. Чувство нездоровья продолжается. Притом, кажется, там нечего было делать. Молебен был cavalièrement[593] назначен к отслужению до обедни.

Осень. Желтые листья не только испещрили деревья, но и начинают застилать дорожки в саду. Все как-то дышит прощаньем. Мне предстоит далекий путь. Мои сыновья также далеко и воспоминание о них часто жжет душу. Мягко и грустно на сердце. Чувствуешь, что слезы недалеко, просятся в глаза. Вздыхаешь, и чтобы не пустить их туда, обращаешь себя насильно к чему-либо менее близкому.

1 сентября. Утром в городе. Был у вел. кн. Николая Николаевича откланиваться. Довольно продолжительный разговор на киевские, виленские и общие темы. С его стороны, как всегда, много здравого смысла. Потом заседание регентства.

2 сентября. На даче. Разбирал бумаги и укладывался.

---

[592] Беспощадно.

[593] Ловко.

3 сентября. На даче. Подписал отчет [300[a]]. Продолжаю сборы к дороге.

4 сентября. Утром в городе. Заседание регентства. Потом Главный комитет по пермскому делу. Ген. Тимашев, по-видимому, удовольствованный полученным 30 августа Белым орлом, не дождался совещания по делу, по которому он два раза был в Перми, и в котором ему надлежит принять на себя порядочную долю ответственности. Он уехал к себе в деревню, даже меня не предуведомив. Остался Лашкарев без дара логики и слова. Панин один поддерживал мое представление. Я молчал до конца и потом ограничился указаньем на односторонность суждений и прямым упреком министру финансов в несправедливости. Кн. Гагарин, имевший по обыкновению записку в запасе, предложил передать на обсуждение Рейтерна и мои постановляемые в ней вопросы. Я, конечно, согласился. Таким образом, дело обеспечено до моего возвращения[89]. Вечером дома.

5 сентября. Выезжаю сегодня. Да благословит бог мой путь.

В городе 8 октября. Возвратился сегодня утром. Между тем я лишился сына. Бедный Саша скончался 24 сентября в Бадене. Один из наших с нами расстался. Оторвалось что-то от сердца и перенеслось за рубеж, который и мы перейдем в свое время. Одной любовью, одним сожаленьем, одною надеждой для меня менее. Предметов любви и сожаления немного. Надежд еще менее.

Что касается до пути, то благодарю бога. Он, по-видимому, благословил его. Поездка совершена быстро, при благоприятных условиях, кажется, не без пользы. Что я видел — неутешительно с точки зрения администрации. Что нахожу здесь, еще менее утешительно.

9 октября. Заходил в Казанский собор. Впрочем, целый день дома.

10 октября. Утром заезжал к принцу Ольденбургскому и ездил представляться вел. князю [301], который много говорил об incident Schédo-Ferroti [302] и о пожарах. Регентство очень расходилось по тому и другому поводу. Головнин писал к государю, который будто бы сказал, что он, т. е. Головнин, оказал вел. кн. Константину Николаевичу медвежью услугу. По части пожаров после безуспешной поездки Врангеля поручено было съездить в Симбирск из Казани Кноррингу. Это не администрация, а игра в генералы. Теперь следствие снова начинает Жданов на правах ревизующего сенатора [303]. Жданов сделался не только сенатором, но и необходимым и единственным!

11 октября. Утром у обедни. Заходил к товарищу [304], который болен. Вследствие этого я вынужден вступить в управление Министерством ранее, чем я предполагал.

Для рассмотрения моего отчета назначена комиссия под председательством гр. Панина из кн. Долгорукова, кн. Суворова, Бахтина и Муханова. Но государь, по-видимому, не читал отчета. На первый взгляд, казалось бы, что мой труд был напрасным. Но отчет писан не для одного высочайшего прочтения. Он должен был быть документом в память и очистку моего управления и этот документ не утратит своего значения. Что же касается до несколько неприятного ощущения, производимого нечтением подобной работы, то я к ощущениям этого рода привык и достаточно равнодушен.

Гр. Панин был у меня вчера. Quel abîme de petites choses que tous ces gens là[594]. Сегодня был пр. Ольденбургский. Он находит, что молодое женское поколение потеряно для правительства, потому что государыня императрица не согласилась принять женских гимназий в свое ведение, сиречь в ведение IV отделения. «Chez nous, au moins, — говорил

[594] Какая бездна мелочей — все эти людишки!

принц, — les sentiments pour l'empereur et l'impératrice sont conserves»[595]. Здесь также есть над чем призадуматься. Принц верует в лаборатории верноподданнических чувств[90]. Он готов дойти, сам того не замечая, до предположения, что 70 мил. людей воспитываются, живут и умирают pour l'empereur et l'impératrice[596].

12 октября. Дома работал.

13 октября. То же.

14 октября. Принимал доклады по-прежнему. Болезнь моего товарища заставляет снова нести весь труд управления Министерством.

15 октября. Дома. Работал. Много толков в городе о моем выходе из Министерства. Милютинская партия говорит, au dire du P-ce Souvoroff que j'en ai pour 15 jours[597]. Другие утверждают, что меня назначают в Париж; третьи прочат на место кн. Горчакова. Между тем я полагаю просто уйти на время от невозможного положения дел и писал Менгдену в Франкфурт, прося осведомиться насчет квартиры в Висбадене[91].

16 октября. Утром регентство. Заседание прошло без особых эпизодов. При мне как-то менее размашисты кн. Гагарин и Бутков.

17 октября. Работал.

18 октября. Утром у обедни. Видел у гр. Орлова-Давыдова прекрасный картон Овербека: Sacramentum penitentiae[598], заказанный графом для Московского музея.

---

[595] «У нас, по крайней мере, — говорил принц, — чувства к императору и императрице сохранились».

[596] За императора и императрицу.

[597] По словам кн. Суворова, что мне осталось [пробыть] еще две недели.

[598] Таинство покаяния.

19 октября. На днях гр. Адлерберг сообщил мне телеграфически приказание государя известить кн. Горчакова и меня, что его величество прибудет в Царское Село 20-го утром. Следовательно, нужно там быть.

Сегодня Государственный совет. Вопрос о классах и штатах по судебному ведомству, один предмет реформы, которого не успели провести на почтовых во время моего отсутствия. Несмотря на неприличную попытку Буткова эскаматировать статью о классах, я задержал обе. Председатель согласился возвратить дело в департаменты.

20 октября. Прием посетителей. Комитет министров, Западный и Польский.

Сегодня возвратились из-за границы Голицыны и сын мой Петр; они привезли с собою тело покойного Саши. Мы ездили с женою встречать его в Александро-Невском монастыре, где оно поставлено в холодной церкви впредь до предания земле.

21 октября. Заседание соединенных департаментов по вопросу о штатах и классах судебного ведомства.

22 октября. Утром в Невском. Отдали последний долг покойному. Он похоронен недалеко от матери. Я никого не приглашал и не оповещал. Были весьма немногие. Человека три из его товарищей по батальону и один по кавалергардскому полку. В том месте, где я случайно стоял в церкви, была прибита к стене доска с надписью: «Упокой, господи, душу раба твоего Александра». Как будто для него.

23 октября. Приезд государя еще отложен. Он будет 26-го. Король прусский задержал его для охоты. Но это не мешает делам. Сегодня уже получено приказание приготовить парад на среду, 28-е.

Утром заседание регентства, последнее. Потом Главного комитета.

24 октября. Утром работал. Потом был у великих княгинь Марии Николаевны и Елены Павловны. Первую не застал,

вторую видел. Разговор довольно продолжительный касался большею частью заграничных дел и брошюры Шедо-Ферроти.

25 октября. Утром у обедни. Выезжал перед обедом. Работал.

26 октября. Утром в Царском Селе. Приезд государя. Он опоздал тремя часами и приехал в ½ 4-го. Обычная при этом суета. Видел его величество на несколько минут и получил приказание вернуться завтра. С государем возвратился и вел. кн. Константин Николаевич. Вернулся в город в 6-м часу.

27 октября. Утром в Царском. Род краткого доклада. Некоторое объяснение по моей поездке на юг. Остальное отложено до пятницы.

28 октября. Утром у вел. кн. Константина Николаевича. Довольно продолжительная и довольно миролюбная аудиенция. Оттуда отправился в Правительствующий сенат, где я заседал в первый раз на основании новых правил. Мне осталось от него благоприятное впечатление. Сенат, хотя я его видел в будничной форме, благоприятнее Государственного совета в праздничной. В первом есть традиции. Их следы видны. В последнем всего виднее канцелярия[92].

29 октября. Утром разные доклады. Ко мне приезжали Огарев с обычным сумбуром в голове насчет нижегородских дел и кн. Долгоруков. Говорил ему о моем намерении очистить место для другого и о поводах к тому. Он, конечно, опровергал мой тезис, но присовокупил, что о моем взгляде на дело он, однако же, скажет государю.

30 октября. Утром в Царском. Доклад. Остался там обедать. Es wurden zwei Minister abgespeist[599] — Рейтерн и я. Кн. Гагарин был третьим.

---

[599] Wurden *написано дважды.* Обедали два министра.

31 октября. Нездоров. Однако же был в Министерстве. В городе, где недавно говорили о моем увольнении, теперь говорят, что у меня было объяснение с государем, что мы будто поцеловались и что я «rayonnant»[600]. Нечего сказать, il y a de quoi rayonner[601].

1 ноября. Утром у обедни. Заезжал к лорду Нэпиру, который вчера был у меня, прощаться. Потом по обыкновению дома.

2 ноября. Утром Государственный совет. Затем Главный комитет до 6 часов вечера. Кн. Долгоруков сказал мне, что государь отозвался с сожалением о том, что я могу предполагать какую-либо перемену с его стороны. Посмотрим.

3 ноября. Комитет министров. Обедал у кн. Трубецкой (Белосельской). Между прочим, с новым французским послом бар. Талейраном.

4 ноября. Дома. Разные доклады.

5 ноября. Утром на похоронах гр. Юлии Строгановой. Потом Совет министров в городе. Записка кн. Гагарина о порядке приведения в исполнение судебной реформы, это была новая попытка выхватить высочайшую отметку, которую потом можно было бы противопоставлять как высочайшую волю всякому возражению. Попытка не удалась. Государь приказал записку внести в Совет министров [305]. Там ее разбить было нетрудно. После этого разбития государь обратился к Совету с аллокуцией, в которой, указывая на отсутствие согласия между министрами и единства в направлении их действий, напомнил им об обязанности признавать себя солидарными по общим делам администрации и, между прочим, сказал, что каждый из них занимает свое место по его доверию, и что если они друг другу не

---

600 Сиял.

601 Есть отчего сиять.

оказывают уважения, то, по крайней мере, обязаны оказывать это уважение его доверию. Выходя из кабинета, все спрашивали: «До кого должно относиться то, что мы слышали?» Никто не узнавал себя в картине. Кн. Долгоруков, Панин и я не делали этого вопроса, потому что знали, что до нас это не могло относиться. Бутков, ожесточенный разбитием гагаринской записки, им сочиненной, еще более был ожесточен речью государя. Он чувствовал, что по его проискам против меня оно могло и к нему относиться. Кн. Гагарин был смущен. Милютин обратился с вопросом ко мне, потому что знал, что и он не без упрека именно в отношении ко мне. После Совета тяжелое и длинное заседание Польского комитета.

6 ноября. Утром в Царском. Доклад. Государь сказал мне, что просит не сетовать на него за то, что вчера им сказано, и удостоверил меня в продолжении ко мне своего доверия. Но форма его объяснения, как нередко случается, была довольно странная. Например, он рассказал мне, что Рейтерн, по случаю разных о нем толков, отозвался, что он не обращает на них внимания, потому что знает, что если его величество перестанет иметь к нему доверие, то его «прогонит». Государь с похвалою говорил об этом отзыве. Таким образом, министры должны быть покойны, пока они не прогнаны. Я тихо сказал государю, что есть и другой способ ухода, а именно, сознание перед ним в бессилии продолжать исполнение своих обязанностей при известных обстоятельствах и условиях. Мысль государя была, очевидно, та, что, в случае перемены расположения к министру, сей последний узнает о том прежде всего от самого государя, а не от других. Это гораздо лучше прогнания, но и здесь кроется некоторая ошибочность воззрений. Государь не предполагает, что и при его доверии ноша может быть слишком тяжелой, и что выход из Министерства не всегда кажется бедою в глазах выходящего. Дело в том, что доверие нужно не только к лицу, но и ко взгляду, а

так как взгляд должен быть один, то нужно преимущественное доверие по вопросам общим ко взгляду одного из министров. Государь решает разногласия по своему усмотрению. Но, таким образом, все управление для него становится рядом обрубков, если он сам не принимает на себя обязанности непрерывно связующей и руководящей мысли. Это значит быть самому первенствующим министром. Государь тем и хочет быть, но, к сожалению, это невозможно. В наше время нельзя быть и военным царем, и гражданским первым мужем Совета. Inde[602] все наши затруднения. Обедал у вел. кн. Елены Павловны.

7 ноября. Утром снова в Царском. Особое совещание у го-сударя, кн. Долгоруков проводил мысль d'un conseil resereint[603], высказанную им еще в марте месяце этого года. По дознанной непригодности многоголового и многоязычного Совета министров к направлению дел кн. Долгоруков желает, чтобы по важнейшим вопросам государь выслушивал предварительно несколько особо доверенных лиц, которым, таким образом, было бы предоставлено главное совещательное в делах участие, и которым впоследствии должны были бы подчиняться другие. На первый раз поводом к совещанию послужила весьма незрелая и поверхностная записка полк. Мезенцова об общем положении дел в империи. В ней были затронуты вопросы польский, прибалтийский, финансовый и вопрос о революционной пропаганде в Приволжском крае. Призваны были к государю кн. Долгоруков, кн. Гагарин, гр. Панин и я. Кн. Горчаков и военный министр, в то же самое утро бывшие у государя с докладом, не были приглашены. Государь еще раз, и на этот раз гораздо правильнее, развивал тему своей аллокуции. Он признал право уходить, в случае

[602] Отсюда.

[603] Об малом совете.

несогласия своих воззрений с взглядом его величества, но настаивал на солидарности и согласии действий тех министров, которые не уходят. Затем он сказал кн. Гагарину весьма мягко, но положительно, что Государственная канцелярия вышла из своей роли и присвоила себе значение и положение, ей не принадлежащее. При совещании затронуты вопросы о перемене главных начальников в юго-западных и прибалтийских губерниях. Вообще, хотя особых результатов это совещание не имело, оно должно быть признано удовлетворительным, потому что ни один вопрос не предрешен опрометчиво и не постановлен косо. Мы все остались в Царском к обеду. Кроме нас, обедали вел. князья, гр. Адлерберг старший и кн. Горчаков. Последний в ненормальном положении. Он явно и даже неловко раздражен à l'article de la France et du bar. Budberg[604]. Его значение, видимо, слабеет и досада, с которою он старается его за собою удержать, приносит ему мало пользы[93]. Мне кажется, что он сохранит свой пост до лета. Пока императрица в пределах Франции, и государь, вероятно, располагает быть в Париже, Будберг там нужен. Когда он перестанет быть там нужным, Горчаков будет здесь не нужен. В то время многие так думали. Но государь нелегко меняет людей, к которым он привык, и скоро назначение бар. Будберга сделалось невозможным, потому что он немец, а кн. Горчаков сделался и отчасти постарался сделаться в глазах нашей прессы представителем русского элемента.

8 ноября. У обедни. Несколько визитов. Между прочим, был у Геверса, который вместе с нами и многими другими крепко жалеет об отъезде Нэпира.

Вечером был у меня царскосельский уездный предводитель Платонов по приглашению моему вследствие возникших

---

[604] В отношении Франции и бар. Будберга.

по случаю одного из моих циркуляров недоразумений — Je l'ai trouvé plus facile à manier que je ne l'aurais pensé[605].

9 ноября. Утром Государственный совет. Потом заседание Польского комитета. Потом по обыкновению дома за работой.

10 ноября. Не ездил в Комитет министров, но был в Министерстве. Допрашивал эстляндских или, точнее, эстонских крестьян из Лифляндской губ., которые подали просьбу государю. В тамошнем сельском населении есть движение, и между ним есть коноводы, заслуживающие внимания. Обедал у Головнина с вел. кн. Константином Николаевичем. Je crois qu'il avait voulu me compromettre[606].

11 ноября. Утром на станции Варшавской железной дороги. Провожал сына, уехавшего за границу. Да благословит бог его путь. Позже заседание Комитета финансов. Дело о внутреннем займе.

12 ноября. Совет министров в городе. Мой доклад по возникшему вопросу о применении судебной реформы к Прибалтийскому краю [305а]. Комиссия, учрежденная ген.-губернатором, оставлена в силе, и ему дана просимая им отсрочка. Кн. Гагарин и Бутков всячески интриговали в противном смысле, хотя сам Бутков всему imbroglio[607] причиной. Кроме того, Бутков был в высшей степени неприличен в заседании. Кончилось по-моему, но злоба этих господ еще выросла против прежнего[94]. Видел ген. Коцебу, приехавшего из Одессы.

13 ноября. Утром в Царском. Доклад. Вернулся в 3 часа и успел сделать несколько необходимых визитов. Вечером дома. Утомлен работой и, главное, безнадежьем. При несостоятельной системе, которою мы руководствуемся, или которой

---

[605] Оказалось, что он поддается влиянию гораздо легче, чем я думал.

[606] Я думаю, что он хотел меня скомпрометировать.

[607] Путанице.

следовать мы должны, окончательный успех невозможен. Мы только отсрочиваем кризис.

14 ноября. Целый день дома. 20° мороза. Чернила не замерзают.

15 ноября. Утром у обедни. Затем дома.

16 ноября. Не поехал в Государственный совет, где не было ни одного важного дела. Обедал у Геверса. Скучно, пусто, бесцветно.

17 ноября. Утром Комитет министров. Потом Западный комитет. Кн. Гагарин и Чевкин бессовестно настаивают на назначении губернатором сына первого, только что спасенного от суда во внимание к отцу за прежние вице-губернаторские грехи.

18 ноября. Утром в Сенате. Работал. Из Одессы прибыл кн. Воронцов вести здесь глупую тяжбу с ген. Коцебу.

19 ноября. Утром заезжал к Коцебу и Тройницкому. Доклады. Были у меня кн. Долгоруков с мелкими делами и Зеленый, которому государь передал записку об учреждении в союзе с Министерством государственных имуществ Министерства земледелия, Внутренней торговли и т. п. Государь приказал записку сообщить Рейтерну и мне.

20 ноября. Утром всеподданнейший доклад в Царском. Государь говорил о вышеупомянутой записке Рейтерну и мне. Ему нравится мысль о создании чего-то вроде Министерства земледелия и торговли, но он весьма неясно представляет себе совокупность условий исполнения. Зеленому, Рейтерну и мне поручено рассмотреть этот вопрос во всей подробности.

Получено известие об исполнении меры закрытия нескольких монастырей в Царстве Польском. Все обошлось гладко. Часть монахов застали пьяными. Другие сожалели о том, что их поили плохим вином, а хорошее осталось в их погребах. Никто или почти никто не изъявил сожаления монашеского. Руководили исполнением гвардейские офицеры,

и государь отзывался об их действиях с особой похвалою как прежний командир гвардейского корпуса.

Сегодня же подписан указ о судебной реформе. Государь сказал мне, что он выбрал для сего нынешнюю годовщину для подписания рескриптов по крестьянскому делу в 1857 году. Я заметил, что между двумя подписями 7 лет, кабалистическое число. Государь упомянул даже о том, что оба указа подписаны на одном и том же столе.

Обедал в Царском у его величества с вел. кн. Александром Александровичем, двумя Адлербергами и Рейтерном.

21 ноября. Утром у обедни. Потом заседание Департамента экономии по нашей дополнительной смете.

22 ноября. Утром у обедни. Выходил пешком. Более 15°С мороза.

23 ноября. Дома. Сказываюсь больным, чтобы не быть в разных комиссиях и успеть доделать начатую записку по делам Западного края.

24 ноября. То же.

25 ноября. Утром дома. Обедал у кн. Кочубей.

26 ноября. Ничего нового. На георгиевский выход не ездил.

27 ноября. Утром всеподданнейший доклад. Обедал в Царском с гр. Евдокимовым, Ахматовым и Рейтерном. Государь завтра переезжает в город.

28 ноября. Дома. Доклады. Работа.

29 ноября. Утром у обедни. Был на опыте тушения пожара по способу Ляпунова. Читал, что редко удается. Между прочим, в «Times» выписки из перевода «Иллиады» лорда Дерби. Какие люди и какое воспитание, какие нравы, какая подготовка для государственной деятельности!

30 ноября. Утром Государственный совет. Потом Главный комитет. Вечером дома.

1 декабря. Утром Комитет министров. Потом Западный. Потом Польский. Вечером на официальном приеме у английского посла.

2 декабря. Утром за работой. Обедал у пр. Ольденбургского.

3 декабря. Утром частное совещание у государя (кн. Долгоруков, кн. Гагарин, военный министр и я) по вопросам о смертной казни и конфискациях в Западном крае. Потом Совет министров по двум пустым запискам министра юстиции. Потом государь снова позвал в кабинет четырех вышепоименованных лиц и объявил, что к 1 января он намерен вместе с изданием указа о медали за усмирение мятежа пожаловать бриллиантовую шпагу гр. Бергу и алмазные знаки ордена святого Андрея ген. Муравьеву. Заезжал к Коцебу и к Гернгросу. Вечером дома.

Н. Милютину дана лента Белого орла, и он назначен членом Главного комитета.

4 декабря. Утром доклад у его величества. Получил приказание пригласить к особому совещанию по остзейским делам на понедельник[608] кн. Гагарина, кн. Долгорукова, кн. Суворова, Ахматова, кн. Урусова и Зеленого. Заезжал к кн. Воронцову.

5 декабря. Из Киева приехал ген. Анненков. Из Омска Дюгамель. Теперь 4 ген.-губернатора налицо, ожидается пятый Корсаков из Иркутска. Они убивают много времени у меня и других министров.

6 декабря. Утром малый выход. Заезжал потом к киевскому митрополиту и к гр. Борх. Государь принимал в Зимнем дворце депутацию московских единоверцев. Дело устроено митрополитом Филаретом и об.-прокурором Ахматовым. Речь была о снятии при участии восточных патриархов никоновского проклятия, с другой стороны, ввиду современных просьб других единоверцев об устройстве у них особой иерархии, демонстрация московских, признающих нашу, составляет противовесие, быть может, полезное[95].

---

[608] *Вместо* понедельник *в скобках написано:* на 7-е. *(Т. II, л. 112).*

7 декабря. Утром совещание у государя по остзейским делам. Вопросы не предрешены, что особенно было предметом моего старания, хотя и постановлены не совсем верно. У нас господствует теперь особый ветер, который все гнет на одну сторону. Потом Государственный совет. Сегодня в Комитете железных дорог обсуживался вопрос о направлении линии Южной железной дороги на Киев или Харьков и Кременчуг. Тот же вопрос обсуживался вечером в Географическом обществе дилетантами слов и дел. В Москве начинается открытая война между «Московскими ведомостями» и цензурою [306].

8 декабря. Утром Комитет министров. Потом Западный. Потом совещание по остзейским делам. Обедал у вел. кн. Елены Павловны. Вечером за работой.

9 декабря. Утром в Сенате. Потом дома.

10 декабря. Доклады. Дома. Вечером Комитет финансов.

11 декабря. Утром всеподданнейший доклад. Государь сказал Ливену на охоте, что ему следует просить об увольнении от должности. Ливен был потом у меня и довольно наивно сообщил свой разговор с его величеством. J'ai ri jaune[609], — говорил он добродушно, — pendant le reste du temps que nous avons passé à la chasse; mais nous avons ri comme des fous[610]. Его преемником будет, вероятно, гр. Шувалов, но вопрос еще не решен окончательно.

12 декабря. Утром в Министерстве. Потом за работой. Сегодня окончена подписка по займу. Начинаю сомневаться в успехе.

13 декабря. Утром у обедни. Недаром я сомневался. Всего подписок на 115 милл. В том числе Штиглиц подписался на 30 милл. Очевидно, что это маневр самого Министерства

---

[609] Я принужденно смеялся.

[610] В течение остального времени, проведенного нами на охоте, и смеялись мы, как сумасшедшие.

финансов. Иначе не состоялось бы полной суммы, и иностранные капиталисты не взяли и тех 20 милл., которые пошли на их долю. Смотрю на это, как на тяжелый удар нашему кредиту и на вещий признак нашего положения вообще. Кажется, этого не замечают другие.

14 декабря. Утром Государственный совет. Государственная роспись на 1865 год. Спор о 22 тыс. в продолжение 1¼ часа (по Министерству народного просвещения на посылку преподавателей, готовящихся в профессоры, за границу), потом, в 10 минут, решено списать около 8 милл. со сметы Военного министерства, потому что заметили, что она выше прошлогодней, потом подписали меморию in blâmo[611], не зная окончательной цифры! Это называется рассматривать роспись в Государственном совете.

Потом Главный комитет. Потом совещание по остзейским делам и предложениям архиепископа Платона в особенности[612] [307]. Ахматов, Урусов и Зеленый в пользу строгих мер. Кн. Долгоруков склоняется фактически к тому же, чтобы не отступать от status quo. Кн. Гагарин лавирует, чтобы не изложить категорического мнения. Кн. Суворов хочет разрешать родителям крестить детей в том вероисповедании, в каком пожелают. Я настаивал на том, что если мы не решимся смело признать свободу совести, то, по крайней мере, ее следует допустить на деле, не преследуя отпадений от православия в крае, где это поддерживается только силою.

15 декабря. Утром у государя. Совещание о ген.-губернаторских назначениях. Кн. Долгоруков, военный министр и я. Решено завтра назначить гр. Шувалова в Ригу. В Киев предполагается Безак, которого вызывают по телеграфу.

---

[611] В порицание *(латинизированная форма фр. глагола blâmer).*

[612] *После* в особенности *в скобках написано:* касательно отпадения латышей и эстов от православия. *(Т. II, л. 113).*

На Дон — гр. Муравьев-Амурский, которого также вызывают. Потом был у вел. кн. Константина Николаевича, по его званию, председателя Комитета финансов. Заявил ему, что подпишу вопрос о вчерашнем способе изменения росписи на 7 или 8 милл. во столько же минут. Потом Комитет министров, где я узнал, что без нас после заседания министры финансов и военный решили ничего не изменять. Потом комитет Западный, где читался отчет Анненкова в его присутствии, и где он был невозможен по ограниченности и бессвязности своих объяснений и мнений. Вечером на ½ часа у английского посла.

16 декабря. Утром доклады. Потом заседание Польского комитета до 5 час. Утомительно и бесполезно. Дела делаются заранее Милютиным, а в заседании Чевкин толкует о мелочах. Сегодня оказалось, что управление по крестьянскому делу стоит в Царстве 800 тыс. руб. Патриоты наши не дешевы. Сам Милютин заметил, что нынешнее управление самое дорогое и не может не быть самым дорогим.

17 декабря. Вчера вечером был у меня гр. Шувалов. При этом первом с ним в звании ген.-губернатора объяснении, конечно, немного и могло обозначиться. То же и сегодня, когда я был у него. Бедный Ливен все еще затрудняется понять причину своего увольнения.

18 декабря. Утром доклад у его величества. Обедал там же. Нового немного.

19 декабря. Утром доклады. Видел картины Айвазовского «Хаос», потом и несколько ландшафтных эффектов, заезжал к кн. Суворову, который болен. Вечером Комитет финансов,

20 декабря. Утром у обедни. Обедал у гр. Орлова-Давыдова.

21 декабря. Утром Государственный совет. Потом комитеты финансовый, Главный и Польский.

22 декабря. Комитет министров. Потом Западный. Потом совещание у министра государственных имуществ с ним и

министром финансов по вопросу об образовании нового министерства промышленности и торговли. Res indigesta[613]. Вечером Комитет финансов у вел. кн. Константина Николаевича. Вопрос о поземельном кредите. После заседания он просил меня к себе для объяснений по делу о железных дорогах и при прощании сообщил, что он назначается председателем Государственного совета, и что государственным секретарем ему даваемым[614] будет кн. Урусов.

23 декабря. Утром дома. Доклады. Были ген-ад. Анненков, который сообщил, что ему уже объявлено государем вчера о замещении его ген. Безаком и который крепко заботится теперь о денежном обеспечении, ген.-ад. Коцебу и кн. Долгоруков, который добивается окончательной формулировки наших предположений об управлении Западным краем[96]. Вечером за работой.

24 декабря. Утром заезжал к Анненкову. Вечером обыкновенная елка.

25 декабря. Утром у обедни. Потом доклад у его величества. Его мнение склоняется по вопросу о железных дорогах к Кременчугу.

26 декабря. Совет министров по делу о Южной железной дороге [308]. К совещанию был приглашен гр. А. А. Бобринский. Были жаркие прения. Чевкин с замечательным упорством и отсутствием логики отстаивал Киев, à grand renfort de détails sur la «Сандормирка», le blé tendu, etc.[615] Гр. Бобринский предлагал свою сеть и вообще доказал совершенную запутанность своих мыслей.

---

[613] Беспорядочные дела.

[614] *После* даваемым *в скобках написано:* он желал ст. секр. Ждановского. *(Т. II, л. 114).*

[615] С помощью большого количества деталей о «Сандомирке», собранного хлеба и т. д.

Кн. Гагарин и ген. Зеленый с патриотическим жаром также защищали направление на Киев. Министр финансов, сказавший при самом начале заседания превосходную речь, кн. Долгоруков, кн. Горчаков и я были за Харьков. Военный министр назло всем соображениям министра финансов и всем экономическим законам требовал приостановления всех работ на юге и сосредоточения их на внутренних линиях от Москвы к Курску и Харькову. Наконец последовала подача голосов. Оказалось, в пользу Киева — 9 (кн. Гагарин, Чевкин, Мельников, Зеленый, гр. Адлерберг, Замятнин, Татаринов, Анненков и, кажется, Бобринский), в пользу Харькова — 12 (2 вел. князя, пр. Ольденбургский, кн. Долгоруков, кн. Горчаков, кн. Урусов, Краббе, Головнин, Коцебу, Рейтерн, кажется, Толстой и я). Государь согласился с большинством. При сем постановлено, однако же, не исключать Киева, но вести к нему дорогу из Курска, а, между тем, из Балты идти на Харьков.

Из Москвы приехал Катков. Он был у кн. Горчакова, который старался завести об нем разговор со мною перед Советом.

27 декабря. Утром у обедни. Обычная воскресная поездка. Потом дома. Я забыл отметить, что 24 числа решено назначение Скарятина гофмаршалом цесаревича. Очень хороший выбор.

28 декабря. Утром у вел. кн. Елены Павловны по случаю дня ее рождения. День за работой. Катков был у меня вчера и сегодня. У него нечто вроде idée fixe насчет необходимости исключительного положения для «Московских ведомостей». При этом большая запутанность слова при большой сбивчивости мысли и сомнительной искренности. Он был у Горчакова и Долгорукова. Явно, что он приехал сюда в надежде отделаться от меня при чужой помощи, и что, приехав и осмотревшись, он нашел эту помощь ненадежною. Я выдержал в оба раза 3 часа утомительного фехтования словами.

В Москве, здесь и инде были распространены разные нелепости насчет притеснений, будто бы претерпеваемых Катковым. Он будто приехал, чтобы условиться насчет прекращения своих отношений к газете, и повторял, что более издавать ее не может, не в силах и т. п. Ввиду распущенных небылиц, разладицы между министрами и предстоящих московских выборов, желательно было предупредить всякий éclat. Donc j'ai eu la patience de faire patte de velours pendant trois heures[616]. Кажется, что не безуспешно. Великий публицист отбыл восвояси сегодня утром, не сделав никакого éclat[97].

29 декабря. Утром работал и выходил пешком, чего не было почти целый месяц. Такова жизнь, которую веду. Обедал случайно у Гернгроса.

30 декабря. Утром доклады. Заезжал к Масиньяку. Вечером на большом вечере у вел. кн. Елены Павловны с разными сюрпризами, масками и т. п. Между прочим, неизвестно, почему вел. княгине подносился адрес депутацией насекомых. Оратором был Катакази, прочитавший наидлиннейшую речь, в которой были комплименты государю и кн. Горчакову (о служба! Это ты!), и где по поводу отмены крепостного права говорилось, что государь освободил 20 millions de pauvres petites chevilles[617]. Потом был длинный трактат о «puces qui vont chercher leur pâture jusque dans des régions interdites». Tout cela était d'un goût plus qu'équivoque[618].

Вернувшись, я нашел телеграмму от Каткова, который извещал, что объяснения его с Щербининым не соответствовали объяснениям со мною, и что вследствие сего в «Москов-

---

[616] Взрыв. Итак, у меня хватило терпения мягко стелить в течение трех часов.

[617] 20 миллионов бедных винтиков.

[618] «Блохах, которые ищут себе пищу вплоть до запрещенных мест». Все это было более, чем двусмысленно.

ских ведомостях» заявится в сегодняшнем №[619] о предстоящем переходе редакции в другие руки. Все это неправдивые стремления к пользе общей, неправильное сознание своего достоинства, а просто, как я выразился в записке к гр. Перовскому, кружение головы и доморощенные приемы.

31 декабря. Утром всеподданнейший доклад. Говорил его величеству о деле Каткова и о несносно меня преследующих кривотолках насчет мнимого жертвоприношения Каткова моему примирению с вел. князем и т. п. Государь сказал мне при этом случае, что в секретно доставленных ему сведениях заключалось, между прочим, письмо, будто бы написанное к Каткову по поручению кн. Горчакова, в видах самого резкого и неуместного поощрения его к прямому сопротивлению цензуре. Государь меня благодарил, обнял и т. п.[98]. Я ему высказал, что мне досадно слышать толки о моем мнимом маневрировании, когда ему очень хорошо известно, что я вовсе не маневрирую, чтобы сохранить за собою звание, которое на меня возложено не ради меня, но, вероятно, потому, что его величеству кажется, будто я в настоящее время более другого к нему пригоден. Заходил к Тройницкому, обедал у Сабурова. Вечером дома. Завершился 1864-й тяжелый, глубокой скорбью оттененный год. Да будет милость божия с нами в наступившем 1865.

---

[619] *После* N *в скобках написано:* т. е. на 31 число. *(Т. II, л. 117 об.).*

Примечания П. А. Валуева

Примечание 1. Когда в моих заметках этого времени говорится просто о комитете, то разумеется Комитет министров, а о Министерстве, то Министерство государственных имуществ. Поездки к разным министрам и представление государю и вел. князю (2-го числа) были последствием моего назначения управляющим делами Комитета министров. По ученому комитету Министерства государственных имуществ я сохранял связь с этим Министерством.

Кн. Орлов в то время еще считался председателем Государственного совета и Комитета министров, но по болезненному состоянию в них не бывал. Я видел его 3 января 1861 г. в последний раз. Умственные и физические силы вскоре стали упадать еще быстрее. Он по временам находился в состоянии, которое можно назвать животным в полном значении слова. Он молчал, ползал на четвереньках по полу и ел из поставленной на полу чашки, как собака. Так видел его бар. Велио, приехавший к нему по поручению его сына и передавший мне эти подробности. (С.-Петербург, 26 апреля 1868). См. т. I, л. 6.

Примечание 2. I. Сведения о воскресных школах были в то время весьма неполные и на дело смотрели поверхностно. Полиция мало знала, что делалось, как и теперь, впрочем, большею частью бывает. В 1862 году оказалось, что ген. Игнатьев вообще был прав.

II. Спиритизм был в то время в ходу во многих домах. Он и теперь держится. К числу усердных спиритов принадлежит, говорят, Д. Г. Бибиков, прежний министр внутренних дел. Он беседует с покойным сыном, умершим в Дрездене.

III. Я уже в то время по польским делам держался того взгляда, который руководил меня впоследствии. Точных и даже подробных сведений о происходившем в Царстве я не

имел. Мои понятия и стремления не сложились в определенных чертах; но я вообще держался мысли, что польский вопрос не разрешим без развития в Польше центростремительных сил в отношении к России, что исключительное употребление мер строгости только развивает центробежные силы, и что без каких бы то ни было представительных учреждений тяготение окраин к центру невозможно. (С.-Петербург. 27 апреля 1868). См. т. I, л. 7.

Примечание 3. Не знаю, будет ли когда-нибудь написана подробная и правдивая история крестьянской реформы. Это тем более желательно, что не только во время ее подготовления и осуществления, но и до сих пор на ее счет были и остаются в ходу весьма ошибочные понятия.

Из моего дневника за 1860 год видно, что я принимал косвенное участие в деле по занятиям, которые на меня возлагал мой прямой начальник, министр государственных имуществ, и в особенности как редактор особого мнения или проекта трех членов Главного комитета: кн. Долгорукова, ген. Муравьева и Княжевича. Этот проект, носивший наименование проекта трех членов, отличался от проекта большинства преимущественно в отношении к норме наделов и повинностей (для точного определения которых предполагалось воспользоваться содействием губернских присутствий) и к учреждению волостных попечительств. Третьим видом мнений в Главном комитете были предположения кн. Гагарина, более радикально уклонявшиеся от проекта большинства. В публике мало верили в успех этих предположений. Приведение [в исполнение] мнения 3-х членов многие признавали не невозможным, потому что кн. Долгоруков был человеком, особенно близким к государю. Но сторонники проекта большинства с громкой и непоколебимой уверенностью предсказывали, что он будет утвержден без всяких существенных изменений.

Не участвовав в работах Редакционных комиссий и не участвуя в делах Главного комитета, я знал о происходившем в нем и мог судить о большей или меньшей вероподобности того или другого исхода дела только по городским толкам и по ежедневно сообщаемым кн. Долгоруковым и ген. Муравьевым сведениям. Городским толкам я никогда не доверял; ген. Муравьеву я верил очень мало, потому что его знал хорошо; кн. Долгорукову я верил более, и видя его стойкость, считал по крайней мере возможным предполагать, что государь не высказался окончательно и что сам кн. Долгоруков надеется на успех. При составлении проекта 3-х членов работа лежала на мне. Разрешение возникавших вопросов и установление главных начал окончательно принадлежали кн. Долгорукову. Ген. Муравьев много говорил, но безусловно и даже низкопоклонно ему подчинялся. А. М. Княжевич был третьим для счета. Я не видел его ни одного раза, и с ним переговаривал ген. Муравьев. Мысль о возложении на меня совершенно напрасного труда пересоставления проекта Манифеста также была подана ген. Муравьевым. С моей стороны я считал вопрос по существу решенным. Меня озабочивали преимущественно два опасения: упадок производительности от излишней величины наделов, затруднявшей договорные съемки земель у помещиков, или договорное производство работ по их хозяйствам, тогда как вообще желательно было для установления правильных между обеими сторонами отношений и распространения гражданственности в умах народа открывать широкие пути всякого рода договорным сделкам; и совершенное улетучение прежних территориальных делений, утрата понятия об имении как о территориальной единице, установление повсеместной административной чересполосицы и даже установление параллельных полицейских властей в отношении к делам общественного благоустройства, на землях крестьян и на землях помещичь-

их. Эти опасения побуждали меня сочувствовать мнению 3-х членов в отношении к порядку определения надельных норм и подали мне мысль предложить учреждение «волостелей» или волостных попечителей, мысль, к которой я возвратился впоследствии, бывши министром, но до сих пор без большого успеха.

Положения 19 февраля имеют важные недостатки; они составлялись и облекались в законодательную форму под влиянием разных страстей и предубеждений; они вообще имели некоторые свойства односторонности, в правительственном смысле неправильной и вредной; величайшей в летописях мира поземельной реформе предпослано было самим правительством уничтожение давних форм поземельного кредита; к восстановлению этого кредита в других формах не приложено должной заботливости; вообще обнаружено немного попечения о хозяйственном быте помещиков и политические последствия избранного способа реформы весьма поверхностно взвешены. Но главными виновниками этих ошибок были те самые, которые наиболее на них сетовали и в них обвиняли Редакционные комиссии, ген. Ростовцева, гр. Панина и самого государя. Все сбылось, так как сбылось только потому, что государь не нашел помощи там, где он ее первоначально искал и должен бы был найти. Именно те, которые должны были оказать эту помощь и совершить дело, дали ему ускользнуть из их рук. Они не только ничего не сделали лучше, чем Редакционные комиссии, но вообще ничего не сумели и только противоречили, перечили и тормозили. Кн. Орлов оказался несостоятельным; ген. Муравьев думал о себе и воображал, что без него не обойдутся; другие министры были не способны вести дело. Один Ланской вполне предался исполнению государевой мысли, но Ланской, сам по себе, был не в силах ее осуществить. Он опирался на своих подчиненных и открыл второстепенным

деятелям пути к прямому влиянию на движение и направление дела. Эти деятели, второстепенные по служебному положению, были, наоборот, по уму и уменью выше своих начальников и не замедлили воспользоваться своим превосходством. После продолжительных колебаний государь вверил дело ген. Ростовцеву. В этом назначении, в самом выборе для установления оснований крестьянской реформы начальника военно-учебных заведений заключались доказательства недоверия государя к стоявшим ближе к той реформе сановникам и сознание необходимости обратиться к лицу, на волю которого можно было надеяться, хотя и следовало сомневаться в его способностях. Когда смерть скосила Ростовцева, государь обратился к гр. Панину, и также обратился к нему не по убеждению, что он способен, а по уверенности, что он покорен и захочет исполнять то, что ему будет приказано. Со дня учреждения Редакционных комиссий вопрос был решен по существу, и дело всех близоруких или двоедушных сановных чиновных и сословных кунктаторов было проиграно. Оставалось направить все старания к тому, чтобы обеспечить, по возможности, правильное разрешение разных частных, но тем не менее важных вопросов. Надлежало в особенности доказать государю, что оппозиционные толки и стремления относились не к существу реформы, а к частностям принятой для нее системы и к ошибочным приемам лиц, проводивших эту систему. Но и этого не сумели сделать. Главные представители дворянских и так называемых аристократических интересов жаловались, кричали, старались испугать государя, и только успели усилить его доверие к их противникам. Между тем члены Редакционных комиссий озлоблялись направляемыми на них частью заслуженными, частью незаслуженными и неосновательными нареканиями. Их трудом, во всяком случае весьма замечательным по объему, последовательности и непривычному у нас прилежанию,

не отдавалось должной справедливости. Их упрекали в самоуверенности и заносчивости, но та и другая еще более упрочивались и усиливались противопоставляемым им неловким и полуребяческим противодействием. Так дело шло до самого конца. Государь выказал твердость, стойкость, решимость и вместе с тем сдержанность, которым мало подобных в истории. Он мало знал частности дела и в этом отношении полагался на тех, кому он его вверил. Он только непреклонно настаивал на осуществлении реформы и на ее осуществлении в форме освобождения крестьян с поземельной оседлостью. В смысле правительственной меры проведение нового закона есть вполне и исключительно его дело, его *личный* подвиг, результаты его непоколебимого произволения. В развитии общей мысли государя и во всех частностях и подробностях Положения 19 февраля — дело Редакционных комиссий, в особенности двух их членов Ник. Милютина и кн. Черкасского, председательствовавшего в Главном комитете вел. кн. Константина Николаевича и влиявшего на него члена комитета ген. Чевкина. Канцеляризмом заведовал в Главном комитете и Государственном совете государственный секретарь Бутков. (С.-Петербург, 29 апреля 1868). См. т. I, *лл.* 9 об, — 12.

Примечание 4. Опыт показал, что и при системе Положений 19 февраля, т. е. при окончательном определении норм надела и при улетучении территориальных единиц, не произошло вредных замешательств и потрясений. Но быть может, что некоторые вредные последствия этой системы смягчены, сглажены или предупреждены при введении в действие и применении нового закона, чего тогда нельзя было предвидеть. Быть может, кроме того, что некоторые другие последствия только со временем яснее обнаружатся. Идея составителей Положений, чтобы реформа всецело произошла от престола, проведена. Но тем резче обозначились

две прикосновенные к делу стороны, и тем более им усвоен вид сторон противоположных. (Карлсбад, 22 мая/3 июня 1868). См. т. I, *л.* 16.

Примечание 5. Впоследствии, будучи министром внутренних дел, я сам пользовался постановленным по предложению кн. Гагарина правилом и весьма ценил его пользу. Конечно, оно не вязалось логично с основными началами, мне представлявшимися правильными. Но дело было не в достижении невозможного, а в исправлении, по возможности, явных недостатков закона, высочайшее утверждение которого было предрешено и несомненно. Один из этих недостатков заключался в излишнем размере наделов, предотвращавшем добровольные сделки между помещиками и крестьянами. Кн. Гагарин открывал новый путь к уменьшению этих наделов. От расчета помещиков зависело идти или не идти по этому пути.

Но если начала гражданственности не разовьются и не распространятся, то в случае возвышения цен на землю могут произойти важные неудобства (Карлсбад, 23 мая/4 июня 1868). См. т. I, *лл.* 17 об.— 18.

Примечание 6. Тогдашние варшавские события оказались как бы совершенно неожиданными для правительства. Никто не имел и даже не получал сведений достаточно полных и точных, чтобы оценить эти события как следовало и с твердостью определить путь, по которому надлежало идти правительству. Многое в моих тогдашних заметках требует пояснений. Надеюсь изложить их в другом месте, когда при дальнейшем развитии польского дела будет речь о наместничестве вел. кн. Константина Николаевича. Равным образом требуют пояснений и другие заметки, относящиеся до действий разных высших правительственных лиц. Нужна некоторая характеристика этих лиц и не бесполезен общий анализ тех правил и понятий, которыми в то время руководствовались более или менее все, так называемые, государст-

венные люди. Надеюсь и этот пробел пополнить впоследствии, при удобном к тому случае. (Карлсбад, 26 мая/7 июня 1868). См. т. I, л. 23.

Примечание 7. Впоследствии я сам слышал в одном из заседаний Совета министров, как гр. Блудов сказал то же самое нынешнему государю, употребив только вместо выражения: «повиноваться закону», — выражение «соблюдать» закон (Карлсбад, 27 мая/8 июня 1868). См. т. I, л. 24 об.

Примечание 8. Пропускаю все это теперь без пояснений и дополнений. Пью карлсбадские воды и кроме того принужден беречь глаза. Работаю урывками и должен избегать напряжения мысли и чувства. Впоследствии представится случай высказаться насчет польского вопроса с надлежащей полнотой. (Карлсбад, 27 мая/8 июня 1868). См. т. I, л. 26 об.

Примечание 10[620]. Будучи управляющим делами Комитета, а с тем и Совета министров, я не участвовал в совещаниях, а только присутствовал и, следовательно, имел досуг во время заседаний делать заметки, по которым обозначал содержание и даже ход прений в моем дневнике. Притом первые заседания на меня производили впечатление дела нового и более важного, чем оно казалось мне впоследствии, когда я к нему, так сказать, пригляделся. Следы этой впечатлительности достаточно ясны и в предшедшем очерке заседания 13 марта.

Ввиду позднейших событий это заседание во многом может казаться странным, но оно хорошо характеризует тогдашнее настроение высших правительственных лиц. Начиная с государя, все члены Совета, кроме гр. Строганова, находили нужным что-нибудь сделать для успокоения и даже удовлетворения умов Польши. Один член, оговоривший мимоходом интересы империи, т. е. России, был немец — бар. Мейендорф. Военный министр (тогда ген. Сухозанет)

---

620 *Примечание 9 в авторском тексте отсутствует.*

молчал. Министр внутренних дел Ланской — почти молчал. Ген. Муравьев, впоследствии покоритель мятежа в Северо-Западном крае и всемогущий виленский проконсул, предлагавший заселять поляками Туруханские тундры, сказал только два слова, и те в пользу польских вольных слушателей в учебных заведениях. Кн. Долгоруков ближе всех роднился с моими собственными ощущениями и мыслями, что и продолжалось до его кончины, но большею частью держал себя на втором плане и высказывался неохотно и нерешительно. Наконец, кн. Горчаков (faisait la phrase)[621] и в то же время, как здесь по вопросу об Университете, смелее других смотрел делу в лицо и называл его по имени. (Карлсбад, 30 мая/11 июня 1868). См. т. I, *лл.* 34—35.

Примечание 11. Эту роль кн. Горчаков играл не столько по личному влиянию или по званию министра иностранных дел, сколько по свойству двоюродного брата наместника кн. М. Д. Горчакова. (Карлсбад, 30 мая/11 июня 1808). См. т. I, *л.* 35 об.

Примечание 12. В предшедших заметках за 13 и 14 апреля многое может показаться излишним, как относящееся более к моим собственным взглядам и тогдашним суждениям, чем к событиям, которых я был свидетелем. Я оставил эти заметки в том виде, в каком они занесены в мой дневник, преимущественно по тому соображению, что со временем может быть небесполезным знать, как думали в то время некоторые лица, подобно мне стоявшие в рядах правительства и довольно близко к его центру. (Карлсбад, 5/17 июня 1868). См. т. I, *л.* 46 об.

[Примечание 12а[622]]. Это дело с. Бездны. На местах был флиг.-ад гр. Апраксин. Ген. Бибиков ничего не сделал, ничего не разъяснил, и даже не представил никакого донесения. Го-

---

[621] Разглагольствовал.

[622] Данное примечание в тексте «Отрывков из Дневника» дано под строкой.

сударь был очень недоволен и приказал ему это поставить на вид. (Карлсбад. 5/17 июня 1868). См. т. I, л. 47.

Примечание 13. К сожалению, кроме разрозненных бумаг, большею частью не приведенных в порядок, и частной переписки, у меня не сохранилось следов первых четырех месяцев моего управления Министерством. В дневнике, за исключением заметки 7 мая, пробел с 25 апреля по 15 августа. В моей памяти изгладились или слились с другими воспоминаниями все подробности моих первых начинаний, затруднений, испытаний и опытов. Помню однако же ряд тяжелых впечатлений, которые вызывались встречею с неотразимою действительностью, противоречившею руководившим мною отвлеченным началом. Помню те неблагоприятные особенности моего положения, о которых будет ниже пространнее упомянуто. Помню также, что я взялся за управление Министерством и занял свое место в высших коллегиях без соблюдения даже самых обиходных обрядных формальностей. Таким образом, я был с первого раза в Государственном совете в обычной форме, без ленты. При мне не читался указ о моем назначении и со мною не раскланивались по этому поводу члены Совета. (Карлсбад, 6/18 июня, 1868). См. т. I, л. 50.

Примечание 14. Я управлял Министерством внутренних дел семь лет. Меня часто упрекали в колебаниях, нерешительности, недостатке энергии и стойкости. Выписки из моего дневника могут отчасти облегчить суждение о том, насколько эти упреки были основательны или неосновательны, и насколько в течение семи лет я был верен или не верен нескольким коренным началам, последователен или непоследователен. Здесь я не имею в виду ни опровергать, ни оправдываться, но считаю не лишним оговорить, что никогда никто не сознавал более меня самого недостатка моего влияния и шаткости моего положения. Всем моим товарищам и ближайшим сослуживцам известно, что я признавал и

называл себя не министром внутренних дел, а «докладчиком» по Министерству и управляющим делами Министерства; что я никогда, кроме скрепы или контрассигнировки указов, не подписывался собственноручно «Министром внутренних дел», а писал только «статс-секретарь N. N.», что у меня даже не было, до поездки за границу в 1867 году, визитных карточек с обозначением звания министра; наконец, что я никогда не считал себя прочным или долговечным министром и уже с 1863 года постоянно предусматривал перемену или ее ожидал, или об ней думал. Если, несмотря на то, проходили годы и перемены не было, то главною тому причиною едва ли не было то обстоятельство, что в это время, при данной обстановке, никто не мог быть министром внутренних дел в полном смысле слова, т. е. министром, пользующимся преобладающим и прочным на все внутренние дела влиянием, кроме, быть может, людей крайних, и притом крайних в направлении, противоположном моим общим взглядам и моему общему направлению. Влияние Главного комитета по делам крестьянским и влияние Милютина, и других по делам западным служат тому подтверждением и пояснением. Рядом с вопросом, оставаться ли, при данных условиях, или не оставаться, постоянно становился вопрос: какие последствия будет иметь мой уход? Следы постановления и сопоставления этих вопросов далее будут встречаться достаточно часто и ясно.

Направление крестьянского дела представляло на первых порах особые затруднения. Я считался человеком новым. Главный комитет, напротив того, состоял большею частью из лиц, непосредственно участвовавших в составлении законоположений 19 февраля и признававших себя не только специалистами в отношении к подробностям дела, но и главными, почти исключительными представителями его основных начал. Притязания руководить Министерством

внутренних дел обнаруживались нередко. Надлежало уклониться от этого руководства, но без раздражительных объяснений и явного разлада, внося в Комитет только дела законодательного или общего свойства и распоряжаясь самостоятельно по всем прочим. Надлежало, кроме того, не опешить переменами в личном составе. Вел. кн. ген.-адмирал постоянно восхвалял тех именно губернаторов, которых я считал вредными по их односторонности или неправильным канцелярским связям с Главным комитетом, например, калужского — Арцимовича и нижегородского — Муравьева. Начальник Земского отдела Соловьев также признавался отменно полезным и даже необходимым. Они все впоследствии сошли со сцены, но на первое время я должен был их сохранить. Новый закон был уже повсеместно обнародован. Везде начали вводить его в действие. Между тем на местах недоставало одной из главных к тому призванных властей. Составители крестьянских Положений не приняли или не хотели принять во внимание, что процедура утверждения мировых посредников Правительствующим сенатом при наших канцелярских порядках требовала немало времени, и что последствием всякой в этом отношении проволочки при упразднении в силу нового закона помещичьей власти и ослаблении власти полицейской было междувластие или даже отсутствие всякой ближайшей власти в местах, где вводился в действие этот закон. Устранение этого важного неудобства было первой моей заботой. Я немедленно испросил через Главный комитет высочайшего разрешения допускать лиц, избранных в мировые посредники, к отправлению их обязанностей, не ожидая утверждения их Сенатом. Это разрешение объявлено всем губернаторам по телеграфу. Вскоре дело везде приняло не только более или менее правильный оборот, но и ход более спокойный, чем сначала можно было ожидать. Добрые свойства народа и не утратившаяся в нем

разом привычка повиноваться облегчали достижение этого результата. Благодаря распорядительности начальников губерний деятельность дворянских предводителей и уездных полиций, а затем и мировых посредников, по мере их вступления в должность, закон в одно и то же время вводился в действие, разъяснялся народу и охранялся от произвольных нарушений, как с одной, так и с другой из прикосновенных к делу сторон. Решительное прекращение беспорядков там, где они возникали, и подавление всякого упорного сопротивления в местах, где они обнаруживались, производили полезное нравственное впечатление на соседние местности. Первая пора замешательств и волнений, не без основания возбуждавшая сильные опасения, миновалась. При всем том повсеместно встречались беспрерывные и разнообразные сомнения и затруднения. В некоторых губерниях, как именно в Калужской, распоряжения самих губернаторов не соответствовали их скорому устранению. Сетования и жалобы слышались со всех сторон, и свойственная человеческой природе наклонность преувеличивать всякое зло и уменьшать значение всякого постороннего успеха обнаруживалась в обычных формах и размерах. Кн. Долгоруков писал мне из Москвы 9-го августа: «Ici on voit l'avenir sous un aspect excessivement noir. On se plaint d'un manque complet d'autorités réelles dans le tond des provinces et on craint que l'anarchie ne s'établisse partout. Si se basant sur ce qu'il n'y a pas dans certaines localités de désordres palpables on habitue les masses à ne faire que ce qui leur plait. Je console les pessimistes en promettant que les «мировые посредники» servent d'un grand secours: mais il est certain que pour cela ils doivent être bien intentionnées actifs et forts. Voilà, cher II. A. à quoi nous devons travailler avec ardeur»[623].

[623] «Здесь видят будущее в очень черном свете. Жалуются на полное отсутствие реальной власти в глуши провинций и боятся, как бы анархия не водворилась повсюду. Основываясь на том, что в некоторых местностях нет

Дела Царства Польского и западных губерний также представляли ряд постоянно возникавших или возобновлявшихся затруднений. Назначение гр. Ламберта наместником в Царстве состоялось после нескольких колебаний в надежде на его ум, приятные формы, ловкость и предполагавшуюся твердость. Он вообще считался лицом, близким к государю или по крайней мере пользующимся особым его расположением. Это предположение не было вполне основательным, но оно поддерживалось в глазах публики близкими отношениями гр. Ламберта к гр. А. Адлербергу и к гр. Ф. Т. Баранову. Сначала был решен один вопрос о наместничестве, другой — о назначении главнокомандующим армией в Царстве — обсуживался в присутствии государя, в его кабинете в Петергофе. В совещании участвовали кн. Горчаков, кн. Долгоруков, ген.-ад. Милютин, сам гр. Ламберт и я. Дело шло об отделении или неотделении военной части от высшего гражданского управления. В пользу отделения высказывались кн. Горчаков, кн. Долгоруков и я, причем я ссылался на пример Англии, которая в Ирландии, и Индия даже в критические эпохи не соединяла в одних руках двух высших властей, военной и гражданской. Милютин настаивал на их соединении, утверждая, что без соблюдения этого условия не может быть единства направления и даже согласия действий по гражданской и военной частям. Гр. Ламберт молчал. Государь колебался. Наконец, он обратился к гр. Ламберту с вопросом о его мнении, присовокупив, что так как ему придется управлять Царством, то и его взгляд на дело желательно знать. Гр. Ламберт высказался в пользу соединения властей и

явных беспорядков, позволяют массам делать только то, что им захочется. Я успокаиваю пессимистов, обещая, что «мировые посредники» могут, конечно, оказать большую помощь, для этого они должны иметь хорошие намерения, действенные и сильные.

Вот, дорогой П. А., над чем мы должны с жаром трудиться».

затем вопрос был решен и этом смысле без дальнейших рассуждений. Гр. Ламберт, один из младших ген.-лейтенантов, дотоле ничем не командовавший, кроме л.-гв. конного полка, и ничем не управлявший, кроме южных военных — поселений, был произведен в полные генералы и назначен как наместником, так и главнокомандующим в Царстве.

По делам Западных губерний почти единственным и притом постоянным моим союзником в высших правительственных сферах был кн. Долгоруков. Отношения к нему были всегда ровны и приятны. Мы переписывались почти ежедневно, иногда по нескольку раз в день, и я этим пользовался для доведения до государя сведений и мыслей, которые в междудокладные дни мне представлялось неудобным доводить до него письменно. Кн. Долгоруков видел его часто и докладывал мои записки.

Образчиком такой переписки и примером доверия, которое мне оказывал кн. Долгоруков, может служить прилагаемая записка от 12 июля из Красного Села (Приложение 1)[624]. Она относится до моих предположений об учреждении полицейских судов для разбора дел о политических манифестациях, и в ней кн. Долгоруков говорит: «Moi, de mon côtéje vous passe mes pleins pouvoirs sans condition aucune tant sur la conclusion que sur la rédaction définitive de la note»[625].

Государь предпринял поездку в Крым 6-го или 7-го августа. В записке от 6-го, написанной перед выездом из Петербурга, кн. Долгоруков следующим образом выражается об особом негласном совете, который на время отсутствия его величества учреждался под председательством вел. кн. Михаила Николаевича: «Je ne sais si l'empereur vous a dit de causer

---

[624] *(См. «Отрывки из дневника», т. I, л, 85).*

[625] «Я, с своей стороны, передаю Вам без всяких условий свои неограниченные полномочия, как по заключению, так и по окончательной редакции записки».

quelquefois avec... le gr. duc Michel sur ce qui pourra demander une espèce de consultation, quant à la fermetation qui règne en général dans toutes les classes. Schouvaloîf, Путятин et Милютин ont reçu des ordres de s. m. là dessus. Ce ne seraient que des causeries entre vous cinq[626] dons Schouvaloff me fera connaître le sujet et pour lesquelles s. a. i. vous invitera problement»[627].

Таким образом, когда первый раз был учрежден подобный негласный высший Совет на время продолжительного отсутствия государя из столицы, предметом его ведения должны были быть исключительно дела политического свойства и Совету усваивалось по преимуществу совещательное значение. О результате его совещаний начальник III отделения и жандармского штаба должен был извещать шефа жандармов. Впоследствии таким Советам предоставлялось право решать известные дела высочайшим именем, и о его совещаниях представлялись государю председательствовавшим в нем вел. князем и заведовавшим его делопроизводством государственным секретарем особые мемории.

Назначение адмирала гр. Путятина министром народного просвещения состоялось, кажется, в июне 1861 года. Я помню то заседание Совета министров в Царском Селе (по делу ведомства Министерства народного просвещения), в котором гр. Путятин неожиданно для большинства членов Совета оказался в числе присутствовавших. О нем уже говорили в городе, как о кандидате на эту должность, но почти никто не

[626] Впоследствии, по крайней мере для некоторых дел, к нам был присоединен ген. Чевкин. *(См. выше. Прим, автора).*

[627] «Я не знаю, говорил ли вам император, что нужно изредка беседовать с вел. князем Михаилом о том, что может потребовать консультации в отношения брожения, которое царит в общем во всех классах. Шувалов, Путятин и Милютин получили приказ его величества по этому поводу. Это будут всего лишь неофициальные беседы между вами пятью; с содержанием бесед меня познакомит Шувалов и на них е.и. высочество, очевидно, пригласит вас».

считал вопроса о том решенным или даже близким к разрешению. Поводом к выбору гр. Путятина было состояние наших учебных заведений и в особенности университетов, где более и более ослаблялась дисциплина и распространялись социалистические и материалистические учения. Гр. Путятин был известен за человека набожного, даже склонного к религиозному ригоризму, и слыл человеком с твердым характером и железной волей. Вся его внешность имела аскетический оттенок, и я помню впечатление, им оставленное во мне после вышесказанного заседания Совета. Мысли о религиозном направлении образования юношества я вполне сочувствовал. Всматриваясь в резкие, бледные, почти изможденные черты лица гр. Путятина, замечая неподвижность выражения этого лица и припоминая рассказы о твердости и сосредоточенности в самом себе, обнаруженных им во время его экспедиции в Японию, я думал, что Министерство народного просвещения передается в сильные и даже жесткие руки. Гр. Путятин в генерал-адъютантском мундире как-то и почему-то напоминал мне латинских кардиналов времен Филиппа II-го, и я конечно не предугадывал, что не далее, как через три месяца при первой вспышке беспорядков в Санкт-Петербургском университете этот непреклонный аскет, кардинал, адмирал и генерал-адъютант, окажется нерешительным, ненаходчивым, нестойким — одним словом, несостоятельным в кругу тех обязанностей, которые были на него возложены. (Карлсбад, 9/21 июня 1868). См. т. I, лл. 53–58.

Примечание 15. Я уже тогда имел в виду для наложения узды на польских помещиков в западных губерниях принятие мер, которые были бы для них ощутительны в денежном отношении. Но я предлагал их в регулярной форме, с известными ограничениями и для известных случаев. На том же самом основании я предлагал в следующем году установление особого денежного сбора. Я говорил, что если преступные

заявления и стремления местного дворянства и других обывателей края вынуждают правительство принимать чрезвычайные военные меры для охранений общественного порядка, то часть требовавшихся на то издержек по всей справедливости могла быть обращена на тех, которые вынуждали правительство к принятию таких мер. Мои предположения постоянно отклонялись, но когда мятеж вспыхнул, то пошли гораздо далее этих предположений и ввели в действие под наименованиями процентных сборов, штрафов, сборов для вознаграждения разных убытков и т. п. систему полного произвола местных начальств в отношении к имуществу местных жителей. (Карлсбад, 9/21 июня 1868). См. т. I, *л.* 59.

Примечание 16. Этот Тышкевич (Фаддей) мне был рекомендован Назимовым и принят мною на службу. Я пытался употреблять его для приобретения сведений о том, что думалось и делалось между поляками. Он, с своей стороны, по-видимому, предполагал играть двойную роль, поместившись в правительственной сфере и сохранив связи со сферой польского движения. Так как я соблюдал надлежащую с ним осторожность, он скоро вынужден был для приобретения или сохранения какого-нибудь значения в среде агитаторов прибегать к разным вымыслам насчет получаемых будто бы от меня поручений или извещений. В Вильно было обнаружено, что он рассказывал о мнимой, от меня полученной телеграмме, и Тышкевич тогда бежал за границу. Впоследствии им там издана книга, в которой говорится о моих к нему отношениях, но где нет почти ни одного слова правды. Считаю его, впрочем, более сумасбродом, взявшимся за роль, которая ему была не по силам, чем злонамеренным интриганом. (Карлсбад, 10/22 июня 1868). См. т. I, *лл.* 59 об. — 60.

Примечание 17. Губернатором в Гродно был один из клевретов ген. Назимова действ, ст. сов. Шпейер. Он был немедленно уволен и замещен другим, но ген. Назимов сильно и

долго на меня сетовал за это распоряжение. (Карлсбад, 10/22 июня 1868). См. т. I, *лл.* 60 об. — 61.

Примечание 18. Западные ген.-губернаторы постоянно стремились не только к относительной самостоятельности, но к полной независимости от Министерства. Только по представлениям о наградах, и то только в случае невозможности воспользоваться для прямого исходатайствования их приездом государя или в случае его несогласия немедленно удовлетворять такие ходатайства, ген.-губернаторы признавали министров высшею в отношении к себе инстанциею. То же стремление отличало и столичных ген.-губернаторов, но мотивы или исходные побуждения были другие. В столицах главные начальники имели преувеличенное понятие о своем призвании и личном значении. В Западных губерниях они считали полное самовластие коренным условием исполнения возложенных на них обязанностей. Они воображали, что спасение если не всей России, то по крайней мере общих государственных интересов ее во вверенном им крае постоянно и исключительно зависело от них одних, от их соображений, их изобретательности в отношения к способам действия и их полновластных распоряжений. Их не останавливал и даже не заботил простой вопрос, каким образом можно было при таком просторе и таком значении ген.-губернаторской власти не только согласовать и приводить в систему действия двух друг за другом следующих ген.-губернаторов, но и согласовать действия двух ген.-губернаторов современных, из которых один полновластвовал в Киеве, а другой в Вильно? Каждый из них мог иметь свой взгляд, изобретать свои средства, применять к делу свою систему. Министерство внутренних дел более всех других страдало от этих превратных понятий и от их разнообразных последствий. Отношения к ген.-губернаторам были щекотливы, натянуты, часто неприятны. Нравственная ответственность за общие мероприятия на местах ложилась

на министра, но от него большею частью не зависело допущение или недопущение этих мероприятий. Он был, по необходимости, представителем главных местных начальников в высших правительственных коллегиях, но он часто не мог быть там представителем их мнений. Между тем его разномыслие с ними казалось в этих коллегиях как будто безосновательною и безответственною операцией. Ему возражали, что подробности и даже существенные условия дела ближе видны на местах; ему противопоставляли ближайшую прямую, хотя на деле всегда мнимую, ответственность ген.-губернаторов; ему твердили, что в трудные времена нужны самостоятельные и сильные местные власти, как будто самостоятельность, сила и произвол тождественные понятия и сила может проявляться не иначе, как в неправильных и непоследовательных формах. Вся эта неурядица проистекала преимущественно от двух обстоятельств: от тех прямых, личных отношений, в которые ген.-губернаторы были поставлены к государю их военным званием, и его личным их выбором; и от той самой мысли о необходимости соединения в одних руках военной и гражданской властей, которая была проведена ген.-ад. Милютиным, и от которой до сих пор государь император не соглашается отступать. Пример западных ген.-губернаторов действовал и на других, хотя они вообще более соблюдали установленные законом отношения к министрам и менее обнаруживали неуместных притязаний на создание государства в государстве. Таким образом, во все продолжение моего семилетнего управления Министерством внутренних дел его законное и правильное влияние постоянно парализовалось действиями подведомых ему главных местных начальств, и вместо того, чтобы иметь возможность настоять на соблюдении ген.-губернаторами моих указаний, я только мог иногда воспрепятствовать им исполнять их собственную волю.

Министерство внутренних дел, соприкасаясь с предметами ведомства всех других министерств, вообще встречает у нас постоянные и самые разнообразные затруднения при исполнении лежащих на нем обязанностей. Оно имеет такие обязанности и считается ответственным по взысканию государственных податей, по отправлению воинских повинностей, по охранению полицейского порядка и общественной безопасности и по множеству других предметов правительственной деятельности, по которым другие министерства в то же самое время признают себя полными хозяевами вверенных им отдельных частей и весьма мало озабочиваются соблюдением условий, без которых содействие Министерства внутренних дел им не может быть оказываемо, или по крайней мере не может быть оказываемо с надлежащим успехом. Даже по частным, в существе простым и сомнению не подлежащим вопросам, я иногда должен был употреблять особого рода приемы и некоторую настойчивость, чтобы достигнуть некоторых результатов. Таким образом, в прежнее время не сообщалось во всеобщее сведение никаких известий о высочайших путешествиях, кроме сухого перечня часов выезда и приезда и произведенных тем или другим полком, батальоном или батареей смотров, или учений. Я исходатайствовал разрешение сообщать и другие сведения, печатать слова, где-либо с особой целью произнесенные государем, оглашать имена губернаторов и предводителей, удостоенных им аудиенции, и т. п. Но все это, особливо сначала, возбуждало разные сомнения и недоумения.

Прилагаю в виде пояснительных образчиков переписки, в это время происходившей между кн. Долгоруковым и мною, выписки из трех его писем (Приложение 11[628]). (Карлсбад, 10/22 июня 1868). См. т. I, *лл.* 61 об.— 64.

---

[628] *См. т. I* «Отрывков из Дневника», *лл.* 85 об. — 87.

Примечание 19. Командирование г. Жеребцова в мое распоряжение осталось безрезультатным. Оно было одной из частных моих попыток организовать правительственную или, по крайней мере, так называемую «инспирированную», или «инспирируемую» прессу. С одной стороны, почти всегда оказывалось, что «инспирации» было недостаточно. Надлежало самому редактировать или переделывать редакцию. С другой стороны, отсутствие согласия между министрами делало самую «инспирацию» весьма затруднительной.

Дело московских студентов Заичневского и Аргиропуло с сотоварищами относилось до разных противоправительственных замыслов тогдашней молодежи, до пропаганды вредных политических и общественных теорий и т. п. Оно получило судебный ход и с этою целию передавалось из жандармского управления в Министерство внутренних дел. Впрочем, справок о том под рукою не имею. (Карлсбад, 10/22 июня 1868). См. т. I, л. 64.

Примечание 20. Сенатор Капгер должен был ревизовать Калужскую губернию. Я избрал этот способ при явном предубеждении вел. кн. в пользу губернатора Арцимовича для наложения узды на его действия по крестьянскому делу. Сенатор Капгер был выбран по рекомендации фельдмаршала кн. Барятинского. Результат не соответствовал моим ожиданиям. Губернатор был умнее сенатора и при содействии двух пружин, жажды популярности и некоторой веры в силу вел. князя и Главного комитета, обернул ген. Капгера кругом пальцев. Единственным полезным последствием было то, что Капгер s’est coulé,[629] и что с тех пор он не всплывал.

Собещанскому (чиновнику особых поручений при мне) было поручено дело студентов в Москве. И он попытался

[629] Сам себя потопил.

лавировать и с тех пор был мало употребляем. (Карлсбад, 13/25 июня 1868). См. т. I. лл. 66 об. — 67.

Примечание 21. Этот самый гр. Старшинский играл в событиях 1863 г. весьма предосудительную роль, был судим и приговорен к смерти (чего, впрочем, он не заслуживал и к чему не был бы приговорен, если бы в муравьевскую эпоху не преследовались особо все поляки, имевшие личные со мною сношения), потом сослан под надзор полиции в Воронеж (частью во внимание к заграничным ходатайствам, частью потому, что сам Муравьев едва бы решился конфирмовать смертный приговор), наконец, возвращен оттуда с дозволением жительствовать в Царстве Польском. Но до этих событий он еще играл довольно видную роль в Москве в конце 1862 т. во время съезда предводителей из разных губерний по случаю пребывания в Москве государя и императрицы. Тогда им была представлена государю записка, копия с которой имеется в моих бумагах, и которая по своему содержанию близко подходит к письму гр. Старжинского ко мне, бывшему поводом к его вызову в Петербург в сентябре 1861 года. Упоминаю об этом здесь потому, что подача такой записки в 1862 году характеризует взгляды на польский и западный вопросы, долго сохранявшиеся в высшей правительственной сфере. Гр. Старжинский прежде служил на Кавказе и носил серебряный Георгиевский крест. Он мне был рекомендован г. Калерджи как человек дельный и умеренный. Его мечтой было, кажется, сделаться литовским Велопольским. (Карлсбад, 15/27 июня 1868). См. т. I, лл. 67 об.— 68.

Примечание 22. При составлении этого очерка я имел в виду разные цели. Во-первых, надлежало действительно представить государю то, о чем говорило заглавие, т. е. краткое обозрение дела в данный момент, когда со времени издания и обнародования нового закона протекло уже целое полугодие и вместе с тем краткий отчет в том, что в течение

этого времени было сделано по ведомству Министерства внутренних дел. Во-вторых, следовало, по возможности, воспользоваться этим случаем для противодействия разным односторонним толкам, доходившим до государя. В-третьих, нужно было обратить его внимание на те вопросы или те стороны дела, которых не касались большею частью ни высшие государственные деятели, ни та канцелярская среда, которая так влияла на крестьянскую реформу. Здесь я коснулся, между прочим, вопроса о необходимости какого-нибудь поземельного кредита, который существовал у нас, но был уничтожен самим правительством накануне разрешения крестьянского вопроса. Наконец, я имел в виду и другие предметы внутреннего управления государства. Всегда сознавая взаимную связь и даже солидарность разных частей этого управления, я уже в этой первой, лично от меня к государю поступающей записке искал случая коснуться и другого более общего вопроса о коренных условиях и формах государственного управления. Еще нельзя было с какою бы то ни было надеждою на успех высказаться насчет допущения некоторого участия в делах правительственных новых элементов выборного или призывного представительства. Первым шагом могло быть, как мне казалось, только указание на существующие, так сказать, уже данные пределы самодержавного полновластия. Они были даны в экономической сфере, и я выразился о них следующим образом: «Одного почерка пера нашего величества достаточно, чтобы отменить весь Свод законов Русской империи, но никакое высочайшее повеление не может ни поднять, ни понизить курса государственных кредитных бумаг на С.-Петербургской бирже». Цитирую на память, но не сомневаюсь в верности цитаты.

Моя записка была весьма благосклонно принята государем. Из прилагаемой выписки из письма кн. Долгорукова от

29 сентября (Приложение III[630]) усматриваются как это обстоятельство, так и некоторые опасения его, кн. Долгорукова, насчет моей заботливости об ограждении справедливых интересов и законных прав дворянства. Текст моей записки доказывает неосновательность этих опасений. Копия с нее подобно копиям с других, в разное время мною представленных государю записок, имеется между моими бумагами. Все эти бумаги перейдут в распоряжение того, к кому поступят настоящие отрывки из моего дневника. (Карлсбад, 16/28 июня 1868). См. I, *лл.* 69 об.—71.

Примечание 23. Все такие записки писаны мною набело, своеручно, и урывками среди другого дела. Иначе работать я не имел досуга. Моя жизнь была такого свойства, что мне нередко случалось писать две записки или два письма разом, переходя от одного к другому по мере того как одна страница была дописана и вместо засыпки песком ей надлежало дать отсохнуть, и в то же время объясняться с правителем канцелярии и давать указания по какому-нибудь спешному делу. Эта вечная гонка, этот постоянный недосуг и неизбежное совпадение разнопредметных занятий были до крайности утомительны. Я занемог началом нервической горячки в ночь с 25 на 26 сентября, по всей вероятности, не от одной простуды, но и от усилия, которого потребовало составление при вышеупомянутых условиях отправленных мною к государю записок. Содержание первой из них было вторым шагом на том пути, на который я вступил в записке от 15 сентября. (Карлсбад, 17/20 июня 1868). См. т. I, *лл.* 72 об — 73.

Примечание 24. Эта заметка по происшествиям 25 числа неполна. Я не успел дописать то, что записать следовало, занемог в ночь и, возобновив свои дневные заметки только 5 октября, не пополнил пробела. Следовало досказать, что в

---

[630] *См. т. I* «Отрывков из Дневника», *л.* 87.

Колокольном переулке почти произошло, сколько помаю, столкновение между войском и студентами. Гр. Шувалов в порыве горячности остановил проходивший вблизи взвод стрелков и повел его в переулок, где он был остановлен и где вид войска в строю еще более экзальтировал студентов. После Государственного совета мы собрались у вел. князя, куда приехал и гр. Шувалов с известием о происходившем в Колокольном переулке. Ген.-губернатор был в Университете, а кн. Горчаков и, помнится, гр. Панин были приглашены вел. князем участвовать в нашем совещании. Я помню, как мимо окон по тротуару Дворцовой набережной проходили во время нашего заседания то по нескольку человек вместе, то поодиночке студенты Медико-хирургической академии, спешившие в Университет, а иногда между ними и университетские студенты или такие лица, в которых можно было предполагать по наружному виду университетских вольных слушателей. Большая часть этой молодежи отличалась длинными волосами и беспорядочной одеждой. Некоторые были вооружены толстыми палками. Я предложил немедленное закрытие Университета с тем, чтобы на сие было испрошено, если будет признано нужным, высочайшее разрешение по телеграфу. Я указывал при этом на опасные последствия примера безнаказанности уличных беспорядков. Вел. князь, видимо, сочувствовал моей мысли, но она встретила сопротивление со стороны некоторых членов нашей импровизированной коллегии, в особенности, к сожалению, со стороны гр. Панина и кн. Горчакова, у которых сыновья были в последнем курсе. Мы разошлись, ничего не решив. (Карлсбад, 17/29 июня 1868). См. т. I, л. 74.

Примечание 25. Самоубийство ген. Герштенцвейга до сих пор вполне не объяснено. Кажется, однако же, достоверным, что между ним и гр. Ламбертом произошел, вероятно, по случаю очищения церквей от народа вооруженною силою,

разрыв до того сильный, что они сочли нужным покончить его поединком и ввиду своего официального положения избрали способ жребия, т. е. «à la courte paille»[631]. Живо помню впечатление, произведенное внезапным известием о трагической смерти ген. Герштенцвейга и мыслью о его семействе, которое я видел накануне отъезда в Варшаву. Помню также и другое впечатление, вызванное во мне несколько лет спустя, первой встречей с этим семейством, т. е. вдовою и дочерью покойного в Петербурге. Всепожирающее время уносит радости и как будто сносит и горе. Внешний траур слагается, и с ним как будто ослабевает и внутренний. Я часто видел г-жу Герштенцвейг и фр. Герштенцвейг во дворце, на выходах или в свете, на бальных вечерах. Но никогда я не видал их без этой мысли о разрушающей силе времени и без воспоминания о страшных минутах, пережитых тою и другою в Варшаве. (Карлсбад, 18/30 июня 1868). См. т. I, *лл.* 75 об.— 76.

Примечание 26. Опыт, однако же, доказал, что затруднения не только 1861, но и 1862 годов были преодолены и преодолены если не одним, «опирающимся на войско самовластием», то и не теми способами, которые я вместе с некоторыми другими считал необходимыми. Правда, что коренной вопрос будущности остался неразрешенным, и что улучшению нашего внутреннего положения именно способствовали события 1862 года, отрезвившие многих, а затем события 1863 и 1864 гг., заменившие внутреннее волнение патриотическим напряжением против внешних врагов. Правда и то, что некоторые из нас, быть может, оказали при этом немалые *личные* заслуги. Правда, в особенности, что государь никогда не упадал духом и не подчинялся влиянию крайних опасений. Как бы то ни было, с октября 1861 года протекло без малого семь лет, и, хотя на русском небе еще много туч, общий

[631] Бросать жребий.

вид его далеко не столь мрачен, каким он казался в то время. (Карлсбад, 18/30 июля 1868). См. т. I, *лл.* 78 об.

Примечание 27. Отъезд гр. Шувалова — характеристическая черта и лица и влияния известных отношений и условий. Гр. Шувалов был начальником штаба жандармов и управляющим III отделением немного более полугода. Он внезапно оставлял свой пост, на другой день после возвращения государя в столицу, не дожидаясь окончания студентского дела, в котором он был прямым участником, оставлял ого вопреки прямо выраженному ему по этому поводу мнению вел. кн. Михаила Николаевича, кн. Горчакова, ген. Милютина и моему (за обедом у вел. князя 15 числа), оставлял его, чтобы ехать для лечения в Париж, уезжал с весьма необычною торопливостью и, несмотря на все это, не вредил своему официальному положению и рассчитывал верно. Но другой, без тех условий и отношений, которые обеспечивала верность расчета, не мог бы так рассчитывать.

Под заглавием «Великорусс» периодически распространялись в то время разные противоправительственные воззвания. (Карлсбад, 18/30 июня 1868). См. т. I, *лл.* 80 об.— 81.

Примечание 28. Заметки насчет кн. Долгорукова, подобные вышеприписанной, встречаются часто в моем Дневнике. Они большею частью отблеск мгновенного впечатления, которое производилось всегда равными, сдержанными, часто нерешительными и как будто безучастными приемами кн. Долгорукова. Он постоянно опасался всякого жара, всякого порыва и при соприкосновении с ним, действительно, всякий порыв вскоре притуплялся и всякий жар остывал. Но другие его добрые и благородные свойства столь же скоро вновь к нему привлекали, возбуждали и поддерживали к нему доверие и вызывали новые порывы и новые проявления большею частию бесполезного жара. (Карлсбад, 19 июня/1 июля 1868). См. т. I, *л.* 81.

Примечание 29. Представление назимовских бумаг государю кн. Долгоруковым также его характеризует. Несмотря на свои отношения ко мне, несмотря на то, что он не разделял мнения ген. Назимова, он счел долгом представить государю полученный на меня извет и представить оный, не предупредив о том меня, потому только, что Назимов к нему обратился для доведения о том до сведения государя и что кн. Долгоруков не признавал себя вправе, в таких случаях, не исполнять, purement et simplement[632], обращаемых к нему ходатайств. (Карлсбад, 19 июня/1 июля 1868). См. т. I, *л.* 83.

[Примечание 29а[633]]. Общее впечатление было то, что, если бы преклонные лета не мешали митрополиту самому занять место в Совете, возражения устранились бы, о чем я и доложил государю по возвращении. (Тегернзее, 28 июня/10 июля 1868). См. т. I, *л.* 91 об.

Примечание 30. Подобные отметки, не заключающие в себе ничего, кроме указания или перечисления заседаний разных правительственных комиссий, в которых я участвовал, помещаю только в «Отрывках» за 1861 год. Считаю это на первый раз не лишним, чтобы дать более точное понятие о совокупности служебных условий жизни министра внутренних дел в мое время и о невозможности при этих условиях когда-либо пользоваться каким бы то ни было досугом и завершать какую бы то ни было работу без перерывов. (Тегернзее, 30 июня/12 июля 1868). См. т. I, *л.* 95.

Примечание 31. Мои рауты вообще не удались. Я начал их слишком рано и напрасно участил их, сделав воскресными, т. е. еженедельными, что уменьшало наличное число посетителей в каждый из этих вечеров, потому что, конечно, весьма немногие могли быть у меня через каждые 7 или даже

---

[632] Без [исключений] условий и оговорок.

[633] *Данное примечание в тексте* «Отрывков из Дневника» *дано под строкой.*

14 дней. Но основную мысль я считаю до сих пор верною. Я желал дать этим приемам совершенно официальное свойство, у нас новое, потому что наши официальные лица вообще принимают, наравне с неофициальными, только один и тот же круг знакомых, более или менее обширный и разнообразный по личностям, но не по элементам. Я желал, во-первых, открыть салон, в котором приезжие из губерний могли бы встречаться с петербургским светом всех подлежавших категорий; во-вторых, я желал совместить в этом салоне наш т. н. beau monde с представителями наук, художеств и литературы; наконец, в-третьих, я желал ввести в салонные круги общежития духовенство всех христианских исповеданий, чему приличествующая форма «раута» давала возможность. Все эти желания были исполнены, и, следовательно, возможность их более полного и прочного исполнения доказана, несмотря на неудачу моих вечеров в их совокупности. Я видел у себя в одно и то же время членов Государственного совета и мировых посредников, министров и уездных предводителей, кн. Кочубей и протопресвитера Бажанова, лютеранского епископа Ульмана и римско-католического митрополита Жилинского рядом с протоиереем Рождественским, лорда Нэпира и академика Бэра, литераторов, художников, департаментских вице-директоров и т. д. Думаю, что моя мысль заслуживала и поощрения, и подражания. Поощрения ей оказано мало, подражания не было вовсе. (Тегернзее, 30 июня/12 июля 1868). См. т. I, лл. 97 об.—98.

Примечание 32. В предшедших «Отрывках» за 1861 год мною выписано все существенное и даже многое несущественное из моего Дневника. Повторяю, что я прежде всего имел в виду сохранить этим отрывкам свойства современной подлинности. Весьма многое в них не досказано. Таким образом, почти не упоминается о текущих делах моего министерства и, между прочим, о ходе крестьянского дела,

имевшего в то время столь важное и обширное значение. Это происходит оттого, что по всем делам, более или менее непосредственно от меня зависевшим, я всегда встречал менее затруднений, чем по делам, приводившим меня в совещательное соприкосновение с другими министрами и с высшими правительственными коллегиями.

Казалось, что мое официальное положение было обставлено благоприятными условиями и обеспечивало мне должную меру влияния на дела. Меня отмечали, мне оказывали благоволение и доверие, моя инициатива обнаруживалась в делах других ведомств, например, по вопросам о пересмотре и изменении цензурных постановлений и о возвышении некоторых статей государственных доходов. Но при всем том я инстинктивно чувствовал шаткость моего мнимого значения. Я уже знал, что у нас часто желают достижения цели, не желая необходимых для ее достижения средств. Я постепенно познавал, что от новых лиц ожидают прежде всего такой изобретательности, которая устраняла бы все правительственные затруднения новыми внешними приемами, а не привитием или применением новых внутренних сил. Я в особенности чувствовал и сознавал свое одиночество. Я знал, что смотрю, думаю и ставлю себе цели несколько иначе, чем все мои сотоварищи. Я знал также, что не могу вполне сойтись ни с одним из них, сомневался, чтобы кто-либо из них скоро мог вполне сойтись со мною, и недоумевал, в какой мере или до какого предела, рано или поздно, мои мысли и убеждения могут быть окончательно и прочно одобрены государем. При таких условиях я должен был действовать осмотрительно, рассчитывать на время и стараться не портить опрометчивою или преждевременною настойчивостью в настоящем возможного успеха в будущем. Это не могло не давать моим действиям некоторого вида нерешительности, быть может, даже шаткости. В одной из не выписанных мною

дневных заметок, не выписанной в своем месте (28 декабря), потому что я имел в виду упомянуть о ней здесь, значится, что при моей непринадлежности к разным кружкам, которые меня считают полусвоим, «трудно избегать некоторой двуличности, а между тем нельзя быть явным особняком, потому что высочайшая воля колеблется, и попытка торопливо устранить ее колебания могла бы испортить дело». Я был вправе надеяться, что эта воля окончательно склонится на мою сторону. Между тем я мог находить себе временных союзников и сам мог быть временным или случайным союзником, я был слугою и защитником самодержавных прав верховной власти вместе с кн. Гагариным и г.р. Паниным, но разумел самодержавие иначе, чем кн. Гагарин и гр. Панин. Я оберегал все коренные права правительства вместе с ген. Чевкиным, но разумел иначе, чем он, и круг этих прав и достоинства правительства. Я соглашался с Головниным насчет необходимости некоторой свободы печати, но не разумел под этою свободой полного простора для развития материализма и демократической пропаганды. Я защищал вместе с кн. Суворовым некоторые учредительные особенности Прибалтийского края, но всегда подчинял их общим условиям государственного единства России и круто отвергал любимые ссылки кн. Суворова на рижскую капитуляцию в Ништадтский трактат. Я был с вел. кн. ген.-адмиралом, когда обнаруживались попытки нарушить коренные начала Положений 19 февраля, и против вел. князя, когда он и Главный комитет гнули закон в одну сторону, всегда защищая притязания крестьян и оказывая оскорбительное пренебрежение к всякому праву помещиков. Я был с гр. Блудовым по делам еврейским и не с ним по делам раскола. Я делал улучшения быта православного духовенства и ограждения достоинства православной церкви, но, стремясь к предоставлению ей большей независимости от гражданской власти, я в то же время желал

и ограждения прав других вероисповеданий и предоставления всем русским подданным полной свободы совести. Наконец, по делам Царства Польского и Западного края я искал вместе с многими другими нового исхода, новых путей, но постоянно сознавал внутреннюю связь этих дел с делами империи и уже в 1861 году говорил, что польский вопрос разрешим не в Варшаве, а в Москве и Петербурге. Подтверждением всему этому служит не только то, что мною было сделано, написано или сказано, но и ряд разнообразных упреков, которым я с разных сторон подвергался.

Мое министерское семилетие заключает в себе два периода: первый, который я назову наступательным, в котором я надеялся, задумывал, предпринимал, не ограничивая своих начинаний, или вчинаний ближайшим кругом предметов прямого ведения Министерства внутренних дел; и второй, который надлежит назвать оборонительным, в котором я не отчаивался, продолжал или довершал начатое, отстаивал сделанное и старался сдерживать или ограничивать успехи начал и стремлений, противоположных моим началам и моим стремлениям. Первый период обнимает время с моего вступления в управление Министерством до конца 1863 года; второй простирается до сдачи Министерства ген.-ад. Тимашеву. Большая часть того, что мною вообще сделано, предпринято, начато, или подготовлено, относится к первому году моего управления. В нем написаны первые записки, имевшие целью обратить внимание государя на неизбежность коренных перемен в нашем государственном строе, сделаны попытки к более правильному устройству делопроизводства Комитета министров и Совета министров, направлены подготовительные работы по вопросу о земских учреждениях, обращено внимание на недостатки медицинского управления, приступлено к преобразованию городских учреждений, дано новое направление делам о раскольниках, положено

начало новому порядку и направлению делопроизводства в Министерстве внутренних дел и подняты вопросы об улучшении внутреннего быта православной церкви и внешнего быта православного духовенства, об отношениях православной церкви к другим христианским вероисповеданиям и общих началах свободы совести, о преобразовании университетов, об устройстве правительственной прессы и о новом законодательстве по делам печати. (Тегернзее, 3/15 июля 1868). См. т. I, *лл.* 101 об.— 104.

[Примечание 32а][634]. Это относилось к выраженной мною однажды надежде, что к весне предстоявшего года окажется возможным несколько упростить и децентрализовать делопроизводство Министерства. (Тегернзее, 3/15 июля 1868). См. т. I, *л.* 106.

Примечание 33. Под делом о государственных имуществах разумеется здесь ряд учредительных предположений о поземельном устройстве государственных крестьян. Новая система оценок или полукадастрового определения поземельной платы была моим делом. Я провел это дело в Министерстве государственных имуществ и впоследствии способствовал и к проведению его законодательным порядком. В отношении к правам отказа от земель и к наделу землями также были приняты мои предположения. (Тегернзее, 4/16 июля 1868). См. т. I, 106 об.

Примечание 34. Все эти совещания по вопросу «о выборах» были собственно совещаниями о мерах к предупреждению со стороны дворянских собраний неудобных для правительства заявлений или ходатайств и о мерах, которые надлежало принять, или отзывах, которые надлежало дать в этих случаях, когда такие заявления или ходатайства состоялись. Во

---

[634] *Данное примечание в тексте* «Отрывков из Дневника» *дано под строкой.*

всех этих случаях гр. Панин предлагал общие внушения или разъяснения, исходя от мысли, что всякое неудобное или неуместное постановление сословных собраний есть как бы результат недоразумения, незнания того, что государю благоугодно или неблагоугодно, или же последствие расчета на слабость и нерешительность правительства, между тем как надлежащее со стороны его внушение немедленно обнаружит ошибочность такого расчета.

Кн. Долгоруков в свою очередь постоянно возвращался к толкованию того, что закон разумеет под выражениями «ходатайства о пользах я нуждах», и старался изыскать доказательства неприменимости этих выражений к тем заявлениям и ходатайствам, которые правительство находило неудобными или неуместными. Между тем в среде дворянских собраний кипело раздражение, вызванное Положениями 19 февраля и разными обстоятельствами, сопровождавшими составление этих Положений. Оппозиционные или демонстрационные в отношении к правительству постановления предлагались и принимались вовсе не по недоразумению, а с полным сознанием вызываемых ими впечатлений. Одно время при сдержанном и умеренном употреблении репрессивных мер могло изменить это настроение собраний. (Тегернзее, 4/16 июля 1868). См. т. I, л. 108.

Примечание 35. Выписываю это в виде образчика иногда употреблявшихся мною приемов для того, чтобы не обнаруживать раздражительности со стороны правительства и вместе с тем не давать мелодраматического значения некоторым недоразумениям с сословиями. В настоящем случае я мог воспользоваться личными приязненными отношениями к гр. Шувалову и incident моего циркуляра не имел других последствий. (Тегернзее, 4/16 июля 1868). См. т. I, л. 109.

Примечание 36. Продолжаю отмечать случаи совещаний в присутствии государя и все обеды, и вечера в разных дворцах.

Эти отметки составляют своего рода статистику, имеющую в разных отношениях некоторое значение. (Тегернзее, 4/16 июля 1868). См. т. I, *л.* 109 об.

Примечание 37. Для уразумения этого «incident» надлежит иметь в виду как прежний порядок отдельного восхождения до государя польских дел, так и порядок, только что установленный новыми указами о высших учреждениях в Царстве Польском. Велопольский находил, и с формальной стороны не без основания, что учреждение нашего Комитета без всякого ограничения его компетенций было отступлением от порядка, установленного тою же высочайшею властью, которая учредила Комитет. С точки зрения членов Комитета, не существовало никакого затруднения, потому что всякое проявление высочайшей самодержавной воли есть сама по себе и «ratio» и «ultima ratio»[635]. (Тегернзее, 5/17 июля 1868). См. т. I, *л.* 112.

Примечание 38. Далее окажется, что гр. Панин не только оттянул, но и похоронил дело. Несмотря на повторенное ему впоследствии через меня же высочайшее поручение, он нас не собрал, и моя мысль о состязательном совещании «политических» министров вне присутствия государя осталась неосуществленною. Считаю то, что я не настоял на ее осуществлении, одною из моих важнейших ошибок. Мне следовало настоять, взять верх или сойти со сцены. Меня часто упрекали в недостатке стойкости. В настоящем случае меня в ней не обвинили, но могли и должны были обвинить с гораздо большим основанием, чем в других. Я сознательно просил и желал вышесказанного совещания. Я желал его, чтобы исчерпать всю чашу радикальных разномыслей между теми именно министрами, которых голос имел значение для государя и которые обыкновенно высказывались по делам

---

[635] «довод» и «последний довод».

внутреннего управления государством. Я желал совещания между нами, а не в присутствии государя потому, во-первых, что между нами можно было говорить прямее и резче, без ораторских предосторожностей, и, во-вторых, потому, что я уже испытал неудобства совещаний под высочайшим председательством. Государь вообще не имеет дара председательства. Он терпелив, равен и внимателен только сначала, до наступления первых ощущений досады или утомления. По наступлении этих ощущений он видимо изменяется и вдруг, переходя от слушания к приказанию, нередко прекращает совещательные суждения порывистым объявлением своей воли, установившейся не только как окончательное последствие всего услышанного и взвешенного, но иногда и как результат мгновенного впечатления. При этих условиях некоторые члены Совета министров, присвоившие себе права говорить больше всех и по нескольку раз, как гр. Панин и ген. Чевкин, могли иметь особое влияние на ход и исход совещания. Другие члены, как кн. Долгоруков, вообще говорившие мало и неохотно, не могли иметь никакого влияния. Наконец, все те, которые не избегали возбуждения в государе чувств раздражения и гнева против отдельных лиц или целых сословий, имели перед собою как бы более простора и более способов убеждения, чем другие.

Почему именно гр. Панин воспротивился осуществлению моей мысли и каким образом он дал в том отчет государю, мне осталось неизвестным.

Думаю, что гр. Панин опасался столкновения, которое могло бы затруднить государя, и в особенности опасался, быть может, даже из личного ко мне участия, возбуждения вопроса о допущении, с какими бы то ни было ограничениями, совещательного представительства сословий в делах общего государственного управления. Думаю также, что эти именно соображения были им представлены государю и

способствовали, вместе с разными другими обстоятельствами, возбуждению или укоренению в его уме понятия о моем «конституционном» направлении. Государь никогда не обнаруживал прямо этого понятия, но иногда им как-то от него веяло. (Тегернзее, 5/17 июля 1868). См. т. I, *лл*. 113—114.

Примечание 39. В заседании Совета министров Рейтерн неожиданно заявил, что вследствие неразрешения вопроса о губернских земских учреждениях останавливается будто бы подготовленная уже реформа податной системы. Эта полуопрометчивость, полунедобросовестность, к сожалению, ему почти всегда свойственны в полемическом пылу совещаний, особенно в присутствии государя. Далее окажется, что проект главных начал устройства земских учреждений был мною окончен через три дня, доложен Совету министров на следующей же неделе и обратился в закон с 1 января 1864 года, а податная реформа до сих пор не только не осуществлена, но даже и не проектирована. (Тегернзее, 7/19 июля 1868). См. т. I, *л*. 121.

Примечание 40. Полуполитические «митинги» под видом лекций в разных помещениях и большею частью с благотворительными ярлыками в то время вошли в обычай. К числу любимейших ярлыков принадлежали недостаточная учащаяся молодежь и литераторы. Дезорганизация и деморализация СПб. университета способствовали водворению этого обычая. Они были последствием не только всего прежнего «régime», но и неспособности разных глав Министерства народного просвещения и эксцентричных взглядов бывшего попечителя кн. Щербатова. При нем завелись сходки студентов, внутренняя организация pseudo-благотворительных кружков и тот ряд превратных понятий, который обращал недоучившихся студентов в литературных и даже политических деятелей. Кн. Щербатов при ограниченном уме и неограниченном самолюбии, вероятно, сам не давал себе отчета в

последствиях своей системы. Он приобретал ею значительное личное влияние на студентов и считал это влияние правильною и прочною властию, а полудисциплину подчинявшихся ему студентских кружков — прочным университетским порядком. (Тегернзее, 7/19 июля 1868). См. т. I, л. 121.

Примечание 41. Вопрос о непринадлежности государственным крестьянам казенных земель действительно решен впоследствии в моем смысле и, могу сказать, единственно по моему настоянию. В этом деле я был вынужден принять на себя и до конца выдержать роль министра государственных имуществ. Стремление извращать всякое понятие о праве собственности и жертвовать, без всякой надобности, государственным достоянием составляет характеристическую черту этого времени и некоторых лиц, принимавших руководящее участие в составлении Положений 19-го февраля. Их заветною мыслью, однажды высказанною[636] Николаем Милютиным, было уничтожить со временем последствия своего собственного выкупного закона, признать и выкупные помещичьи земли крестьянскою собственностью и разверстать выкупные платежи на всех вообще сельских обывателей под видом поземельного налога. Для этого им нужно было воспрепятствовать всякому возвышению поземельных платежей, взимаемых с крестьян государственных. Если бы наш бюджет вместо постоянных и значительных дефицитов представлял постоянные и значительные избытки доходов, и если бы во главе правительства находились одни представители крестьянского сословия, то нельзя было бы придумать более соответствующего тому и другому условию одностороннего направления. Рядом с ним, и с тем же самым постоянством, обнаруживалось равнодушие и даже какое-то враждебное настроение в отношении к интересам, нуждам и правам частной, т. е. некрестьянской, поземельной собственности. Одни

---

[636] Ухищрения.

крестьяне признавались солидарными с Русскою империей. Помещики как будто обратились в неприязненную государственную стихию. Преуспеяние или упадок их хозяйства утратили должное значение даже в глазах министра финансов. Правительство совершило всю крестьянскую реформу исключительно на их счет, не сделало для них ничего, кроме назначения пособий мелкопоместным,. т. в. тем, которые почти вовсе не были помещиками, и несмотря на то, когда я поднял вопрос о распространении начал обязательного выкупа на издольные имения, я встретил всеобщее сопротивление, должен был вынести этот вопрос, так сказать, на своих плечах и мог его вынести только потому, что государь на этот раз стал решительно на моей стороне, против своего брата и моих сотоварищей. (Тегернзее, 7/19 июля 1868). См. т. I, *лл.* 121 об. — 122.

Примечание 42. Здесь опять видна одна из особенностей системы Рейтерна и некоторых других министров при делах с государем. К чему вдруг явились 9 марта 1862 сметные соображения на 1863 год? Как установилась при шаткости разных элементов нашего финансового положения дефицитная цифра 36 миллионов? Дело было в том, чтобы поколебать государя при разрешении вопроса, заключавшегося в журнале финансового комитета. Аргументация моего мнения была здоровее и рельефнее, чем аргументация большинства. Министр финансов чувствовал это. Предубедить государя было нельзя. Оставалось, буде возможно, его встревожить и напугать. Тот же самый маневр я видел не раз, а десятки раз.

Не раз также, а десятки раз я был вынужден совершать «тур-дефорсы»[637] — не знаю, как их назвать по-русски — вроде пересоставления законодательного проекта земскохозяйственных учреждений и проведения его через многочленную комиссию в течение двух или трех суток. Я говорю «вроде»

[637] Ухищрения.

этого дела, потому что, конечно, подобные работы могли относиться только в виде редкого исключения к проектам каких бы то ни было законоположений. Но два условия — прямой личный труд и крайняя спешность этого труда — мне часто навязывались обстоятельствами. В настоящем случае, никогда не прибегая к заочным опровержениям, и всегда избегая пререканий в присутствии государя, я не имел другого средства рельефно обнаружить перед ним несостоятельность показания министра финансов, будто бы податная реформа замедляется Министерством внутренних дел. В других случаях я не мог или полагал, что не мог, иначе озадачить моих противников, или предупредить, или устранить последствия тех коллегиальных, частных или канцелярских маневров, которым я сам всегда оставался чуждым. (Тегернзее, 7/19 июля 1868). См. т. I, л. 123.

Примечание 43. В отметке: «отчасти — правда» нахожу след сознания моих колебаний. Быть может, я ошибался, выжидая более благоприятных обстоятельств. Моими заветными мыслями были дела церкви и преобразование Государственного совета. В том и другом отношении я чувствовал, что нельзя еще было рассчитывать на решительную опору, как со стороны государя, так и со стороны императрицы. (Тегернзее, 8/20 июля 1868). См. т. I, л. 125.

Примечание 44. Эта уступчивость может оказаться странною, но при известных обстоятельствах и данной обстановке она была необходима. Я знал, что мысль о подоходном налоге нельзя провести разом и вообще нельзя провести скоро. Я знал, что во всякое время могу ее поднять снова (что и сделал два раза, но безуспешно), хотя гораздо желательнее было, чтобы ее принял и затем поднял министр финансов. Между тем всякая настойчивость с моей стороны в настоящем случае не только имела бы в глазах членов Комитета вид самолюбивого упорства, но и раздражила бы министра финансов, с

которым в это время мне нужно было достигнуть соглашения по выкупному вопросу. (Тегернзее, 8/20 июля 1868). См. т. I, *л.* 126.

Примечание 45. Мерами отрицательными я постоянно называл все безрезультатные или малорезультатные толки о невозможных сокращениях неизбежных или необходимых расходов. Мерами положительными — все то, что могло усилить доходы и в особенности способствовать развитию производительных сил государства. Сюда я относил улучшение путей сообщения и устройства железных дорог, устройство поземельного кредита, одобрение частной предприимчивости, успокоение встревоженных прав собственности, уменьшение заграничных платежей развитием у нас тех производств (рельсового, машинного и вагонного), в котором нуждались железные дороги, обложение усиленным подоходным налогом наших заграничных «absentus» (в особенности прошивальщиков, а не ездоков), уменьшение непроизводительных расходов, сопряженных с ненормальною системою управления в Царстве Польском и Западном крае, ограничение порывов к устройству даровой юстиции и дарового учебного образования и т. п. Вообще, по странному влиянию привычек и обстоятельств, я почти всегда один держался на почве финансовой. Комитет стоял на почве казначейской. Он был не Комитетом финансов, а Комитетом государственного казначейства, как и сам министр финансов большею частью довольствовался ролью министра казначейства. Главною задачей было уравновешение бюджета казначейским приемом сбавок. Но эта задача почти всегда оказывалась неразрешимою или потому, что нельзя было сделать нужных сбавок, или потому, что влияние сбавок уничтожалось дополнительными сверхсметными кредитами, неизбежными тем более, и тем в больших размерах, чем менее рациональны были предположенные сбавки.

Все вышеупомянутые заседания Комитета финансов происходили в усиленном составе, т. е. с присоединением к нему министров военного, морского, иностранных дел, юстиции и государственных имуществ, потому что целью совещаний были пересмотр и сокращение сметных требований разных министерств. (Тегернзее, 9/21 июля 1868). См. т. I, 127 об.

Примечание 46. Старание опутывать членов коллегий редакционными оборотами журналов, говорить в журнале о том, о чем в заседании не упоминалось, умалчивать о том, о чем было говорено, искажать смысл представленных соображений и выводить заключения, никем из членов коллегии не выведенных, — все это давно вошло не только в обычай, но и в систему наших высших канцелярий. Я иногда мешал им, но по недосугу не довольно часто. Некоторые из членов высших правительственных коллегий, в том числе кн. Гагарин и ген. Чевкин, а впоследствии Н. Милютин, не только не противились этим канцелярским маневрам, но ими пользовались и порою даже руководили. (Тегернзее, 6/18 июля 1868). См. т. I, л. 129.

Примечание 47. К сожалению, не одно безмолвие некоторых членов, и не одна подача голоса без заявления оснований своего мнения характеризуют совещания Государственного совета. Есть две другие черты, еще более неудобные, которые свойственны большинству его членов. Первая заключается в отсутствии привычки подводить встречающиеся частные случаи под известные общие начала и в проистекающей от того непоследовательности. Нынешнее мнение не согласуется с вчерашним, а завтрашнее не будет согласоваться с нынешним. На первый взгляд противоречие не всегда заметно, но при малейшем анализе оно обнаруживается. Иногда кажется, как будто наши сановники только один раз в жизни призываются к подаче своего голоса. Прошлого для них не было, грядущего не будет. Настоящее имеет вид от-

рывочного случая. Ген. Чевкину принадлежит даже честь возведения непоследовательности в систему. Он однажды сказал мне просто, в ответ на замечание, что заявляемое им мнение противоречит его же собственному вчерашнему мнению: «Вчера мы рассуждали как члены Главного комитета, сегодня мы рассматриваем дела как члены Комитета финансов». Другая черта состоит в неимоверной готовности пожертвовать всяким основным началом ввиду мгновенного или частного удобства. Иногда даже и самое удобство принимается на веру, например, по делам, имеющим какое-нибудь отношение к церкви, — на основании двух-трех слов синодального об.-прокурора, по делам финансовым — на основании двух-трех слов министра финансов. Ход внутреннего мышления в таких случаях приблизительно следующий: «Дело мне представляется так... Противное тому несправедливо или вредно... Но об.-прокурор Синода или министр финансов сказал то и то... Нам следует поддерживать православие или финансы. Мне это, — или другое, — приличествует. Ergo — с об.-прокурором или с министром финансов». (Тегернзее, 11/23 июля 1868). См. т. I, *л.* 133.

Примечание 48. Объяснение между государем и вел. князьями было весьма непродолжительно. Я помню, что еще не успел уехать из дворца, когда вел. кн. Константин Николаевич вышел в приемную, перед комнатой, где заседает Совет министров, и объявил сам о своем новом назначении. Таким образом, решился долго и медленно назревавший вопрос о новом переустройстве управления в Царстве Польском и наступил злополучный, но необходимый опыт наместничества вел. князя при наперстничестве маркиза Велопольского.

Далее окажется, почему преимущественно этот опыт был злополучным. Здесь надлежит прежде всего объяснить, почему он был необходим.

Гнилое управление наместника кн. Горчакова рушилось в самом себе при звуке первого залпа, огласившего варшавские улицы по приказанию ген. Заболоцкого. Оно не могло безнаказанно дать одного залпа, потому что не имело духа дать его сознательно, и давши его, не имело духа дать второй, третий, и в случае надобности, десятый. Оно было гнило и по наследию от управления фельдмаршала кн. Варшавского, и по внутреннему составу, и по началам, на которые оно опиралось, или которыми оно руководствовалось, и по свойству его отношений к центральной и высшей государственной власти. При первом явном столкновении русского правительства с польским революционным движением нравственное превосходство осталось за сим последним, и оно сохранилось за ним вполне до назначения вел. князя наместником и до покушений на жизнь ген. Лидерса и самого вел. князя, и отчасти до мятежа 1863 года, когда неистовства революционеров, демагогический характер восстания, выступление русских войск на первый план и отодвинутие гражданского неспособного управления на второй, и наконец, обаяние успеха возвратили нам нравственный перевес.

С того дня, как кн. Горчаков, столько раз блистательно храбрый под неприятельским огнем и рыцарски благородный в делах служебных и частных, но давно уже нравственно сокрушенный и умственно увядший под гнетом самовластия кн. Варшавского, оробел перед польскими агитаторами, свил русское знамя перед значками уличных демонстраций, свел с площади русское войско и передал вверенную ему законную власть, хотя и временно, для мнимого охранения этою самою передачей окончательно ниспровергнутого порядка самозванным варшавским начальствам и делегатам, с этого самого дня он в сущности перестал быть наместником. Его следовало немедленно отозвать и назначить ему преемника, на решительность действий которого можно было бы положиться.

Следовало также безотлагательно усилить наши военные силы в Царстве. Ни того, ни другого не сделано. Кн. Горчаков остался наместником, хотя государь ни в чем не одобрял его распоряжений, отчасти потому, что его поддержал другой кн. Горчаков, министр иностранных дел, отчасти потому, что у нас вообще туго меняются высшие правительственные лица в те именно критические времена, когда их смена вместо предполагаемого ослабления правительственного авторитета прямо способствует его восстановлению. Что же касается военных мер предосторожности, то в начале 1863 года ясно обнаружилось, как мало мы к ним были склонны. Вообще гражданские чины правительства оставались или были оставляемы в этом отношении в совершенном неведении.

Весь ряд правительственных распоряжений по делам Царства с февраля 1862 года до назначения вел. кн. ген.-адмирала наместником и Велопольского начальником Гражданского управления был в сущности не чем иным, как рядом уступок и рядом безуспешных попыток выйти из затруднительного и не соответствующего достоинству империи положения в отношении к Царству. Первый момент для подавления всякого сопротивления силою был пропущен кн. Горчаковым. Пролитие крови в этих видах становилось более и более затруднительным, потому что оно более и более принимало свойства меры, направленной к позднему исправлению правительственных ошибок, а не вызванной внезапною и повелительною необходимостью. Вообще первая пора внезапности миновалась. Польский вопрос успел воскреснуть и ввиду его осветилось воспоминание о том, что мы делали и сделали в Польше с тридцатых годов. И система, и результаты нашего управления в этой сатрапии не могли никого ослепить своим блеском. В Европе заговорили о Польше и поляках с обновленною силою. Проведение иностранного вмешательства в наши дела поднялось на Западе.

Между тем внутренние дела империи, где крестьянский вопрос только что разрешился в законодательной форме, и должен был начинать разрешаться в форме практической, требовали и внешнего и внутреннего спокойствия. Органический статут 1832 года был вызван из архивного забытия. Состоялись мартовские узаконения. Они развивались или дополнялись. Гр. Ламберт, ген. Сухозанет и ген. Лидерс попеременно были призваны к управлению Царством. Но нигде и ни в чем успех не соответствовал ожиданиям. Напротив того, волнение охватывало западную окраину империи. Надлежало выйти, наконец, из заколдованного круга законодательных и распорядительных неудач.

У поляков, по выражению ген. Крыжановского, была идея; у нас ее не было. Мы противопоставляли нравственным силам одну материальную силу. Безусловное господство России над Польшей может быть фактом в Польше, но не идеей. Оно может быть идеей у нас, но и у нас до мятежа 1863 года не только не обнаруживалось влияния этой идеи, но напротив того, заметно было то «поразительное отсутствие патриотизма» ввиду польских крамол, о котором я впоследствии упомянул в одной из представленных мною государю записок. Другое обстоятельство, для нас весьма затруднительное, заключалось в единодушии польского движения. Все классы населения в нем участвовали. Духовные интересы веры казались в тесном союзе с политическими интересами края и с гражданскими интересами разных сословий. Это единодушие, эта всеобщность движения придавали нашему владычеству и всем нашим требованиям еще более исключительное свойство грубого насилия. Нужно было во что бы ни стало противопоставить идеям идею и поколебать единодушие поляков. Такою идеей могло быть изменение прежнего правительственного порядка на основании начал, соответствовавших некоторым из выраженных поляками желаний, и

могущих со временем получить еще более обширное развитие. Способом к образованию в Польше правительственной партии могло быть призвание поляка к участию в высшем управлении делами Царства. Один маркиз Велопольский изъявлял готовность оказать в этом деле желаемое правительством содействие. Решимость и твердость, с которыми он с самого начала движения отдалился от своих соотчичей, позволяли надеяться на его стойкость. При его уме, знания местных нужд и влиянии предоставляемых ему средств надлежало ожидать, что он привлечет к себе других. Во всяком случае самый факт, что именитый поляк становился в ряды правительства и что правительство ему оказывало доверие, уже имел неоспоримое значение. Но его крутой нрав был испытан, его неприязненные, отношения к местным властям были известны. Надлежало назначить над ними и над ним власть высшую, в лице наместника, перед кем естественно сглаживались бы мелкие затруднения личных самолюбий и естественно склонялся бы сам Велопольский. Таковы были уважения, которые постепенно установили колебавшуюся мысль государя на комбинации 10-го мая и привели к этой комбинации мнения почти всех главных его советников.

Некоторые из этих советников не льстили себя слепою надеждою на полный, и в особенности на скорый успех. Но они думали, что при данном положении внутренних дел России прежде всего нужно было выиграть время и предупредить возведение польского вопроса на степень, вопроса европейского. Они, кроме того, предусматривали необходимость, мер решительных и строгих для восстановления в Царстве достоинства коронной власти, и находили полезным, чтобы эти меры были приняты при прямом и явном участии поляка Велопольского. Характеристичны обороты речи, постоянно употреблявшиеся одними я теми же лицами при совещаниях в присутствии государя, в течение апреля и мая

месяцев. Бар. Мейендорф указывал на необходимость системы «de conciliation et de mesures modérées pour prévenir des complications européennes»[638]. Кн. Горчаков, охотно употребляющий рельефные выражения, находил «qu'il faut un bain de sang pour rétablir le prestige de l'autorité[639]. Я говорил: «il faudra sévir; et il vaut mieux que ce soit un Polonais qui sévisse»[640]. Эта мысль, что Велопольский призывался к делам именно в видах решительного и строгого восстановления правительственной власти, в такой мере была на первом плане и как ему самому так и ближайшим его клевретам известна, что ст.-секретарь Энох при мне говорил: «le marquis est l'homme de la mitraille»[641].

Последовавшие события обнаружили, в какой мере Велопольский был намерен или способен исполнить данную ему программу, и в какой мере сам наместник себе усвоил ее истинное значение. Уровень государственных способностей вел. князя определился с надлежащею точностью во время его наместничества, и последствия этого наместничества до сих пор не менее ощутительны в России, чем в Царстве Польском. Мы ему обязаны поворотом назад в правительственных правилах и приемах. Система исключительного употребления материальной силы как будто приобрела санкцию нового опыта. Между тем результаты этого опыта далеко не суть результаты окончательные, и польский вопрос остается неразрешенным. Если для его разрешения нужно было выиграть время, и, если для выиграния времени нужны были назначения вел. князя и Велопольского, то целью выигрывания этого времени не могло быть одно предупреждение вмешательства

[638] Примирения и умеренных мер в целях предотвращения осложнений в Европе.

[639] Что необходимы потоки крови для восстановления престижа власти.

[640] необходимо свирепствовать; и лучше, чтобы свирепствовал поляк.

[641] Маркиз — человек картечи.

иностранных держав. Надлежало дать возникнуть и развиться в самой России той притягательной и соединительной силе, которая должна, и которая одна может покончить с делом. Польский вопрос давно предрешен соотношением масс, но он не может быть разрешен одним разом вследствие различия элементов этих масс. Чтобы никогда не было независимой Польши, России достаточно продолжать жить. Но чтобы Польша окончательно влилась в Россию и с нею сроднилась, нужно чтобы русскому народу была дарована политическая жизнь. Народ, которого политические нрава ограничивается правом платить подати, правом ставить рекрут и правом кричать «ура!» еще не имеет ассимиляционных сил. Воображать, что Комитеты, где председательствуют князья Гагарины и где заправляют делопроизводством статс-секретари Жуковские, могут отменить действие общих исторических законов — значит пребывать в Пекине и рассуждать мандаринским рассудком. Мы постоянно забываем, что кроме усложнения польского вопроса различием вероисповеданий он затруднен различием степеней гражданской цивилизации и памятью прошедшего. Наши славы и наши страдания принадлежат к разным эпохам и отчасти друг другу противоположны. Требовать, чтобы поляки забыли Стефана Батория и Яна Собесского, чтобы помнить Иоанна Грозного, и забыли Мицкевича, чтобы читать Пушкина и Карамзина, очевидно невозможно. Но мы должны требовать, чтобы они примирили воспоминания о Сотском и Батории с памятью об Иоанне III, собирателе Русской земли, о Грозном, о Петре Великом, о Екатерине, Александре I и императоре Николае, и примирили чтение Мицкевича с чтением Пушкина и Карамзина. Это примирение, или начало этого примирения, — одна из исторических задач царствования императора Александра II-го. Но для совершения, или даже для начатия примирения, нужно даровать что-нибудь полякам, а, чтобы даровать что-нибудь им, нужно даровать и

русским, если не более, то по крайней мере то же самое. Выигрывание времени нам было нужным и нам остается нужным именно для дарования этого нечто. Но это нечто не будет даровано пока, как я выразился в присутствии государя 15 апреля 1863 г., мы признаемся «зрелыми и самостоятельными, когда нужны жертвы, преданность, умственный труд, или кровь, и обращаемся в несовершеннолетних, когда речь о других проявлениях зрелости и самостоятельности».

Процесс ассимиляции есть вообще процесс медленный. Выделение из массы польских мятежных элементов сперва одной части, потом другой и потом еще других может происходить только постепенно и тем безостановочнее, чем менее мы будем нарушать естественный ход этой постепенности нерассудительными порывами законодательного гнева и попытками насиловать то, что по существу своему ускользает от насилия. Мы должны помнить, что, кроме естественных трудностей дела, мы встречаем в нем еще добавочные, посторонние затруднения. Польша составляет пограничную область, смежную с другими частями прежней Польши, перешедшими под владычество других держав. Между всеми этими частями сохранились нравственные связи. Кроме того, иностранные государства находят выгоду в том, чтобы не дать умирать польскому вопросу. Поляки, естественно, могут надеяться, рано или поздно, на иноплеменную помощь. Наконец, они мало верят нашему уменью и, зная наши слабые стороны, испытав столько раз наши ошибки, не только нас не любят, но и мало уважают. Без надежды на Париж не было бы восстания 1863 г., без пренебрежения к петербургской правительственной сфере; Велопольский иначе приступил бы в 1862-м к исполнению вверенных ему обязанностей.

Никогда и нигде современный польский вопрос не был разъяснен так полно и так отчетливо, как в статье «Русского Вестника» под заглавием: «Что нам делать с Польшей?» (в мартовской книжке 1863 г., вышедшей в мае). Замечательно,

что содержание этой статьи как будто забыто впоследствии не только теми, кто ее читали, но и тем, кто ее написал, или по крайней мере издал. Я пытался в 1867 году обратить на нее внимание гр. Шувалова, но он даже не удосужился прочитать эту статью, хотя возвратил мне не ранее как через 6 или 7 месяцев. В ней сказано, между прочим, следующее: «...Неизбежное зло нашей истории состоит в том, что доверие, соединявшее народ с верховною властью в неразрывное целое, и создавшее Русскую землю, не было совершенно обоюдным и взаимным... В развитии взаимного доверия между верховною властью и народом должно заключаться все наше политическое развитие... Представительство в этом смысле может быть не чем иным, как правильно организованною силой общественного мнения. Общественное мнение есть великая сила нашего времени. Но сила эта может хорошо действовать только тогда, когда она группируется вокруг какой-нибудь правильной и законной организации... Коль скоро общественное мнение в этой организации будет оставаться только мнением, то нет причины стеснять сферу предметов, которых оно может касаться... Напрасно стали бы мы думать, что люди будут судить о деле лучше и полезнее, когда мы ограничим сферу их занятий и дадим им лишь то, что менее значительно... Польский вопрос может быть решен удовлетворительным образом только посредством полного соединения Польши с Россией в государственном отношении... Польша должна быть крепкою частью России в политическом отношении. Что же касается до политического представительства, то в соединении с Россией Польша может иметь его не иначе, как в том духе и смысле, которые выработаны историей России, а не по какому-нибудь искусственному типу, равно чуждому и польской, и русской истории» (стр. 497, 498, 505 и 506).

Это представительство, или по крайней мере начала этого представительства «в духе и смысле выработанных историей

России» я имел в виду, когда я испрашивал 9 февраля 1862 года высочайшее повеление на особое совещание между министрами и когда вслед за тем 23-го числа того же месяца я в первый раз заявил государю мысль о преобразовании Государственного совета с допущением в него временных выборных членов от губерний. Далее окажется, что я оставался верным своему взгляду на дело и что я, согласно с этим взглядом, повторял, что польский, западный, прибалтийский и быть может другие грядущие вопросы этого рода разрешимы не в Варшаве, Вильно, Риге, Тифлисе или Иркутске, а в С. Петербурге и Москве. (Тегернзее, 12/24 июля 1868). См. т. I, *лл*. 137—144.

Примечание 49. Экземпляры почти всех возмутительных листков того времени сохранились между моими бумагами. Здесь я не имею под руками никаких вспомогательных материалов, кроме некоторых писем, и вынужден ограничиваться, в дополнение к моему дневнику, тем, что сохранилось в моей памяти. От этого может происходить, во-первых, отсутствие некоторых приложений, не лишенных интереса и значения, во-вторых, некоторая неполнота в тексте моих примечаний. Кроме того, я начинаю пользоваться для выиграния времени другой рукою для выписок из дневника, продолжая сам писать все примечания. Так как при этом мне случается писать майское примечание прежде апрельского и т. п., то легко могла бы произойти некоторая сбивчивость (до сих пор, впрочем, мною еще не замечаемая) в приурочении этих примечаний. (Тегернзее, 13/25 июля 1868). См. т. I, *л*. 146 об.

Примечание 50. Подробности пожара описаны в современных газетах, а его последствия для здания и для Министерства — в моем отчете. Ни тогда, ни после действия Министерства в этом случае не были оценены по достоинству. Утром 20-го числа несколько десятков тысяч дел и разрозненных бумаг, выброшенных в окна и кое-как подобранных и

связанных в разные места, представлялись в виде хаотических масс, сложенных грудами там, куда их успели доставить. Прежние помещения обратились в дымящиеся развалины. Весь канцелярский инвентарь уничтожен. Несмотря на то, действия Министерства не прекращались ни на одно мгновение, потому что канцелярия министра уцелела, а через два дня и все департаменты были кое-как устроены на новых местах и возобновили свою деятельность. Готовность, распорядительность и дружная взаимная помощь всех чинов Министерства позволили достигнуть этого результата и были превыше всякой похвалы. (Тегерязее, 14/26 июля 1868). См. т. I, *л.* 150 об. — 151.

[Примечание 50а][642] *Литературный* кружок, весьма мало занимавшийся шахматною игрою. (Тегернзее, 9/21 июля 1868), См. т. I, *л.* 152.

Примечание 51. Таким образом, в течение июня месяца прошли почти незаметно среди других дел три важных вопроса: выкупной (для отдельных имений) — в Государственном совете; основные положения земских учреждений и учреждение особого совещательного присутствия по делам о духовенстве — в Совете министров. Об этом последнем деле я не упоминал в дневных заметках, вероятно потому, что оно двигалось медленно и без особых колебаний. Мысль о председательстве вел. кн. ген.-адмирала была мною оставлена, коль скоро я заметил, что он мало сочувствует делу. Вместо его председательство возложено на санкт-петербургского митрополита. (Тегернзее, 15/27 июля 1868). См. т. I, *л.* 158.

Примечание 52. Исход, продуманный мною для дела о лифляндских церковных повинностях, привел к тому результату, что государь не утвердил ни одного из состоявшихся в

[642] *Данное примечание в тексте* «Отрывков из Дневника» *дано под строкой.*

Государственном совете двух мнений, из коих одно — большинства — было неправильно и неудобно, но казалось православным, а другое — меньшинства — было удобно и правильно, но казалось не православным, т. е. не синодальным. Дело осталось неразрешенным и пребывает таковым по настоящее время, оставляя в силе status quo, соответствующий мнению меньшинства Государственною совета. (Тегернзее, 15/27 июля 1868). См. т. I, л. 158 об.

Примечание 53. Предложения о новом определении прав и обязанностей ген.-губернаторов остались без последствий. События 1863 года привели к тому, что вместо более точного определения их круга действий западным ген.-губернаторам дана была почти безграничная власть. О других не было достаточного повода законодательствовать отдельно. Таким образом, вопрос отсрочен или отложен sine die [643]. (Тегернзее, 16/28 июля 1868). См. т. I, л. 163 об.

Примечание 54. В моем дневнике пробел до 1-го сентября. Я провел 3 недели в Дуббельне и вернулся 29 августа. Под 1 сентября записано, что я был 31 августа в Царском Селе для доклада государю, обедал у и. и. величеств и видел фельдмаршала кн. Барятинского, который почти выздоровел, и что во время моего отсутствия государь ездил в Тверь и Москву. В Твери был блистательный прием со стороны офицеров; дворянство же brillé par son absence[644] и губернатор гр. Баранов n'a pas su dissimuler le fait[645]. В Москве восторженный прием со стороны народа. От дворянства были, но крайней мере, все предводители. (Тегернзее, 16/28 июля 1868). См. т. I, л. 163 об.

Примечание 55. Эти совещания относились к «основным началам» новых судебных уставов и учреждений. Развитие этих начал под известным углом зрения развивателей при-

---

[643] Без указания срока.

[644] Блистало своим отсутствием.

[645] Не сумел скрыть факт.

надлежит позднейшему времени. (Тегернзее, 16/28 июля 1868). См. т. I, *л.* 164 об.

Примечание 56. Таким образом, я снова обнаружил ту наивность, от которой никакой опыт, по-видимому, меня не излечивает. Я предполагал, и до сих пор иногда предполагаю, что люди способны думать о деле, заниматься делом и делать дело. Я считал 20 сентября восстановление Западного комитета для себя выгодным, как средство справляться с ген.-губернаторами. Я имел добродушие 25-го сентября обратиться к членам Комитета с просьбою высказать свои мысли о западных делах. Они благоволили канцелярски отозваться, что обождут, пока я им представлю канцелярскую ткань мышления, как будто им недостаточно было известно, что происходило в Западном крае и что такое этот Западный край. Впоследствии, когда «очерк», которого они ожидали, был составлен и представлен, и когда дальнейшее развитие событий мне дало еще большее право на помощь Комитета, он ни одного раза мне не оказал этой помощи. Он только был, как и другие комитеты, новою занозой, новою веригой, новым орудием пытки и новым способом бесплодного умерщвления времени. Наконец он умер комитетскою смертью, т. е. закрыт, с передачею его дел и компетенций Комитету министров, и после него не осталось от него ни одного полезного дела. Приглашаю всякого, кто в этом усомнится, справиться с подлинным его делопроизводством, с печатными тетрадями разных записок, благоприлично переплетенных или брошюрованных под зеленый корешок, и с его журналами, на которых сохраняется для потомства подпись всех его членов. (Тегернзее, 17/29 июля 1868). См. т. I, *лл.* 166 об. — 167.

Примечание 57. Я сказал государю, что вообще считаю неудобным назначать членов императорского дома в административные должности. Кроме того, я вообще избегал назначений, которые могли дать ход немецкому элементу.

Раздражение против него, во многом весьма нерациональное, но тем не менее существующее, еще более было бы возбуждаемо. В особенности я держался этого правила для пограничных местностей, но часто без успеха. Государь от себя назначил в Ригу бар. Ливена, в Лифляндию — Эттингена, в Одессу, впоследствии, — ген. Коцебу, в Финляндию, еще позже, — гр. Ник. Адлерберга. Последний, впрочем, не может вполне считаться немцем. (Тегернзее, 17/29 июля 1868). См. т. I, *л.л.* 168 об. — 169.

Примечание 58. Барановский был в то время саратовским губернатором. Я перевел его туда, помнится, из Оренбурга, и долго напрасно берег его, помня, что, когда он был правителем канцелярии кн. Суворова в Риге, я с ним вынужден был служебно поссориться и не желая, чтобы он вообразил, что я это помню слишком упорно. Он, наконец, сделался невозможным и был уволен. (Тегернзее, 17/29 июля 1868). См. т. I, *л.* 169 об.

Примечание 59. За остальные дни октября месяца в дневнике нет заметок. Я выехал 20-го в Москву, Владимир и Нижний. Вернулся 1 ноября.

(См. дополнение Б)[646]. (Тегернзее, 17/29 июля 1868). См. т. I, *л.* 170.

Примечание 60. Сведения о пребывании и. и. величеств в Москве, заимствованные из моей переписки, заключаются в дополнении В. Целью этого пребывания было, как уже выше сказано, демонстративное сближение с дворянством, нечто вроде предания забвению разных недоразумений и неудовольствий по случаю крестьянской реформы Надлежало, с одной стороны, дать обнаружиться некоторому «empressement»[647] дворянских представителей собраться в

[646] Дополнение Б *в* «Отрывках из Дневника» *отсутствует.*

[647] Услужливой готовности.

Москве, вокруг императорской четы, с другой — дать государю случай высказаться в благосклонном, успокоительном и сочувственном смысле, а императрице — случай быть любезною. Я сделал, что мог. Представители разных дворянств были в Москве, даже гр. Старжинский (гродненский), из Западного края. Все обошлось довольно удовлетворительно и кн. Долгоруков писал ко мне 25 ноября по этому поводу перед моим выездом в Петербург следующее: «Je vous félicite sincèrement de tout ce que vous avez fait pour le succès du séjour impérial à Moscou. Il était difficile de le préparer d'une manière plus complète»[648]. (Тегернзее, 18/30 июля 1868). См. т. I, *лл.* 172 об. — 173.

Примечание 61. К сожалению, гр. Бобринский имел особый повод хвалить министра финансов, помимо его бесспорных достоинств. Гр. Бобринскому, как сахароварному заводчику, дана ссуда в 3 милл. Ее следовало дать для поддержания заводов, но не всегда делается, что следовало. (Тегернзее, 18/30 июля 1868). См. т. I, *л.* 174.

Примечание 62. Во время моей бытности в Москве я написал и представил государю по его желанию особую и довольно пространную записку по западному вопросу. Затем, по его же желанию, часть этой записки обращена в форму дополнительных к моему очерку для Западного края предположений. Отметки государя на моей записке заслуживают особого внимания, как определительно обозначающие его собственный взгляд в это время. Кроме того, гр. Старжинским была представлена также в Москве записка, на которой равным образом состоялись, сколько могу припомнить, характеристичные отметки государя. Эти документы имеются в моих бумагах. Они необходимы для точного уразумения

[648] Я вас искренне поздравляю за все, что вы сделали для успешного пребывания императора в Москве. Трудно было бы его подготовить с большим совершенством.

тогдашнего положения дел. Записка гр. Старшинского осталась неизвестною высшим чинам правительства, кроме кн. Долгорукова, меня и, кажется, кн. Горчакова. Мои предположения, внесенные в Западный комитет, не привели ни к каким результатам. Комитет выждал, среди разных канцелярских упражнений, мятежа 1863 года, и тогда, ввиду теснивших его событий, перебросил принадлежавшую ему инициативу в руки ген.-губернаторов, оставаясь в этом верным общей тактике наших комитетов, которая состоит в том, чтобы никогда не поддерживать министров и предпочитать их инициативе и своей собственной всякую другую инициативу. (Тегернзее, 18/30 июля 1868). См. т. I, лл. 174–175.

Примечание 63. Из предшедшего видно, как мало предусматривались при наступлении 1863 года события, которые должны были ознаменовать самый первый месяц этого года. Из Царства Польского не получалось никаких предуведомлений о готовившихся смутах. Даже не было вообще подробных известий о том, что делало, предполагало или думало местное управление. Киевский ген.-губернатор помышлял о «масляничных ветках». Виленский после проектированного им гарибальдийского манифеста довольствовался перепискою на общеизвестные темы народных училищ, положения православной церкви, пропаганды латинских ксендзов, соотношения разных элементов населения и т. п., как будто все это только что было вновь изобретено или открыто в Западном крае. Наша полиция знала по обыкновению мало и выведывала плохо. Как будто настало вообще обычное перед бурей затишье. Буря была близко.

Меня нередко обвиняли в том, что я принял от Головнина цензурную часть. Фельдмаршал кн. Барятинский мне однажды сказал, что «Golovnino m’avait dupé!»[649]. Но я принял эту

[649] Головнин меня обманул.

часть вовсе не бессознательно насчет ее неудобств, и Головнин в этом отношении нисколько не старался ввести меня в заблуждение. Я вынужден был принять или даже взять дела печати потому, что при характере и системе действий Головнина нельзя было их оставить в его ведении. Кроме того, я руководствовался мыслию, что по самому существу своему эти дела должны подлежать ведению министра внутренних дел. Это ведение есть источник затруднений и неудобств, мною вполне испытанных; но оно, с другой стороны, может и даже должно быть средством влияния и элементом власти. Это влияние и эту добавочную власть я желал завещать моим преемникам. (Тегернзее, 18/30 июля 1868). См. т. I, *лл.* 175 об. — 176.

Примечание 64. Поводом к совещанию было истечение 2-годового срока, определенного в отношении к дворовым людям. Пророчили разные затруднения, которым я не верил. Нужно было дать потолковать и убаюкаться. (Тегернзее, 19/31 июля 1868). См. т. II, *л.* 2.

Примечание 65. Факт, что шайки появились 3 и 4 января, войско послано против них 5-го, а первое известие о мятеже дошло до Петербурга только 12-го, заслуживает особого внимания. Он доказывал, что за Царством и за его управлением следовало смотреть, как говорится, в оба глаза, и что надлежало в самом Петербурге, не выжидая варшавских инициатив, озаботиться подготовлением средств для безотлагательного подавления мятежа. Между тем мы за это принимались как будто неохотно из опасения преувеличить значение движения и сделать лишнее для достижения цели. Таким образом, на мою долю постоянно выпадала инициатива предположений или предложений, которые собственно должны были бы исходить от польского статс-секретариата, или военного ведомства, или ведомства путей сообщения и телеграфов. Я продолжал пользоваться в таких случаях

содействием или посредничеством кн. Долгорукова. Привожу в виде примера записку к нему и особую памятную записку, писанные 15 или 16 января. (Приложение II, 1 и 2)[650]. И та, и другая им мне возвращены для дальнейших соображений после совещания у государя и затем остались при моих бумагах. (Тегернзее, 30 июля/11 августа 1868). См. т. II, л. 4.

Примечание 66. Роли Ростовцева я по западным делам не выполнил, и вообще не имел на эти дела руководящего влияния. Спрашиваю себя теперь, насколько тому препятствовали обстоятельства, или я сам был в том виновен и, к сожалению, уже затрудняюсь в настоящее время дать на этот вопрос определительный и правдивый ответ. В моем Дневнике не сохранилось достаточных указаний на разные частности моей постоянной борьбы с формами, привычками и самыми составными элементами Комитета. Притом существо дела было другое. Ген. Ростовцеву была вверена законодательная задача, и он стоял во главе дела не только по существу, но и по форме, как председатель Редакционных комиссий. Ему не могли мешать текущие соотношения к разным ведомствам. Телеграф не передавал ежедневно известий, вследствие которых делались не терпевшие отлагательства распоряжения и вопрос о полновластии ген.-губернаторов не становился на каждом шагу поперечь дороги. При всем том я думаю, что я недостаточно воспользовался данным мне случаем и выраженным, хотя и под влиянием мимоходных впечатлений, доверием ко мне государя. Я думаю, что я мог бы сделать более, чем я сделал; что я слишком легкомысленно понадеялся на продолжение вышеупомянутого доверия без принятия к тому разных канцелярских предосторожностей и что, если бы в противность моим правилам и привычкам, я немедленно создал для западных дел какой-нибудь новый

---

[650] *Не публикуются. См. т. II, лл. 64–66.*

комитет или комиссию, или бы начал испрашивать высочайшие повеления помимо моих товарищей, и вообще более занялся громкими фразами насчет прошедшего и будущего, чем сущностью ежедневно видоизменявшегося дела, то я достиг бы других результатов и не дал бы направлению бр. Милютиных и ген. Зеленого того простора, которым они впоследствии воспользовались. (Тегернзее, 30 июля/11 августа 1868). См. т. II, *л.* 9–10.

Примечание 67. Эти 19 страниц были одною из тех работ, которые я предпринимал по временам с сложною целью попытаться подвинуть дело, закрепить на бумаге заявленные мною взгляды и, наконец, пристыдить моих сотоварищей или противников. Сколько могу припомнить, все труды духовного присутствия в продолжение 6-ти лет едва ли превзошли своим содержанием содержание выше реченных 19 страниц. К сожалению, я их не имею под рукой. Следовало бы их приложить в виде pièce justificative[651]. Насчет моего отзыва о содержании 6-тилетних трудов Присутствия приглашаю справиться с его журналами и делами. (Тегернзее, 31 июля/12 августа 1868). См. т. II, *л.* 14.

Примечание 68. Этот адрес был первым заявлением русского патриотизма в тогдашнее время, первым проявлением нравственной силы, на которую впоследствии правительство могло опереться при переговорах с Европою. Первый толчок привел в движение инертную дотоле массу. Голос петербургского дворянства везде нашел сочувственные отголоски. И вслед за ним заговорила вся Россия. Впоследствии возбуждение патриотических чувств нередко приписывалось «Московским ведомостям» и Каткову. Это совершенно неверно. Катков умел только дать этим чувствам, разными сословиями уже заявленным, дальнейшее непрерывное выражение в

[651] Оправдательного документа.

своей газете. В канцелярии Министерства внутренних дел должна иметься оправка, составленная по моему распоряжению в начале сего 1868 г. на основании всех передовых статей «Московских ведомостей» с 1 января по 1 апреля или даже по 1 мая 1863-го. Она вполне подтверждает мною сказанное. Честь первого общественного патриотического слова, в то время высказанного, принадлежит петербургскому дворянству. Главными представителями и двигателями мысли об адресе были Безобразов, губернский предводитель гр. Шувалов, ген.-ад. кн. Паскевич и фл.-ад. гр. Шувалов, брат губернского предводителя. Первый умер, второй теперь не у дел, третий в отставке и в нерассудительной оппозиции, четвертый в полуизгнании, т. е. под запрещением до времени возвращаться в Россию. (Тегернзее, 1/13 августа 1868). См. т. II, л. 16.

Примечание 69. Во время происходивших в ожидании действий иностранных держав совещаний по польскому вопросу этот вопрос естественно совпадал с другим вопросом: уступим ли мы или не уступим требованиям Европы? Если мы вышли из дела благополучно без уступок и без допущения чужестранного вмешательства, то мы обязаны этим преимущественно проницательности и хладнокровию кн. Горчакова, умевшего выигрывать время и заметившего, что за словами иностранных правительств еще не было готовых действий, и в особенности твердости и решимости государя, который с жаром отвергал возможность уступок, и в заседании 28 марта назвал даже мир 1856 г. «un acte de pusillanimité»[652]. Наименее стойки были те министры, которые заведовали оборонительными силами государства. Некоторые другие искали особого пути для выхода из нашего затруднительного положения. Прочие высказывались просто

[652] Проявлением малодушия.

в пользу выжидания событий. (Тегернзее, 1/13 августа 1868). См. т. II, *лл.* 17 об. — 18.

Примечание 70. Цель моих предположений по делам о собственных землях крестьян заключалась в установлении особого порядка разбирательства этих дел помимо Главного комитета. Одностороннее настроение Комитета не представляло никакого обеспечения в отношении к правильному разбору и решению дел. Кроме того, я всегда находил неудобным, чтобы поземельные споры между крестьянами и помещиками решались с высочайшего утверждения комитетских решений и, таким образом, имя и лицо государя вовлекались в дело. Установленный порядок возбуждал сильные жалобы, и мои предположения были вызваны этими жалобами и составлены по предварительном соглашении с многими губернскими дворянскими предводителями. Большинство голосов в Государственном совете составилось частию из лиц, не желавших перемены, потому что они считали ее невыгодною для крестьян, частию из лиц, опасавшихся всякой перемены по неясному пониманию ее последствий, или находивших род удовольствия в отрицании по всем вопросам, возникавшим из законоположений 19-го февраля. (Тегернзее, 1/13 августа 1868). См. т. II, *лл.* 20 об. — 21.

Примечание 71. Из всего вышеизложенного видно, как близко было осуществление моей заветной мысли. Кн. Долгоруков был слишком осторожен, чтобы без надлежащего основания говорить о предварительном согласии государя. Вся обстановка дела казалась благоприятною. В моей записке вопрос о преобразовании Государственного совета был связан и до сих пор, думаю, верно и удачно связан с польским вопросом. 17-е апреля — урочный день для милостей и льгот — было близко. Можно было льстить себя надеждой, что этот день ознаменуется дарованием, или по крайней мере обещанием такой льготы, которая навсегда сохранилась бы в

благодарной памяти русского народа. (Тегернзее, 1/13 августа 1868). См. т. II, *л.* 22.

Примечание 72. Совещание 15 апреля осталось для всех тайною. Никто из лиц, в нем участвовавших, впоследствии о нем не упоминал и даже в тот же самый день, когда мы снова встретились в Государственном совете, никто, кроме кн. Долгорукова, не сказал мне ни одного слова о моих предположениях. Предмет всякого совещания и даже большею частью все то, что в нем происходит, делается у нас известным обыкновенно в течение суток. На этот раз ни кн. Горчаков, ни кн. Гагарин, ни др. члены созванного государем Совета не сочли удобным разверзать своих уст насчет происходившего в Совете. Они чувствовали, что всякое разглашение было для них невыгодно, и потому молчали. (Тегернзее, 2/14 августа 1868). См. т. II, *л.* 24.

Примечание 73. Меня часто упрекали в излишней снисходительности к полякам, в неверной оценке угрожавшей от них России опасности и т. п. Предшедшая заметка принадлежит к числу доказательств того, что мой взгляд на дело был чужд всякой односторонности. В то время, когда в инфляндских уездах разоряли усадьбы польских помещиков, в числе коих я многих знал лично и к многим находился в давнишних приязненных отношениях, я думал не о них, а о подавлении мятежа, между тем как кн. Долгоруков и гр. Шувалов преимущественно озабочивались прекращением того содействия, конечно беспорядочного, но полезного, которое крестьяне оказывали в этом деле правительству. Я до сих пор помню, как в приемной у государя гр. Шувалов меня уверял, что все опасения насчет распространения мятежа преувеличены, что скоро все шайки будут уничтожены и т. п., и как я ему отвечал, «que l’incendie s’étendrait, que les signes d’un vaste plan étaient manifestes, et que ce qu’il fallait se préparer à briser

était un grand effort de la nation polonaise qui ne se répéterait pas de trente ans ou d'un demi siècle»[653].

Прошло несколько дней, и мятеж вспыхнул в Могилевской губернии, несостоятельность ген. Назимова была наконец сознана и на его место назначен ген. Муравьев. (Тегернзее, 2/14 августа 1868). См. т. II, лл. 25—26.

Примечание 74. Впоследствии объяснено, что вел. князь пересылал или разрешил пересылать чрез фельдъегерей деньги банкира Френкеля. Возбужденные этою пересылкою сомнения характеристичны как признак того недоверия, которое вообще ощущалось в отношении ко всему управлению в Царстве. Нельзя не признать, что оно вполне оправдывалось неполнотою и неточностью получавшихся из Царства сведений. Систематическая утайка некоторых местных дел и распоряжений превосходила всякое вероятие. Кто поверит, например, что всюду было приостановлено взимание податей, но в Петербурге о том не знали в продолжение нескольких месяцев? Мне сообщил об этом Платонов, до которого почти случайно дошло это сведение. (Тегернзее, 3/15 августа 1868). См. т. II, л. 33.

Примечание 75. Сначала, как выше было упомянуто, число членов экспертов предполагалось более значительным. Оно было сокращено до четырех и ограничено губернскими предводителями столичных губерний и головами столичных городов по настоянию кн. Гагарина и некоторых других членов происходившего о том 25 мая совещания. (Тегернзее, 4/16 августа 1868). См. т. II, л. 38 об.

Примечание 76. Контр-адмирал Унковский уклонился от этого поручения. Оно принято и блистательно исполнено в

---

[653] Что пожар распространится, что признаки широкого плана были явными, и что надо было готовиться разбить большое напряжение сил польской нации, которое, возможно, не повторится в течение 30 лет или полувека.

отношении к быстрому и незамеченному переходу нашей эскадры в Америку контр-адм. Лисянским. (Тегернзее, 4/16 августа 1868). См. т. II, л. 39.

Примечание 77. Записка кн. Долгорукова находится в числе приложений. См. далее. (Тегернзее, 5/17 августа 1868). См. т. II, л. 40 об.

Примечание 78. Предложение было сделано с высочайшего соизволения и по желанию ген. Муравьева, который находил необходимым назначение ему помощника, который со временем мог бы быть его преемником. Он сначала указывал на ген. Крыжановского и гр. Муравьева-Амурского. Впоследствии, не желая ни того, ни другого, он просил ген.-ад. Тимашева и, наконец, ген. Потапова. (Тетернзее, 6/18 августа 1868). См. т. II, л. 44 об.

Примечание 79. Когда совещание кончилось, вел. князь остался в кабинете государя. Послышался разговор, становившийся более и более громким. Всем бывшим в Красном Селе известно расположение и свойство комнат, занимаемых государем. В приемной перед кабинетом слышно почти все, что говорится в кабинете. Мы, т. е. кн. Долгоруков, ген. Милютин и я, ушли на балкон, чтобы невольно не расслышать разговора между государем и вел. князем. Впоследствии мне рассказал кн. Долгоруков, вероятно, слышавший это от государя, что вел. князь на коленях просил оставить его в Польше, но государь отказал. Когда вел. князь вышел из кабинета, он был видимо взволнован. Я вошел. Во время краткого доклада государь не сказал ни слова ни о предшедшем совещании, ни о разговоре с вел. князем. (Тегернзее, 6/18 августа 1868). См. т. II, л. 45 об.

Примечание 80. Несколько писем и выписок из писем кн. Долгорукова, в том числе и ответного письма на вышеупомянутое мое письмо, здесь прилагается. (Прил. II. 5)[654]. (Тегернзее, 7/19 августа 1868). См. т. II, л. 50 об.

---

[654] *Не публикуется. См. т. II, лл. 66—71.*

Примечание 81. По мере возрастания популярности ген. Муравьева отношения к нему становились более затруднительными, и его стремление к мерам крайним, произвольным, насильственным приобретало большую силу. Пока он подавлял мятеж, он действовал правильно, и ему можно было охотно содействовать. Когда он с мятежом справился и начал пересоздавать край, законодательствуя и распоряжаясь по своему благоусмотрению, соглашение с ним и содействие ему сделались большею частью невозможными. Наши отношения, сначала благоприятные, помрачились. В то время говорили, или по крайней мере находили удобным говорить, что я мешал ген. Муравьеву справиться с мятежом. Опровержением могут служить прилагаемые письма его и выписки из его писем. (Прил. III. 1)[655]. Таким же опровержением в отношении к разным толкам о моих отношениях к Каткову могут служить сохранившиеся у меня его письма. Отрывки из них за 1863 г. равным образом прилагаю. (Прил. III. 2)[656]. (Тегернзее, 7/19 августа 1868). См. т. II, *л.* 52 об.

Примечание 82. Единство кассы и правильный учет были главными и правильными чертами предпринятых контрольных реформ. Я ратовал против неуместных, по моему мнению, притязаний гос. контроля на предварительное обсуждение кредитов по разным ведомствам, но в то же время старался содействовать ему во всем, что представлялось не только уместным, но и полезным. Я предложил по моему ведомству первый опыт применения начал кассового единства, и в 1863 г. новый кассовый порядок был введен в действие в центральных учреждениях Министерства внутренних дел. (Тегернзее, 7/19 августа 1868). См. т. II, *л.* 55 об.

---

[655] *Не публикуется. См. т. II, лл. 72—77.*

[656] *В* «Отрывках из Дневника» *отсутствуют.*

Примечание 83. О судьбе этой записки будет упомянуто ниже. Она известна нескольким лицам, в том числе нынешнему государственному секретарю Сольскому. Самый проект преобразования Государственного совета был сообщен мною только моему тогдашнему товарищу тайному советнику Тройницкому, нынешнему министру юстиции гр. Палену, доставившему мне нужные сведения по делопроизводству Государственного совета, где он прежде состоял на службе, кн. Долгорукову и впоследствии по особому поводу кн. Урусову. До него относится его записка, помещенная в числе приложений II, 5, под № XV[657]. (Тегернзее, 7/19 августа 1868). См. т. II, *л.* 56.

Примечание 84. По мере написания этих отрывков я их читаю, или по крайней мере читаю часть их, домашней аудитории из двух или трех лиц, которым могу вполне доверяться. Одно из этих лиц заметило, что если эти отрывки когда-нибудь найдут читателей, то читатели призадумаются над тем, что я почти всегда, почти все и почти всех порицаю. Действительно, общий тон моих заметок есть тон порицания. Я почти всегда и почти всем кажусь недовольным. Я почти никогда и никому не воздаю похвал. Спрашиваю сам себя: насколько я в этом прав или неправ и насколько общий оттенок моих воспоминаний может или не может поколебать доверие к сущности этих воспоминаний и к правильности моего взгляда?

Я не пишу истории. Я не излагаю событий в общей их совокупности и последовательности и не предпринимаю окончательной оценки заслуг и ошибок моих современников. Я изготовляю материал для будущих историков и для тех, быть может, читателей, которые пожелают путем сравнения этого материала с другими историческими материалами составить

[657] *В* «Отрывках из Дневника» *отсутствует.*

себе самостоятельное мнение о событиях и людях моего времени. Достоинство этого материала заключается в его почти непрерывной современности, в положении составителя или собирателя, дозволявшем ему узнавать прямо, а не чрез посредников и повествовать большею частью им самим виденное и слышанное, а не переданное ему другими и, наконец, в точности приводимых им фактов или излагаемых им сведений. Способы поверки под рукою, и я сам на них ссылаюсь и указываю. Когда я говорю о каком-нибудь заседании, стоит только ставиться с журналом того заседания, а если речь о совещаниях в присутствии государя, по которым не составлялось журналов, то с официальною перепискою подлежащих ведомств, коих представители участвовали в совещаниях и действовали на основании состоявшихся там повелений. Когда я упоминаю о своих официальных записках — они налицо, чтобы оправдать и подтвердить мои на них ссылки. Когда я передаю чьи-либо слова или мнения, то очевидно, что в отношении к слышанному мною в тот же самый день или накануне я не могу впадать в существенные погрешности. Мои личные отзывы, выводы, замечания и суждения, конечно, имеют совершенно другое свойство. От усмотрения всякого зависит придавать им большее или меньшее значение и признавать их правильными или неправильными. Они записывались под впечатлением и влиянием дня и потому вообще не могут отличаться признаками зрелой обдуманности. Я тем не менее не исключил их из настоящих отрывков, потому что считал не лишним обнаружить, под влиянием каких впечатлений и при каком настроении духа я сам действовал. Естественно, что в мой дневник преимущественно заносилось то, что меня огорчало и заботило. Этим объясняется большею частью и раздраженность моей речи. Я вел почти постоянную и во многом безуспешную борьбу. Трудно было вскипавшей крови или накипавшей желчи иногда не вливаться в мои

чернила. За что и против чего я ратовал, известно и документировано. Как в журналах разноименных коллегий обозначено, в пользу чего и против чего я подавал мой голос, так в моих многочисленных записках и в делах. Министерства внутренних дел сохранился след мыслей, которых я старался быть проводником или защитником. Время вообще сглаживает и успокаивает, но до сих пор я не могу хладнокровно припоминать многого, что я должен был вытерпеть и многого, чему я был свидетелем. Меня в особенности раздражала та беззастенчивость, с которою те именно из моих официальных сотоварищей, которые считались записными противниками католицизма и иезуитов, прилагали к делу иезуитское правило, что цель искупает средства. Право собственности было или не было правом, свобода вероисповедания была или не была руководящим началом, личность людей и участь сотен и тысяч семейств принимались или не принимались во внимание смотря по обстоятельствам, по местности или племени, до которого касалось дело, и по большей или меньшей вероподобности временной пользы той или другой меры. На словах произносились дифирамбы в честь благодушия и милосердия государя, на деле постоянно возбуждалось в нем чувство гнева и результатом было проявление этого гнева не только в области администрации, но и в сфере законодательства. Идея правительства совмещает в себе два ряда понятий: его права и его обязанности. Я постоянно встречал сознание прав и почти никогда не встречался с сознанием обязанностей. Я знаю, что нет правил без исключений, и что в делах государственных исключения необходимы гораздо чаще, чем в кругу частных отношений, но мне нужно, чтобы в таких случаях положительно выражалось сознание необходимости, и чтобы, проходя мимо уважительного начала, если позволительно так выразиться, по крайней мере с ним раскланивались. Всякий цинизм мне противен, и я не думаю, чтобы

истинное государственное умение могло быть циническим. Наконец, меня раздражало и то чувство постоянного одиночества, о котором я уже имел случай упомянуть. Никто из моих сотоварищей не разделял всех моих главных воззрений или убеждений. Тот из них, кто шел со мною в Главном комитете, шел против меня в Западном, кто был со мною по вопросу о раскольниках, был против меня по вопросу о римско-католиках. Даже кн. Долгоруков не всегда обнаруживал то сочувствие и не всегда оказывал то содействие, на которые по общему направлению наших взглядов я имел некоторое право рассчитывать. Таким образом, я подвергался непрерывному ряду огорчений, тем более чувствительных, чем более я сознавал недостаточность моих собственных сил и необходимость посторонней помощи. Эти огорчения отражались в моем Дневнике. Позволяю себе надеяться, что если их выражение покажется слишком учащенным и слишком резким, то по крайней мере их источник будет признан уважительным. (Тегернзее, 11/23 августа 1868). См. т. II, *лл.* 60–62.

Примечание 85. В этом заключалась попытка распространить с[еверо]-з[ападную] систему на прилегающий Прибалтийский край. Попытка была сделана, несмотря на очевидную несостоятельность начала, по которому поземельное законодательство зависело бы в своем приложении не от местности, где находится владеемое, а от лица владельца. (Тегернзее, 11/23 августа 1868). См. т. II, *л.* 94.

Примечание 86. Моя записка для ближайшего пояснения государевой отметки при сем прилагается. (Прил. II. 2)[658]. Самая отметка в высшей степени характеристична. Она в значительной мере может способствовать и к объяснению особенностей моего положения, моих непрерывных колебаний, моего полуболезненного раздражения, моих постоянно

[658] *В* «Отрывках из Дневника» *отсутствует.*

возобновляющихся намерений просить увольнения от должности и моей уступчивости или податливости при первом приветливом, ободрительном или добродушном слове государя. Я чувствовал, что по естественному склону ощущений и мысли, так сказать, по духу, я стоял ближе к государю, чем все мои сотоварищи. Несмотря на то, я имел на окончательный исход разных дел меньшее влияние, чем многие из них. Я объяснял себе это явление тем, что я постоянно обращался к лучшим и возвышенным струнам в характере государя, а другие предпочтительно к слабейшим и низшим, и что по общим законам человеческой природы они в этом имели передо мною важное преимущество, но всякий раз, когда после некоторых огорчительных опытов я находил прежнюю чувствительность и правильность звука в тех струнах, которые позволю себе назвать моими, во мне оживали и укреплялись прежние надежды. Таким образом, я переходил от одного настроения к другому, хотя в моем Дневнике естественно отражались по преимуществу отрицательные периоды этого настроения. Я испытывал целый ряд противоположных чувств от влечения глубокой сочувственной преданности и веры в конечный успех до совершенного безнадежья и почти до чувства ожесточения. Я вообще трудно мирюсь с противоречиями. Мне, кроме того, казалось, что опыт рано или поздно должен был стать на мою сторону и дать мне перевес. Я надеялся на порывы или взрывы благородных и возвышенных чувств государя. Тот самый ревнивый к своему самовластию самодержец, который заявлял «совершенную одинаковость» своих взглядов с моими взглядами, и выражал желание, чтобы «другие органы правительства их разделили», мог когда-нибудь обратить желание в требование и настоять на требовании. Но та самая рука, которая начертала выражение той одинаковости и того желания, утвердила

законоположения 6 декабря 1865 года. (Тегернзее, 12/24 августа 1868). См. т. II, л. 98.

Примечание 87. Прошло четыре года и, несмотря на высказанную государем благодарность, высочайше утвержденное положение Совета министров по вопросу о раскольниках остается мертвою буквою. Я считаю это дело одною из моих несомненных заслуг. Я не только его своевременно поднял, но и провел и завершил, насколько от меня зависело. Я достиг в Комитете под председательством гр. Панина результата, для меня самого неожиданного. Заключение Комитета было единогласное по всем пунктам, кроме одного, второстепенного, о раскольничьих училищах, и даже по этому одному вопросу архиепископ Платон отделился от прочих синодальных членов. Привести к одному окончательному заключению по такому делу Комитет, в котором заседали три члена Святейшего синода, об.-прокурор Ахматов, кн. Урусов, гр. Панин, кн. Долгоруков, ген. Зеленый, министр юстиции и я, было подвигом, заслуживавшим других последствий. Основания принятой мною системы остались непоколебленными. Они так просты и прочны, что и впредь поколеблены быть не могут, если Министерство внутренних дел исполнит лежащую на нем обязанность их охранения. Они заключаются в том, что сектаторам, не враждебным основным началам государственного строя и общественного порядка, предоставляются гражданские права и права общественных молитвословий, что такими сектаторами признаются все обнаруживающие невраждебность свою государственному порядку молитвою за царя, а порядку гражданскому или общественному — признанием брака, что самим сектаторам предоставляется заявлять об удовлетворении этим условиям с запискою в особые книги, что эти книги и выписки из них приобретают силу актов состояния, что право общественных молитвословий ограничивается внутренностью молитвенных

помещений без наружных и публичных оказательств раскола и, наконец, что в отношении ко всем сектаторам, не подходящим под выше изъясненные условия, прежние постановления сохраняют свою силу. В продолжение четырех лет дело тормозилось только канцелярскими приемами. Речь шла о порядке издания новых правил о том, что должно было пройти чрез Государственный совет или мимо Государственного совета, что должно было найти себе место в Своде Законов, или не найти этого места, о второстепенных частностях исполнения и т. п. Департамент законов и II отделение попеременно затрудняли исход. Наконец, перед моим выходом из Министерства II отделение встретило сомнения в отношении к своевременности и даже к существу предположенной меры и готовилось изложить эти сомнения в пространном отзыве, которого однако же я не получил и который, вероятно, сообщен моему преемнику. При моем последнем докладе в присутствии ген. Тимашева в начале марта этого года я привел все это на память государю и при нем просил ген. Тимашева озаботиться завершением дела. Последствия мне неизвестны. (Тегернзее, 12/24 августа 1868). См. т. II, *лл.* 99–100.

Примечание 88. Отчет за 3 с лишком года управления вверенным мне Министерством составлен не только по моему распоряжению, как обыкновенно водится, но по моим непосредственным указаниям и некоторые части мною самим написаны от первой строки до последней. О его судьбах будет далее упомянуто. Здесь желаю только остановить снисходительный взгляд читателя на том усилии, которое требовалось для исполнения этого труда в короткое время при разных моих других занятиях и заботах и с целию вслед за представлением или рассмотрением отчета просить увольнения от должности. Это чрезмерное напряжение моих умственных и физических сил должно было влиять на весь мой организм и

составляет одну из «circonstances atténuantes»[659] в отношении к моей раздражительной впечатлительности и к проистекавшим от нее колебаниям и ошибкам. (Тегернзее, 12/24 августа 1868). См. т. II, *л.* 101.

Примечание 89. Выехав из С.-Петербурга 5 сентября, я возвратился 8 октября. Некоторые сведения за это время заключаются в дополнении *лит.* Г[660]. (Тегернзее, 12/24 августа 1868). См. т II, *л.* 102 об.

Примечание 96. Мой отчет действительно не был читан государем. Это случилось в семь лет только с отчетом министра внутренних дел, и, если не ошибаюсь, с одним из отчетов государственного контролера, но это не случилось бы, если бы я не послал моего отчета к государю за границу. Там ему было недосужно. Мне следовало обождать его возвращения. (Тегернзее, 12/24 августа 1868). См. т. II, *лл.* 103 об. — 104.

Примечание 91. В настоящее время я сам затрудняюсь объяснить в подробности побуждавшие меня к уходу поводы. Общее положение как-то становилось нестерпимо. Мое раздраженное настроение обнаруживается в заметках за 1864 год еще чаще, чем в других частях Дневника, и я пропускаю в этом году более частных выражений этого настроения, чем до сих пор делал. Без ближайших указаний на современные события они имели бы для читателя только утомительное свойство однообразия. (Тегернзее, 13/25 августа 1868). См. т. II, *л.* 104.

Примечание 92. Кто-то говорил про наш Государственный совет, что в нем члены ничто, председатель — кое-что, государственный секретарь — все. Самое учреждение Совета, по мысли Сперанского, который был первым государственным секретарем, открывает разные пути к неправильному и

---

[659] Смягчающих обстоятельств.

[660] В «Отрывках из Дневника» *отсутствует*.

неудобному влиянию канцелярской стихии, коей высший представитель есть именно государственный секретарь. Другой источник этого влияния заключается в том обстоятельстве, что целый ряд председателей Совета и вообще высших сановников, по-видимому, руководивших нашими делами, состоял из лиц, которые не могли по неспособности, неумению, или ослабевавшим силам сдавить в надлежащей мере механизм делопроизводства и удержать в своих руках полное господство над этим механизмом. Все канцелярии и все департаменты более или менее приобрели лишний вес. Канцелярские наперсники стали часто обращаться в канцелярских пестунов. Главными двигателями дел были уже не лица, по указаниям календарей и памятных книжек стоявшие во главе разных управлений, а лица второстепенные, стоявшие позади первых и действовавшие из-за них иногда их языком, но большею частью их подписью. В то же время установилось то анормальное значение и определилась та странная роль, которые ныне принадлежат слову «редакция». В смысле воспроизведения, т. е. в смысле изображения совещаний наших высших коллегий, и состоявшихся в них заключений, это слово нередко означает не изложение того, что действительно происходило или было постановлено, а такое стушевание обнаружившихся оттенков мысли и воли, и такое приискание более или менее пропорциональной средины между разными противоречиями, которые предоставили бы членам коллегии возможность подписать журнал. В смысле исполнительном, т. е. в смысле изложения и приличествующего обстоятельствам развития мысли начальника, это же слово может означать такие видоизменения этой мысли и такие к ней дополнения, которые в сущности перемещают далее влияние на дело двух участвующих в нем лиц без перемещения однако же их подписей. В трудах обширных, каковы большею частью труды законодательные, перевес

естественно сосредоточивается при таких условиях в руках второстепенных, в иерархическом порядке, участников. Все дело в том, чтобы между ними установилось нужное соглашение, и чтобы результат этого соглашения выразился в известной канцелярской форме. Остается приобрести для их труда окончательную законодательную санкцию, а этому способствуют в свою очередь стесненные формы деятельности высшей законодательной инстанции. Сами председатели Государственного совета мало озабочиваются, по-видимому, охранением его достоинства и выполнением его призвания. Дела не столько ему предлагаются, сколько через него проводятся. При этом «проведении» даже не всегда соблюдается внешнее приличие некоторой степенности в движении дела. Все судебные уставы прошли чрез общее собрание Совета в четыре заседания и в эти заседания всякое возражение или замечание отдельных членов Совета встречало сопротивление со стороны председателя, потому что этот председатель (кн. Гагарин), мнимо руководивший трудами комиссий, которые составляли проекты новых уставов, в то время «проводил» их чрез Государственный совет. (Тегернзее, 13/25 августа 1868). См. т. II, *лл.* 105–106.

Примечание 93. Совещание 7 ноября, между прочим, доказывает, что государь несколько раз пытался смиренно и даже правильно установить некоторое единство в высшем государственном управлении. Попытки были безуспешны, потому что государь не решился вывести окончательного вывода из своих собственных посылок. Он сознавал потребность объединения. Он приказывал быть единству. Но он сам не настаивал на исполнении приказания. В этом отношении к нему действительно применимы слова Мазада en Revue des deux Mondes (1868), о его «volontés intermittentes»[661].

[661] «Неустойчивой воле».

Перемежаемость его воли обнаруживается не столько в переменах ее направления, сколько в изменении степеней ее настойчивости или решительности. Государь вообще всегда сочувствует одним и тем же началам, но он их не только не всегда проводит или применяет, но допускает в виде изъятий и временных отступлений применение начал противоположных. В непоколебимости его воли, когда он на что-нибудь окончательно решился, ключ к проведению крестьянской реформы; в числе и степени допускаемых им уклонений от его общих правил ключ к большинству других военных дел его царствования. (Тегернзее, 14/26 августа 1868). См. т. II, л. 109.

Примечание 94. В моем Дневнике весьма редко упоминается о прибалтийских делах. Вопрос о судебной реформе в том крае был поднят, так сказать, канцелярским порядком в Петербурге и встретил на местах не только канцелярское, но и сословное противодействие. Ген.-губернатор бар. Ливен распорядился неправильно и неловко. Он сносился с государственным секретарем без испрошения указаний Министерства внутренних дел и разрешил учреждение местной комиссии, которой учреждать не следовало. Впоследствии, когда из сего возникли затруднения в дальнейшем направлении дела, я был вынужден признать это распоряжение совершившимся фактом и исходатайствовать просимую ген.-губернатором отсрочку для окончания трудов комиссии. Вообще при управлении бар. Ливена прибалтийские дела принимали более и более неблагоприятный оборот. Значение и влияние правительственной власти, даже при кн. Суворове весьма шаткие, еще более ослабли в руках его преемника. Вспышки провинциального обособления и даже антагонизма в отношении к империи стали проявляться чаще и смелее. В мае месяце ген.-суперинтенданту Вольтеру было приказано выйти в отставку за произнесенную им при открытии ландтага

неуместную речь. Но ни эта мера, ни другие мои настояния не могли придать бар. Ливену свойств, которые ему были столько же чужды, сколько нужны в его положении. Мое постоянное старание сдерживать движение общего прибалтийского вопроса в его совокупности и не допускать, по возможности, возбуждения частных прибалтийских вопросов встречало с разных сторон столь же постоянно возраставшие затруднения. Далее я возвращусь к этим затруднениям и не премину пояснить, почему именно я считал нужным сдерживать движение общего прибалтийского вопроса и противиться возбуждению частных. (Тегернзее, 14/26 августа 1868). См. т. II, *лл.* 109 об. — 110.

Примечание 95. Демонстрация не имела практических последствий. Вообще направление таких дел требует единства и последовательности, которые невозможны при допущении разрозненных распоряжений правительственных властей. Митрополит Филарет и синодальный об.-прокурор действовали не только без соглашения, но и без предварительного сношения с Министерством внутренних дел. (Тегернзее, 15/27 августа 1868). См. т. II, *л.* 112 об.

Примечание 96. Предположения были мною и формулированы и большею частью, по желанию кн. Долгорукова, сочинены. Они остались, как многие подобные работы, без практических последствий. (Тегернзее, 15/27 августа 1868). См. т. II, *л.* 114.

Примечание 97. Оказалось, что я ошибался, и что если Катков слушал, что я ему говорил, между прочим, в присутствии случившегося у меня при вторичном с ним объяснении гр. Перовского, то он слышал только то, что ему казалось пригодным. Вопрос, в сущности, был весьма не сложен, и обоюдное положение совершенно ясно и определительно обозначено. Катков требовал фактического изъятия его газеты от цензуры. Он не подчинялся Московскому цензурному

комитету, печатал статьи, Комитетом и его председателем, тайн. сов. Щербининым приостановленные, и утверждал, что во внимание к несомненной его, Каткова, благонамеренности и добросовестности надлежало предоставить ему самому роль цензора и дозволить печатать все, что он заблагорассудит, в противном же случае он не мог продолжать издания газеты. На это Щербинин в Москве и я в Петербурге отвечали, что мы не вправе самовластно нарушать закон и создавать для «Московских ведомостей» положение вне этого закона, что ответственность за каждую статью в этой газете, как и во всех других, лежала на нас, а не на издателях, что впредь до издания новых законоположений по делам печати, в то время уже предполагавшихся близкими, мы могли только оказывать Каткову и его сотоварищам то внимание и доверие, которые в пределах закона им могли быть оказаны, что мы делали это ежедневно почти на каждом шагу и что если действительно встречались некоторые недоразумения, на которые издатели «Московских ведомостей» имели повод сетовать, то подобные случаи вовсе не имели той важности, которая им приписывалась, и притом встречались не так часто, как утверждали издатели. Ко всему этому я лично присовокуплял, что, в случае разномыслия между Катковым и московскими цензурными властями, я готов всякий раз принимать на себя разрешение дела. Я ссылался притом на многие случаи, в которых уже было мною лично дозволено напечатание статей, приостановленных цензурою. Очевидно, что я не мог идти далее, и что сам Катков, которому были известны нарекания, которым я подвергался с разных сторон за оказываемую в отношении к «Московским ведомостям» весьма широкую терпимость, не имел основания более требовать. При двукратном с ним объяснении я не отступал от вышеизложенных общих начал и только мог обещать еще большую, буде возможности, меру внимания и терпимости со стороны москов-

ской цензуры. Я и написал в этом смысле тайн. сов. Щербинину, приглашая его всячески стараться избегать столкновений с Катковым и настаивая только на том, чтобы закон оставался законом. Возвратясь в Москву, Катков заявил, что ему будто бы обещано было другое и что продолжение издания «Московских ведомостей» на тех основаниях, которые мною указаны тайн. сов. Щербинину, невозможно. Все дело в том, что, с одной стороны, гул популярности и фимиам похвал, которые расточались «Московским ведомостям» не только в публике, но и в высших административных сферах, более или менее вскружили голову их издателям; и что, с другой стороны, сам Катков слепо увлекся своею ненавистью к Головнину и предположением, что в самом средоточии правительства были изменники и предатели, которые как-то успели затмить рассудок других членов правительства и что один он, Катков, ясно прозревал козни этих изменников и предателей и был призван к тому, чтобы их разоблачать. Всякое цензурное затруднение принимало в его глазах вид препятствия к свершению этого патриотического подвига, а его самолюбие и самоуверенность не позволяли ему оценивать те соображения, которыми руководствовалось и в разных случаях должно было руководствоваться цензурное ведомство. Это настроение Каткова уже обнаружилось при моем свидании с ним в октябре месяце этого года во время проезда чрез Москву на обратном пути из Крыма и продолжало выражаться в моей с ним переписке. Примером может служить письмо его от 29 октября, помещаемое мною в числе приложений. (Прилож. IV 3)[662] Я счел не лишним ввиду дальнейших последствий моего разрыва с Катковым пояснить с некоторою подробностью причины этого разрыва. (Тегернзее, 16/28 августа 1868). См. т. II, *лл.* 115 об. — 117.

---

[662] *В* «Отрывках из Дневника» *отсутствует.*

Примечание 98. Считаю не лишним и за 1864 г. приложить несколько отрывков из переписки кн. Долгорукова со мною по разным современным делам. (Прил. IV. 4)[663] В них упоминается, между прочим, и о делах прессы. (Тегернзее, 16/28 августа 1868). См. т. II, л. 118.

[663] *Не публикуется. См. т. II, лл. 120—122.*

Содержание

Дневник П. А. Валуева, министра внутренних дел

В 2-х томах

Том I. 1861-1864 гг.

12+

Ответственный редактор *Л. Сурис*
Верстальщик *С. Мартынович*

Подписано к печати 18.04.2020
Формат бумаги 60х90/16
Печать оперативная. Гарнитура Palatino Linotype
Усл. печ. л. 9. Тираж экз. 500

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел/факс + 7 (495) 334–72–11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru